

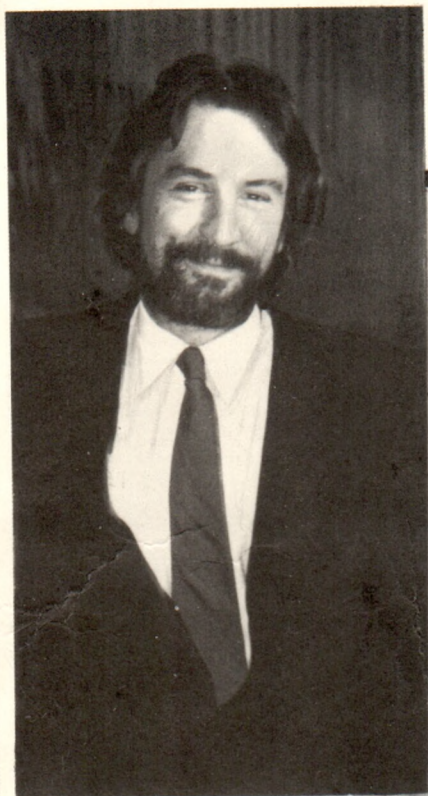
ISSN 0206—8680

**Старый,
грустный,
веселый
ТОТО**

**в фильме
ПАЗОЛИНИ
«Птицы
большие
и малые»**

КИНОСЦЕНАРИИ 2'93

Роберт Де Ниро

Дженнифер Джейсон Ли — на пути к «Оскару»

Тото — кадр из фильма «Птицы большие и малые»

**СЕГОДНЯ
В
ЖУРНАЛЕ**

**Никита Михалков
Рустам Ибрагимбеков**

Эдуард Тополь

Пьер Паоло Пазолини

Марина Мареева

**Александр Миндадзе
Ираклий Квирикадзе
Валерий Залотуха**

София Лорен

Валентин Черных

Виктор Дёмин

Андрей Тарковский

Александр Червинский

**Журнал издаётся
с 1973 года**

КИНОСЦЕНАРИИ 2'93

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**

Нам 20 лет

Кинороман

Политический детектив

Классика современного кино

Продается сценарий

**Победители конкурса
на лучшую заявку**

История ее жизни

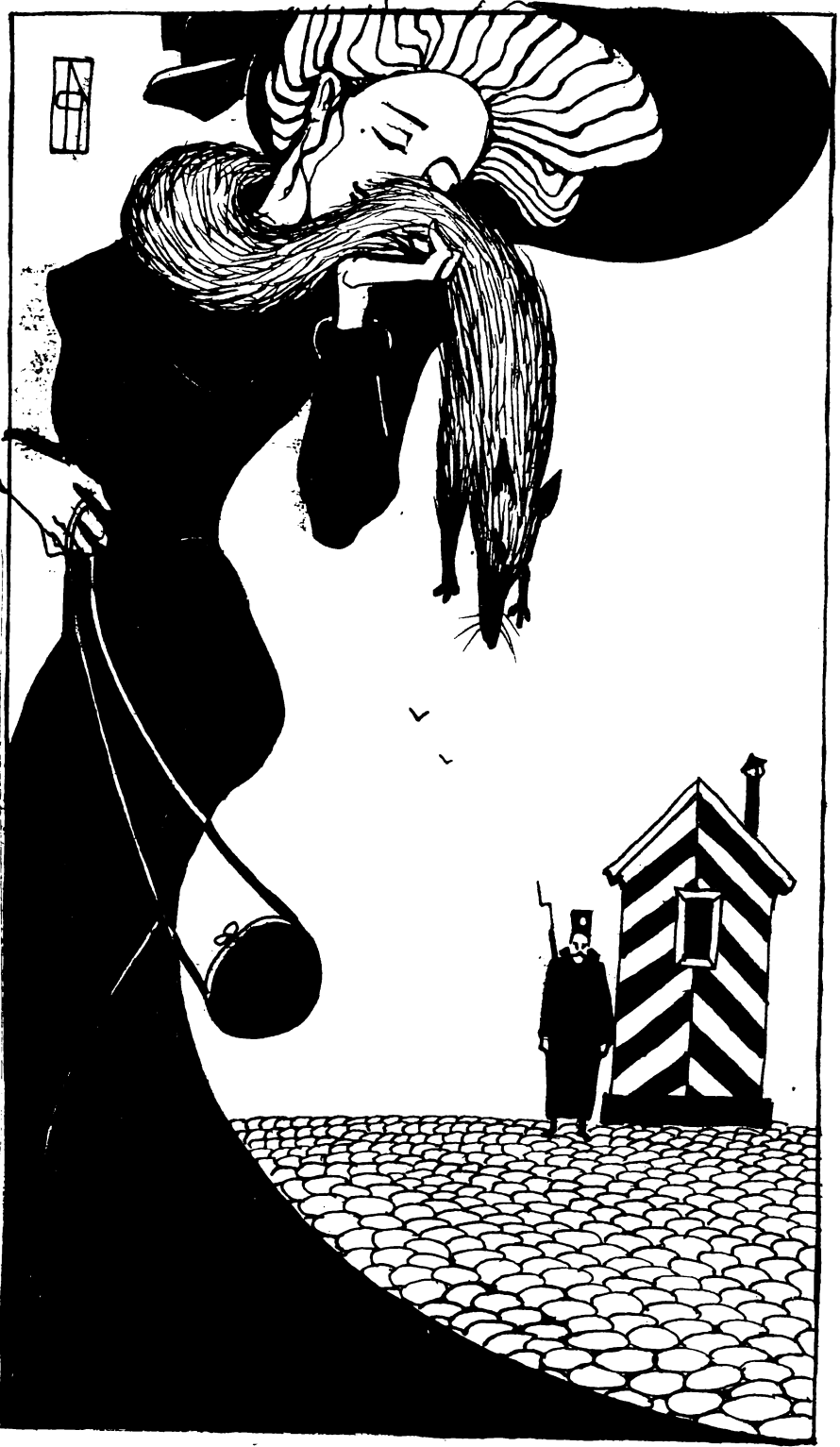
Рассказы киносценариста

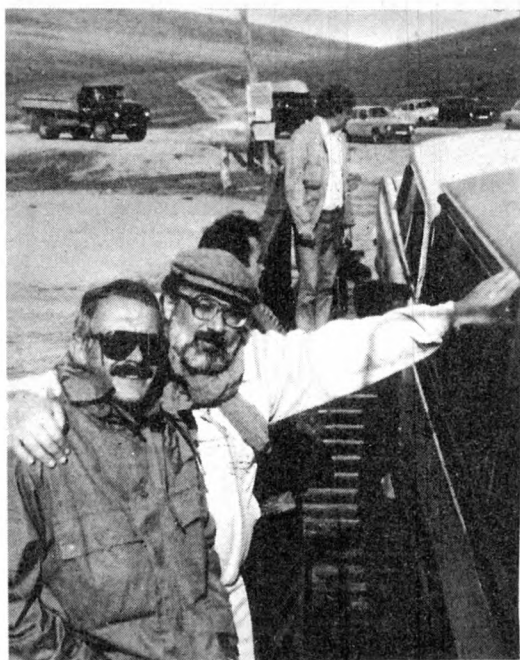
В жанре прозы

«Дождь это просто дождь»

Бизнес в кино

**Учредители:
Комитет кинематографии
при правительстве
Российской Федерации,
Конфедерация Союзов
кинематографистов,
А/О «Киноцентр»**

РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ

НИКИТА МИХАЛКОВ

СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК

В тот ранний час, когда Джейн была в храме, Толстой, открыв дверь спальни своей роты, осторожно, по-кошачьи, проскользнул мимо уснувшего дежурного и, пройдя меж рядами кроватей, присел на постели Полиевского, оглянувшись и склонился к товарищу. Толстой (шепотом). Граф... Саша... Проснитесь... Саша!..

Он тихонько тронул Полиевского рукой, тот открыл глаза и увидел рядом лицо Андрея.

Полиевский (удивленно). Что?.. Что случилось?

Он увидел счастливую улыбку Толстого. Толстой (торопливо). Все хорошо, Саша! Вот что случилось, все хорошо!.. Я — счастлив! Она меня любит, Саша!

Полиевский. Ты видел ее?

Толстой. Да...

Полиевский. Где?

Толстой. Она ко мне пришла, Саша!.. Сама пришла... И ничего не говорила «Пупу» про веер. Он все нарочно так повернул! Из мести!.. И замуж она за него не собирается!.. Понимаешь?..

Полиевский приподнялся на локте.

Полиевский. Да что ты-ы!.. Ну, теперь-то он запоет!.. Теперь-то уж он, как пить, извинится!..

Продолжение. Начало см. в №№ 3, 4 за 1992 г., № 1 — 1993 г.

Толстой. Да Бог с ним, Саша!.. Наплевать!.. Старый селадон с масляными глазками!.. Пусть живет!..

Полиевский. И ты будешь петь завтра?..

Толстой. Да! Для нее, она просила!.. Я, Саша, теперь все буду: петь буду, зубрить буду, из кожи вон вылезу, но получу хорошую вакансию!.. Я женюсь, Саша, она дала согласие!

Полиевский смотрел на своего счастливого и сияющего друга, и невольная улыбка появилась у него на лице.

Полиевский. Ложись, а то лопнешь от счастья!..

Толстой. Ой, лопну! Ой, граф, как лопну!..

Спасибо тебе! Спасибо, граф!..

Он обнял друга и прыгнул к своей кровати. Через несколько мгновений он уже забрался под одеяло и, улыбаясь, сказал:

— А родинки у нее никакой нету...

И накрылся подушкой.

Близится к завершению первый акт «Женитьбы Фигаро». Легко и страстно звучит музыка Моцарта. Фигаро — Андрей и полная, трогательно-жеманно заламывающая ручки Сюзанна — Назаров очень хороши в своей парной сцене.

Джейн и инженер Стораро сидят в партере, рядом с генералом Радловым. Озабоченно-сосредоточенные лица мужчин контрасти-

ругут с радостной взволнованностью Джейн. Ее счастливый взгляд устремлен на сцену.

Центральная ложа занята Великим князем с супругой и его свитой.

Джейн счастливо, вместе со всеми, аплодирует окончившемуся дуэту, затем, словно вспомнив, наклонилась к генералу. Инженер, чтобы не мешать им, яростно хлопает певцам.

Джейн. Мне необходимо переговорить с вами...

Радлов (аплодируя). Я пытался это сделать вчера..., но безуспешно.

Легкая улыбка мелькнула на лице Джейн.

Джейн. Да, отец мне сказал о вашем визите, но я не знала... Засиделась с подружкой... Вы сможете уделить мне несколько минут в антракте?

Радлов. Буду стараться... Но прошу заранее извинения, может не получиться... Я обязан быть рядом с Великим князем...

Джейн. Меня именно это и интересует.

Разговор их прервался, сцена оперы вновь увлекла ее, она слышала подлинную проникновенность и искреннее чувство в исполняемой Андреем арии, которую он впервые спел для нее в поезде...

Снова раздались аплодисменты, зрители стали подниматься со своих мест, начался антракт. Радлов, поклонившись, поспешил к ложе Великого князя.

Роберто (склонившись к Джейн). Что он сказал?

Джейн. Ничего радостного, к сожалению... Роберто. Видишь? Я ведь...

Но тут же осекся, поймав взгляд Джейн.

Аплодисменты в зале стихли, актеры, закончив поклоны, ушли за кулисы, занавес закрылся. Инженер взглянул на Джейн и понял, что сейчас настало время помолчать, не задавать ей никаких вопросов...

Капитан Фокин в костюме, парике и гриме севильского доктора Бартоло хлопнул по плечу счастливому, улыбающегося Толстого. Фокин. Хорошо, юнкер! Знатно!..

Толстой, неожиданно для самого себя, также хлопнул по плечу капитана.

Толстой (весело). Хорошо, ваше благородие! Отлично...

И побежал, оставив капитана Фокина в полном недоумении.

В потоке зрителей, оживленно разговаривающих, инженер и Джейн шли по проходу в сторону фойе, где был вход в центральную ложу.

Джейн. Подожди меня в фойе!.. Дай мне бумаги...

Он поспешно передал ей папку, которую держал в руке. Она отошла от него.

Роберто (шепотом). Святая Мария... Или нынче, или никогда!..

Он «перекрестил» ее, рука его от волнения дрожала.

Джейн оказалась в уютном помещении с диванами вдоль стен, овальным зеркалом в белой с золотом раме, горящими на стенах свечами и тремя дверьми с тяжелыми ручками. На диванах разместились несколько дам и господ, видимо, приехавших вместе с Великим князем. В дверь справа была видна небольшая зала с накрытым столом, вокруг которого хлопотали двое пожилых военных.

Из-за двери с витиеватой в золоте надписью «Ложа» слышался голоса. Третья дверь была завешена тяжелыми бархатными портьерами.

Джейн вошла незаметно, и внимания на нее никто не обратил. Она прошла мимо зеркала, мельком взглянула: все ли хорошо. Лицо ее было спокойно, и только блеск глаз выдавал волнение...

Изредка поглядывая в зрительный зал, в котором часть публики наблюдала за событиями в центральной ложе, Великий князь делился впечатлениями от оперы.

Великий князь — дородный, могучий мужчина с усмешкой в глазах, говорил почтительно склонившемуся Радлову.

Великий князь. Однако не знал, не знал за вами, генерал, таких талантов... и декорация искусная, и играют увлеченно, да и голоса есть отменные.

Великая княгиня. А как Сюзанна прелестна! Сколько обаяния и женственности! И голос, голос удивительный!..

Великий князь усмехнулся в пышные усы, взял Радлова за руку и шутиливо спросил:

— Признайтесь-ка, генерал!.. Вы нам офицеров, защитников престола и Отечества, готовите или артистов оперных? А?!

И Великий князь царственно засмеялся. Радлов. Счастлив был бы предоставить Вашему высочеству возможность лично убедиться, что прелестная Сюзанна стреляет и фехтует не хуже офицеров Гвардии его Императорского Величества...

Все сказанное Радловым показалось Великому князю еще более смешным, он расхохотался во всю свою могучую мощь, за ним засмеялась его супруга, а уж за ней вся свита: военные, дамы и даже камер-пажи. Радлов (вспотев от успеха). Ваше высочество, позволите ли предложить проводить вас откушать чаю с кренделями и пышками нашей собственной выпечки?

Великий князь с высоты своего роста глянул на свою маленькую княгиню; прочи-

тав одобрение на ее маленьком, хитром лице, он величественно кивнул головой.

Великий князь. Ну что же, ты тут хозяин, генерал, ты и командуй!..

Радлов от царственного «ты» вспотел еще больше.

За кулисами, в артистической уборной с зеркальным шкафом и несколькими столами, за одним из которых поправлял свой грим Сюзанна Назаров, появился Толстой. Он открыл шкаф, из висевшего там костюма достал веер Джейн и направился к двери.

Увидев подводящего глаза Назарова, не удержался и сказал с улыбкой:

— Милая Сюзанна, приготовьтесь: во втором акте я над вами надругаюсь!..

Назаров. Послушайте, Толстой, неужто вы простите «Пупа»?..

Толстой. Вы, Назаров, лучше не глаза подводите, а усы побрейте! Целоваться колко... (И уже мягко.) Бог с ним, Дмитрий, с «Пупом», перемелется — мука будет!.. Скоро вернусь!

Он махнул Назарову рукой и вышел в кулисы.

Проходя мимо Джейн, склонившейся перед ним в поклоне, Великий князь с любопытством оглядел ее и склонил голову. Дамы и господа последовали за ним. Проводив высоких гостей, генерал через некоторое время вышел к Джейн, сидевшей на диване.

Радлов (сухо, по-английски). Извините... Не знаю, удастся ли... Может быть, по окончании оперы?..

Он холодно посмотрел на нее.

Радлов. Его высочество ждут меня...

Джейн. Это как раз и хорошо... Вот!..

Она протянула ему папку с бумагами инженера.

Радлов (настороженно). Что это?

Джейн. Это те документы, которые вы обещали давеча дать на подпись Его высочеству. **Радлов.** Какие документы?

Джейн держала на весу папку, генерал испуганно смотрел на нее.

Джейн. Тут решение о правительственной субсидии на продолжение строительства машины моего отца. Вы обещали ваше содействие.

Генерал взглянул на папку, затем опять перевел взгляд на Джейн.

Из кулис Толстой толкнул дверь, попав в помещение, заваленное атрибутами декорации, поднялся по короткой лестнице, прошел мимо свисающих с потолка канатов,

спустился по другой лестнице, пошел по узкому темному коридору и оказался перед дверью с массивной ручкой и завешенной бархатной портьерой. Он нажал ручку, обнаружил, что дверь открыта, хотел пройти и замер...

Он услышал голос Джейн. В образовавшуюся щель он увидел ее открытое плечо, обрамленное кружевом, затылок с забранными вверх золотистыми волосами, мочку уха, поблескивающую бриллиантом серьги, — она стояла почти в метре от него, голос ее звучал настойчиво и обиженно.

Джейн. Но согласитесь, Ваше превосходительство, ежели бы не мои старания, этого спектакля вообще могло не быть. Все-таки это я уговорила его петь после вашего сумасбродного поступка с веером.

Радлов выпучил глаза.

Радлов. Моего сумасбродного поступка?.. Это вы говорите мне?.. Мне — после того что выкинул этот щенок?..

Джейн. Как вы можете сравнивать?.. Ему двадцать лет, влюбленный мальчик и вы!.. Достопочтенный генерал!.. Да еще имеющий серьезные намерения, ежели верить вашим словам... Хотя можно ли вам верить?.. Вы обещали отцу помочь с бумагами, вот они, и теперь вы...

От слов Джейн лицо и шея генерала покрылись красными пятнами.

Радлов (перебивает). Да, сударыня!.. Я имел серьезные намерения, но нынче!.. После всего этого!.. В какое положение я поставлен?..

Джейн даже вскрикнула в раздражении. **Джейн.** Ах, да какое же это такое положение!.. Позвольте вас спросить?! Романтически настроенный мальчик, плохо воспитанный, почти ребенок, не имея на то никаких оснований, совершает безумный поступок!.. И что же теперь, заслуженный полководец объявил войну? Кому?! Этому мальчику или же мне, женщине, которой сделал предложение?..

Радлов. Вы так и не вернулись домой этой ночью... Я ждал!.. Что я могу думать? Что могут думать другие!..

Джейн. Ах, да вы, верно, оскорбить меня желаете!.. Так вы добились, чего хотели! Как же вы могли даже допустить мысль, что между мной и этим юным вашим кадетиком могут быть какие-нибудь...

Но тут Джейн замолчала на полуслове. Она наткнулась на ужасный, мерцающий из темноты взгляд широко раскрытых глаз. Они смотрели на нее в проем двери из-за портьеры. Она закрыла лицо руками, и что-то похожее на стон вырвалось у нее из груди. **Радлов.** Что с вами?.. Сударыня... Нет, может быть, я...

Джейн. Молчите!..

Она отняла руки от лица и вновь посмотр-

рела через плечо генерала. Там было темно, и только слышны быстрые, удаляющиеся шаги. Джейн кинулась за портьеру, на ходу воскликнув.

Джейн. Я сейчас...

Джейн быстро, почти бегом, прошла по темному коридору, поднялась по короткой лестнице, попав в помещение со свисающими с потолка канатами. Совсем рядом она увидела уходящую фигуру. Это был Андрей.

Джейн. Андрей!

Она увидела, что, услышав ее голос, он побежал. Она бросилась за ним.

Джейн. Андрей... Андрей! Остановитесь, я должна объяснить вам.

Но он бежал от нее все быстрее, спустился по короткой лестнице и скрылся за какой-то дверью. Щелкнул замок.

Джейн подбежала к двери, потянула на себя, но тщетно...

Джейн. Андрей! Прошу тебя, открой!.. Я умоляю тебя! Я все объясню!.. Я не обманывала тебя!.. Умоляю, открой!..

Андрей уже отворил узкое оконце, боком влез в него и оказался на улице...

Джейн стояла, прижавшись к запертой двери, и говорила, стараясь сдерживать рыдания.

Джейн. Пойми ты, пойми, это такая жизнь! И никто не виноват! Но... но... не бывает так, чтобы все вместе, и все чисто, и как в книгах... Я люблю тебя, тебя одного!.. А это совсем другое... Пойми — это дело!.. Понимаешь?.. Это дело: без любви, голое, гадкое, подлое дело!.. И к нему и относиться надобно так, именно так!.. Иначе?! Иначе с ума сойдешь!.. Ты вспомни нашу ночь!.. Мы же с тобой так похожи...

В костюме Фигаро Андрей бежал по долгой петербургской улице. За ним, тоже в театральных костюмах, гнались несколько человек. Последним, приподняв юбки, бежал Назаров.

Ослепительно в заходящем солнце сверкали купола собора.

Прохожие с удивлением оглядывались на странных людей, бегущих кто в женском платье, кто в камзолах и выкрикивающих имя известного писателя Толстого...

Едва не попав под дребезжащую конку с истошно кричащим форейтором, Андрей вбежал в какой-то двор...

Серая громада каменного колодца обступила его. С улицы послышались гулкие шаги. Андрей бросился вперед, заметался среди развешенного белья.

Джейн все еще стояла у закрытой двери и плакала.

Джейн. Ты можешь не отвечать мне, Андрей... пожалуйста, но ты должен мне верить!.. Иначе я умру... Я искала тебя всю жизнь... Раздался звонок на второй акт.

Джейн. Нам пора... Уже звонок... Ты слышишь? Ну, хорошо... Не хочешь — не отвечай. Я буду ждать тебя после спектакля. Я тебе все объясню...

Она улыбнулась сквозь слезы.

За высокой поленницей дров, вжавшись вплотную в углубление в ней, тяжело дыша стоит Толстой.

Алибеков раздвигает своей алебардой развешенное белье, Полиевский заглядывает в дверь черного хода.

Алибеков (кричит). Толстой!.. Андрей!.. Назаров, путаясь в юбках, мечется по двору.

Назаров. Толстой... Ну что за ребячество!..

Фокин в гриме и костюме доктора Бартоло дергает ручку какой-то двери.

Фокин. Юнкер Толстой...

Ему сверху вторит Полиевский, он взбежал по черному ходу вверх.

Полиевский. Здесь его нету!

В каменном дворе гулко отдаются их голоса. Назаров становился как вкопанный. В тени, за поленницей, он увидел притаившегося Толстого.

Назаров (кричит). Вот он, господа!..

Все мгновенно кинулись к нему. Фокин, опередив всех, остановился перед Андреем.

Фокин. Что случилось?..

Толстой как-то странно и растерянно улыбнулся.

Фокин. Что за бабы выходки?.. Опозорить роту хотите?!

Андрей, все так же растерянно улыбаясь, отрицательно покачал головой...

Публика уже почти вся заполнила зрительный зал. Пустовала только ложа Великого князя.

В оркестре настраивали инструменты, шелестели нотные листы. Кринкль — немецкальмейстер отбивал дирижерской палочкой предстоящую увертюру. Он был не у пульта, а за сценой.

Наконец, в своей ложе появился Великий князь. Зал стал стихать. Генерал Радлов

прошел на свое место. Инженер Староро беспокойно оглядывался по сторонам: Джейн еще не было. Генерал тоже покосился на ее пустое кресло. Роберто старался поймать взгляд генерала.

Когда уже почти погас свет, в дверь зала быстро вошла Джейн. Пригнувшись, она скользнула по проходу к своему месту. Инженер с испугом смотрел на нее. Она, не отвечая ему взглядом, тронула его за руку, как бы успокаивая. Быстро посмотрела на Радлова. Свет уже погас, и не было видно, что глаза ее заплаканы. Публика зааплодировала, требуя начала второго акта. Из-за кулис появился торжественный Кринкль, аплодисменты в зале усилились. Грянула увертюра.

Первым по лестнице бежал капитан Фокин, за ним остальные. Андрей был в середине, стиснутый со всех сторон. Лицо — спокойно, только тень той странной улыбки еще была на губах. Из зала доносилась увертюра.

Они оказались на сцене, когда уже пошел занавес.

Назаров (испуганно). Господи!.. Занавес!..

Он перекрестился. Фокин схватил Толстого за плечи, сильно встряхнул и посмотрел ему в глаза.

Фокин. Вперед, Толстой!..

Андрей покорно кивнул, вновь улыбнулся. Фокин подтолкнул его на сцену. Андрей попал точно в такт. Голос его звучал чисто, и Кринкль закивал своей лохматой головой от удовольствия. На сцене уже были и Назаров, и Полиевский, другие персонажи. Капитан Фокин следил за происходящим из-за кулис.

Искристая, мчащаяся музыка Моцарта заполнила весь зал. С удовольствием кивал в такт ей Великий князь, а княгиня прильнула к маленькому перламутровому биноклю.

Радлов важно смотрел на сцену, то и дело поглядывая на Джейн. Джейн, светясь какой-то благодарной улыбкой, не сводила глаз с Андрея.

А он пел. Сквозь огни рампы ему был виден весь зал. Вон там, где-то справа, блистает эполетами Великий князь, бликует стекло в бинокле княгини.

А это, кажется, генерал, его цвет мундира, а рядом знакомое платье...

Льется музыка, звучат слова арий. Джейн смотрит на Андрея. Между ними то вверх, то вниз движутся смычки музыкантов.

Вот вновь пятно мундира генерала, по которому ползают смычки. Контрабасист водит им туда и обратно. Смычок огромный и похож на пилу. Как унылый пыльщик, контрабасист пытается распилить свой контрабас.

Еще продолжая петь, но уже мало что соображая, Андрей двинулся на авансцену. Кринкль в удивлении вскинул брови, а глазами показал Андрею его место на сцене. Все, кто был на сцене, устремили глаза на Фигаро. А он, продолжая яростно выговаривать слова своей партии, уже шел в зал, через оркестр, переворачивая пюпитры с нотами и стулья.

...В зале кто-то вскрикнул, музыка оборвалась, а со сцены все, кто на ней был, бросились за Андреем. Капитан Фокин уже перемахнул через рампу, но было поздно: Андрей выхватил у контрабасиста смычок, рассек им воздух и ударил перепуганного насмерть Радлова по шее.

В общем невообразимом гвалте в отчаянии кричит Джейн.

Джейн. Андрей! Нет!.. Андре-е-й!..

Но он, уже не помня себя, яростно размахивал сломанным смычком.

Великий князь со свитой в мгновение ока исчез из ложи. Публика с воплями, в панике кинулась к выходу. Капитан Фокин уже скручивал яростно сопротивлявшегося Андрея, на помощь Фокину спешил, подхватив юбки, Назаров, Полиевский прыгал через стулья. Полиевский (вне себя, кричит на ходу). Андрей!.. Андрей!..

Генерал, держась за шею и выпучив глаза, орал что-то бессмысленное.

Джейн тоже пыталась пробиться к Андрею, но водоворот людской толпы, в панике рвущейся к выходу, относил ее все дальше и дальше. Уже откуда-то от дверей еще слышался ее голос.

Джейн. Зачем?! Зачем? Андрей!..

Наконец Полиевский вместе с остальными повалили Толстого. Совсем рядом он увидел лицо Андрея. Безумно сверкающие зрачки и какой-то страшный оскал улыбки видел он на полу между рядами. Толстой тяжело хрипел. Где-то уже свистели полицейские.

Полиевский сдавил Андрея изо всех сил, и Толстой вдруг как-то обмяк и затих. Он поднял на Полиевского улыбающиеся той странной, виноватой улыбкой глаза и облизнул губы.

Полиевский обнял его и, с трудом сдерживая рыданья, проговорил:

— Что же ты наделал, Толстой! Милый ты мой, что же ты наделал!..

Немолодой полковник со скучающе-недоброжелательным выражением лица слушал капрала, стоящего перед его столом навзятжку. На разделявшей их поверхности стола лежал сорванный со стены портрет Моцарта.

Капрал. Против этого Моцарта, или как его

там, я ничего не имею, сэр!.. Я сам играл на банджо.., но, сэр, если сейчас пойти на уступку, потом с этим парнем хлопот не оберешься... Я таких хорошо знаю, сэр... Тут уж надо гнуть до конца, пока не ломается, сэр.

Полковник. Я не ставлю под сомнение ваш опыт, капрал.., но не слишком ли долго вы гнете? Возможности человеческого организма не беспредельны... Как бы эта история не закончилась печально для всех нас...

Он посмотрел на лежащий перед ним портрет Моцарта.

Полковник. Похоронный марш не самая приятная музыка, капрал. Даже если написана Моцартом...

Капрал. Так точно, сэр!

Полковник. Можете идти, капрал.

Он проводил взглядом капрала, который, щелкнув каблуками и отдав честь, направился к двери.

Полное сомнений, понурое выражение лица капрала оставалось на его лице, пока он шел длинным коридором школы, не замечая идущих навстречу кадетов, отдающих ему честь.

Голос Джейн. ...Я уже писала тебе раньше о том, как тонка и невидима эта ниточка, этот порожек между «Да» и «Нет». Как зыбко наше счастье и как слеп и наивен тот, кто полагает, что он сам хозяин своей судьбы или таланта... Человек лишь проводник, и не понимать это — печальное заблуждение...

После той безумной выходки юнкера в театре события покатили с головокружительной быстротой!.. И все это еще усугублялось тем, что Толстой с момента его ареста замолчал, ни слова не сказал следователю, отказался от защиты и, так же молча, подписал все предъявленные ему обвинения, категорически отвергнув лишь предположение о чьем-либо еще участии в этом событии...

Генерал Радлов лежал в ванной, полной пены. Ванная была медной и круглой. Шея у него перевязана. Кучер генерала Кузьма намывивал ногу. Старый камердинер стоял у дверей с пришедшей почтой на подносе.

Кучер. Ох!.. Что там было... Вот времечко-то, вот времечко!.. И туда заразу пустили... Аж юнкерей сманули... А этот-то, тихий был, совсем воробышек... Мы же его подвозили, помню... Дайте-ка другую ножку, барин... Не по-нашему, по-иностранному бойко лопотал.

Радлов (мрачно). Долопотался...

Кучер. Да уж, теперь-то куда... Точно долопотался!.. Не повесят, так укутут...

Камердинер. Батюшки, как же он мог?! Как

посмел руку-то на вас поднять, на благодетеля своего...

Кузьма. Так разве они хорошее помнят?.. В царей стреляют...

Радлов. Хорошо, я не растерялся... Вовремя его скрутили...

Камердинер (с ужасом). Что же это: он на вас с саблей? Или с револьвером?..

Радлов (закашлялся). Довольно об этом... Что там у тебя?..

Камердинер. Почта пришла...

Он стал перебирать на подносе конверты.

Камердинер. От маменки вашей письмецо...

Радлов. Это я потом прочту...

Камердинер. Счета еще...

Радлов махнул рукой, мол, потом разберусь.

Радлов. Еще что?..

Камердинер вертел в руках большой конверт, на котором стояло только имя генерала.

Радлов. Вскрой...

Камердинер надорвал конверт.

Камердинер. Бумаги какие-то... письмо... тут не по-нашему... А вот еще что-то...

Вынул из кипы бумаг фотографию, в изумлении уставился на нее.

Радлов. Ну, что там?

Кучер. Теперь спинку, Ваше превосходительство...

Радлов посмотрел на изумленное лицо камердинера.

Радлов. Так что там?.. Ты что — оглох?

Камердинер, потеряв дар речи, перевел взгляд с фотографии на Радлова, потом опять на фотографию и перекрестился.

Радлов (кучеру). Кузьма, возьми у него...

Кузьма забрал фотографию из рук камердинера.

Кузьма (обрадованно). О!.. А вы давеча-то в бане, у Воронина-то беспокоились: были мы на 12-й линии или не были?.. Вот оно — были!..

Он поднес фотографию к лицу Радлова, лежащего в медной ванне.

И генерал увидел себя, ту самую корову из Индии, которая, склоняясь над ним, блаженным от удовольствия, старательно лижет ему лысый череп.

Словно какая-то сила подбросила Радлова, он оказался на ногах, в полный рост, со стекающей по дородному телу мыльной пеной.

Мокрыми руками он схватил письмо, пробежал глазами английский текст... Больше всего его потрясла надпись над фотографией. «Самое верное средство от польсения — священная корова Шехерезада! Успех лечения среди высшего общества!»

Радлов (кричит вне себя). Одеваться!..

...Возмущенный случившимся с ним, генерал Радлов в мундире, с повязкой на шее, был багровым от гнева. Таким Джейн его не

видела. С каждым произнесенным словом генерал распался все более.

Радлов. ...Как вы могли, сударыня... за кого вы меня принимаете? Меня — барона, генерала, кавалера, в конце концов... Это гнусный шантаж! Да!.. Шантаж... На что вы рассчитывали!..

Джейн слушала его, потом мягко, с чуть виноватой интонацией в голосе, прервала. **Джейн.** Так вы не подписали..?

Радлов шумно выдохнул воздух и разразился еще более гневной тирадой.

Радлов. А вы как думали?! Конечно... Конечно... Подписал!..

Он потряс в воздухе знакомой нам папкой. **Радлов.** Вот здесь!.. Все, как вы требовали в вашем ужасном письме!.. Вы что — не понимаете?.. Что бы произошло, ежели бы... эту... это... увидели в Генеральном штабе, в Сенате!.. При дворе государя?!

Он вновь потряс папкой и вновь шумно вдохнул воздух.

Радлов. ...В конце концов, что обо мне могли подумать?! А мои юнкера! После всего, что произошло... Вы знаете — сколько у меня врагов? Вы об этом подумали?..

Джейн (мягко). Конечно... Я очень сожалею, Ваше превосходительство..., но вы сами нас вынудили... Я же просила вас, и вы обещали... и не сделали...

Радлов (патетически). Вы... Вы... Вы погубили мое чувство к вам! Какое коварство!.. Воспользоваться недугом... Заманить... и унижить! А это нападение на меня!.. Я не удивлюсь, если...

Джейн (негромко, прерывая). Папа!..

Радлов вздрогнул, осекся и заговорил гораздо тише.

Радлов. Что вы так кричите? Я все подписал! Вот...

Он поднял перед собой папку. Джейн протянула руку, чтобы взять ее, но Радлов тут же спрятал ее за спину, быстро проговорив: — А где фотографическая пластина?

Джейн. Ах, да!..

Она поднялась из-за стола и направилась к своей конторке. В это мгновение в комнату стремительно вошел инженер Стораро. Еще в двери он бросил короткий и быстрый взгляд на Радлова, затем на Джейн, пытаясь оценить обстановку.

Джейн. Все хорошо, папа!

Взяв из ящика конторки конверт с пластиной, она вернулась к генералу, протянула ему конверт, деловито забрав папку, и передала ее отцу. Роберто судорожно открыл папку, быстро пробежал глазами бумаги, ликующе завопил и бросился к генералу. **Роберто.** Дорогой мой!..

Радлов отступил к окну.

Радлов. Не подходите ко мне!..

Вскрыв конверт, он на просвет тщательно

изучил пластину, проверяя, то ли он получил. Брезгливая гримаса сморщила его лицо.

Роберто. Ваше превосходительство!..

Радлов. Какая гадость!..

Роберто. Ваше превосходительство!.. Я знал, что вы сдержите слово, то есть... нет!.. Но!.. О, какое счастье!..

В порыве чувств он поцеловал папку.

Роберто. Святая дева Мария!.. Как я этого ждал! Я не могу выразить это словами...

Он обвел всех глазами и запнулся в своей тираде, как бы что-то вспомнив.

Роберто. Хотите чаю?.. О, Джейн, отчего ты не предложила Его превосходительству сесть?..

Джейн (негромко). Папа, уйди...

Роберто (смутившись). А?! А-а!.. Да-да! Господи, как я счастлив!..

Он вновь шагнул было к Радлову, но передумал.

Роберто. О, да-да!.. Какой кошмар!.. Как вы себя чувствуете?

Джейн прервала его, сделав еще одну попытку остановить Роберто.

Джейн. Папа!..

Он на мгновение замолк.

Роберто. Да-да!.. Я сейчас!..

Он двинулся к двери, неся перед собой торжествующе папку. Как только дверь за ним закрылась, послышалось его пение. В гостиной воцарилась пауза. Генерал стоял у окна, Джейн смотрела на него, на его перевязанную шею.

Джейн (сочувственно). Я надеюсь... это... не очень серьезно...

Радлов. Не думаю, что это вас искренне беспокоит, милостивая госпожа...

Джейн. Нет, почему же, Ваше превосходительство...

Она мягко улыбнулась ему.

Джейн. Я очень рассчитывала на ваше человеколюбие... Эта глупая и чуть смешная история... словом, я чувствую себя виноватой перед вами, перед этим мальчиком... может быть даже... мы вместе с вами... немного виноваты...

Радлов возмущенно вздохнул, хотел было прервать ее, но она продолжала:

— Нет... Нет... Я прошу вас!.. Не будем спорить... но неужели это... эта история... нет, я понимаю — это ужасно! И все же, вспомните, как он блестяще отвечал на экзамене, вы же сами об этом рассказывали!.. Так ужасно будет, ежели его исключат... простите его, Ваше превосходительство, помогите ему...

Радлов. А как вы это себе представляете, сударыня?! Объявить его сумасшедшим? Или сделать вид, что ничего не было?.. Как?..

Джейн (мягко). Мне ли вас учить, Ваше превосходительство? Нет, наказать, конечно, нужно, необходимо..., но только не исклю-

чаты! Он же единственный сын, я прошу вас... вы же добрый!.. Я уверена, что он уже раскаивается в содеянном!.. И вы, как истинный христианин, должны быть милосердны... Ведь я знаю: вы не можете долго сердиться... Даже сейчас, мне кажется, вы готовы улыбнуться...

Последние слова ее прозвучали как-то кокетливо, обещающе. Генерал уловил эту интонацию и уставился на Джейн, проверяя, правильно ли он ее понял.

Еще какое-то мгновение генерал колебался, словно решаясь на что-то, потом сделал шаг к Джейн и неожиданно порывисто взял ее за руку. Она с застывшей улыбкой напряженно смотрела на него, но руку не отнимала. Радлов (горячо). Джейн!.. Послушайте!.. Еще не поздно! Я готов всё простить! Забыть всё!.. Обиду, оскорбление... Ну же... Одно ваше слово. В конце концов я заслужил... Джейн!..

Он притянул ее к себе, хотел поцеловать, но она со смехом откинула голову.

Джейн. Боже, что вы делаете, генерал?.. Радлов. Джейн!..

Он попытался вновь поцеловать ее.

Джейн. Сюда могут войти...

Радлов. Никто не войдет...

Джейн. Там... там... отец...

Радлов (продолжая наступление). Ему сейчас не до нас!..

Джейн. Там господин Копнов...

Радлов. Какой Копнов?! К черту! Джейн, умоляю...

Он старался прижать ее к себе. Джейн вытянутыми руками уперлась ему в грудь, пытаясь вырваться из объятий.

Джейн. Вы с ума сошли, генерал!..

Радлов. Да! Да! Да! Сошел, сошел!.. Джейн! Совсем сошел...

Джейн. Отпустите меня, прошу вас! Опомнитесь! Не могу! Нет, нет, умоляю!.. Мне больно...

Радлов. Ну! Неужели я так стар и безобразен? Неужели этот сумасшедший юнкер, этот мальчишка, лучше меня? Я все сделаю для вас... Заприте двери!..

Он тяжело дышал, стал осыпая ее поцелуями и вдруг вскрикнул, схватившись за шею.

Радлов (по-русски). Ай!.. Ты что?!

Джейн отбежала в сторону, между ними оказался стол.

Радлов (по-английски). Ты... ты... ты знаешь, кто ты? Сказать, кто ты?..

Он яростно смотрел на нее, но она перебила его, тихо и спокойно глядя на него. Джейн. Не нужно... Напрасный труд, генерал... чтобы меня назвать, таких слов нет... и вы вправе требовать от меня все, что вам угодно..., но не теперь, умоляю вас... теперь... теперь... я не могу...

Она печально улыбнулась...

Джейн. Я и сама еще в это не верю...

Радлов (с обидой). Вы пожалеете об этом, сударыня...

Джейн. Я уже жалею, Ваше превосходительство... но...

Она бессильно пожала плечами, снова улыбнулась.

Она прошла из гостиной в ангар к Роберто. Когда она вошла, Роберто сидел за столом за бумагами. В полумраке поблескивала его недостроенная машина.

Увидев Джейн, Роберто быстро поднялся, лицо его сияло.

Роберто. Девочка моя!.. Ты даже не представляешь... Он ушел?! Слава Богу. О, Джейн, какая работа!.. Какая филигранная работа!.. Прости меня за все!..

Он стал целовать ей руки.

Роберто. Я старый осел!.. Я просто отчаялся, пойми меня!.. Я устал бороться!..

Он смотрел на нее, затем, видимо, вспомнив, взял со стола лист бумаги.

Роберто. Да... Вот твой чек! Дику я перешлю все сам!.. Когда ты думаешь ехать?

Она села в кресло, равнодушно рассматривая чек.

Джейн. Тут больше.

Роберто (радостно). Я посчитал, что такая работа стоит дороже, Джейн... Ты довольна?

Джейн (вяло улыбнулась). Спасибо.

Роберто. Когда ты думаешь ехать?

Джейн. Не знаю... Надобно собраться с мыслями...

Роберто (озабоченно). Да-да... конечно... Но какая ужасная история!.. Когда этот мальчишка бросился тогда, в театре, я думал, у меня сердце оборвалось...

Джейн (вяло поправляя). Оборвется...

Роберто. А?! Что?.. А, да, конечно... сердце оборвется, спасибо... Ужасная страна, ничего непонятно... А ты представляешь, ежели бы он убил его!.. Боже, что было бы!.. Все опять сначала... Кто бы наши бумаги подписал?..

Джейн (пытаясь понять). Кто убил?

Роберто. Ну... этот... юнкер...

Джейн. Кого?..

Роберто. Да Великого князя!.. Представляешь? Кто бы наши бумаги подписал!..

Он вдруг осекся и выпучил на Джейн глаза.

Роберто (шепотом). Неужели... Неужели и это ты все организовала? Боже!.. Чтобы... чтобы...

Он, по обыкновению, неопределенно замалчивал руками.

Джейн. Что ты такое несешь? Па-па?! При чем тут Великий князь? Откуда ты взял эту чушь?..

Роберто. Как откуда?.. Ты что? Не читала? В газетах написано... Копнов!

Он крикнул в дверь, затем поднялся и пошел к ней.

Роберто (кричит). Копнов!.. Где же вы?..

Но Джейн, стремительно поднявшись, уже выскочила за дверь. По лестнице наверх к каморке Копнова.

...Она вбежала в его каморку. Отставник Копнов сидел за столом, нацепив очки, иковырялся внутри какой-то механической счетной машины. По обыкновению, он уже выпил и был слегка пьян.

Джейн. Где вы читали про покушение?! Что за чушь?! Это не всерьез, правда?!

Копнов. По крайней мере, так написано...

Он взял лежавшую на столе газету «Голос».

Джейн (нетерпеливо). Где?..

Копнов развернул газету, нашел нужное, стал читать ей.

Копнов. «20 мая сего года на представлении оперы господина Моцарта «Женигба Фигаро», осуществленной силами юнкеров и офицеров Алексеевского училища, была совершена попытка покушения на жизнь Его высочества, Великого князя Алексея Александровича. Преступник юнкер Толстой, исполнявший роль Фигаро, во время представления бросился к ложе Великого князя, угрожая его жизни. Трагические последствия террористической акции были предотвращены начальником училища генерал-лейтенантом, бароном фон Радловым, вставшим на пути преступника, бывший юнкер Толстой сознался в совершении преступления и подписал все предъявленные ему обвинения...»

Копнов опустил газету и посмотрел на Джейн. Она не верила своим ушам.

Джейн. Какое покушение?! При чем тут Великий князь?! Я ничего не понимаю... но этого не может быть... И он... он сам?! Это же конец. О, Господи, зачем?..

Копнов поправил очки, и мягко, спокойно сказал:

— Милая Джейн... если вас, конечно, действительно зовут Джейн... я ценю ваш ум, вашу пронзительность, вашу сообразительность... но никто ни до нас, ни сейчас, ни после не в состоянии просчитать, на что способна душа влюбленного русского мальчика...

Он отвел взгляд и принялся чинить счетную машину. Она схватила газету и выбежала из его каморки...

Радлов в домашней куртке, генеральских штанах с лампасами и домашних туфлях полулежал в кресле, рассматривая какую-

то бумагу с гербовым грифом.

За дверь раздались шум, голоса, дверь распахнулась, и появилось перепуганное лицо его старого камердинера, который ничего не успел сказать, как его оттолкнули, и в кабинет стремительно вошла Джейн с газетой в руках.

Джейн (с порога). Извините меня, ваше превосходительство!.. Но слуги ваши не говорят по-английски, и мне пришлось жестами объяснить, кто я...

Радлов растерялся, запахнул куртку, встал. **Радлов** (по-английски). Вот уж, признаться... не предполагал... вас еще раз увидеть, сударыня... Чем могу служить?.. (Слуге.) Ступай!.. Да, маменька дома?

Камердинер (испуганно). Дома-с... Где же им быть?..

Радлов. Ступай...

Как только закрылась дверь за камердинером, Джейн резко бросила газету на стол. **Джейн.** Как это понимать, Ваше превосходительство?

Радлов. Что именно вас интересует, сударыня?

Джейн (едва сдерживаясь). Кто написал эту гадость?.. Эту ложь! Какое покушение?! Вы, оказывается, спасли жизнь Великому князю?.. От чего? От смычка для контрабаса?! Генерал, побойтесь Бога!..

Радлов. Сударыня, я не пишу заметок в газеты! И, простите, не понимаю, что вы от меня еще хотите?

Джейн (срываясь). Правду!.. Только правду! Что бы вы сказали правду!..

Он коротко взглянул на нее с откровенной иронией. Ему даже удалось почти раздражить ее интонацию.

Радлов. Какую такую правду, сударыня?.. Правда — это то, что сказал Великий князь! Для меня, во всяком случае, я — солдат, сударыня! Что бы он ни сказал, для меня правда! А он сказал «ЭТО»...

Он потряс газетой в воздухе и бросил ее опять на стол. Вид у него был торжественный, но не скрывающий обиду и оскорбленность.

Радлов. Сударыня, ваша неприязнь ко мне... Вы бы, конечно, желали, чтобы этот мальчишка убил меня...

Он потрогал повязку на шее. Но Джейн прервала его.

Джейн (с сарказмом). ...Господи! Ваше превосходительство, погибнуть от ран, нанесенных ударом смычка?.. Великолепная гибель для полководца!.. Просто Александр...

Радлов (с раздражением). Какой Александр?

Джейн. Македонский, конечно!.. Итак, вы желаете сказать правду?

Он молчал.

Джейн. Отлично!.. Тогда я скажу эту правду!

Тут уж Радлов усмехнулся.

Радлов. Да? Интересно! Очень интересно-с! Он прошел к окну, затем к портрету Великого князя, повернулся к ней и продолжил.

Радлов. Какую же «ЭТУ» правду вы, сударыня, собираетесь сказать?.. Что вы меня гадко шантажировали, что оскорбили мое чувство к вам? Что вынудили Великого князя подписать нужные вам бумаги? Что втянули в свои махинации этого беднягу, юнкера Толстого и в результате погубили его?! Джейн. Я?!

Радлов. Да-да, вы, любезная, именно вы!.. Вы его погубили! Не понимаете?! Кто вбил ему в голову эту любовную дребедень?.. Кто довел его до помешательства почти? Был юнкер как юнкер, учил фортификацию, мог стать офицером где-нибудь в Туркестане... А вы из него кого захотели сделать? Д'Артаньяна?! А сделали?..

Джейн. Это ложь!.. Он... Он... чистый и честный... храбрый... Он изумительный... Он... Я... Радлов (перевел ее). ...Ну да-а... Да... Я вас понимаю!.. Вы получили все, что хотели, добились всего, что было вам нужно, а теперь решили о совести подумать! Чтобы еще и совесть была чистой?..

Он засмеялся. И неожиданно сменил тон, заговорил доверительно-дружески.

Радлов. Послушайте... А что вы, собственно, так убиваетесь?.. Вы-то?! Вы-то уж наверное знаете, как устроен мир! Хотите, чтобы выиграла все?! Так не бывает!.. Кто-то всегда жертвует... Сегодня не мы с вами... И слава Богу!.. Так уж получилось!.. А могло же быть иначе... случайность...

Джейн (неожиданно, по-русски). Кто верит в случайность — не верит в Бога!..

Радлов оценил, кивнул головой.

Радлов. Тем более!.. Стало быть, на все воля Божия... Да вам и грешно, сударыня, Бога гневить... Не получи эта история такого оборота...

Он показал на газету, усмехнулся.

Радлов. ...Не имели бы вы никакой подписи Великого князя... Тут и гадость ваша с фотографией не помогла бы... Не понимаете? Великий князь эту просьбу выполнил в благодарность за верность мою...

Джейн (в слезах). Но вы же понимаете, что с ним сделают после этого обвинения?! Вы же понимаете?..

Она, плача, показала рукой на газету. Радлов холодно взглянул на нее и спокойно произнес:

— Он сам виноват... Такое время, сударыня! Сегодня он со смычком на генерала, завтра же с бомбой на государя!..

Джейн (пораженная). Неужели в этой стране жизнь человека не стоит ничего?..

Радлов (торжественно). Смотри какая жизнь, сударыня!.. Чья жизни!

Она взглянула на торжествующего генерала. Внезапно, словно решившись, она стала шепотом почти, быстро говорить.

Джейн. Генерал!.. Простите меня!.. Я была неправа давеча, я ошиблась! Я сделаю для вас все, что вы хотели, когда угодно! Хотите здесь, прямо сейчас, немедленно... пожалуйста! Закройте только двери!..

Он остановил ее.

Радлов (испуганно). Что вы делаете?.. Вы с ума сошли!.. Маменька дома!

Джейн пытается расстегнуть платье, он бросается к ней.

Радлов. Не смейте этого делать!.. Может войти маменька!..

Джейн. А что вашей маменьке, жалко?.. Ей же сто лет!..

Радлов. Вы не знаете моей маменьки...

Джейн смотрит на его испуганное лицо. Потом устало, в отчаянии, говорит:

— Ваше превосходительство...

Он смотрит на нее, улыбается, не сумев сдержаться, поправляет ее:

— Ваше высокопревосходительство!..

Она не поняла, о чем он говорит.

Радлов. С сегодняшнего дня, сударыня... вот назначение!..

Он поднял двумя пальцами лист бумаги с гербовым грифом. С удовольствием пробежал глазами текст и заключил:

— Великий князь очень благодарный человек...

Джейн в отчаянии смотрела на улыбающегося генерала.

Джейн. Уж лучше бы вы пили, ваше высокопревосходительство...

И пошла из кабинета...

Джейн шла вдоль каменно-неприступной стены Петропавловской крепости. Свежий, весенний ветер с Невы растрепал ее прическу. Она остановилась и огляделась. Махина стены крепости расходилась в обе стороны от нее в пустынную даль. Вдали она увидела одинокую фигуру, шедшую от крепости, и Джейн решила идти туда. Когда она подошла ближе, увидела огромные ворота в стене, плотно закрытые, с небольшой дверкой окошка. Рядом с крепостью Джейн казалась маленькой, крепость давила на человека. Она подошла к окошку и постучала в него. Через какое-то мгновение окошко открылось, показалось усатое курносое лицо солдата. Дежурный сонно посмотрел на нее и спросил.

Дежурный (по-русски). Вам чего надобно, сударыня?..

Джейн (по-английски). Здравствуйте... Понимаете, я бы хотела видеть одного человека... извините... вы говорите по-английски?..

Дежурный не ответил ей, а повернул голову

и куда-то в полумрак сказал:

— Ваше благородие!..

Из полумрака ему ответили.

Офицер. Что там еще, Горохов?..

Дежурный. Да я не пойму... не по-нашему говорят...

Через какое-то время голова Горохова исчезла, а вместо нее появилась другая, в офицерском картузе. Он оглядел Джейн и вежливо сказал:

— Слушаю вас, сударыня...

Джейн. Вы говорите по-английски?

Офицер чему-то усмехнулся и ответил:
— Учил...

Джейн обрадовалась английскому слову, лучезарно улыбнулась и торопливо стала излагать свое дело.

Джейн. Понимаете... господин офицер, здесь... юнкер... по ошибке... Толстой... В газетах неправда, ложь... он, может, так и сказал, но это неправда, он не виноват... Понимаете?.. Вообще-то это длинная история... понимаете, он, наверное, просто меня не слышал, я ему все объяснила... при чем тут Великий князь?.. Ну, посудите сами... это ведь смешно: со смычком!.. Я уверена — он из-за меня это сделал...

Офицер задумчиво смотрел на нее. Он уже забыл многое из того, что когда-то учил в английском языке, но, работая тут, в крепости-тюрьме, знал, о чем могут говорить люди. Из того, что говорила ему Джейн, он понимал примерно половину, но догадывался о смысле ее взволнованной речи.

Джейн. ...Может, конечно, я ошибаюсь...

Она рассмеялась.

Джейн. ...Вы, наверное, знаете, женщины вообще часто ошибаются... Но тут... о, я почти уверена... послушайте... Я вижу — вы добрый человек!.. Сделайте что-нибудь... Я могу заплатить... Мне необходимо увидеть его... Обязательно!.. Объяснить ему все!.. Я могу заплатить сколько нужно...

Она внезапно замолчала, возникла пауза. Свежий ветер с Невы налетел на нее, разметав волосы. Офицер разглядывал ее взволнованное лицо, ее умоляющий взгляд, разлетевшиеся на ветру волосы. С лица его не сходило вежливое внимание. Неожиданно он произнес:

— Вы ему кто... сестра?

Джейн. Нет...

Офицер. Жена?..

Джейн. Я?.. Нет...

Офицер. Что же, невеста что ли?..

Джейн. Понимаете...

Но офицер остановил ее.

Офицер. А кто вы вообще-то ему?

Она запнулась от этого вопроса, и ясно вдруг осознала, что она никто и для этого офицера, и для Андрея, да она вообще для всех — никто.

Офицер вежливо ждал ее ответа, но его все не было...

Тут офицера из полумрака окликнул курносый солдат.

Дежурный (по-русски). Ваше благородие, чего она хочет-то?..

Офицер смотрел вслед уходящей Джейн.

Офицер (по-русски). Хорошая баба...

Дежурный (нетерпеливо). А хотела-то чего?..

Вежливая маска на лице офицера сменилась откровенной тоской.

Офицер. Не понял я... Все к черту забыл...

Дежурный. Чего забыли, ваше благородие?..

Офицер (тоскливо). Всё... Всё забыл!.. Ты думаешь, Горохов, мы кого-нибудь охраняем?

Дежурный. А как же, ваше благородие...

Офицер (перебивая). Эх, Горохов... Да мы сами тут сидим... бессрочно, прости нас, Господи...

Джейн несколько раз дернула за шнур звонка, ей никто не ответил, она постучала в дверь, затем толкнула ее, она оказалась незапертой, и Джейн вошла в прихожую.

Она огляделась, в это мгновение появилась заплаканная Дуняша. Увидев Джейн, она громко вскрикнула и скрылась в глубине коридора. Со второго этажа, из гостиной доносились голоса. Джейн помедлила, затем стала подниматься по скрипевшей от ее шагов лестнице.

В гостиной говорили двое: красивая, чуть расплывшая женщина, чьи фотографии были развешены по всей комнате, — мать Андрея, и ее друг, по-домашнему — Никола, — высокий мужчина в сюртуке и тщательно начищенных башмаках. Мать нервно ходила по комнате, а он сидел в кресле у стола, следя за ней цепким взглядом.

Мать Андрея. ...Вы представить себе не можете, Никола, что я пережила нынче: этот хам в крепости только «ты» мне не говорил... Это ужасно, зачем я уехала в это турне?..

Николя. Но, Натали... губить свой талант... это преступление перед искусством!..

Мать Андрея. Какой талант!.. Что вы такое говорите, Никола?.. Мой талант! Кто о нем знает?.. У меня никогда не было возможности отдать себя искусству полностью...

Николя, однако, возразил ей.

Николя. Вы несправедливы, Натали... Помните, что было с публикой в Курске?..

Мать Андрея. Что в Курске?.. В Курске?.. Успех был в Смоленске! Господи, ну за что такое наказание?.. Почему?! Как это могло случиться — мой сын, мой мальчик в крепости, под стражей!..

И тут она увидела стоящую в дверях

Джейн. От неожиданности Натали вздрогнула, затем спросила у Николая.

Мать Андрея (по-русски). Боже, кто это?..

Джейн (по-английски). Здравствуйте...

Николя (по-русски). Наверное, это она...

Мать Андрея (по-русски). Боже мой, кто это?.. Что ей надо?.. Зачем она пришла сюда, в этот дом... в такую минуту...

Джейн попыталась прервать ее, сделав шаг вперед.

Джейн (по-английски). Простите, вы меня?..

Я не говорю по-русски... меня зовут Джейн...

Николя (по-английски). Извините, а как вы...

Но Джейн уже поняла его вопрос.

Джейн. Дверь была открыта... я звонила...

Мать Андрея (по-английски). Я говорю: зачем вы сюда пришли... после того что произошло? Вот, Николая...

Она повернулась к нему и стала говорить, не глядя на Джейн.

Мать Андрея. Вот, Николая!.. Эти женщины!.. Разврат, пьянство! Вольнодумство!.. Они погубили его отца!.. Лечь в постель с женщиной, годящейся ему в матери!.. И где? В моем доме!.. Что можно ждать после этого?.. Если бы ты, Николая, только слышал, что говорил о ней Радлов? Этот добрейший, святой человек... О-о!.. Что вы молчите?

Тут она повернулась к Джейн, вскинув голову.

Мать Андрея. Что вам от нас надобно, сударыня?.. Что вы еще от нас хотите... кажется... Джейн?.. Вы у меня забрали все... последнее...

Джейн (осторожно). Я понимаю ваше состояние, сударыня, простите меня... Но... я не могла не прийти к вам... я... пришла сказать, что Андрей не виноват, что все, что написано в газетах, ложь... неправда... Никакого покушения не было...

Но ее перебил Николая.

Николя. Да он же сам это признал!..

Джейн. Я понимаю, отчего он это сделал... Я не могу объяснить все... но он не хочет, чтобы «ЭТО» трогали... чужие люди... Понимаете... рассматривали... обсуждали... Вы меня понимаете? Он бережет меня!

Мать Андрея (прерывая резко). О, теперь я понимаю, отчего он отказался от свидания со мной, с матерью!..

Джейн (с жаром убеждения). Ну вот — видите!.. О, вы не должны обижаться на него! Он не вас не хотел видеть, вас он любит, я знаю, как он вас любит. Он мне говорил..., но сейчас он в таком состоянии, что...

Но мать в гневе прервала Джейн.

Мать Андрея. Боже! Какой ужас!.. Какое бесстыдство!.. Кто вы, чтобы говорить несчастной матери такие вещи?.. Кто вы?..

Джейн смотрела на нее, нервно вдохнула воздуха. Тихо, с горечью, ответила:

— Я — никто, мадам! Я действительно — никто!.. Вы даже не представляете себе, насколько я — никто!.. И я ничего не могу!.. Меня просто никто не будет слушать!.. Но вы... Вы — мать!.. Вас должны выслушать!.. Может быть, вам понадобятся деньги, у меня есть...

Мать Андрея (перебив). Вам мало того, что вы уже сделали?.. Вы еще и оскорбить меня хотите?..

Николя. Но, Натали... Не исключено, что действительно...

Но она гневно прервала его.

Мать Андрея (по-русски). Не вмешивайтесь, Николая!.. Что за манера!.. Господи!..

В голосе ее послышались слезы.

Мать Андрея. ...Вы все! Да, все убить меня хотите!.. Ну неужто у почти взрослого человека, мужчины, недостает души и сердца, чтобы подумать о матери!.. Я отдала ему все: карьеру, театр, я пожертвовала ради него выгодной партией...

Николя больше не возражал ей, а лишь, кивая головой, подтверждал ее слова.

Мать Андрея. ...А он, почти офицер, думает лишь о себе!.. Как и его отец, который мог прыгать по льдинам за каким-то пьяным мужиком-возчиком и забыть о жене, которая с сыном на руках ждет его на вокзале?.. О, Боже!.. Все поступки, вся жизнь, все-все назло, назло мне...

Николя (по-русски). Не волнуйтесь, дорогая... я схожу за каплями...

Мать Андрея. Да сидите!.. И вы, вы, Николая, такой же!.. До мелочей, до пустяков! Сколько лет уже вы не можете запомнить, что я не терплю, когда мужчина топает по паркету башмаками!..

Николя. Но, Натали!.. Куда-то пропали мои туфли... я хотел было купить, но вы же видите... я не могу оставить вас...

Джейн не выдержала их перепалки и прервала его.

Джейн (по-английски). Сударыня!.. Простите, что я вмешиваюсь... Я понимаю ваше состояние...

Мать Андрея (по-английски). Боже, вы еще здесь?..

Джейн. Да... Но я не знаю, что делать... поймите, просто так сложилось... Сейчас, быть может, только два человека во всем свете, которым Андрей нужен... это вы и я!.. Вы — мать... А я — никто!.. Вы правы, но... Мать Андрея (с сарказмом). Вы, кажется, и вправду собираетесь делить со мной моего сына, моя милочка... я вынашивала его здесь, под сердцем, рожала в муках... А вы? Что вы для него сделали, чтобы делить его со мной? Развратили?! Толкнули на преступление!.. Так жестоко может рассуждать только женщина, которая никогда не была матерью!.. Джейн. Вы правы, сударыня!.. Я никогда не

была матерью и уже никогда ею не буду!.. Но... я была дочерью!.. И у меня тоже была мать, которая ничего не знала обо мне, как и вы ничего не знаете о своем сыне...

Мать Андрея. Но я!..

Но Джейн уже нельзя было остановить. **Джейн.** ...Для таких, как моя мать, таких, как вы, их собственные дети не люди — с душой, страхом, обидами, любовью наконец, — а какие-то осколки, в которых отражается ваше тщеславие!.. Нацепить бант и показывать гостям по воскресеньям!.. «Моя девочка прелестно рисует»... «У нашего мальчика абсолютный слух!» ...Поцелуй на ночь, и скорее прочь: к своей жизни, удовольствиям, к своему тщеславию!.. Не оглядываясь!.. Вы хоть раз когда-нибудь видели, как ребенок смотрит в спину уходящей матери? Вы оглянулись в дверях хоть раз?

Мать закрыла лицо руками, заплакав от обиды и горечи.

Мать Андрея. Боже!.. Замолчите... Замолчите!..

В глазах Джейн стояли слезы, но остановиться она не могла.

Джейн. ...А потом... когда вашего ребенка: беззащитного, брошенного вами, голого перед всеми мерзостями жизни, кто-то подбирает, вы начинаете кричать, что вас ограбили!.. Или, если он вырос не таким, каким вам хотелось его видеть в ваших тщеславных мечтаниях, вы начинаете обвинять в этом кого угодно, но только не самих себя.

Джейн неожиданно замолчала, глядя на плачущую мать. Растерянный Николая трясушимися руками то застегивал, то расстегивал пуговицу сюртука. Джейн бросила взгляд на стену, затем на бюро, где стояла в рамке фотография Андрея, совсем ребенка, с этой женщиной, плачущей за столом. Какая-то глущая жалость к ней пронзила Джейн.

Джейн медленно пошла к дверям и, уже с порога, сказала тихо:

— Напишите вашему царю!.. Прошу вас!.. Андрей так его любит, так ему верит... так верит в него... и простите меня...

И тихо закрыла за собой дверь.

Праздник был в разгаре. Вокруг иллюминированной и обвешанной гирляндами разноцветных бумажных флажков и цветов машины толпился народ: журналисты, фотографы с громоздкими аппаратами. Инженер ликовал! Он то подливал шампанское гостям, то кого-то усаживал, то, размахивая руками, рассказывал, как его великая машина будет работать. Гости рассматривали схемы и чертежи, трогали пальцами машину, улыбались. Неподдалеку, у стены разместился небольшой оркестр.

На все это безудержное веселье, сверху, из конторки, печально смотрела Джейн. К ней неслышно подошел отставник Копнов. Был он во фраке, белоснежной манишке и трезв.

Копнов. Что вы здесь стоите, Джейн?

Она вздрогнула, но не удивилась Копнову.

Джейн. Смотрю...

Он встал рядом.

Копнов. Хотите шампанского?.. Ваш отец... То бишь наш инженер, по-моему, машину свою шампанским заправлять собираются — столько закупил. Хотите?!

Джейн. Нет, спасибо...

Она неожиданно повернулась к Копнову и порывисто сказала:

— Он действительно все подписал... все! Я не понимаю, почему!.. Отказался встретиться с матерью... меня к нему вообще не пустили... Я ничего не понимаю здесь... объясните мне... **Копнов.** Знаете, Джейн, кому я иногда завидую? Чеченцам или тунгусам...

Джейн. Кто это?..

Копнов. Ну... как вам сказать...

Джейн. А-а... Я знаю... аборигены!..

Копнов. Ну, да... примерно... маленький народ того, кто виден, чит!.. Гордится им, он через него себя чувствует лучше, выше, талантливей... А у нас только высунься... хм!... Хорошо обратно утянут, а то еще и пулю в лоб вкатыт... зато потом долго ругаться будут, пальцами друг на друга показывать: кто виноват?.. В России сначала приносят жертву, а уж потом решают — нужна ли она была!.. Да нынче еще и на бегу все... то в одну сторону бежим, бежим! Вдруг, раз! Мать честная — не туда! Давай обратно! И опять бегом. И два вопроса всего: «Кто виноват?» и «Что делать?»... Где уж тут людей считать?..

Он печально улыбнулся и продолжал.

Копнов. Не смотрите на меня так, Джейн... мне очень жаль вашего юнкера...

Джейн. Но послушайте!.. Это же даже глупо: из него мог бы выйти талантливый человек, умный, храбрый офицер, патриот наконец... Разве вам, вашей России не нужны такие люди?.. И вообще, зачем этот скандал: если посчитать, от него одни убытки!..

Копнов. И что же, по-вашему, надобно делать?

Джейн. Сказать правду: объявить, что это глупость, недоразумение!.. Ну, наказать его... выгнать из училища в конце концов... Но не покушение же... это... это... просто...

Она не могла подобрать слово, и Копнов спросил ее:

— А честолюбие, Джейн? Что делать с честолюбием, сим фарсом нашего времени... Что выгодней? Смотрите: перепуганный Великий князь, спасающий свою бездарную и никчемную жизнь, или подвергающийся

смертельной опасности государственный деятель?! Генерал, позорно исцарапанный смывком от контрабаса на глазах у изумленной петербургской публики, или герой, преградивший путь террористу-убийце?! Джейн. Ну да, публика!.. Там же были люди — они видели!

Копнов рассмеялся.

Копнов. Публика... скажите-ка, что интересней: рассказать дома, что спектакль прервался глупой выходкой какого-то мальчика или что на ваших глазах пытались убить Великого князя?! Вот здесь, прямо при вас, с риском для жизни!.. А?.. Притом Великий князь может смеяться над генералом, тот — презирать Великого князя, публика же презирать и смеяться над ними обоими, но никогда, Джейн, никогда никто из них не нарушит этой круговой поруки честолюбия!

Он сделал короткую паузу и продолжал. Копнов. Ведь как заманчиво быть героем, ничем не рискуя!.. Такой случай может быть лишь раз в жизни, Джейн...

Он налил бокал шампанского, протянул ей, налил второй себе, продолжая говорить. Копнов. Итого!.. Что же в результате: Радлов станет скоро шталмейстером...

Джейн. По-моему, он уже стал...

Копнов. Ну вот видите, как быстро!.. Государь теперь сможет издать еще что-нибудь, запрещающий закон... Великий князь займет пьедестал человека, на которого покушались, стало быть, деятельного, да еще пару имений в утешение выпросит у августейшего брата!.. Ну? Неужели все это не стоит судьбы одного никому не известного юнкера, вот и вся арифметика: плохо считаете, милая Джейн...

Джейн. Но я!.. Я же не с ними!.. Я же всё знаю! Я могу написать, напечатать за границей наконец...

Копнов. После Петра Великого, Джейн, чем больше иностранец ругает порядки в России, тем меньше в ней можно что-либо изменить.

Джейн. Но ведь есть же хоть какая-то правда?.. Есть же?.. Где она?

Копнов. А правда и была!.. Правда — это ваш юнкер, то, что с ним случилось!.. И то, почему с ним это случилось!.. И то, что с ним дальше случится, — тоже будет правдой!.. И много еще таких вот юнкеров расплатятся своей чистотой и благородством за чужое честолюбие! Ох, много... покуда в России бедной не поймут, что человек не средство, а цель...

В глазах его были слезы, он смутился и быстро выпил шампанское.

Копнов. Простите старому пьянице его эгоизм... но даже 10, даже 20 лет каторги, когда ты молод, полон желаний, любим, — ничто перед невозвратимостью человеческого

бытия, у порога которого оказываешься, изнуренный лишним знанием и бессмысленным опытом... У меня ничего нет.., но ежели бы что-то и было, Джейн, я бы отдал все не колеблясь, чтобы оказаться на месте этого бедного, блаженно-голубого еще юнкера...

Он опять отпил шампанское.

Копнов. ...Он и не подозревает себе, что через много лет — все, что у него останется из долгой жизни, — память об этом великодушном времени молодости...

Слезы были на его сморщенных, старческих щеках. Он сел.

Копнов. Ах, Джейн... уходит жизнь... уходит жизнь...

Джейн под села к отставнику, прижала к себе, поцеловав в мокрую от слез щеку.

Из коляски, остановившейся на знакомой нам улице, быстро спрыгивает Полиевский и бежит к подъезду. Дом инженера ярко освещен, доносится музыка, и слышны голоса гостей. Вдоль тротуара у подъезда вытянулся ряд экипажей.

Полиевский дергает за ручку звонка. Дверь открыл слуга.

Полиевский. Дома ли госпожа...

Он еще не успел закончить вопрос, как за спиной слуги появился радостный инженер с бокалом шампанского в руке.

Роберто. Кто там?..

И тут увидел Полиевского в форме училища, а всё, что связано с этим училищем, было Роберто явно не по душе.

Роберто. Ах, это вы?.. Что вам угодно?..

Полиевский. Добрый вечер! Я хотел бы переговорить... мисс Джейн дома?

Роберто (нахмурясь). Она занята сейчас...

Как бы считая разговор оконченным, Роберто хотел было идти в дом.

Полиевский. Я понимаю... извините, но передайте ей, пожалуйста, в училище беспорядки... нас завтра вывозят в лагеря... то есть не это. Это неважно, важно другое. Мы сами не знали заранее... сегодня отправляется этап...

Роберто не понял, о чем говорит взволнованный юнкер.

Полиевский. Андрея увозят... Толстого... через тридцать минут... Можно не успеть...

Передайте, пожалуйста...

Роберто. А-а-а... Хорошо. Ступайте... Я немедленно передам...

Проводив взглядом Полиевского, бегом вернувшегося к коляске, в которой были остальные юнкера и капитан Фокин, Роберто закрыл дверь.

С тем же радостным выражением лица

Роберто вернулся к своим гостям. Все они собрались вокруг его машины. Фотограф с громоздкой камерой на штативе совершал последние приготовления.

Роберто отметил сразу, что среди собравшихся нет Джейн.

Роберто (кричит). Джейн!.. Джейн!.. Копнов!.. Господин Копнов!.. Идите скорее сюда...

Джейн и отставник Копнов спустились вниз. Инженер подбежал к ним, подхватил Джейн под руку, повел за собой к машине. Джейн. Я слышала звонок?.. Кто это приходил?

Роберто. А-а... Нет-нет... Это ко мне... Он сделал неопределенный жест.

Роберто. Как эти... чертежи... копировщик... Они встали в центре группы.

Фотограф. Приготовились, господа...

Все сделали строгие лица, как и полагается им быть на фотографиях.

В сыром каменном помещении Петропавловской крепости ссыльные арестанты, отправляемые с этапом в Сибирь, подвергались предписанной указанием стрижке. Было их человек 20, и пять опытных тюремных цирюльников в несколько мгновений отхватывали полшевелюры на голове, а затем бритвой оголяли голову до кожи. Голова Андрея Толстого была уже намылена, и тюремный цирюльник двумя движениями бритвы и одним — полотенца сделал Андрея готовым к отправке.

Напротив него, на колченогом табурете сидел другой ссыльный. Лицо его показалось знакомым, он внимательно взгляделся в него, стараясь вспомнить. Тот заметил взгляд Андрея и также внимательно посмотрел на него...

Андрея толкнул цирюльник, он встал, уступая место следующему...

В бледных летних сумерках на каменную мостовую с грохотом упали кандалы. Ссыльный, скованный ими, сделал первый шаг от тюремного кузнеца. Рядом с маленьким горнилом, наковальней и несколькими молотками лежала масса кандалов, ждущих своего «хозяина».

Вокруг уже примерно сотни арестантов в этом каменном мешке полукругом стояли солдаты с ружьями на плече и унтер-офицер со списком. Он выкрикнул следующего: это был Толстой.

Андрей сел на деревянный обрубок, унтер-офицер приказал поднять холщовые штаны. Кузнец цепким движением надел на ноги кольца кандалов, вставил в дужку раскаленные заклепки, поднял ногу к горнилу и двумя точными ударами закрепил их намертво.

Еще через какое-то мгновение кандалы были закреплены на поясе, ключ отдан унтеру, Андрею — приказано встать. Цепь с грохотом упала на брусчатку мостовой, и он сделал в них свой первый шаг...

На дворе перед воротами собрался уже весь этап — кандалники, охрана, административно-ссыльные, их близкие: кто добровольно решил разделить их судьбу. Было тут человек 300 в серых бушлатах с желтыми бубновыми тузами (а у некоторых красными — значит убийца) и в цвет под ними двумя буквами СК, т. е. ссыльно-каторжный.

В руках у них были мешки с нехитрым их имуществом, у кого-то на поясе медные котелки, а у одного была маленькая коричневая собачонка.

Кандалники были выстроены отдельно в две шеренги, чтобы их легче было пересчитать по списку. Унтер-офицер на лошади приказал снять шапки, чтобы убедиться, что головы их, как полагается, соответствуют «предписанию». Второй унтер выкрикивал фамилию каторжного и из кожаной сумки на груди, полной денег, доставал медные монеты.

Унтер-офицер. Это кормовые тебе. 20 копеек на два дни пути...

Он отмечал список и называл следующего.

Толстой вновь оказался неподалеку от знакомого арестанта, но снова не смог его вспомнить. Но тот сам подошел к нему.

Арестант-террорист. Вы меня не узнаете?..

Толстой молчал, арестант засмеялся.

Арестант-террорист. Я из-за вас здесь... и доволен!.. Вы ведь могли меня убить... Помните? А не убили... На Адмиралтейской, помните, во дворе вы целились в меня... в упор...

Он смотрел на Толстого, но не дождался его ответа.

Арестант-террорист. Не помните?.. У меня еще револьвер запутался... я думал, всё! Колец сейчас, а вы не выстрелили...

Толстой не ответил, а тот продолжал, снова рассмеявшись.

Арестант-террорист. А я бы вас убил!.. Револьвер запутался... За что вас-то сюда?..

Толстой молчал, и арестант спросил:

— Сколько дали?

Пожилой арестант, с рваным клеймом на лбу букв «ВРНК», что означало «вор, разбойник, наказанный кнутом», ответил за Андрея.

Варнак. Восемь «на спину» и пять «по рогам»...

Арестант-террорист. Что?.. По каким рогам?.. **Варнак**. 8 лет каторги и пять ссылки... знать надобно, барин... Чай учились...

И деловито потребовал от обоих:

— Пожалуйте по гривеннику...

И пояснил на их недоуменные взгляды. **Варнак.** Собрать надобно унтеру!.. Тогда уличами поведут, где милостыню подают хорошо!

Отойдя от них, он высыпал собранные с партии деньги тому же унтер-офицеру, который только что их выдавал из кожаной сумки. Тот, не считая, положил их в карман...

Перрон вокзала был оцеплен солдатами. За ними шумела и волновалась толпа провожающих. На перроне серой массой толпились арестанты отправляемой партии. Звон кандалов, крики, плач. Состав, состоящий из 10 вагонов с небольшими в решетках окнами, был уже подан.

Наши юнкера пробирались вдоль оцепления, ища в серой массе арестанта Толстого. Но разглядеть его не было никакой возможности, тем более что их уже сажали в вагоны. Толпа всколыхнулась. Юнкера, выкрикивая имя Толстого и раздвигая локтями теснящихся людей, пытались найти его. Была тут и мать Андрея вместе с Николаем Степановичем. Она спрашивала своим плаксивым голосом:

— Но, Николая!.. Я ничего не вижу!.. Я не понимаю... И генерал!.. И Великий князь... Они обещали... верно, Андрея здесь вовсе нету... он же даже со мной не виделся...

Николя тщетно пытался уберечь ее от толчков с разных сторон.

Николя. Не волнуйтесь, Натали!.. Умоляю... Боже, сколько народу! Я кажется потерял туплю...

Уже почти все арестанты были загнаны в вагоны. Слышались громкие команды. Добравшись до конца перрона и не найдя Толстого, юнкера повернули обратно. Вой, крики толпы, плач детей, свистки паровика, звуки станционного колокола — все смешалось воедино. Паровик протяжно загудел. Лязгнули колеса и сцепка — состав тронулся.

И тогда, отчаявшись, чтобы хоть как-то дать о себе знать, Назаров запел арию Сюзанны из оперы Моцарта. Голос его вознесся над толпой, перроном, и было это странно и жутко: услышать здесь, в этой ужасной и трагической ситуации, нежную, воздушную музыку Моцарта.

Поезд медленно двинулся. Толпа вопила... И вдруг, откуда-то из глубины состава, сквозь крики и лязг колес, донеслась до юнкеров ария Фигаро, та самая, которая звучала на этом же вокзале, так недавно, как знак и образ другой, счастливой, будущей жизни.

Юнкера (поют):

И больше никогда,
ты, Мотылек любви,
Не будешь порхать...

Поезд набирал ход, а моцартовская тема все тянулась и не пропадала, словно не давая порваться этой нити, связывающей товарищей...

Легко и нежно звучит ария Фигаро. На нижней палубе баржи толпятся впритык друг к другу арестанты. От воды они отгорожены сеткой. Женщины и дети, также отгороженные сеткой, посреди палубы.

Толстой, как и все здесь, почти умирал от жары, сил не хватало даже на то, чтобы отогнать мух.

Он прижал лицо с наполовину бритой головой к сетке и безучастно смотрел на плывущие мимо берега, на воды реки, на паровод с дымной трубой, не спеша тянущего их баржу по широкой речной глади...

Звучит ария Фигаро. Арестанты, моря ногами с волочащимися кандалами жирную глину, насквозь мокрые от холодного осеннего дождя, брели колонной меж редкого леса. Клейменный арестант первым увидел что-то вдали. Он вздохнул.

Варнак. Ну... Вона столб — всё: конец России!..

Андрей взглянул вперед, но в тусклой мгле осеннего дождя ничего не увидел.

Арестант-террорист. Как это?..

Варнак. Россия кончилась!.. Теперь Сибирь начнется... Знать надобно, барин... чай, учились!

Вскоре они подошли к столбу, на одной стороне которого был герб европейской, Пермской, губернии, а на другой — герб азиатской, Тобольской, губернии. Этап остановился на европейской стороне. Никто не решался переступить этот рубеж, который отделял многих из них навсегда от Отечества. **Унтер-офицер.** Ну, всё... прощайтесь!..

Толстой нагнулся и взял в руку комок грязи, помял его на ладони, посмотрел и положил в карман. За столбом была такая же дорога в редком лесу, как и здесь, еще в России. Кто-то крестился, читая молитву, кто-то незаметно для охраны, выцарапывал что-то на столбе, голосили бабы. Тот же унтер, приподнявшись в седле, выкрикнул: — Вперед... Ма-а-рш!..

Засуетился конвой, криками подгоняя людей. Перекрестившись, клейменный «варнак» первым шагнул мимо столба...

Окончание следует.

ЭДУАРД ТОПОЛЬ

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Москва, Красная площадь. Раннее утро. Метель.

Куранты Спасской башни бьют семь раз. Москва, улица Качалова, это же время,

Начало см. в № 1 — 1993 г.

метель. По еще темной улице идет Валентин Пшеничный.

Надпись: «Воскресенье, 24 января 1982 года».

Снегоуборочная машина счищает снег с мо-

стой. На тротуаре дворничиха метет снег метлой. Наискось от дома № 16 — «Булочная-кафетерий» с широкими стеклянными окнами. У входа двое грузчиков вынимают из фургона с надписью «Хлеб» лотки с хлебом, несут в булочную. Продавщица раскладывает лотки по полкам. У булочной топчутся на снегу несколько женщин с пустыми кошелками. К ним ежеминутно присоединяются новые и новые, образуя очередь.

Поглядев на темный дом № 16, Пшеничный сворачивает к булочной.

Булочная-кафетерий.

Молодая разбитная продавщица кричит вошедшему Пшеничному:

— Куда?! Закрыто еще!

Пшеничный показывает ей удостоверение с золотым тиснением «Уголовный розыск МВД СССР».

Пшеничный (спокойно, буднично). Уголовный розыск.

Продавщица (довольно весело). Та-ак! Здрати! За хлебом или за мной?

Продолжает принимать и раскладывать лотки с хлебом.

Пшеничный. Погреться...

Он подходит к широкому окну, смотрит через улицу на дом № 16.

Продавщица. Греться с женой надо. Или не согрела?

Наливает стакан кофе, кладет на стакан сдобную булку, ставит на прилавок.

Пшеничный (берет стакан, греет о него руки). Спасибо... А часа в два-три дня хлеб у тебя бывает?

Продавщица (продолжая раскладывать хлеб). Конечно! И хлеб, и пирожные. Тут же район какой? Начальство живет! Дипломаты! Академики всякие! Как же им без хлеба? (Кивает на очередь.) Видишь — уже домработниц прислали за свеженьким! (Интимно, с острым любопытством.) А чё! Обокрали кого-нибудь?

Пшеничный. Тебе, когда работаешь, дом № 16 виден?

Продавщица. Ну ты даешь! Тут за очередью смотреть — глаза сломаеть. Особенно днем, когда дети из школы идут. У них родители — министры и дипломаты, в золоте купаются, а для них пирожное стащить или булку — плевое дело, глазом не успеешь моргнуть.

Пшеничный. Ты, наверное, их уже всех по именам знаешь...

Продавщица. А то нет!

Принимает у рабочих последний лоток с хлебом, расписывается в накладной, дает каждому из рабочих по две буханки хлеба. Рабочие уходят. Фургон уезжает. Продавщица принимается подметать булочную.

Продавщица (Пшеничному). Видал? Каждому грузчику по две буханки даром отдай — это как закон. Вон идет участковый — ему тоже буханку...

Действительно, в булочную уже входит участковый милиционер, долго сбивает шапкой снег с валенок, прислушиваясь к разговору.

Пшеничный (продавщице). А кто у тебя постоянные покупатели между двумя и тремя часами дня?

Продавщица. Между двумя и тремя? Да кто хочешь! Ксения — домработница дочки Косыгина. Маша — у чемпиона по шахматам Карпова домработница...

Пшеничный вынимает блокнот, записывает.

Продавщица (продолжая перечислять, дает участковому милиционеру буханку хлеба). ...Бася-еврейка, жена академика. Катя-пирожница, дипломата дочка — из музыкальной школы идет и каждый день по два пирожных съедает...

Участковый направляется к выходу. Пшеничный останавливает его.

Пшеничный. Подождите, вы мне тоже нужны...

Квартира Шамраева, это же время.

Шамраев бредет в ванной. Из комнаты слышен телефонный звонок. Один, второй... Шамраев с мылом на щеке проходит в комнату.

Шамраев. Алло!.. Нину? Она выскочила в магазин. А кто это? Тамара что ли?.. Что-то у тебя голос другой. С похмелья что ли? Хорошо, передам: в пять тридцать, метро «Маяковская»... Запомнил, пока...

Уходит в ванную бриться.

Лестница в доме Шамраева. По ней вприпрыжку взбегают Ниночка. У нее в руках две авоськи. В одной — картошка, в другой — две бутылки молока, буханка хлеба и газетный сверток. На площадке седьмого этажа Ниночка шумно выдыхает воздух и, поскольку руки заняты, лбом нажимает дверной звонок. Держит его не отпуская. Слышно, как в квартире заливаются звонок. Наконец, Шамраев открывает дверь. Он уже побрит и одет.

Шамраев. Ты что? Сдурела? Соседи спят еще! Ниночка проскакивает мимо Шамраева в квартиру.

Ниночка (весело). Слушай, ну у вас в Москве снабжение! Потрясающее! Картошка — есть! Капуста — есть! Даже молоко! И смотри, что я достала?! (Разворачивает сверток из газеты.) Сосиски! Нет, так жить можно! (Проходит на кухню, кладет сосиски в хо-

лодильник.) А у нас в Сибири нет ни фига! Мясо по карточкам и только на работе. А про сосиски люди вообще забыли.

Шамраев (одевая форменную шинель). Нам пора...

Ниночка. А я что? Я одета, я готова... (Чмокает его в щеку.)

Вдвоем выходят из квартиры. Шамраев запирает дверь. Ниночка снова чмокает его в щеку. Шамраев, крутнув головой, идет следом.

Лаборатория Института криминалистики. Утро.

На столе начальника лаборатории Сорокина лежат вещественные доказательства по делу Цвигуна: пистолет, две пули, обойма, золотая авторучка, предсмертная записка, несколько разглаженных листов бумаги с записями картежной игры. Рядом, на подсобном столике — проектор, стопка слайдов.

Сорокину 50 лет, рыжий, веснушчатый. За его спиной видны сотрудники лаборатории.

Держа в руках пистолет Цвигуна, Сорокин говорит Шамраеву:

— Хотя канал ствола прочищен, но по остаточным следам в нарезке ствола и по бойку нам удалось установить, что обе пули прошли через ствол этого пистолета. Они были выстрелены не раньше 18 января и не позже двадцатого...

Шамраев. То есть девятнадцатого?

Сорокин (насмешливо). Тебе еще по минутам сказать? Радиоактивный анализ минут не показывает. Тут и так следов было с гулькин нос. Далее. Вот эта пуля номер один (берет пулю пинцетом) не касалась тела человека и содержит на себе только микрочастицы древесной ткани, то есть форточки в квартире Цвигуна. И, конечно, сплюснлась от шлакобетона, то есть от удара от стену... **Шамраев**. Это я и без тебя знаю...

Сорокин. Если ты все знаешь без нас, зачем мы тут сидели всю ночь?

Сотрудники лаборатории посмотрели на Сорокина и Шамраева.

Шамраев (негромко, одному Сорокину). Ладно, давай дальше.

Сорокин (берет вторую пулю, флегматично). Дальше. Микроскопическое исследование этой пули показало, что она имеет на корпусе микрочастицы кожи, кости и крови человека. Группа крови — вторая, как и у Цвигуна. По характеру деформации пули мы пришли к выводу, что она прошла через кость человека. Но поскольку эта пуля представлена по делу о нанесении смертельного ранения в голову, мы, как эксперты, ставим тебя в известность, что на пуле не обнаружено никаких следов мозгового

вещества.

Шамраев. То есть как это?

Сорокин (спокойно, с внутренней усмешкой). Ну так. На корпусе пули есть микрочастицы кожи, крови и кости, но нет следов мозгового вещества.

Шамраев (недоуменно). Но это пуля из головы Цвигуна!..

Сорокин окидывает взглядом своих сотрудников, которые наблюдают за Шамраевым. **Сорокин** (не спеша, как актер перед репризой). Понимаешь, Игорь... Если ты будешь настаивать на том, что эта пуля побывала в голове Цвигуна, то это значит, что в голове первого заместителя Председателя КГБ не было мозгов. Но пусть тебя это не удивляет, старик. Это бывает. Я знаю следователей, у которых в голове тоже пусто...

Все сотрудники лаборатории расхохотались.

Сорокин (переждав смех, тем же тоном). Но я бы на твоём месте перестал клеветать на членов нашего Правительства, а посмотрел, нет ли на теле Цвигуна других ранений. Скажем, в плече, в ребрах... **Шамраев** (хмуро). Я уже смотрел. Я даже видел его мозги. Они разворочены пулевым ранением. А по-твоему выходит, что он убит не этой пулей?

Сорокин. Мы не делаем выводов и не строим предположений. Мы говорим только то, что видим в микроскопы. На пуле нет следов мозгового вещества, а на предсмертной записке нет... я, кстати, очень рад, что ты видел его мозги, значит у нас в Правительстве все-таки кто-то есть с мозгами?

Шамраев (нетерпеливо). Чего нет на записке?

Сорокин, не торопясь, берет пинцетом записку.

Сорокин. На записке делали двадцатикратное увеличение всех букв. На преферансных листах и на записке почерк совпадает идеально. Смотри...

Сорокин включает проектор. На стене, на верхней половине экрана возникают увеличенные строки предсмертной записки Цвигуна на его именном бланке первого заместителя Председателя КГБ СССР, а на нижней половине экрана — записи на преферансных листах: «Борис — 620 р.», «Гиви Мингадзе — 908 р.», «Цвигун — 490», «Света — 768 р.» **Сорокин**. Как видишь, в карты играли крупному... Так вот. При совмещении букв на этих листах и на записке начертание букв и характер нажима пера совпадают зеркально. Показываю...

Нажимая какой-то рычажок в проекторе, Сорокин двигает на экране нижние слова к верхним строкам.

Шамраев. Стой!

Взгляд Шамраева прикован к двум словам

на экране — «Гиви Мингадзе». Сорокин впросительно смотрит на Шамраева.

Шамраев. Знакома фамилия. Этот Гиви Мингадзе уже три года сидит в тюрьме, и из-за него буквально вчера у Гали Брежневой был скандал с ее любовником.

Сорокин. Так. И что из этого?

Шамраев (показывает на экран, на слова «Борис — 620 р.»). Любовника звать Борисом. Ладно, поехали дальше. Только без лекций. Почерк совпадает зеркально, я сам вижу. А что не совпадает?

Сорокин выключает проектор.

Шамраев. В чем дело?

Сорокин отодвигает от себя все вещественные доказательства — пистолет, пули, обойму и прочее. Придвигает к себе какую-то деловую папку, начинает читать ее.

Шамраев. Петя, в чем дело?

Сорокин (не глядя на Шамраева, через плечо). Если ты сам все знаешь, зачем тебе наши анализы?

Шамраев. Слушай, ты как баба. Что с этой запиской.

Сорокин (не поворачиваясь, также через плечо). На ней нет следов потовых выделений. А Цвигун был человек толстый. Поэтому когда он писал, он потел. И сильно потел. Так, что даже на этих старых преферансных листах остались следы его потовых выделений. А на этой записке следов потовых выделений нет. И вообще никаких нет следов.

Шамраев обходит стол Сорокина, заглядывает ему в лицо.

Шамраев. Значит... подделка?

Сорокин (подняв глаза, в упор). Игорь, я не делаю ни выводов, ни предположений, ты знаешь. Я только фиксирую факты. А в данном случае — их отсутствие. Хотя, в принципе, я вовсе не обязан фиксировать твоё внимание на том, чего нет на пуле или на записке. И если я это делаю, то только потому, что не хочу, чтобы завтра к власти пришли Маленины, Красновы и еще кое-кто. Из двух зол, как ты знаешь, выбирают меньшее.

Картотека Государственной автомобильной инспекции. Утро.

Начальник картотеки капитан милиции Пономарева с удивлением говорит одному из помощников Светлова — капитану Акопяну:

— Все желтые «лады»? Вы с ума сошли! Их же несколько тысяч!

Акопян. Во-первых, не все, а только выпуска последних трех-четырёх лет. А во-вторых, только те, которые принадлежат женщинам в возрасте от 30 до 40. И в-третьих, номер машины начинается буквами «МК».

Пономарева. Ну, пожалуйста...

Она заводит Акопяна в зал картотеки, где стоят стеллажи с ящиками карточек. На стеллажах надписи: «Волга», «Жигули», «Москвич», «Лада».

Пономарева. Вот «лады», по годам... «МК» на этом стеллаже...

Акопян, почесав затылок, вздыхает и вытаскивает первый ящик...

Улицы Москвы. Утро. Идет снег.

В милицейской «волге» Светлов катит вверх по улице Горького. Возле Белорусского вокзала сворачивает направо.

Москва уже проснулась, трамваи набиты людьми, возле магазинов очереди серо одетых людей, а возле винных — группы алкашей с авоськами, раздутыми от пустых бутылок. Дети с заплечными ранцами спешат в школы.

Светлов въезжает под круглую арку длинного — на весь квартал — жилого дома и оказывается в тылу дома перед Бутырской тюрьмой.

Бутырская тюрьма. Утро.

Тюрьма старая, 17-го века, окружена каменной стеной. Светлов оставляет машину возле тюремных ворот (здесь стоят еще четыре десятка «лад», «жигулей» и «волг») и, поднявшись по каменным ступеням, оказывается в проходной. За проходной виден тюремный двор.

Двор заполнен толпой богато одетых людей. Их одежда резко отличается от одежды людей, которых Светлов видел только что на улице. На них импортные дубленки, шубы из дорогого меха, дорогие меховые шапки — пыжик, каракуль, норка, ондатра... В руках у каждого — увесистые свертки и авоськи. В авоськах — мандарины, яблоки, апельсины.

Светлов удивленно спрашивает у вахтера: — Что тут за базар?

Вахтер. Так это же вы сами, товарищ полковник, повнезли нам в тюрьму подпольных миллионеров со всей страны, а теперь их родня передачи тащит — чтоб, не дай Бог, не отошали...

К проходной подкатило такси. Две женщины-грузинки вытащили из машины ящик с апельсинами и потащили в проходную.

Женщина-грузинка (с грузинским акцентом, вахтеру). Мы к арестованному Вахнашвили...

Сквозь толпу Светлов проходит в зал приема передач. В зале низкие сводчатые потолки. Толпа длинными очередями стоит к окнам приема передач. За ними сидят мощные бабы в защитно-зеленой форме. Они придирчиво осматривают жареных цыплят,

шашлыки в виноградных листьях, торты, фрукты и т. д.

Женщина-приемщица. Консервы нельзя! (Возвращает икру в металлических консервных банках.)

Родственница арестованного. Почему нельзя? Это икра. Черная.

Женщина-приемщица. Потому что банкой можно себе вены вспороть. (С недоумением вертит в руках ананас.) А это что?

Светлов мимо охранника входит в стальную дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен». Длинный коридор освещен убранными под решетку лампочками; двери с табличками: «Следственный бокс № 1», «Следственный бокс № 2» и т. д. На бордовой стене — транспарант «На свободу — с чистой совестью!»

По коридору дородная девка — старшина внутренней службы ведет сочинского начальника милиции майора Морозова. Морозов, обрюзгший, небритый, проходит мимо Светлова с пустыми глазами. Старшина, поздоровавшись со Светловым, заводит Морозова в один из следственных боксов.

Свернув за угол коридора, Светлов распахивает дверь с табличкой «Канцелярия», весело здоровается с четырьмя сотрудницами, которые сидят за столами, заваленными папками с делами арестованных. Такие же папки — на стеллажах вдоль стен.

Светлов. Общий привет!

Сотрудницы (не отрываясь от работы). Здравствуйте... Салют, товарищ полковник!..

Светлов (чмокает одну из них в шею). Ну! Как погода?! Завалило Москву!

Сотрудница. Нам сейчас не до погоды. Работы — завал!

Светлов. Ирочка, а в какой камере сидит Борис Бурятский?

Сотрудница. Любовник Брежневой?.. В триста первой. Но к нему никого не пускают. Мы хотели на него посмотреть, так нам даже не дали заглянуть в глазок!

Светлов (удивленно). Триста первая ведь не одиночка!

Снимает с полки папку с номером «301».

Сотрудница. Точно. Общая. А вам зачем?

Светлов. Хочу взглянуть, кто с ним сидит...

(Читает в папке.) Смирнов, Трубный, Грузилов, Черных... Гм! Лучшие наседки! Кто у них старший? Грузилов?

Сотрудница. Вы его знаете?

Светлов. А как же! 17 ограблений. Семь лет назад я за ним по Волге гонялся, на катере. Настоящая регата была! Н-да, хорошо бы его повидать, вспомнить за старое...

Сотрудница. Он сейчас завтракает. В шестом боксе.

Светлов чмокает ее в шею, кладет папку на место и выходит.

В том же коридоре он открывает дверь с

табличкой «Следственный бокс № 6». В «боксе» — стандартном следственном кабинете с портретом Дзержинского на стене и узким зарешеченным окном — сидит за столом следователя одетый в арестантскую одежду Грузилов — крупный мужчина с бандитским лицом. Перед ним — пироги с капустой, жареный цыпленок, шашлык, красная икра в стеклянной баночке, фрукты. Рядом стоит молодая девка с пышной грудью, выпирающей под арестантской одеждой. Она собирает со стола на поднос очищенные Грузиловым тарелки.

Грузилов (Светлову). А, полковник! Здорово, родной! Садись, позавтракай со стукачом, не погребай. (Девке.) Люська, живо притащи там из передач чего получше! И минеральную воду не забудь.

Он любовно хлопает девку по задку. Она, метнув на Светлова взгляд своих рысьих зеленых глаз и дерзко вильнув задом, послушно уходит.

Грузилов. Аппетитная шалава, а?

Светлов (присаживаясь, берет со стола грушу, надкусывает). Расконвоированная что ли?

Грузилов. Начальник тюрьмы лично ее расконвоировал! (Усмехается.) За ударный труд! Особенно задницей так ударно работает, что через месяц домой уйдет, досрочно! Поговори с начальником тюрьмы, он тебе ее устроит на пару ночей, он не жмот.

Светлов тянется за виноградом и говорит как бы мимоходом:

— Ладно. Я к тебе по делу. Бурятского раскололи уже?

Грузилов перестал есть, смотрит на Светлова настороженно.

Грузилов. Что-то не по уставу вопросик, товарищ полковник.

Светлов (спокойно, бросая в рот ягоды винограда). Конечно, не по уставу. А шестилетнего мальчика насиловать и убивать — по уставу?

Грузилов в бешенстве шарахает кулаком по столу, орет:

— Хватит мне нахалку шить! Мне это дело десять лет назад шили! И не пришли! И не такие, как ты! Я министру буду писать! Я уже шесть благодарностей от министра имею за раскол диссидентов!

Светлов (продолжая спокойно есть виноград). Тихо. Что ты мне театр устраиваешь? Я тебе еще ничего не шью. Просто не я тогда занимался этим делом. Но если будешь орать — займись. Срок давности по таким делам, сам знаешь, вечный.

Грузилов (успокаиваясь). Я не боюсь... (Отмахивается от мухи, летающей над столом. В сердцах.) Суки! Мух тут развели в тюрьме! Вам чего надо знать?

Светлов. Ну, другое дело. Какие установки

твоей бригаде дали Краснов или Бакланов, когда сажали к Бурятскому?

Грузилов (презрительно). Бурятский! Из-за этого дерьма ты мне таким делом грозил?! (Принимается за еду.)

Светлов. Сам нарвался. Я у тебя как у человека спросил, а ты «по уставу», «не по уставу»...

Берет у Грузилова с тарелки пирог с капустой, ест с аппетитом.

Грузилов. Тоже правильно. Значит, первая установка такая — психику поломать этому артисту, чтоб у него от страха душа с поносом вышла. Ну, для нас это плевое дело, сам понимаешь. Мы ему вчера с ходу такой театр в камере устроили! Будто мы сплошные убийцы и пидарасы! Ночью он уже плакал у следователя и на всё был готовый, лишь бы его в одиночку перевели. Ясное дело — артист, психика слабая. (С хрустом надкусывает цыплячью ножку.) Тут Смирнов доить его начал. У него своя роль, у Смирнова: защищать от нас этого артиста и колоть до последней мелочи. Особенно насчет его дружбы с Цвигуном. Он с Цвигуном пять лет в карты играл. Установка такая: узнать, где у Цвигуна тайник с пленками, которые он отнял у дружка этого артиста — у Гиви Мингадзе. Ну, колоть этого артиста сейчас ничего не стоит — он уже сутки почти не спит, боится, что мы его на хор поставим. Только про тайники Цвигуна он ничего не знает, это точно. Цвигун не такой идиот был, чтоб кому-то про свои тайники рассказывать... Светлов. И это всё?

Грузилов. По нашей линии — все.

Светлов. Что значит — «по вашей»?

Грузилов. Ну, мы свою задачу выполним. Такую чернуху про лагеря да пытки засаживаем, что он от страха родную мать к вышке подпишет. А не то что мокрое дело возьмет на себя.

Светлов. А ему шьют мокрое дело?

Грузилов (укоризненно). Полковник! Ты меня за фраера не держи. Ты для того и пришел, чтобы про это выпытать. Начальник тюрьмы тебе хоть и друг, но в жизни тебе не скажет, что кому-то хотят мокрое дело навесить, особенно такое. Так что ты теперь мой должник.

Светлов (улыбаясь). А ты мне ничего не сказал.

Грузилов. Вот это правильно. Я тебе ничего не говорил, и ты ничего не знаешь. Поверь мне, про такие дела чем меньше знаешь, тем крепче спишь.

Светлов. А еще с этим Бурятским у Цвигуна какая-то Света в карты играла. Кто такая?

Грузилов. Не знаю. Ей-богу, не знаю — не вру. Нам такой установки не было — колоть про какую-то Свету. (С досадой.) Ну где эта Люська-шалава! Ни чаю, ни мине-

ралки...

Прокуратура СССР. Время — около одиннадцати утра.

Выйдя из лифта на пятом этаже Прокуратуры СССР, Шамраев слышит низкий скандальный голос Галины Брежневой:

— Да вы знаете, кого вы арестовали?!

Галина Брежнева, небрежно и наспех одетая, стоит в коридоре возле двери с надписью «Следователь Н. Бакланов» и кричит на Каракоза:

— ...Я вас сама всех попересежаю! Он никого не грабил, он пришел к ней за моими бриллиантами!

Герман Каракоз, заискивая, пытается успокоить ее:

— Галина, о чем вы говорите? Мы никого не арестовывали! Это какая-то ошибка...

Галина Брежнева. Что значит — никого?! Я точно знаю! Я звонила в милицию. Вчера арестовали друга нашей семьи солиста Большого театра Бориса Бурятского! Дело ведет ваш следователь Полканов!

Каракоз. Бакланов? Я его уже вызвал, он сейчас придет.

Галина Брежнева. Вот именно! Сейчас! Я примчалась сюда к девяти утра, а тут бардак — никого нет, ни Генерального прокурора, ни даже этого Балканова...

Каракоз. Бакланова...

Галина Брежнева. Да иди ты... Что ты меня поправляешь! Балканов — Полканов! Какая разница?! Я сегодня же отцу скажу, что уже одиннадцать часов, а тут никого нет на работе! Развели дармоедов!

Каракоз. Но сегодня воскресенье...

Галина Брежнева. А мне плевать! Как арестовывать — так вы на работе сутками!..

Из лифта выходит Николай Бакланов. Он небрит, в несвежей рубашке, лицо усталое. В руке тяжелый портфель.

Каракоз обрадованно шагает ему навстречу.

Каракоз. Коля! Тут...

Бакланов, не обращая на него внимания, подходит к двери своего кабинета, ключом отпирает ее и сухо говорит Галине Брежневой:

— Товарищ Брежнева, пройдемте ко мне. Галина Брежнева (оторопев от такого тона). Что?!

Бакланов указывает ей на открытую дверь своего кабинета.

Галина Брежнева. А вы кто?

Бакланов. Я старший следователь по особым делам Николай Бакланов.

Галина Брежнева (упреву руки в бока на манер кухарки). Ах так это ты и есть Полканов! В одиннадцать часов на работу приходишь! (Поворачиваясь к Каракозу и Шам-

раеву.) Гляньте на него! Видок какой — прямо с похмелья! Советский следователь называется! (Бакланову.) А ну дыхни! Бакланов (совершенно спокойно). Я не думаю, что в ваших интересах устраивать здесь этот спектакль. Я хочу показать вам кое-какие документы о вашем друге Бурятском и о вас лично. Пройдемте.

И не ожидая ее, проходит в свой кабинет.

Галина Брежнева растерянно смотрит ему вслед и говорит не очень уверенно Каракозу и Шамраеву:

— Хам. Вперед женщины проходит...

Входит в кабинет Бакланова. Каракоз закрывает за ней дверь и, разводя руками, говорит Шамраеву:

— Ну, дела!..

Кабинет Шамраева.

В кабинете — Шамраев и Каракоз. На столе у Шамраева все вещественные доказательства по делу Цвигуна и папка с надписью «КГБ СССР. Дело генерала С. Цвигуна».

Шамраев (Каракозу). Эта записка — подделка, установлено экспертизой. Эти пули из пистолета Цвигуна, но в голове Цвигуна ни одна из них не побывала. Установлено экспертизой. Следовательно, Цвигун убит какой-то третьей пулей того же калибра, но перед смертью успел сделать два выстрела. Одна пуля попала в форточку, вторая — в убийцу или в одного из убийц. Этот человек ранен или убит — я не знаю. Но пулю из него извлекли и подложили в дело — якобы она из головы Цвигуна. На локтях у Цвигуна синяки. Следовательно, его держали за локти и убили прямым выстрелом в висок. Скорей всего, дело происходило в прихожей, потому что из прихожей исчез ковер. Вот и все, что я пока знаю. По факту.

Каракоз. Та-ак... Это уже всерьез...

Каракоз отходит от стола к окну, смотрит на Москву. Идет снег. На площади у памятника князю Юрию Долгорукому старушка кормит голубей.

Мебельный магазин напротив входа в Прокуратуру СССР. День. Снегопад.

Из большого мебельного фургона «Сов-автотранс» грузчики выгружают последний столовый гарнитур в упаковке с наклейками «ГДР. Лейпциг», вносят в мебельный магазин, где возле кассы стоит очередь — человек 50.

Люди в очереди. Двенадцать...

Грузчик. Все! Последний!

Люди в очереди. Как последний? Мы с семи утра стоим!..

Шамраев стоит в магазине у окна-витри-

ны, смотрит через улицу на парадный вход противоположного дома с вывеской «Прокуратура СССР». Рядом, под знаком «Стоянка запрещена» — новенький белый «мерседес» и милиционер. Милиционер записывает в штрафную квитанцию номер «мерседеса».

Из Прокуратуры выходит заплаканная Галина Брежнева, идет к «мерседесу». Не обращая внимания на милиционера, садится за руль.

Милиционер (сухо, Брежневой). Ваши права! Галина Брежнева. Пошел в жопу!

Заводит машину, хочет тронуться, но милиционер распахивает дверцу машины, хватая руль.

Милиционер (грубо). А ну стой!

Галина Брежнева. Идиот!

Вытаскивает из сумочки паспорт, протягивает милиционеру. Милиционер открывает паспорт, и лицо его становится жалким. Растерянно берет под козырек, лепечет:

— Извините, товарищ Брежнева... Виноват...

Галина Брежнева вырывает у него паспорт, трогает машину, и в это время в кабину, с другой стороны, садится на переднее сиденье Шамраев.

Галина Брежнева (резко). В чем дело?! (Узнав Шамраева.) А, это вы! Я вас видела в Прокуратуре...

Улицы Москвы. День. Идет снег.

«Мерседес» медленно катит по улицам. В машине — Галина Брежнева и Шамраев. Шамраев. Галя, кто такой Гиви Мингадзе? Галина Брежнева (сухо, замкнуто). Я не знаю.

Шамраев. Неправда. Из-за этого Мингадзе ваш друг Бурятский пытался ограбить вашу подругу и попал в тюрьму.

Галина Брежнева. Он ее не грабил. Он пришел к ней за моими бриллиантами.

Шамраев. И попал в ловушку. Его там уже ждали. Потому что те, кто вами интересуются, слышали и видели ваш разговор с Бурятским в Большом театре.

Галина Брежнева (все так же сухо). Ах вот в чем дело! А я думала, что это Ирка Бугримова позвала милицию, чтобы не отдавать бриллианты...

Шамраев. Теперь начнем сначала. Кто такой Гиви Мингадзе?

Галина Брежнева. Гиви — друг Бориса. Они оба были нищими музыкантами, когда я влюбилась в Бориса. Бориса я сделала солистом Большого театра, а Гиви, как его друг, втерся в нашу семью, играл в карты с братом отца дядей Яшей и с Семеном Цвигуном. А потом стал спекулировать этим положением — с помощью дяди Якова устраивал на высокие должности всяких проходимцев. Цвигун пой-

мал его на этом и посадил в тюрьму. Шамраев. Цвигун посадил его в тюрьму из-за каких-то пленок и какой-то истории с Кулаковым, который собирался занять место вашего отца и неожиданно умер три года назад. Что это была за история?

Галина Брежнева (замкнуто, сухо). Я не знаю.

Шамраев. Неправда. Знаете и вы, и Бурятский. Ну?..

Брежнева молча ведет машину.

Шамраев. Галя, вас запугал Бакланов. Поэтому вы молчите. Но вы должны понять: смерть Цвигуна и арест Булатского — не случайность. И операция «Каскад» направлена не против левой экономики, а каким-то образом против вашего отца. Я еще не знаю, каким образом, но все это — звенья одной цепи. Я должен знать, о чем с вами говорил сейчас Бакланов.

Галина Брежнева молчит, замкнувшись. Ведет машину.

Шамраев. И вы готовы предать родного отца ради ...ради чего, Галя?

Галина Брежнева. Папу все равно снимут. Не сегодня, так завтра, через два месяца. А Бакланов... он мне обещал, что Бурятского скоро отпустят.

Шамраев. В обмен на что?..

Галина молчит.

Шамраев. Тогда я вам скажу. Им нужно подsunуть мне убийцу Цвигуна, чтобы затянуть следствие. Бурятский — идеальная кандидатура. Он дружил с вами, играл в карты с Цвигуном. Если он возьмет на себя убийство Цвигуна, я должен буду потратить месяц, чтобы доказать, что это не так. А за это время...

Галина Брежнева (перебивая, почти со слезами). Я вам все равно ничего не скажу! Ничего!!!

Шамраев (спокойно). Бакланов просил вас убедить Бурятского взять на себя убийство Цвигуна. И обещал, что как только вашего отца уберут из Кремля, Борис Бурятский выйдет на свободу...

Машина катит по улице Качалова, останавливается возле дома № 16.

Галина Брежнева. Вам сюда. До свиданья.

Шамраев. Спасибо... Галя, когда влюбленная женщина готова пожертвовать отцом ради любимого мужчины, это я еще могу понять, это описано в классической литературе. Но объясните мне другое. Ваш отец — глава государства, ваш муж — заместитель министра внутренних дел. Это же вы живете на всем готовом — на правительственных дачах, квартирах, на государственных пайках. Между тем вся Москва знает, что Галя Брежнева спекулирует импортными шубами, джинсами и прочим заграничным барахлом и за взятку может кого угодно устроить на хорошую работу. Зачем вам это?

Галина Брежнева. Слушайте, что вы корчите из себя честного? А вы бы не брали, когда дают? Когда со всех сторон суют золото, бриллианты и просят: «Галя, сделай! Галя, устрой! Галя, позвони министру, что тебе стоит?» И действительно — что мне стоит? Я простая баба — я люблю мужиков, жизнь, бриллианты! И не корчу из себя целку! Мне плевать на отца! Он свое уже пожил. А я хочу и после него пожить. Прощайте!

Она переводит ручку на «драйв». Шамраев выходит из машины.

Шамраев. Последний вопрос. В карты с Цвигуном играла еще некая Света. Кто это?

Галина Брежнева. Его любовница! Всё?

Шамраев. Как ее фамилия?

Галина Брежнева (мстительно усмехнувшись). А это ты сам выясни. На то ты и следователь!

«Мерседес» срывается с места и уезжает, обдав Шамраева снежной пылью из-под колес.

Вестибюль дома № 16. День.

Вестибюль забит уважаемыми жильцами дома. Возмущенные голоса.

Мужчина. Это безобразно! Я буду жаловаться министру!

Женщина. Какое вы имеете право держать нас взаперти из-за ваших допросов! У меня киносъемка срывается!..

У входа в вестибюль, преграждая жильцам путь к выходу, стоит участковый милиционер. Рядом за столиком сидит Ниночка. Перед ней большой лист ватмана, разграфленный по номерам квартир и с фамилиями жильцов. Над ней нависает разгневанный дипломат.

Ниночка. У вас еще не был следователь, вам придется подождать. Вернитесь в свою квартиру.

Дипломат. И не подумаю! Завтра Громыко встречается в Женеве с Хейгом. Я — консультант Громыко, у меня... Я сейчас буду звонить в Центральный Комитет партии! Вы срываете...

Шамраев (перебивает, громко). Товарищи! Тихо! Прошу проявить партийную сознательность. Есть подозрение, что в вашем доме произошло преступление, направленное на подрыв Советской власти. Мы работаем по личному приказанию товарища Брежнева...

Люди испуганно замолкают.

Шамраев (Ниночке). Сколько следователей ведет опрос жильцов?

Ниночка. Четыре, на четырех этажах... Дипломат. Но я живу на двенадцатом. Честное слово, у меня сорвется поездка в Женеву!..

Шамраев. Хорошо, вас опросят вне очереди.

Люди окружают Шамраева, просительные голоса.

Женщина. У меня киносъемка горит, фильм о Ленине!

Мужчина. У меня дежурство в министерстве...

Мальчик лет восьми. Дядя, у меня шахматный турнир...

Шамраев, не обращая внимания на эти просьбы, исчезает в лифте.

В квартире-явке Цвигуна Валентин Пшеничный и два эксперта-баллиста. С помощью оптической аппаратуры эксперты изучают след пули на форточке и делают какие-то расчеты.

Шамраев и Пшеничный стоят у окна. Шамраев показывает на одно из окон противоположного дома. В нем — все та же любопытная старушка в косыночке.

Шамраев. Допросите эту старушку. Любопытные старушки — это наши бесплатные агенты. Опрос жильцов скоро закончите?

Пшеничный, поглядев на старушку, делает пометку у себя в блокноте.

Пшеничный. У меня еще сорок три покупателя булочной...

Один из экспертов-баллистов (из прихожей, сквозь открытую в комнату дверь). Выстрел был произведен отсюда!..

Шамраев и Пшеничный идут в прихожую.

— ...Он стрелял вот отсюда, с уровня бедра.

Баллист показывает: вынимает из кармана воображаемый пистолет и «стреляет» в комнату.

Телефонный звонок в комнате.

Второй эксперт берет трубку, слушает, говорит Шамраеву:

— Вас. Следователь Бакланов.

Шамраев (первому эксперту). Напишите официальное заключение. Обе подписи. (Подходит к телефону, берет трубку.) Слушаю... А что случилось? (Усмехается.) Просто обед? Где? Ресторан «Арагви»? С каких пор ты обедаешь в дорогих ресторанах?.. Хорошо, буду один. Через двадцать минут. (Кладет трубку, Пшеничному.) Бакланов приглашает меня пообедать. Очередной раунд дипломатических переговоров. Где Светлов? **Пшеничный.** В Главном Управлении лагерей и тюрем. У них в картотеке нет заключенного Мингадзе.

Шамраев (изумленно). Что?!

Пшеничный. В картотеке Главного Управления лагерей и тюрем заключенный по фамилии Гиви Мингадзе не значится.

Шамраев (затягиваясь сигаретой, прищурясь, задумчиво). Гм! Тоже красиво... прячут, значит, от нас этого Мингадзе. Интересно — зачем? Вот что. Пошлите кого-нибудь в архив Верховного суда. Пусть поднимут все судебные дела за июль 78-го, и передайте Свет-

лову: сегодня же обследовать все больницы и госпитали Москвы. Искать человека, который в день смерти Цвигуна попал в больницу с огнестрельным ранением. У него должна быть вторая группа крови.

Вестибюль дома № 16. День.

В почти опустевшем вестибюле один из жильцов дома, сидя на подоконнике, читает газету «Правда», женщина-киношница нервно вяжет, поглядывая на наручные часики, а возле ниночкиного столика стоит восьмилетний мальчик-шахматист играет с Ниночкой в шахматы. Ниночка озадаченно трет лоб. Шамраев, проходя из лифта к парадной двери, задерживается у этого столика, смотрит на шахматную доску с фигурами.

Ниночка. Только не подсказывай!

Шамраев. Он тебе ставит мат через два хода.

Ниночка (испуганно). Где?

Шамраев. Ты же просила не подсказывать. Кстати, забыл сказать: утром звонила Тамара. Она тебя записала к своей парикмахерше.

Ниночка (глядя на шахматную доску, рассеянно). Зачем?

Шамраев. Откуда я знаю? Вы с ней встречаетесь в пять тридцать в метро «Маяковская», левая платформа, у последнего вагона.

Ниночка (смотрит на Шамраева, в отчаянии). Я не вижу, где тут мат!

Мальчик стоит с непроницаемым лицом.

Шамраев, улыбнувшись, коротко гладит Ниночку по голове и выходит на улицу.

Ресторан «Арагви».

Бланк с хорошо различимым машинописным текстом: «Отдел внутренней разведки МВД СССР. Документ особой партийной важности. Совершенно секретно. Рапорт по результатам операции «Каскад»

Ниже — текст с семизначными цифрами напротив фамилий Цвигуна, Галины Брежневой, Якова Брежнева, Юрия Брежнева.

Шамраев, сидя за столиком, держит в руках этот бланк и еще несколько скрепленных листов. Напротив него — Бакланов.

На столике обильные грузинские закуски: шашлык, свежая зелень, коньяк и вино.

За метровой перегородкой — шумные грузинские компании, громкие тосты.

Бакланов, наклонившись через стол к Шамраеву, говорит негромко:

— Нелегальная экономика за годы брежневской власти стала гигантской. Подпольные фабрики, артели, спекуляции дефицитом. В прошлом году мафии заработали 25 миллиардов рублей. Арестованные по операции «Каскад» показали, что только

взятками они передали разным административным лицам больше 42 миллионов! Из этих денег Цвигун получил больше трех миллионов, брат Брежнева Яков — два, сын Брежнева — около двух, в дочка — два с половиной. И это при том, что моя и твоя зарплата — 160 рублей в месяц!

Шамраев. Под рапортом нет подписей... **Бакланов** (забирает у Шамраева документы, прячет в портфель). Подписи пока неважны. Будут. (Наливает вино в бокалы.) Документ, как видишь, редкий, особой партийной важности. Даже члены Политбюро еще не читали. А тебе показываю, потому что... ты иначе не поверишь, что я тебя пригласил сюда по дружбе. Но, как видишь, идет большая игра. И в этой игре мы с тобой только пешки. А пешки, как ты знаешь, летят с доски в первую очередь. Выпьем...

Бакланов отпивает из бокала, закусывает.

За перегородкой мужчина, держа в руке рог с вином, произносит тост с грузинским акцентом.

Мужчина. Выпьем за Сулико! Такой талантливый! За неделю двести ящиков цветов в Москву привез, сто тысяч заработал.. **Бакланов.** Видишь, что делается? Воровство и спекуляция уже стали геройством. И хоть ты их всех в тюрьму посади — не поможет. Потому что рыба гниет с головы. Мы должны оздоровить страну — ты, я и такие, как мы. Чтобы к власти пришли люди с чистыми руками.

Шамраев (отпивая вино). Руками или кулаками?

Бакланов замер, вилка с куском шашлыка застыла в воздухе.

Бакланов. Что ты имеешь в виду?

Шамраев. Коля, если у вас все чисто, почему ты меня боишься?

Бакланов. С чего ты взял, что тебя кто-то боится?

Шамраев. Ты второй раз уговариваешь меня выйти из этого дела. Вчера приставили ко мне открытую слежку. А сегодня даже в ресторан пригласил. Ты! Который даже в пивной бар ходил только за мой счет.

Бакланов вытирает салфеткой рот.

Бакланов. Ладно, ты по-человечески не понимаешь. Тогда я тебе так скажу: ты нам еще не мешаешь, но скоро начнешь мешать. Потому что ты развил бешеную деятельность и прешь как танк, тебя только снарядом можно остановить. Прямым попаданием.

В затяжной паузе они смотрят друг другу в глаза.

Шамраев (закуривая, с прищуром). Коля, насчет прямого попадания — это что?.. Предупреждение?

Бакланов, усмехнувшись, принимается за еду.

Бакланов. Что ты! Это я в переносном смысле. 28

Просто в той игре, где пешки первыми летят с доски, мы с тобой на пару можем классно сыграть, если объединимся. Об этом я и прошу тебя в последний раз, как друг. Если ты согласишься, я тебе такого козырного туза подброшу, что ты ахнешь...

Шамраев. Бурятского что ли? В роли убийцы Цвигуна?

Бакланов (несколько удивленно). Уже знаешь? Быстро, молодец! Что же, тем лучше! Представь себе: любовник Гали Брежневой убил первого заместителя Председателя КГБ! Если ты пойдешь этим тузом — всё, на следующем заседании Политбюро Брежневу крышка. Даже без операции «Каскад». И место Германа Каракоза — твое. Выше ты не пройдешь по анкетным данным, как полуеврей. Но начальником Следственного отдела — мы гарантируем. Как видишь, я с тобой абсолютно откровенен, по старой дружбе. А ты — «прямо попадание!» Если завтра ты в аварию угодишь или твоему Светлову кирпич на голову упадет — тоже я буду виноват? Или Андропов?

Шамраев не спеша снимает салфетку с колен, складывает ее, кладет на стол, встает.

Шамраев. Спасибо, Коля. Если ты предупредил меня о кирпиче по своей инициативе, спасибо тебе. А если тебя уполномочили, то передай им, что я подумаю. Скорей всего, я пошлю вас всех — и твою компанию, и Брежнева. И пойду цветы возить с Кавказа — это доходней. (Усмехнувшись, вытаскивает из кармана полусотенную купюру, кладет на стол и, в ответ на легкий протестующий жест Бакланова, продолжает.) Это от будущего спекулянта цветами будущему Генеральному прокурору. Расплатишься за обед.

Улица Качалова. Ранний вечер.

В окнах домов — огни. Уличные фонари включены, вокруг каждого — нимб падающего снега. По мостовой изредка проезжают машины. Шамраев идет тем же путем, что утром шел Пшеничный. Рядом мальчишки, разбежавшись, прокатываются по ледяной дорожке, бросают друг в друга снежками. На противоположной стороне улицы — «Булочная-кафетерий». За стеклянными окнами видны фигуры Пшеничного, Светлова, Нючки, Ожерельева, Акоюна. Они стоят за высоким столиком, пьют кофе и оживленно разговаривают с семилетней толстенькой девочкой, которая сидит на высокой табуретке. В глубине булочной — очередь за свежим хлебом.

Шамраев останавливается, смотрит на своих помощников.

Там, за окном булочной — их веселые возбужденные лица, смех.

Глубоко вздохнув, Шамраев переходит

улицу, входит в булочную.

Булочная-кафетерий.

Семилетняя девочка в беличьей шубке — Катя Ужович, — держит на коленях маленький футляр, уминает пирожное «Наполеон». Возле нее — Ниночка, Светлов, Пшеничный, Ожерельев, Акопян.

Ниночка (увидев вошедшего Шамраева, радостно). Игорь! Иди сюда! Послушай! (Девочке.) Катя, это наш главный начальник. Ну-ка, повтори ему, что ты видела возле дома шестнадцать в тот день?

Катя (стряхивая с футляра скрипки крошки пирожного). А я уже все пирожное съела. Светлов. Я тебе еще куплю. Но ты лопнешь — это уже будет пятое.

Катя (спокойно). А я домой возьму, бабушке. Светлов. Но сначала повтори, что ты нам рассказала...

Катя вздыхает, словно разговаривает с болванами.

Катя. Ой! Сколько можно повторять одно и то же? Ну, я видела, как двое дядей тащили в машину третьего дядю, и на штанах у этого дяди была кровь. Вот и все, что я видела. Светлов. А какая это была машина?

Катя. Я же говорила: это была синяя «волга», как у милиции.

Ниночка. А где была твоя бабушка в это время?

Катя (вздыхнув). Ну, моя бабушка смотрела на меня в окно. Она всегда смотрит в окно, когда я иду из школы. Чтобы я под машину не попала. Как будто, если я попаду под машину, она может прыгнуть из окна и меня спасти!

Светлов. А ты помнишь, как выглядели эти три дяди?

Катя. А ты обещал пирожное.

Светлов. Слушаюсь!

Светлов уходит к прилавку за пирожным. Остальные смотрят на Шамраева торжествующе.

Акопян. Это еще не все, товарищ Шамраев.

Акопян кладет на столик перед Шамраевым четыре учетных карточки с типографским грифом «Государственная автомобильная инспекция». На каждой карточке, кроме данных о регистрации машины, в нижнем левом углу — фото владельцев машин: четыре женских лица в возрасте от 30 до 45 лет. Акопян. Выбирайте хозяйку той «лады», которую вы видели на кладбище.

Шамраев легко узнает на одной из фотографий рыжую женщину, которую он видел на кладбище в желтой «ладе».

Акопян (проследив за его взглядом). Я так и думал. Света Агапова. Старший лейтенант КГБ, референт Цвигуна по Скандинавским странам.

Возвращается Светлов с пирожным в руке, кладет его перед Катей, а поверх учетных автомобильных карточек кладет перед Шамраевым тонкую папку с типографским грифом «Верховный суд СССР. Архив» и надписью «Дело гр. Гиви Мингадзе».

Светлов. Из архива Верховного суда. Гиви Мингадзе 25 июля 78 года осужден по статье 88-прим за валютные спекуляции. Срок — три года строгого режима.

Ожерельев. Только у меня пока пусто. За последнюю неделю люди с огнестрельным ранением ни в одну московскую больницу не поступали. С ножевыми ранениями — сколько угодно. Шесть убийств топором — пожалуйста. А с огнестрельным — нет. Но есть одна идея у Светлова.

Светлов. Нужно проверить тюремные больницы. Дядю, у которого была кровь на штанах, могли упрятать в тюремный госпиталь. (Кате.) Как он выглядел, этот дядя?

Шамраев (спокойно). Отпустите девочку. **Ниночка**. Зачем? Мы сейчас возьмем ее бабушку и поедем в Научно-технический отдел, будем делать фоторобот по словесному портрету!

Шамраев (Ниночке). Ты сейчас поедешь в парикмахерскую. Тебя Тамара ждет в пять тридцать. (Всем.) Вот что, братцы. Мы больше не расследуем это дело.

Ниночка. Что-о-о?

Светлов (Шамраеву). Что тебе сказал Бакланов?

Шамраев. Это неважно. Важно, что бригада распущена, и мы уже не расследуем это дело.

Ниночка. Но почему?!

Светлов. Может, ты у Бакланова взятку взяла?

Шамраев (спокойно). Взял...

Светлов. Сколько?

Шамраев (глядя Светлову в глаза). Жизнь. Свою, твою и всех остальных. Короче, только что я дал телеграмму в Прокуратуру, что увольняюсь с работы. Так что извините — я уже не следователь.

Некоторое время все смотрят на Шамраева.

Затем Ниночка берет со столика свою сумочку, поворачивается и уходит. Стеклопанная дверь булочной хлопает у нее за спиной.

Светлов забирает со стола папку и идет к выходу. Следом — Ожерельев.

Акопян забирает учетные автомобильные карточки, уходит тоже.

Пшеничный помогает Кате слезть с высокого стула и уводит ее к выходу.

Дверь булочной раскачивается за их спинами, в щель задувает снегом.

Шамраев смотрит на эту дверь некоторое время, затем достает сигареты, прикуривает. Тут же раздается грубый окрик продавщицы из-за прилавка:

— Эй ты! Тут не курят!

Шамраев гасит сигарету пальцами, проходит через булочную, становится последним в очередь за хлебом...

...Когда с буханкой хлеба в руке Шамраев выходит из булочной, на улице медленно останавливается длинный черный правительственный лимузин «чайка». Из машины выходит генерал Жаров и торопливо идет к Шамраеву. За ним — майор Рагимов и еще один из жаровских помощников.

Жаров (на ходу, Шамраеву). Наконец-то! Мы вас уже час ищем! В 15.05 умер Сулов.

Шамраев достает из кармана толстый засургученный пакет с деньгами и подписанный Брежневым мандат, протягивает Жарову.

Шамраев. Извините. Я уволился из Прокуратуры. Я послал телеграмму...

Жаров (отмахиваясь). Ерунда! В восемнадцать ноль-ноль вас ждет товарищ Брежнев.

Майор Рагимов жестом приглашает Шамраева в машину. И это не столько жест учтивости, сколько — приказ; по другую сторону от Шамраева стоит еще один помощник Жарова.

Вагон московского метро. Здесь светло, чисто. Ниночка сидит на сиденье, рядом с ней — компания молодежи с лыжами, с гитарой. Негромко поют под гитару:

Вспомним, товарищ, про Афганистан,
Зарево пожара, крики мусульман...

Другие пассажиры — с сетчатыми авоськами. В авоськах — картошка, лук, пакеты.

Читают газеты, книги. Негромко разговаривают. На станции в вагон входят два молодых низкорослых негра в одинаковых пальто и меховых шапках-ушанках, а с ними в обнимку — две русские девушки, ярко накрашенные.

Пассажиры прекращают разговоры, компания обрывает песню — все в упор хмуро смотрят на девушек с неграми. Под этими взглядами девушки развязно хихикают, но одна из них все же снимает руку негра со своего бедра. Парень с гитарой комментирует это струнным аккордом.

Ниночка, улыбнувшись, смотрит на наручные часы.

Поезд идет по туннелю.

Красная площадь. В это же время.

Черный лимузин генерала Жарова пересекает хорошо освещенную Красную площадь. На площади веселые дети с родителями спешат к Мавзолею смотреть на смену ка-

раула. Какой-то малыш оторвался от родителей и с хохотом побежал вперед...

Лимузин въезжает в ворота Спасской башни.

Кремль. Внутренняя территория.

Шамраев смотрит из окна лимузина... В темноте заснеженных еловых аллей — огоньки солдатских папирос, танки и бронемашин, измятый гусеницами снег, а главное, полная тишина — создают ощущение тревоги, напряжения...

Лимузин останавливается у здания, окруженного военной охраной.

Внутри здания. При выходе из лифта в коридор — пост охраны.

Жаров (кивая на Шамраева, говорит двум охранникам). Он со мной. Охранник берет у Шамраева буханку хлеба, обыскивает его, вынимает из карманов ключи от квартиры и кабинета.

Охранник (Шамраеву). Это сдайте.

После обыска Шамраев в сопровождении Жарова идет по длинному коридору, по красной ковровой дорожке. Жаров открывает тяжелую, обитую кожей дверь.

Жаров. Сюда, пожалуйста.

Кремль. Приемная кабинета Брежнева.

Овальный зал с лепными потолками и с окнами на Красную площадь. Серый ковер на полу, кожаные кресла, дверь в кабинет Брежнева, длинный стол у окна, на стенах — портреты Маркса, Ленина. За столом — Вадим Белкин и еще двое мужчин лет сорока пяти в модных костюмах — Синцов и Пчечьян. На столе подшивки газет, тарелка с бутербродами, кофе, американские сигареты — обстановка рабочая, деловая. Белкин в одной рубашке, пиджак на спинке кресла, перед Белкиным пишущая машинка, он печатает, заглядывая в открытую подшивку старой, пожелтевшей газеты «Правда». Увидев вошедшего Шамраева, Белкин, не отрываясь от машинки, поднимает руку.

Белкин. Привет!

Синцов и Пчечьян поднялись навстречу Шамраеву.

Жаров (Шамраеву). Знакомьтесь. Советники товарища Брежнева Сулен Пчечьян и Павел Синцов.

Синцов (пожав руку Шамраеву). Присаживайтесь. Чай? Кофе? Бутерброды?

Шамраев. Спасибо. (Садится в кресло у стола.)

Белкин. Спасибо — да? Или спасибо — нет?
Шамраев. Спасибо — нет...

За окном огромные часы на Спасской башне показывают 5.23.

Синцов (Шамраеву). Тогда извините, мы сейчас закончим некролог Сулову и поговорим, до шести еще есть время. (Поворачивается к Белкину.) На чем мы остановились?

Белкин читает с запроваженного в машинку листа:

— «Сегодня на восьмидесятом году жизни скончался член Политбюро, секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, дважды Герой Социалистического Труда товарищ Михаил Андреевич Сулов. Человек большой души, кристальной нравственной чистоты, исключительной скромности, он снискал себе глубокое уважение в партии и народе». Годится?

(В глубине приемной открывается дверь кабинета Брежнева, из нее выходят Черненко и два генерала, пересекают приемную, уходят.)

Пчелян. (Не обращая на них внимания, Белкину, насмешливо). Очень талантливо..

Берет из подшивки старую газету с большим портретом Сталина в черной рамке. Пчелян. Теперь можно отсюда. (Читает с газеты.) «На всех постах, которые доверяли ему Коммунистическая партия и народ, он проявил себя выдающимся организатором, негибаемым борцом за великое дело Ленина, за успешное решение задач коммунистического строительства...»

Белкин с насмешливой улыбкой пулеметно отстучал на машинке.

Белкин. Можно добавить, что он твердо и непримиримо отстаивал чистоту партийных рядов?

Синцов. Не нужно. Звучит как намек на расстрелы 37-го и 46-го годов, когда этот параноик отправил на тот свет тысячи лучших коммунистов.

Пчелян. Напиши: «Твердо отстаивал чистоту марксизма-ленинизма». Вроде бы то же самое, но без прямого намека.

Белкин (Шамраеву, улыбаясь). Ты видишь?! Никакой свободы творчества даже в некрологах!

Пчелян (Белкину). Ты пиши, пиши! (Подает Шамраеву тонкую папку.) Это мы нашли у Сулова в письменном столе. Тезисы доклада «Пороки правления Брежнева» и полная «Программа Правительства нового курса». Почитайте...

Шамраев открывает папку. В ней — несколько исписанных от руки страниц.

Подземный переход в московском метро. В это же время.

Ниночка идет с потоком пассажиров к эскалатору. Какой-то парень подходит к ней, что-то шепчет на ухо. Ниночка отрицательно качает головой, парень снова что-то говорит ей, флиртуя. Ниночка убыстряет шаг,

парень разочарованно отстает...

Кремль, приемная кабинета Брежнева. Шамраев, Синцов, Пчелян и Белкин по-прежнему сидят за столом. В стороне, в кресле, дремлет генерал Жаров.

Пчелян (Шамраеву, усмехаясь и кивая на папку в руках Шамраева). Пороки правления Брежнева, на которые указывает Сулов, мы знаем: нерешительность в Афганистане и в Польше, а внутри страны — диссиденты, еврейская эмиграция и огромная левая экономика. Но пороки ли это? С точки зрения военных — конечно! Генералы хотят воевать, чтобы стать маршалами. Дай им волю, и они завтра проутюжат Польшу танками, в 24 часа — никакой «Солидарности»! И Запад проглотит это, и через месяц снова будет продавать нам зерно...

В дверь приемной входит официант, бесшумно катит по ковру тележку с накрытым белой салфеткой подносом и фарфоровым чайничком. Проходит через приемную и исчезает в дверях кабинета Брежнева. Пчелян. Вообще Запад сейчас настолько слаб, что наша армия в сорок восемь часов может выйти к Персидскому заливу и в 24 часа — к Ла-Маншу. Но зачем это нам? Во время войны армия командует правительством, а не правительством армией. Вы хотите, чтобы ваш сын через три года воевал где-нибудь в Техасе? Или штурмовал Эмпайр-Стейт-Билдинг?

Белкин (поднимает руки над пишущей машинкой, насмешливо Пчеляну). Сурен, повтори твой афоризм. Я хочу записать для потомков.

Синцов (Белкину). Подожди! Человек должен понять, с кем он имеет дело. Иначе он рассуждает просто: на кой черт мне спасать Брежнева, если он развел в стране левую экономику и вся его семья берет миллионные взятки? А между прочим, «левая» экономика покрывает сегодня 17 % нужд населения в одежде и продовольствии и позволяет нам еще балансировать на уровне более-менее человеческой жизни.

Белкин (насмешливо). Ты считаешь, что у нас человеческая жизнь? Мяса нет, за хлебом очереди, и взяточничество на каждом шагу. Синцов. Я сказал — «более-менее человеческой». А то, что изложено в суловской «Программе Правительства нового курса» (кивает на папку в руках у Шамраева), практически превратит страну в полный концлагерь. Железная трудовая дисциплина, публичная смертная казнь, истребление всех инакомыслящих и прекращение эмиграции. Внутри страны будет царствовать КГБ, а за границей, в оккупированных странах — армия. Но лично я предпочитаю диктатуру

рубля в рамках социализма при Брежнев, чем диктатуру КГБ и армии. Если им удастся Брежнева сбросить. Жаров (просыпаясь). Главное, Сулов эту программу открыто держал у себя в столе, сукин сын!..

Станция метро «Маяковская». В конце платформы настенные часы показывают 5.30.

Ниночка стоит в толпе пассажиров у края платформы, нетерпеливо поглядывая то на часы, то в жерло туннеля.

В глубине туннеля возникает стремительно приближающийся сноп света, слышен шум подходящего поезда.

В этот момент рядом с Ниночкой оказывается Света Агапова — рыжая женщина в лисьей шубе. Она негромко и быстро говорит Ниночке:

— Нина, вам звонила не Тамара, а я. Передайте это Шамраеву (дает Ниночке маленькую женскую сумочку). Здесь магнитофонные записи секретной встречи Сулова с его сообщниками на суловской даче в новогодний вечер. Записи тайно сделал Цвигун. Сама я не могу встретиться с Шамраевым, потому что работаю в КГБ.

За спиной у Агаповой — тридцатилетний мужчина в заячьей шапке и две женщины. Одновременно с грохотом вырвавшегося из туннеля поезда мужчина в заячьей шапке вырывает сумочку из рук Ниночки и толкает Агапову и Ниночку с платформы под накатывающий поезд.

Обе даже не успевают вскрикнуть — колеса и решетка первого вагона накрывают их, волочат по шпалам лисью шубу и край Ниночкиного пальто.

Запоздалый визг тормозов... Искаженное ужасом лицо женщины-водителя поезда... Крики толпы... Исчезающая в глубине толпы заячья шапка убийцы... Громкие голоса двух женщин, которые стояли на платформе рядом с ним.

Первая женщина. Лесбиянки-самоубийцы! Ты видела? Они сами прыгнули под поезд! Вторая женщина. Конечно, я видела! Настоящие лесбиянки! Сами прыгнули! Самоубийцы! Пойдем отсюда — не могу смотреть!..

Громкая трель милицейского свистка... Две женщины, кричащие про «лесбиянок», исчезают в толпе... Дежурный по станции милиционер пробивается сквозь толпу к месту происшествия!..

Кремль, приемная кабинета Брежнева.

За окном часы на Спасской башне показывают 5.57. Шамраев, держа в руках папку с бумагами Сулова, спрашивает у Жарова:

— Вы уверены, что именно Сулов положил эти бумаги в свой письменный стол? Жаров. А то кто же?! Конечно! Я же сам их там нашел, как только он умер... Синцов. Подождите, генерал... (Смотрит на Шамраева.) Вы имеете в виду?..

Шамраев. Скажу вам, как бывший следователь (хоть я уже ушел в отставку), но такие вещи не держат в письменном столе, да еще в открытом ящике. Видите, тут ясно написано: «В случае добровольного ухода Л. Брежнева на пенсию — проводить с почетом и сохранением правительственных дач, а разоблачение взяточничества в семье не предавать публичной огласке». Бумаги подложили специально — это предупреждение!..

Куранты на Спасской башне начинают бить шесть часов. Жаров, Синцов и Пчелян встают.

Пчелян (Шамраеву, кивнув на дверь кабинета Брежнева). Пора.

Телефонный звонок. Синцов берет трубку, слушает.

Дверь кабинета Брежнева открывается, в ней появляется личный секретарь Брежнева — женщина лет сорока в строгом костюме. Личный секретарь Брежнева. Товарищи, прошу. Товарищ Брежнев ждет.

Синцов. Минуточку. (Шамраеву.) Вам звонит из милиции дежурный по Москве.

Шамраев (взяв трубку). Слушаю... (Меняясь в лице.) Что?..

...Ниночка с хохотом катится в обнимку с Шамраевым по снежному склону горы!..

...Ниночка обиженно смотрит вслед шашлыкам из баранины, которые несет мимо нее грузин — шеф-повар в сочинском ресторане!..

...Ниночка взбегает по лестнице дома Шамраева с тяжелыми авоськами, в которых картошка и пакеты с сосисками!..

...Ниночка становится перед Шамраевым на колени в прихожей его квартиры и развязывает зазеленелые шнурки на его ботинках!..

...Ниночка легко перекидывает лыжи на лыжне в Серебряном бору и послушно катит к Шамраеву... Ресницы над ее голубенькими глазками в снежинках!..

Звучит последний удар кремлевских курантов.

Шамраев поворачивается и быстро идет к выходу из приемной.

Белкин. Игорь! Ты куда?

Морг. Изуродованное колесами тело Ниночки, полуукрытое белой простыней, лежит на столе.

Вокруг стола — Пшеничный, Ожерельев, Акопян, Светлов, Шамраев.

Шамраев смотрит на Ниночку.

На соседнем столе, тоже под белой простыней, — обезображенное колесами поезда тело рыжеволосой Светланы Агаповой. Рядом патологоанатом Градус готовится к вскрытию трупов...

При выходе из morga навстречу Шамраев поднимается со стула генерал Жаров. **Жаров.** Товарищ Шамраев. Товарищ Брежнев просил вам передать, что...

Шамраев (перебивая). Скажите ему, что теперь я сделаю все, что смогу. Даже больше.

Улицы Москвы. На Ленинском проспекте Бакланов выходит из подъезда жилого дома, садится в поджидающую его милиционерскую «волгу». Машина трогается.

Чуть поодаль тут же отъезжают зеленые «жигули».

Рядом с водителем — сорокалетним, одетым в модную дубленку круглолицым мужчиной — сидит помощник Светлова Акопян.

На заднем сиденье двое мужчин — один с золотыми зубами, по кличке «Фиксатый», второй — без особых примет, но с лицом угловника.

Милиционерская «волга» вливается в поток машин на проспекте, за ней — зеленые «жигули».

Научно-технический отдел Московского уголовного розыска.

В небольшом полутемном кинозале перед экраном сидят в мягких креслах семилетняя Катя и ее бабушка — та самая любопытная старушка.

Рядом с ними — Марат Светлов и женщина в форме старшего лейтенанта милиции. Перед ней — пульт управления изображением на экране.

На экране медленно движутся человеческие губы самой разной формы — тонкие, полные, большие, маленькие...

Женщина, управляя рычажками на пульте, «ведет» эти губы по экрану, «приставляет» их к изображению носа и смотрит на Катю.

Светлов. Вспомни, Катя, такие губы были тогда у раненого дяди или не такие?

Катя (авторитетно). Нет. Тот дядя вообще закусил губу, когда шел. Ему, наверно, больно было. У него же кровь текла!

Женщина (оживленно). Закусил? А ты помнишь какими зубами он губу закусил? Большие были зубы? Маленькие?

Катя. У него один зуб был железный.

Женщина (весело, в манере игры с девочкой). Ну да?! Железный?! Ну-ка, посмотрим, какие у мужчин бывают зубы. Где у нас тут зубы?..

Женщина переключает рычажки на пульте.

На экране появляются изображения зубов, которые она подводит к губам...

В зал входит Пшеничный, подсаживается к Светлову, говорит ему негромко:

— В «Интуристе» есть только две переводчицы по имени Тамара, обе старше сорока и блондинки. С какого языка она переводит, ваша Тамара?

Светлов (так же негромко). А хрен ее знает! Я с ней по-русски разговаривал! Впрочем!.. (Прищуривается, соображая что-то.)

Женщина (повернувшись к Светлову, недовольно). Тс-с-с!..

Светлов решительно встает, кивает Пшеничному, говорит негромко:

— Пошли в... Есть идея...

В кабинете Генерального прокурора — Рекунков, Каракоз и Шамраев. На столе перед Рекунковым — официальное письмо на бланке с грифом «Министерство внутренних дел СССР».

Каракоз (Шамраеву). Все твои подозрения оказались построенными на песке. Никакого заговора нет и не было. (Кивает на письмо.) Министр милиции сообщает, что Борис Бурятский сознался в убийстве Цвигуна и все произошло очень просто. У Бурятского, близкого друга Цвигуна, были ключи от этой квартиры. Он приехал туда с утра после какой-то пьянки и лег спать. Тут ввалился Цвигун, и у них произошла ссора. Бурятский был посредником между Цвигуном и главарями подпольного бизнеса, через него Цвигун получал от них взятки. За это оберегал от арестов. А теперь, поскольку начался «Каскад», Бурятский стал упрекать Цвигуна этими арестами. Цвигун и так был в бешенстве, а тут просто выхватил пистолет и выстрелил в Бурятского, но промахнулся, попал в форточку. Бурятский бросился на него, схватил за руки, за локти. Отсюда — синяки на локтях. Во время борьбы Цвигун случайно нажал курок и попал себе в голову. Бурятский испугался, что его обвинят в убийстве, и поэтому инсценировал самоубийство: усадил Цвигуна за стол, подделал предсмертную записку и унес из прихожей ковер, на котором они дрались. Вот и всё. Что ты на это скажешь?

Шамраев. Ты сам в это не веришь...

Каракоз. Я могу верить или не верить — это не имеет значения! Есть официальное письмо министра милиции, есть собственноручные показания Бурятского.

Шамраев. Я могу опровергнуть их. Пусть этот Бурятский при мне еще раз так идеально подделает почерк Цвигуна.

Каракоз. Он сейчас болен. У него температура. Во время болезни подсудимого нельзя допрашивать.

Шамраев (вспылив). Конечно! Теперь он болен, теперь к нему не пустят ни адвоката, ни следователя! А сажать к нему в камеру восемь стукачей-раскольщиков, которые пытаются его насилловать, можно!

Рекунков. Тихо! Как у него получили эти показания — мы не знаем и никогда не узнаем. Важно, что их получили, и это факт. Но это не все. Мне только что звонили из КГБ. У них есть данные, что этот Бурятский связан с западными разведками, и они подозревают, что он убил Цвигуна не случайно во время ссоры, а по заданию ЦРУ. Ведь в руках у Цвигуна были все нити наших разведывательных операций на Западе. А поскольку все, что относится к шпионажу — дело КГБ и только КГБ, они требуют, чтобы мы прекратили расследование и передали все твои материалы им. В 12 часов я еду по этому вопросу к Андропову.

Шамраев оттягивает узел своего галстука, словно ему стало душно. Встает, рассказывает по кабинету, говорит на ходу:

— Та-ак!.. Это красиво! Эт-то красиво... (Поворачивается к Рекункову.) Ну что ж! Отдавайте! Всё отдавайте! А я займусь убийством Нюночки. В конце концов, плевать мне на Цвигуна и Бурятского, раз он такой идиот, и на всех прочих! А те, кто мне нужен, — я на них выйду...

Рекунков. Подожди. Я сказал, что они требуют отдать дело, но я не сказал, что мы его уже отдали. Не отдать мы не можем: как солист Большого театра, этот Бурятский, действительно, мог общаться с иностранцами и общался, конечно. Но... кто сказал, что это дело мы обязаны отдать им сегодня?

Вдова Цвигуна в старой каракулевой шубке выходит из подъезда высотного дома на Котельнической набережной, проходит через заснеженный двор к автомобильной стоянке, рукавицей счищает снег со стекол старенького «москвича». Садится в машину, пробует завести мотор, трогает машину, выезжает со двора. Одновременно с противоположной стороны улицы отъезжает от тротуара старая «волга», следует за машиной вдовы Цвигуна. В «волге» капитан Ожерельев и еще двое. Все в гражданской одежде.

Улицы Москвы. Солнечный полдень. Морозно, ветрено.

Узкий, слегка изогнутый, с наклоном, Колпачный переулок. Трехэтажный дом с желтыми оконными рамами. Перед домом — небольшой палисадник.

Над парадным входом вывеска — «Отдел виз и регистраций МИД СССР». У входа под наблюдением трех милиционеров —

густая очередь мужчин, женщин, стариков и старух с явно еврейскими лицами. От мороза люди зябнут. Старики молятся в кружочке, раскачивая головами. Группа молодежи поет негромко «Хава Нагила», но при приближении милиционера замолкают и шутя поднимают руки — мол больше петь не будем.

Тяжелая дверь на стальной пружине периодически громко хлопает, из нее, кто со слезами, а реже — со счастливыми лицами, выходят люди, и тогда в толпе слышатся голоса: «Отказали! Сволочи!» или — «Разрешили!». Те, кому отказали, убитые горем, уходят, а тех, кому разрешили, очередь обнимает, поздравляет...

Перед домом, у тротуара, стоит присыпанная снегом милицейская «волга», в машине дремлет водитель. Возле машины, у багажника останавливаются Фиксатый и мужчина с лицом уловника. Фиксатый быстрым движением вынимает из кармана маленькую детскую резиновую клизмочку, прыскает воду в замок багажника. Одновременно мужчина с лицом уловника наклоняется зашнуровать свой ботинок и едва уловимым движением прокалывает шину заднего колеса тонким шилом. Оба тут же спокойно идут дальше по улице.

Выше по переулку, шагах в двухстах — зеленые «жигули». В машине — круглолицый мужчина в модной дубленке.

Круглолицый издалека наблюдает за парадным входом в ОВИР. Поток машин то перекрывает ему вход, то открывает снова. Наконец, Круглолицый оживляется — из двери ОВИРа вышел Бакланов с портфелем в руке, прошел к поджидающей его милицейской «волге», уже хотел открыть дверцу, но тут заметил, что заднее колесо спущено.

Бакланов открывает дверь «волги», будит водителя, показывает на спущенное колесо. Водитель выскакивает из машины.

Водитель. Где же это я гвоздя схватил? Одну минутку, товарищ Бакланов, сейчас я запаску поставлю...

Он сует ключ в багажник машины, но ключ не входит. Водитель в сердцах стучит кулаком по замку багажника:

— Замерз замок, сука!

Он достает из кармана коробок спичек, чиркает, греет ключ над огнем. Бакланов стоит на тротуаре с портфелем в руке, ежится на морозе, постукивает ногами в туфлях, прячет лицо от ветра.

В этот момент рядом останавливаются зеленые «жигули». Из машины с радостным лицом выскакивает Круглолицый. Распахнув руки, идет к Бакланову.

Круглолицый. Товарищ Бакланов! Родной! Сколько лет! Не узнаете? И в жизни не

узнаете! А я вас сразу узнал! Ну! Ну, угадайте, кто я? Ну! Ха! Никогда не угадаете! Михаил Беляков!

По лицу Бакланова видно, что он не помнит такой фамилии.

Круглолицый. Еще бы вам помнить! У вас каждый год сотни подсудимых! А дело ленинградского коньячного треста в 69-м году помните? Нас тогда 140 человек по делу проходило. Коньяк чаем разбавляли, помните? Ага! Я тогда три года получил. И правильно! Зато теперь — всё, честный человек! Институт закончил, в текстильной промышленности работаю. Товарищ Бакланов, ради такой встречи — в любой ресторан, я приглашаю! Бакланов. Извините, я занят...

Круглолицый. Да бросьте! Все мы заняты! У меня тоже Брюссельская выставка на носу! Но жизнь-то идет! Уходит, подлая! Ну хоть по пивку ударим! Ей-богу, кровно обидите! Вы же мне как отец родной — всю жизнь повернули! А то бы я так и покатылся по плохой дорожке! Тут пивной бар ядышком, я туда еду. Пиво обожаю!..

Бакланов смотрит на своего водителя, который безуспешно пытается вставить нагретый на спичках ключ в замок багажника. Потом на Круглолицего.

Бакланов. А пиво-то есть там сейчас?

Круглолицый. Для меня?!

Полутемный, набитый людьми, пивной бар. Влажно, душно, теснота за столиками, неяркий свет запотевших лампочек тонет в сигаретном дыму. У стойки — густая толпа, очередь за пивом. За стойкой толстая барменша качает насосом пиво из бочки в пивные кружки, держа их в полуметре от крана насоса, отчего пиво сразу дает большую пену. Голоса в очереди: «Валуха, повыше кружку держи! А то одна пена, в кружке!» **Барменша** (грозно). Ты меня поучи, так вообще пива не получишь!

В бар входят Бакланов и Круглолицый. Круглолицый живо оглядывает бар, замечает столик, за которым сидят **Фиксатый** и мужчина с лицом уголовника. Это единственный столик, возле которого два свободных стула. Круглолицый кивает Бакланову на этот столик.

Круглолицый. Занимайте место, а я мигом! Я без очереди!..

Бакланов подсаживается к **Фиксатому** и его приятелю, перед которыми на крохотном мокром столике шесть пивных кружек.

Круглолицый живо врывается в толпу у стойки, пробивается к барменше, кричит: — Братцы, я тут стоял! (Барменше.) Валуша, ты мне шесть кружек должна!

Бакланов брезгливо очищает от мокрых окурков и пивной пены доставшийся ему

краешек стола, ставит на пол между ногами свой портфель. А Круглолицый, сияя от радости, уже несет по три кружки пива в каждой руке. Садится плотно к Бакланову и с ходу начинает тараторить:

— Я, как вышел из тюрьмы, сразу сказал себе — всё, никакого криминала, иду учиться!..

Бакланов с наслаждением пьет пиво, даже закрывает глаза от удовольствия. Круглолицый, словно из-за тесноты, наваливается плечом на Бакланова, отчего тот покачнулся, и на секунду разжал ноги, сжимавшие портфель. В этот же миг стоящий за спиной Бакланова **Фиксатый** подменяет баклановский портфель точно таким же. Ноги Бакланова опять сжимают портфель, и Бакланов продолжает с наслаждением пить пиво, а Круглолицый трещит без умолку.

Круглолицый. А после тюрьмы, знаете, как трудно в институт поступить? Ужас!..

...В туалете пивного бара **Фиксатый**, запершись в кабине, фотографирует подряд все документы из портфеля Бакланова.

«Москвич» вдовы Цвигуна медленно катит в потоке машин по одной из центральных улиц.

Машина **Ожерельева** следует за ней. Мимо мелькают озабоченные лица прохожих, рыщущих по магазинам в поисках продуктов. Но витрины продовольственных магазинов заполнены только пирамидами из консервных банок кабачковой икры. Молодая женщина несет бутылку молока, прижимая ее к груди, как драгоценность. Прохожие останавливают женщину, спрашивают, где купила молоко. Она показывает рукой, и люди почти бегом устремляются в ту сторону.

«Москвич» останавливается у промтоварного магазина. Здесь толпа — очередь за зонтиками. Вдова Цвигуна выходит из машины и идет сквозь арку во двор одного из домов. Машина **Ожерельева** останавливается рядом, **Ожерельев** следует за ней.

Во дворе вдова Цвигуна входит в один из подъездов. **Ожерельев**, чуть подождав, идет за ней.

В подъезде у двери милиционер. **Милиционер** (**Ожерельеву**). Ваш пропуск? **Ожерельев** (кивнув на дверь). А что здесь? **Милиционер.** Вас не касается. Здесь правительственное учреждение. Освободите подъезд!..

Из двери выходит одетая в дубленку женщина с двумя авоськами, полными пакетами и свертками. Один пакет порван, из него выпирают мандарины.

Женщина (милиционеру). До свидания.

Милиционер. До свидания, товарищ Терешкова. (**Ожерельеву**.) Освободите подъезд!

Ожерельев достает из кармана пальто удостоверение с золотым тиснением «Уголовный розыск», показывает милиционеру.

Спецмагазин для совпартокрлатии.

Магазин похож на западный супермаркет. Стенды заполнены продуктами. Голландские куры, французские индейки, немецкие паштеты, финские колбасы, болгарские помидоры, мясо разных сортов, сыры, молоко, масло...

Несколько покупателей (среди них вдова Цвигуна) ходят от прилавка к прилавку, нагружая тележки продуктами. Ожерельев входит в магазин, следует на расстоянии за вдовой Цвигуна. Она подходит к прилавку кулинарии.

Вдова Цвигуна (продащица). Милочка, мне полкило баранины, грамм триста грудинки и...

Продащица (смущенно). Здравствуйте, Вера Петровна. Одну минуточку... (Уходит в служебное помещение.)

Вдова Цвигуна отходит от прилавка к овощному стенду, кладет в тележку пакет яблок, огурцы, редиску... К ней подходит директор магазина.

Директор магазина. Здравствуйте, Вера Петровна.

Вдова Цвигуна. Здравствуйте, Андрюша. Как жизнь?

Директор магазина. Вера Петровна, я... я должен... я должен вам сказать, что... дело в том, что вас уже нет в списке наших покупателей...

Вдова Цвигуна смотрит на него, окаменев.
...— Вы понимаете, Вера Петровна, это не от меня зависит, я просто получил указание... У нас ведь продукты лимитированы... (Вынимает пакеты с яблоками и другими продуктами из ее тележки, кладет обратно на полки.) Только для семей членов Правительства... (Опустошив тележку, снимает с полки гроздь зеленых бананов, протягивает вдове Цвигуна.) Вот бананы у нас вне лимита, только что получили из Сирии, хотите?

Вдова Цвигуна резко поворачивается, выходит из магазина, выходит из-под арки на улицу, медленно бредет по тротуару... мимо своей машины... мимо овощного магазина, где на пустой витрине только грозди зеленых сирийских бананов...

Из машины Ожерельева выходит женщина — агент Уголовного розыска, следует за вдовой Цвигуна. Та входит в телефонную будку, пробует закрыть дверцу, но дверца не закрывается из-за наледи на пороге. Опускает в телефон монетку, набирает номер.

Женщина-агент останавливается рядом у

газетного стенда. На стенде «Правда» — крупный заголовок на всю страницу: «Вперед к победе коммунизма во всем мире!» Вдова Цвигуна (в телефонную трубку, негромко). Алло! Квартира Брежнева? Ви-ку, пожалуйста... это ее сестра... А где она?.. Может быть, она на даче? Я звоню уже второй день... На юге? А где на юге? Не можете сказать?.. Что ж! Ей же хуже...

Вешает трубку, некоторое время стоит без движения, затем вынимает из кармана своей шубки какой-то конверт, задумчиво рвет его на мелкие кусочки, выходит из будки и бросает разорванные клочки в мусорную урну. Сворачивает за угол, становится в очередь за картошкой.

Женщина-агент тут же подходит к мусорной урне, вынимает клочки разорванного конверта.

Коридор на четвертом этаже Управления московской милиции.

Пшеничный идет по коридору, держа в руках еще мокрые после проявки фотоснимки. У дверей кабинетов следователей — арестованные московские проститутки всех мастей — от хорошо одетых ресторанных до испитых вокзальных. Курят, матерятся. Здесь же охрана.

Пшеничный проходит к двери с надписью «Картотека отдела по разоблачению половых преступлений». Открывает дверь.

В комнате — длинные стеллажи с табличками: «Ресторанные проститутки», «Вокзальные проститутки», «Гомосексуалисты», «Уличные проститутки», «Лесбиянки», «Агенты»...

У стеллажа с табличкой «Убыли в распоряжение КГБ» стоит Светлов, роется в ящике с карточками. На карточках — фото красивых проституток. Иногда Светлов заглядывается на особенно симпатичное личико...

Пшеничный подходит к Светлову, кладет перед ним три влажных фоторобота. На них — слегка схематичные мужские лица, сделанные по словесному описанию. Два лица напоминают Бакланова и генерала Краснова. Третье мужское лицо — совсем молодое, незнакомое.

Светлов (кивнув на фотороботы). Бакланов и Краснов. Спрячь немедленно, и чтоб ни одна душа их пока не видела! А этот, значит, раненый. Отпечатай сто штук, возьми двадцать оперативников в моем отделе и пусть снова ищут его по московским больницам.

Пшеничный. Но в больницах нет раненых огнестрельным оружием!..

Светлов. Это неважно, это для отвода глаз. А сам по-тихому берешь трех врачей город-

ской санитарной инспекции, и чтобы сегодня же во всех тюремных больницах устроили санитарную проверку. На чуму, на холеру, на дизентерию — это их дело. Рутинная инспекция — ничего больше. Но чтобы обошли в тюремных больницах всех больных! Ты понял?

Пшеничный кивает, забирает снимки, идет к двери.

Светлов радостно восклицает у него за спиной:

— Есть!..

Пшеничный оборачивается.

Светлов победно показывает учетную карточку с фотографией Тамары, хлопает по карточке рукой:

— ...Точно! Раньше работала на милицию, а два года назад убыла в распоряжение КГБ! Еще бы! Такая краля! Они у нас всегда лучшие кадры забирают! Значит, они мне ее подсунили. То есть подсовывали Шамраева, а досталась мне. (Читает с карточки.) Тамара Бахши, улица Революции, 17, квартира 5. (Неожиданно меняется в лице.) Слушай, а если она... Ты не знаешь, какие симптомы сифилиса?

Кабинет Андропова. Полдень.

Окна кабинета выходят на площадь, где стоит высокая каменная фигура Дзержинского. За площадью, над домами виден Кремль. И портрет того же Дзержинского висит в кабинете, рядом с портретами Ленина, Брежнева и Суслова. Нижний край портрета Суслова перевязан черной траурной лентой. Под портретами — книжный стеллаж, письменный стол с шестью телефонами, дверь в комнату отдыха, удлиненный стол для заседаний. За столом — Андропов, Курбанов, Рекунов, Краков и генерал Краснов. Кроме Андропова все в форменных мундирах своих ведомств, и, таким образом, здесь сидят сейчас вся карательная власть в СССР — КГБ, милиция, прокуратура. На столе — бутылки с минеральной водой, деловые блокноты, папки.

Андропов (негромко, не спеша, вальяжно). Этот январь стал для нас месяцем больших испытаний. Не говоря уже о трудностях в Польше и Афганистане, за пять дней две такие утраты — мой первый заместитель генерал Цвигун и товарищ Суслов. Западная пресса пытается связать два эти события и выдумывает всякие инсинуации. Я подчеркиваю это потому, что любая нездоровая шумиха вокруг имен руководителей нашего государства отражается на международном престиже нашей партии и страны. Следовательно, сейчас крайне важно объединить усилия милиции, прокуратуры и

нашего КГБ в расследовании обстоятельств гибели Цвигуна. Лично мне с самого начала это самоубийство показалось странным, а теперь, после признаний некоего Бориса Бурятского, дело начинает проясняться...

Фотолаборатория в Управлении московской милиции.

В тесной кабине фотолаборатории Шамраев и Светлов сидят над еще влажными фотоотпечатками документов из портфеля Бакланова.

Светлов. Ничего интересного! Протоколы допросов начальника отдела виз и каких-то киношников. И всё. Я вообще не понимаю, на кой черт Бакланов в такое горячее время занимается какой-то еврейской семьей, которая три года назад за взятку получила разрешение на эмиграцию! (Рассматривает фотографию молодой красивой женщины на одном из документов с грифом «Выездное дело».) Девочка ничего, но мало ли сейчас уезжает в Израиль красивых евреек! Старик, мы теряем время!

Шамраев вчитывается в фотоотпечатки листов из блокнота Бакланова.

Шамраев. Я знаю Бакланова двадцать лет. Это прекрасный следователь, лучше меня. Он ничего не делает зря... (Читает с листа.) «Мингадзе бесполезен, отправить в Фергану на урановые рудники»... Смотри, здесь даже тезисы заданий нашей разведке в Израиле. (Читает, подняв мокрый лист ближе к свету.) «Аню Финштейн можно найти в Израиле — а) по телефонной книге; б) через эмигрировавших в Израиль советских кинематографистов; в) подкупив чиновника Израильской автомобильной инспекции, по регистрационной карточке ее автомобильных прав». Знаешь, КГБ за границей деньги зря не тратит. И тем более, по желанию какого-то там Бакланова. Что-то за этим есть. Три года назад 19 июля — странная смерть Кулакова, в этот же день Цвигун арестовывает своего приятеля по карточной игре Мингадзе, и в этот же день семья Финштейнов дает бешеную взятку за разрешение на эмиграцию и назавтра, не потратив и дня на сборы, уезжает из страны. И теперь Бакланов прячет от нас этого Мингадзе, а КГБ ищет в Израиле эту Аню Финштейн. (Задумчиво.) Мы где-то рядом... рядом с какой-то тайной...

Светлов. Но все это было три года назад. А Цвигуна и Ниночку кокнули только что!..

Стук в дверь.

— ...Кто? Мы заняты!

Голос Ожерельева из-за двери. Есть новости, товарищ полковник.

Светлов идет к двери, отпирает. Входит капитан Ожерельев. В руках у него лист

ватмана, на который наклеены аккуратно сложенные клочки письма, разорванного вдовой Цвигуна.

Ожерельев. Разрешите доложить?

Светлов (нетерпеливо кивает на лист ватмана). Что это?

Ожерельев. Письмо из Израиля некоей Ани Финштейн лично жене Цвигуна. Жена Цвигуна порвала его и выбросила после безуспешных попыток дозвониться своей сестре — жене товарища Брежнева.

Светлов и **Шамраев** переглядываются. **Светлов** быстро берет лист ватмана, читает.

Светлов. «Уважаемая госпожа Цвигун. Больше трех лет назад ваш муж посадил в тюрьму моего жениха Гиви Мингадзе...» (Переглядывается с Шамраевым.) «В тот же день мы срочно эмигрировали из СССР, и все эти годы я не знала истинной причины нашего бегства. Месяц назад мой папа умер и перед смертью рассказал мне правду. Оказывается, мой жених Гиви Мингадзе, пользуясь тем, что регулярно играл в карты в доме брата Брежнева Якова, и по заданию бывшего члена Политбюро Федора Кулакова установил в квартире Якова Брежнева скрытый магнитофон со сверхчувствительным микрофоном и в течение трех месяцев записывал все домашние разговоры Леонида Брежнева и его семьи...» (Комментирует от себя.) Представляю эти разговорчики!

Шамраев. Читай дальше!

Светлов (читает). «Кулаков собирался с помощью этих пленок скомпрометировать Брежнева перед другими членами Политбюро и занять его место. За это он обещал моему жениху пост Министра внешней торговли». (Снова комментирует.) Тоже неплохо!

Шамраев Ты читай!

Светлов (читает). «Мой отец — бывший звукооператор киностудии «Мосфильм» — очищал эти пленки от посторонних шумов методом многократной перезаписи. 19 июля 78 года в Сандуновских банях мой жених Гиви Мингадзе передал готовые пленки Кулакову, и оба были схвачены там агентами Цвигуна. Назавтра в газетах было сообщение о скоростной смерти Кулакова от сердечного приступа, а мой отец отдал все наши сбережения за разрешение на выезд в Израиль и вывез меня, хотя я была на последних днях беременности. Все эти годы он молчал, и только от приехавших эмигрантов я узнала, что мой жених получил три года тюрьмы за валютные операции. Я ждала, что через три года он выйдет из тюрьмы и эмигрирует к нам, в Израиль. Но этот срок прошел, а он по-прежнему сидит в тюрьме...» (Комментирует.) Еще бы! И будет сидеть всю жизнь! (Читает дальше.) «Сразу после смерти отца, 2 января

этого года я послала письмо в КГБ вашему мужу генералу Цвигуну. Я предложила ему честный обмен: он выпускает в Израиль Гиви Мингадзе, отца моего сына, а я в ответ сообщаю ему, где мой отец спрятал перед отъездом 24 боббины черновых пленок с записью домашних разговоров Леонида Брежнева». (Комментирует от себя.) Идиотка! Все письма с Запада сначала проходят цензуру! Теперь всё ясно! Цензура положила это письмо не на стол к Цвигуну, а сразу — либо Андропову, либо Суслову! И — понеслась! Теперь ясно, какие пленки они тут ищут в квартирах Цвигуна и почему наша разведка должна охотиться за этой Анечкой в Израиле. Да, эта девочка попала в хороший перелет! Не сегодня-завтра она будет в Москве, на Лубянке.

Шамраев (кивнув на письмо). Там — всё?

Светлов. Нет, не все. (Читает.) «Конечно, зная, что такое КГБ, я не сообщила в письме свой домашний адрес, а только — номер почтового ящика на почте, где работает моя подруга». (От себя.) Умница! (Читает дальше.) «12 января в этом ящике лежала открытка, там было написано: «Аня, нужно обсудить обмен. Встретимся 14 в 2 часа дня в кафе «Пенаты» в Тель-Авиве». Но в этот же день моя подруга, которая работает на почте, обратила внимание на незнакомых мужчин и женщин, которые, сменяя друг друга, топчутся на почте у стенки с почтовыми боксами. Мужчины были арабы, а женщины были похожи на русских, — у нас в Израиле есть целое поселение арабов, которые учились в Москве и привезли себе русских жен. Я поняла, кто послал их на эту почту, и в тот же день покинула Израиль». (От себя.) Молодец! Правильно! (Читает.) «Уже в Европе я узнала из газет, что ваш муж умер. Теперь мне не к кому обратиться, кроме вас. Но я должна сообщить отцу своего сына. Поэтому передайте ли. но вашему шурина Леониду Брежневу; если в течение одной недели отец моего сына Гиви Мингадзе не окажется на Западе, я расскажу западным корреспондентам, где отец спрятал эти пленки перед отъездом из Москвы. И тогда весь мир услышит своими ушами все, что Брежнев, его сын, дочь и брат, а также ваш муж Цвигун и министр Устинов говорят в домашнем кругу о советской власти, коммунизме, советских военных планах и лично о каждом члене вашего Правительства и лидерах Коммунистических партий Западных стран». (От себя.) Oго! Ничего себе ультиматум! (Читает.) «Связаться со мной в Европе можно по телефону: 0611-34-18-19. Это Ансверинг Сервис. Можно продиктовать для меня записку. Не бойтесь: это письмо доставит вам не CIA. Я нашла человека,

который летит в СССР в турпоездку. 24 января он подкинет это письмо в ваш почтовый ящик, и если до 30 января Гиви Мингадзе не выедет на Запад, 31 января я иду к американским корреспондентам. С должным уважением Анна Финштейн». (Без паузы, Ожерельеву.) Так, сейчас же в «Интурист», привези списки всех иностранных туристов, которые прилетели за последние пять дней!

Шамраев. Отставить.

Светлов. Почему? Мы найдем этого туриста, через него — эту Аню Финштейн и перехватим пленки под носом у Бакланова. Им же нужны эти пленки к следующему заседанию Политбюро, к 4 февраля. А пленки будут у нас, и твой Брежнев — спасен!

Шамраев. Ты что — полетишь куда-нибудь в Париж попытать там эту Аню Финштейн? (Снимает телефонную трубку, набирает номер. В трубку.) Генерала Жарова, пожалуйста... Товарищ генерал, это Шамраев. Мне нужно срочно встретиться с товарищем Брежневым... Очень срочно... Только через два часа? Хорошо, я буду. (Кладет трубку, смотрит на наручные часы, Светлову.) Через десять минут мой сын выйдет из школы. Мне нужно с ним поговорить перед главными событиями. Подвезешь к школе?

Светлов. Минуту.

Берет с лабораторного стола пустую колбу, идет к двери.

Шамраев. Куда ты?

Светлов. В сортир. Этой суки Тамары нет дома, и я не знаю, есть у нее триппер или нет. Говорят, при триппере в моче какие-то хлопья должны быть. Вот и проверю каждые полчаса.

Кабинет Андропова.

Андропов, Курбанов, Рекунков, Каракоз и Краснов по-прежнему сидят за столом для заседаний. За окном — солнечный морозный день.

Курбанов. Конечно, при осмотре квартиры Цвигуна в день его смерти мы допустили несколько промахов, это я признаю. Не заметили царапину на форточке, не сделали графологической экспертизы его предсмертной записки. И молодец следователь Шамраев, что он эти промахи исправил. Если бы не контакты этого Бориса Бурятского с иностранцами, я бы первый сказал генералу Краснову: отдайте Бурятского Прокуратуре, пусть они разбираются. Но у нас есть данные, что Бурятский — завербованный иностранный агент. И тут возникает не только перспектива разоблачения враждебной акции иностранных разведок, но и более интересная возможность — перевербовка агентов, с которыми

я имел дело Бурятский. А это уже целиком в ведении КГБ, как вы понимаете. (С улыбкой.) Конечно, у Прокуратуры или у милиции может возникнуть впечатление, что они провели всю основную работу, а мы снимем пенку...

Все улынулись. Генерал Краснов двигает папку с грифом «МВД СССР. Совершенно секретно. Дело Б. Бурятского» в сторону Курбанова.

Генерал Краснов. Лично мы готовы пожертвовать наградами ради интересов государства...

Андропов, Курбанов, Краснов и Каракоз смотрят на Рекункова. Рекунков берет папку, листает ее, прокашливается в кулак. **Рекунков.** Кх-м!.. Лично я с самого начала мечтал избавиться от этого дела. Как говорится, баба с возу — кобыле легче...

Все смеются, генерал Краснов облегченно откидывается в кресле.

— ...Но я вижу, что и мой следователь Шамраев, и товарищи из милиции сделали в ходе следствия две грубые ошибки. Формально, признание Бурятского не может быть его же обвинением. Во всяком случае, он должен показать, что он действительно умеет подделывать почерк генерала Цвигуна, и кроме того, нужен следственный эксперимент — нужно отвезти Бурятского на квартиру Цвигуна, и пусть он по минутам покажет, как было дело. А вдруг у него были сообщники — какие-нибудь агенты СИА или еще кто-то...

Рекунков невинными глазами смотрит на Андропова и Краснова.

Курбанов. Это и мы можем сделать. Он у нас не только по минутам, он по секундам все покажет!

Все усмехнулись.

Рекунков. Я понимаю. Но, по данным милиции, Бурятский сейчас болен, у него высокая температура. Мы не имеем права допрашивать больного...

Курбанов делает пренебрежительный жест.

— ...Вы должны войти и в мое положение. Это ведь мне нужно идти к товарищу Брежневу и говорить, что я отказываюсь от дела. (Смотрит в упор в глаза Краснову.) Вот положите в эту папку результаты следственного эксперимента и графологической экспертизы почерка Бурятского, и всё — я поеду к Брежневу, доложу, что убийца Цвигуна найден и мы отдаем его в руки КГБ. **Краснов.** Но ведь это займет минимум два дня!

Рекунков. А куда нам спешить? Бурятский от вас не сбежит, я надеюсь?

Школьный двор с выходом на улицу.

Солнечно. Морозно. Легкий снег. Милицейская «волга» подкатывает к школьному двору. За рулем Светлов, рядом — Шамраев.

Из 5-этажного здания школы слышен школьный звонок, и почти одновременно с ним вываливает во двор орда подростков. Гиканье, крики, чехарда, швыряют друг в друга снежками. Сквозь эту толпу идут, рванцами укрыв головы от града снежков, четверо мальчишек лет по 12. Группа 14-летних подростков с криками «Жида! Жида!» забрасывают их тяжелыми комьями снега, бьют по спине портфелями, а сын Шамраева — Антон с криком «Бей жидов!» с разбегу толкает одного из этих 12-летних в спину, и мальчишка падает лицом в снег.

Шамраев подбегает к сыну, хватает его за воротник куртки.

Шамраев. Ты что делаешь?!

Антон. А чего они Голанские высоты забрали, паскуды?!

Шамраев (удивленно). Кто — они?

Антон. Кто-кто! Жида!

Резко дернувшись, вырывается из руки Шамраева. Шамраев с оторопью смотрит на своего сына. Перед ним, набычавшись, стоит рослый, крепкий подросток. Сзади, за Антоном, ватага таких же подростков взащей выталкивает четырех еврейских мальчишек со школьного двора, крича им:

— ...Катитесь в свой Израиль! Жида!

Антон делает движение, собираясь уйти.

Шамраев. Стой. А ты-то кто? Ты же сам частично еврей.

Антон (со злобой кричит Шамраеву в лицо). Я не еврей!

Нервно оглядывается — не слышит ли кто их разговора.

Шамраев. Подожди. Успокойся. Твой дедушка, мой отец был еврей. И значит, я наполювину еврей. А ты — ну, скажем, на четверть.

Антон (перебивает со злостью). Я не еврей, и мы не евреи! У тебя жена была русская, и все твои любовницы русские! Ты спиши с русскими бабами, ты живешь в России, ты говоришь и думаешь по-русски! Ты знаешь хоть одно еврейское слово? Может, ты по ночам учишь иврит?

Шамраев. Ну, в принципе, я хотел бы знать еврейский язык...

Антон. А я — нет! Ни еврейский язык, ни твоего еврейского дедушку! Я русский! У меня мать русская, и я хочу быть русским!!

Шамраев. Никто тебе не запрещает. Но зачем быть антисемитом? Или это национальная русская черта? У меня полно русских друзей, и никто из них не бьет меня за то, что я наполювину еврей.

Антон. Будут бить! Вот посмотришь! Зачем ты пришел? Познакомить меня с твоей очередной Ниночкой? Или предложить мне

сделать обрезание?

Шамраев. О'кей...

Нагибается, поднимает с земли кусок льда, протягивает сыну.

—Брось в меня. Я ведь жид. Ну! Смелей! Назови меня жидовской мордой!

Антон смотрит ему в глаза, поворачивается и уходит. Шамраев стоит, держа в протянутой руке кусок льда, смотрит вслед уходящему сыну.

Шамраев (громко). Антон!

Антон не оглядывается, ускоряет шаг, уходит со школьного двора. Шамраев зло бросает кусок льда в сугроб.

Андропов стоит в пустом кабинете у окна, смотрит на площадь Дзержинского, на Кремль. Это долгий, спокойный, пристальный взгляд. От его окна до Кремля совсем близко... Часы на Спасской башне показывают 14.00. Андропов поворачивается, идет в открытую дверь комнаты для отдыха. Здесь уютно почти по-домашнему. За обеденным столом сидят Курбанов и Краснов. На столе обед на три персоны, но Краснов и Курбанов не едят, ждут Андропова, разговаривают между собой, слегка пикируясь.

Курбанов. Похоже, Рекунков просто тянет время. И уж совсем глупо, что Уголовный розыск работает на Шамраева.

Краснов. Ничего. Зато они на виду. Ищут раненого по больницам. Пусть бегают! Хуже, что эта жидовка куда-то исчезла от вас в Израиле.

Курбанов. Никуда не денется. Наши люди в аэропорту «Бен Гурион» установили, что 15-го она вылетела в Рим. Нам это только на руку: из Европы ее легче вывезти...

Андропов подходит к стенному шкафу, включает «Грюндиг» последней модели. Слышится мужской голос, покрываемый шумом глушилок.

Голос по радио. ...Из Москвы сообщают, что в ходе массовых арестов лидеров левой экономики арестован близкий друг дочери Брежнева Галины некий Борис Бурятский по кличке «Цыган»...

Голос диктора пропадает за шумом глушилок. Андропов набирает на селекторе трехзначный номер, говорит в микрофон:

— Захаров, прекрати глушение.

В ту же секунду вой глушилок исчезает. Чистый голос по радио. ...Подвергается допросам и сама дочь Брежнева Галина. Сын Брежнева, первый заместитель министра внешней торговли, Юрий Брежнев, уже несколько дней не появляется на работе. Аккредитованные в Москве корреспонденты полагают, что члены семьи Брежнева подготавливаются в тесных связях с лидерами нелегальной советской экономики. Вы слушае-

те «Голос Америки» из Вашингтона. Продолжаем передачу последних известий для жителей Сибири. В Москве циркулируют слухи о том, что покойный первый заместитель Председателя КГБ генерал Цвигун был инициатором массовых арестов лидеров нелегальной экономики, что вызвало гнев Сулова и Брежнева. По слухам, в результате острого разговора Сулова с Цвигуном на эту тему последний покончил жизнь самоубийством... Варшава. Ожидают, что завтра генерал Яру...

Андропов наклоняется к микрофону лектора.

Андропов. Захаров, дальше можешь глушить. Второе: вечером то же самое будут, наверно, передавать для Москвы. Эти сообщения не глушить.

Выключает приемник, садится к столу, приступает к обеду.

Краснов. «Голос Америки» прославляет борьбу КГБ с коррупцией и компрометирует семью Брежнева! Красивая работа! Поздравляю!

Курбанов (гордо усмехнувшись). Это только начало. Сегодня мы подбросим западным корреспондентам еще что-нибудь остренькое про брежневскую семейку. Они это любят. А западным станциям народ у нас верит больше, чем своим...

Андропов молча наливает себе в рюмку виски «Джонни Уокер».

Грязный ресторан-забегаловка. Несколько посетителей опущенного вида в разных углах за столиками с водкой и незначительной закуской.

В углу — Светлов и Шамраев. Перед ними на грязной скатерти стоит наполовину пустая бутылка водки, два соленых огурца в блюде, две тарелки с ромштексами, похожими на стертую подошву.

Шамраев залпом выпивает полстакана водки.

Светлов. Остановись! Тебе к Брежневу через час.

Шамраев (хмельно). Да пошел он... Они у меня сына испоганили — Сулов, Брежнев! Слушай, тебе мешает, что я — еврей?

Светлов. Глупости! Успокойся. Закусывай...

Светлов пробует ножом разрезать ромштекс, но ромштекс не поддается.

Шамраев резко поворачивается к залу, говорит громко:

— А кому тут мешает, что я — еврей?!

Посетители оглядываются на него.

Светлов (одергивая Шамраева). Тихо!..

Из кухни через зал к ним спешит администратор ресторана. У него решительное, пышнощекое лицо, полные губы и маленькие бледно-свинцовые глазки. Увидев пол-

ковничьи погоны Светлова и мундир прокуратуры на Шамраеве, меняет гневное выражение лица на угодливое.

Администратор. У вас что-нибудь не так, товарищи?

Глазки его бегают с погон Светлова на лычки шамраевского мундира, он не знает, кто из них старше по званию. Сгибается перед Светловым.

Администратор. Может, вам закуски добавить, товарищ полковник? А то я вижу, официантка недоглядела, что у нас такие гости. Только что угря копченого привезли и мясо немороженое. Давайте я ваши ромштексы на шашлыки поменяю.

Мгновенно забирает со стола тарелки с ромштексами, бросает грозный взгляд на официантку, хочет уйти.

Светлов. Фамилия?

Администратор. Моя?

Светлов. Свою я знаю.

Администратор (заикнувшись). Н-н... Незначный...

Светлов. Имя?

Администратор. Ф-ф... Феликс...

Светлов. Еврей?

Администратор (поперхнувшись). Е-е... еврей, но это... Член партии, товарищ полковник!

Светлов. Ну и как! Тебе мешает жить то, что ты еврей? Тебя обижают в России? **Администратор.** Никак нет, товарищ полковник! Что вы?! У меня вообще жена русская, и я ни в чем не ущемлен, я совершенно не чувствую свою национальность!..

Администратор выпрямился, выпитый грудь. Блиноподобное лицо с маленькими глазками изображает возмущение — как можно подозревать, что его что-то не устраивает в советской жизни!

Светлов. (Шамраеву). Вот видишь. Никому тут не мешает, что ты еврей. (Администратору.) Тащи шашлыки.

Администратор. В один момент!.. (Поспешно уходит.)

Шамраев. Блядская страна!

Светлов. Почему?! Наоборот — потрясающая страна! Где еще при одном виде твоих погон тебя будут так обслуживать?

Шамраев. Марат, мне уже наплевать — хорошо в этой стране евреям или нет. И кто тут будет у власти через месяц — Брежнев, Черненко, Устинов или Андропов. Тут все равно никогда ничего не изменится. Но одно я должен сделать — рассчитаться за Антона, которого тут сделали антисемитом, и за Ниночку. У меня есть идея...

Светлов. За Нину мы рассчитаемся. Я сам вчера в море покаялся.

Шамраев. Мне нужен такой круглый металлический ящик — ну, знаешь, в которых киношники держат пленку...

К их столику быстрой походкой подходит администратор с подносом, полным закусок.

Кремль. Приемная и кабинет Брежнева. Ранние сумерки.

Дверь в кабинет Брежнева открывается, на пороге — личная секретарша Брежнева. Секретарша. Товарищ Шамраев, прошу вас...

Шамраев встает с кресла, держа в руке деловую папку.

Генерал Жаров. Может, рюмку коньяку для храбрости?

Шамраев отрицательно качнул головой.

Жаров быстро ощупывает его карманы.

Жаров. Не обижайся, порядок такой... прошу!

Шамраев через кабинет секретарши проходит в кабинет Брежнева.

Просторный кабинет тонет в рубиновом полумраке. За окнами, совсем близко, горит на Спасской башне огромная рубиновая звезда, и свет ее красит кабинет рубиново-красными отблесками. В этом свете скромная обстановка кабинета только угадывается — письменный стол с настольной лампой под абажуром, книжный стеллаж у стены, портрет Ленина. У окна, в кресле-качалке спит Брежнев, завернутый в шерстяной клетчатый плед. Его мясистое лицо безвольно обмякло во сне, рот открыт.

Жаров взглядом указывает Шамраеву на стул напротив Брежнева.

Шамраев осторожно садится.

Брежнев, встрепенув черные брови, открывает глаза.

Брежнев. А? (С интересом смотрит на Шамраева.) Ты кто?

Жаров. Это следователь Игорь Шамраев, товарищ Брежнев.

Шамраев. Добрый вечер, Леонид Ильич.

Брежнев (преодолевая затрудненную подвижность нижней челюсти, медленно.) Ну?.. Что с Цвигуном?.. Его убили?

Шамраев. Я должен говорить с вами наедине, товарищ Брежнев.

Брежнев кивком головы приказывает Жарову выйти, тот уходит.

Брежнев. Ну? Его убил Анд... Анд... Андропов?

Шамраев. Я могу оперировать только фактами... (Открывает папку, вытаскивает три портрета-фоторобота.) Эти люди были в квартире Цвигуна в момент его смерти. Одного из них, вот этого, Цвигун ранил...

Брежнев живо, совсем не по-стариковски, подаетя вперед.

Брежнев. Ты их арестовал? Чьи эти люди? Андропова?

Шамраев. Арестовывать их еще рано...

Брежнев. Что значит рано?! У нас есть толь-

ко несколько дней! И вообще, я не подписал некролог, сделал вид, что поверил в самоубийство, чтобы они не очень старались замести следы. Но сколько я могу прикидываться большим дурачком?

Шамраев. Дело не столько в том, кто конкретно убил Цвигуна, сколько в том, почему убили...

Оперативная комната Уголовного розыска в Управлении московской милиции. В ней несколько письменных столов, сейф, портрет Держинского, зарешеченные окна.

Ожерельев, Акопян, Пшеничный и еще несколько оперативных работников стоят, сгрудившись у одного из столов. На столе транзисторный приемник «Спидола». Под столом дремлет служебно-розыскная овчарка.

Мужской голос по радиоприемнику. Западные советологи связывают смерть Михаила Суслова со смертью генерала Цвигуна, который, по слухам, покончил жизнь самоубийством. Сразу после разговора с Михаилом Сусловым. Как сообщают московские корреспонденты западных газет...

В комнату входит Светлов, останавливается на пороге. Подчиненные стоят к двери спиной и не замечают его появления.

—...Генерал Цвигун был инициатором арестов лидеров левой экономики и разоблачения связей с ними семьи Леонида Брежнева...

Светлов (громко, с негодованием). Это что такое?

Все поворачиваются к нему, кто-то испуганно выключает приемник.

Светлов (подходя к столу). Это что такое, я спрашиваю?

Акопян Это «Голос Америки», товарищ полковник...

Светлов. Я сам слышу, чей это голос! Но с каких пор Уголовный розыск лезет в политику? Мы — сыские ищейки и только! И нехер слушать эти «Голоса» — от них только бессонница по ночам. Нам поручено найти убийцу Цвигуна, и что бы они там ни говорили (кивает на приемник), мы его найдем! За это нам деньги платят...

Пшеничный (негромко). Уже нашли. Тот, кого ранил Цвигун, лежит в тюрьме «Матросская тишина» в лазарете, прострелено бедро. Это капитан КГБ Скворцов. Будем брать?

Ожерельев. Но выходит, мы работаем против КГБ. Это их убийство...

Светлов (с размаху бьет кулаком по столу). Тихо!

Овчарка в наморднике с грозным рычаньем выскакивает из-под стола, бросается к Светлову, он отскакивает, кричит на собаку. Ов-

чарка послушно ложится.

Светлов (не теряя запала, всем сотрудникам): Мне плевать — КГБ или не КГБ! Мы выполняли правительственное задание, и в ходе этой работы какая-то падла убила Ниночку. Для меня это значит, что убили одного из нас — тебя или меня! Всё! А если мы почти уверены, что ее убийца и убийцы Цвигуна — одна компания, то что? Замнем это дело? И пусть нас шарахают из-за угла кому не лень? Короче, кто трусит и хочет выйти из игры, — скатертью дорога!

Женский голос. Правильно!..

Все поворачиваются к двери. В двери стоит вдова Цвигуна.

Вдова Цвигуна (продолжает, входя в комнату). Именно так всегда говорил Феликс Дзержинский. (Кивает на портрет Дзержинского.) Я пришла, чтобы дать показания. В обмен на то, чтобы съемки моего фильма продолжались. (Пристально смотрит на Ожерельева.) Я вас где-то видела... сегодня...
Светлов. Боюсь, что ваши показания мы уже получили...

Кремль. Кабинет Брежнева.

Брежнев по-прежнему сидит у окна в кресле-качалке, освещенный рубиновым светом звезды на Спасской башне. Напротив него — Шамраев.

Брежнев (наклонившись к Шамраеву, тяжело дыша). Эти пленки нужно найти!.. Любой ценой!.. Они не должны попасть к Андропову!.. Ты понял?

Шамраев. Есть только один путь найти пленки раньше, чем их найдут КГБ и генерал Краснов. Просто отдать этой Ане Финштейн ее жениха. Я должен срочно встретиться с ней в Западном Берлине, и в обмен на пленки мы выпустим из Восточного Берлина Гиви Мингадзе.

Брежнев откидывается в кресле-качалке, задумчиво раскачивается.

Брежнев. А иначе — никак?

Шамраев. Иначе пробует вся агентура КГБ на Западе. Я им не конкурент.

Брежнев снова раскачивается в кресле-качалке. Блики рубинового света плывут по его лицу.

Брежнев. Так... А откуда я знаю, что ты сам... не сбежишь на Запад?

Шамраев. У меня здесь сын.

Брежнев (задумчиво). Сын? Н-да... Родители детей не продают. Это дети...

Смотрит в окно. На Спасской башне часы показывают 5.59. Брежнев поспешно встает. На нем шерстяная рубашка, спортивные брюки и толстые носки. Он подходит к письменному столу, достает из него небольшие пробки-тампоны и затыкает уши. Шамраев удивленно наблюдает за ним.

Куранты Спасской башни начинают бить шесть часов. Звук густой и предельно громкий. В рубиновом свете Брежнев, закрыв ладонями уши, морщится при каждом ударе курантов, словно от боли. После шестого удара вытаскивает пробки из ушей, с облегчением вздыхает.

Брежнев. Засранец этот Ленин... Придумал куранты!.. У меня от них голова лопается... Каждый час! Хорошо, придется отдать ей этого сукиного сына... А ты уверен, что тебя не кокнут люди Андропова, если узнают, что ты летишь за пленками?

Шамраев. Нет. Они захотят переиграть меня и на последнем этапе отнять пленки. Но у меня это продумано...

Брежнев (усмехнувшись). На последнем этапе я их сам переиграю... Ладно. В какой тюрьме этот Мингадзе?

Шамраев. Он едет сейчас в Фергану на урановые рудники...

Брежнев нажимает кнопку на своем письменном столе. В дверях возникает личная секретарша Брежнева.

Брежнев. Ко мне срочно: командующего авиацией, министра железных дорог и журналиста Белкина. (Шамраеву.) Кто еще тебе нужен?
Шамраев (удивленно). Белкин мне не нужен...

Брежнев. Белкин через час вылетит в Европу и позвонит этой еврейке из какого-нибудь Парижа. А отсюда ей звонить нельзя, КГБ прослушает. (Жестом отсылает секретаршу, возвращается к креслу-качалке, садится.) Ладно... Пока их привезут, ты можешь мне рассказать, что такое левая экономика? А то я тут слушаю «Голос Америки», но ведь они же всё врут, сволочи. А мои советники им подпевают! Какая у нас, к черту, левая экономика?!

Шамраев в изумлении смотрит на Брежнева.

—...Или .. не врут?

Шамраев. Вы серьезно?

Брежнев. Слушай, ну как может быть нелегальная экономика, когда есть милиция, Прокуратура и КГБ. Как можно открыть подпольную фабрику?

Шамраев. Да очень просто. Всех купить. Например, в Сочи подпольная фабрика выпускала нейлоновые куртки и продавала их в Сибири в государственных магазинах. Начальник сочинской милиции каждый месяц получал взятку, как зарплату, то же самое — все ревизоры сибирских магазинов. И так — всюду. Одежда, продукты, квартиры...

Брежнев. Так что? Неужели во всей стране нет честных людей, которые не берут взятку?

Шамраев. Таких убирают. Случайная авария машины или...

Брежнев. Но ведь это мафия?

Шамраев молчит.

—...Нет, не может быть!.. Вот ты же не берешь взятки?

Шамраев. Беру.

Брежнев смотрит на него удивленно. Наклоняется к нему.

Брежнев. У кого?

Шамраев. У вас. Вы мне дали 10 тысяч.

Улица Горького. Гостиница «Националь». Вечер. Подкатывает милицейская «волга», за рулем — Светлов. Ставит машину между интуристскими автобусами, идет мимо выходящих из автобусов иностранцев в гостиницу. Вокруг слышна французская, немецкая, итальянская речь. Интуристы отличаются от москвичей холеными лицами, прямой походкой, дорогими шубами.

В номере-люкс «Националя» находится оперативная служба КГБ по негласной слежке за иностранцами. Несколько столов с экранами телеустановок показывают вестибюль гостиницы, ресторан, бар, коридоры и, если нужно — любой номер. За каждым столом сидят в наушниках сотрудники КГБ, следят за экранами.

Светлов показывает начальнику службы майору КГБ Шаховскому учетную карточку Тамары, изъятую им из Отдела по раскрытию половых преступлений.

Светлов. Твоя?

Шаховской. А в чем дело?

Светлов. Сегодня утром из Загорского монастыря пропали четыре иконы 17-го века. Есть данные, что их собираются сплавить за рубеж через иностранцев с помощью этой красотки.

Шаховской (глядя на фотографию Тамары). Убыло!

Светлов. Пока не надо. Просто дай мне ее на часок.

Шаховской (в затруднении). Она сейчас занята с одним шведом...

Подходит к пульту, на экранах которого виден валютный бар. В баре — тесные столики, множество иностранцев с красивыми молодыми русскими женщинами. Пьют коктейли, танцуют под небольшой джаз-оркестр. Шаховской переключает рычажки на пульте, слышна музыка оркестра из бара, и экран «панорамирует» по бару, «наезжает» на один из столиков, за которым сидят трое молодых иностранцев и три русские девушки. Одна из них — Тамара.

Светлов. Она!

Решительно идет к выходу.

Шаховской. Вы куда?

Светлов. Не бойся, я с ней только потанцую...

Шаховской. Но не в мундире же, товарищ

полковник! Вы мне всех иностранцев на смерть перепугаете! (Кивает на дверь соседней комнаты.) У нас там реквизит, переоденьтесь...

По-прежнему слышна музыка из бара.

Сибирь. Железная дорога.

Три военных вертолета летят над железнодорожной колеей. Вокруг — заснеженная тайга. Вертолеты догоняют поезд — открытые платформы с углем, пассажирский вагон и три вагона с крохотными зарешеченными окнами. Обгоняют паровоз, зависают перед кабиной машиниста. Машинист испуганно тормозит. В темном холодном вагоне заключенные от резкой остановки посыпались с нар.

В единственном пассажирском вагоне игравшие в карты охранники бросились к двери. Здесь уже висит веревочная лестница с ревущего вертолета, по лестнице спускается полковник десантных войск, показывает начальнику охраны какую-то бумагу. Начальник бежит к вагону с заключенными, открывает замок, откатывает тяжелую дверь, кричит что-то в вагон — за ревом вертолетов не слышно, что именно. Из глубины, пошатываясь от слабости, появляется Гиви Мингадзе — тот самый стриженный наголо, изможденный 35-летний грузин, которого допрашивал Бакланов, когда к нему впервые пришел Шамраев.

Мингадзе прыгивает из вагона на снег, полковник-десантник тащит его по веревочной лестнице в вертолет.

Вертолеты взмывают над поездом и тайгой, ложатся на обратный курс.

В баре гостиницы «Националь» полумрак, шумно, многолюдно, играет джаз-оркестр. Тамара, две ее пышногрудые русские подруги и три молодых иностранца сидят за столиком. На столе коктейли и портативный магнитофон. В руках у одного из иностранцев блокнот. Пышногрудая девушка-блондинка, пытаясь выудить соломинкой вишню из коктейля, говорит на плохом французском: — Вообще, эта Галя Брежнева такие дела делает — фью-у! Вся Москва знает! Если бы КГБ дали всё раскрутить...

Иностранец с блокнотом (заинтересованно, по-французски). Какие дела?

К столику подходит Светлов. Он в гражданском костюме, при галстук. На ломаном немецком обращается к мужчине, сидящему рядом с Тамарой.

Светлов. Извините, я могу пригласить вашу даму на танец?

Тамара, увидев Светлова, меняется в лице.

Светлов Тамаре по-русски: «Скажи ему, что я твой старый друг».

Тамара (своему иностранцу по-французски). Это мой друг...

Иностранец кивает. Светлов уводит Тамару к оркестру. Здесь грохот джазового квартета покрывает все голоса. Прижав к себе Тамару, Светлов говорит ей на ухо, танцуя. **Светлов**. Детка, вопрос первый. У тебя есть триппер?

Тамара возмущенно дергается, но Светлов держит ее крепко, жестко. **Светлов**. Только не врать! Есть?

Тамара (чуть не плача). Нету, честное комсомольское...

Светлов. А когда ты была у врача?

Тамара. Нас в диспансере проверяют каждую неделю. Пустите, мне больно...

Рядом играет оркестр.

Тюрьма на окраине Москвы.

Черный правительственный лимузин на большой скорости подкатывает к воротам тюрьмы, чуть не врезавшись в них. Из проходной выскакивают охранники. Генерал Жаров предьявляет им свой мандат, испуганная охрана стремглав открывает ворота. Лимузин через тюремный двор мчится к одноэтажному строению с табличкой над входом «Санитарная часть». Жаров, двое его помощников и Пшеничный входят в санитарную часть, быстро идут по коридору мимо зарешеченных дверей санитарных изоляторов. Следом спешит перепуганный санитар в грязном белом халате. Жаров останавливается возле двери с цифрой «7», кивком приказывает санитару открыть. Санитар нервной рукой открывает замок, Жаров распахивает дверь. В изоляторе, на металлической койке валяется раненый капитан КГБ Скворцов. Жаров вынимает из кармана портрет-фото-робот, смотрит на Скворцова и на портрет. Сходство очевидно.

Жаров встряхивает Скворцова за ворот его грязного офицерского мундира.

Жаров. Сволочь, ты убил Цвигуна?

Скворцов (задыхаясь). Я — нет...

Жаров. А что ты делал у него в квартире? **Скворцов**. Мы искали пленки... Он вошел неожиданно... И стал стрелять... Генерал, у меня гангрена...

Жаров смотрит на матрац Скворцова. Матрац в крови и гное.

Жаров (сквозь зубы). Суки! Не лечат даже своих людей...

Жаров кивает своим подчиненным, те выносят Скворцова из изолятора.

Бар гостиницы «Националь».

Светлов продолжает танцевать с Тамарой,

крепко прижимая ее к себе.

Светлов. Вопрос второй, детка. Кто тебя подослал к нам в Адлере?

Тамара (почти задыхаясь). Мне позвонили... Я была там с канадцами...

Светлов. Кто позвонил?

Тамара. Генерал Курбанов...

Гремит джаз-оркестр.

Московский аэропорт «Шереметьево». В аэровокзале пассажиры-французы идут на посадку в самолет «Эр Франс».

Голос по радио (по-французски). Заканчивается посадка в самолет рейса «Москва — Париж» компании «Эр Франс»...

К аэровокзалу на предельной скорости подкатывает черная «волга». Из машины выскакивает Вадим Белкин, быстрым шагом спешит ко входу.

Бар гостиницы «Националь».

Светлов продолжает танцевать с Тамарой. **Светлов**. Вопрос третий. Зачем ты звонила Ниночке?

Тамара (удивленно). Я не звонила. Когда я ей звонила?

Светлов. Но ты дала ее телефон любовнице Цвигуна?

Тамара. Да. Она у нас работает... то есть в КГБ. А что тут такого? Она мне сказала, что ей нужно увидеть Ниночку...

На эстраде играет оркестр.

В комнате секретарши Брежнева, за краешком ее стола сидит лысый мужчина, перед ним две новенькие красные книжечки — бланки выездных паспортов. На обложках герб Советского Союза и надпись: «СССР. Паспорт». Лысый быстрым каллиграфическим почерком вписывает в паспорта фамилии Шамраева и Мингадзе. Из судебного дела Мингадзе отклеивает его маленькую фотокартонку и приклеивает на паспорт, ставит сверху печать.

Шамраев стоит рядом, набирает номер телефона.

Кабинет Бакланова в Прокуратуре.

Звонит телефон. Бакланов берет трубку: — Алло!...

(Дальше разговор из комнаты секретарши Брежнева и из кабинета Бакланова.)

Шамраев. Коля, это Шамраев. Слушай, почему бы тебе не взять жену и малыша и не поехать с ними в дом отдыха дня на три-четыре? Завтра, прямо с утра. А?

Бакланов (после паузы). Ну? Что дальше?

Шамраев. Это всё, старик. У тебя прекрасный малыш, ему будет приятно погулять с отцом на свежем воздухе.

Бакланов. Пошел в жопу, дурак! (Спокойно кладет трубку.)

Шамраев в комнате секретарши некоторое время держит трубку. Лысый протягивает ему два паспорта.

Лысый. Готово!

Шамраев берет паспорта, а со стола — толстую телефонную книгу Москвы, укладывает всё в свой портфель.

Бар гостиницы «Националь».

Светлов танцует с Тамарой.

Светлов. Последний вопрос. Ты можешь сейчас отделаться от этого шведа?

Тамара. Нет, но он уедет завтра. У меня будет три дня отгулов. Вам позвонить?

Светлов. Но перед этим съезди к врачу и проверься.

С улыбкой ведет Тамару к ее столику, благодарит иностранца.

Светлов. Данке шен...

Оркестр доигрывает последние такты танца.

Военный аэродром под Москвой. Ночь.

На освещенную прожекторами посадочную полосу садится реактивный военный самолет. Взметая снежную пыль, катит по полосе, тормозит возле черного правительственного лимузина. У лимузина стоят Жаров и Шамраев.

Дверь самолета открывается. Полковник-десантник держит одной рукой Мингадзе, второй сбрасывает алюминиевый трап.

Жаров (Шамраеву, кивнув на Мингадзе). Он?..

Шамраев утвердительно кивает.

—...В Берлине вас встретит полковник Жданов. Это наш человек. Счастливо!

Жаров жмет Шамраеву руку. Шамраев поднимается в самолет. Полковник-десантник поднимает трап, закрывает дверь.

Самолет, коротко прокатив по полосе, круто взлетает в ночное небо.

Восточный Берлин. День. Тепло, сыро, туманно.

Советский армейский джип катит по Унтер дер Линден. Прохожие отличаются от москвичей одеждой, но похожи на них озабоченными лицами и хозяйственными сумками в руках.

Короткие очереди возле магазинов. И те же портреты на домах — Маркс, Ленин, Брежнев... На улицах — советские автомашины «волги», «жигули», «москвичи»... Джип

сворачивает на Фридрих-штрассе.

Надпись: «Восточный Берлин, вторник

26 января 1982 года».

В джипе рядом с солдатом-водителем — полковник Жданов. На заднем сиденье — Шамраев и Мингадзе. Мингадзе уже переодет в темное гражданское пальто, но голова брита наголо, на ногах — тюремные кирзовые ботинки.

Шамраев, шевеля губами, зубрит русско-немецкий разговорник.

Шамраев. Данке шен — спасибо... Ву кан ман...

Джип въезжает на Потсдамер-плац, подкатывает к контрольно-пропускному пункту «Чарли». Возле пункта высокая бетонная Берлинская стена, над ней — башни с прожекторами, колючая проволока. Перед КПП «Чарли» — сеть квадратных домиков с узким проходом между ними и бело-красные барьеры-капканы для автомобилей. Через каждые два метра — восточногерманские пограничники и дежурные офицеры.

Полковник Жданов, Шамраев и Мингадзе выходят из джипа. Держа в руке два красных паспорта, полковник ведет Шамраева и Мингадзе мимо восточногерманских дежурных офицеров. Офицеры, вытягиваясь по стойке «смирно», отдают полковнику честь. Жданов, Шамраев и Мингадзе входят в дверь металлического домика-накопителя.

Домик-накопитель контрольно-пропускного пункта «Чарли».

Серая комната без мебели. У окна выдачи паспортов несколько иностранцев стоят в очереди. На стене электрические часы, на полу — грязь, окурки.

У дверей выхода в Западную зону стоят два пограничника и дежурный офицер.

Жданов (Шамраеву). Я сейчас. Ждите...

Уходит в дверь начальника таможенной службы.

Шамраев смотрит на Мингадзе. Мингадзе — бледно-серый, изможденный, руки сжимают прожженную брезентовую тюремную рукавицу.

Турист из очереди (дежурному офицеру). Их варте бэрайтс фирцих минутн. Ву зинд майне документэ?

Офицер. Нох найн фертиг.

Шамраев (Мингадзе). Знаете что? Пока мы ждем, напишите своей Ане записку...

Роется в портфеле, вынимает телефонный справочник Москвы, карту Западного Берлина, русско-немецкий разговорник, фломастер.

—...Черт! Ни листа бумаги...

Мингадзе. Не нужно бумагу, можно?

Он берет у Шамраева фломастер, пишет на брезентовой рукавице: «Я здесь. Гиви».

Шамраев кладет рукавицу в карман. Смотрит на стенные часы. Часы показывают без трех минут час. Из двери начальника таможенной службы выходит Жданов с одним паспортом в руке, отдает паспорт Шамраеву. Жданов. Все в порядке. (Кивает на Западную дверь.) Там зал таможенного досмотра и выход на Запад. Вас проверять не будут — я приказал. (Протягивает Шамраеву руку.) Ну? Ни пуха?

Шамраев пожимает его руку, смотрит ему в глаза. Глаза у полковника Жданова — холодные и серо-голубые. Как у овчарок. Мингадзе. Извините, а что со мной?

Жданов. Ты останешься здесь. Когда мне позвонят из Москвы, что пленки найдены, получишь паспорт и — скатертью дорога!.. Шамраев (Мингадзе). Всё будет в порядке...

Шамраев поворачивается, уходит в Западную дверь.

Ворота КПП «Чарли».

Дежурный офицер смотрит на Шамраева и на его фотографию в паспорте. Отдает паспорт Шамраеву. Кивает солдату-пограничнику. Солдат нажимает кнопку рядом с воротами. Стальные ворота медленно разъезжаются. Сквозь все увеличивающийся про свет виден Западный Берлин.

Гостиничный номер в Париже. День.

В номере Вадим Белкин валяется на кровати, листает французские порножурналы. Рядом — початая бутылка коньяка. За окном — Париж, Эйфелева башня. Телефонный звонок. Белкин берет трубку:

— Алло! Шамраев? Ты где?

Западный Берлин, Курфюрстердам, уличный телефон.

Шамраев стоит у уличного телефона. Вокруг — неоновая реклама, густой поток западных автомобилей, сияющие витрины магазинов, цветочный киоск.

Шамраев (в трубку). Я в Западном Берлине. Она звонила?

Белкин (в парижском номере). Да. Час назад. Спрашивала, как ты выглядишь?

Шамраев. И где она?

Белкин. Она не сказала. Сказала, что позвонит через час. Я жду ее звонка.

Шамраев. Но она в Берлине?

Белкин. Откуда я знаю? Позвони минут через десять, она должна сейчас звонить...

Шамраев вешает трубку, идет по улице. Следом за ним движется «фольксваген». Шамраев разглядывает витрины магазинов.

В витринах — невообразимое для советского человека обилие колбас, сыров, мяса, тортов. На уличных прилавках всевозможные фрукты, цветы.

Шамраев останавливается возле такого прилавка, берет апельсин. Хозяйка магазинчика тут же спрашивает (по-немецки):

— Я могу вам помочь?

Шамраев испуганно кладет апельсин на место.

Хозяйка. (по-немецки). Берите, берите. Сколько вам? Это прекрасные апельсины. Свежие, из Хайфы...

Шамраев, не поняв ни слова, идет дальше. «Фольксваген» следует за ним на расстоянии. Шамраев проходит мимо цветочного киоска, останавливается.

Молоденькая цветочница-продащица (по-немецки). Я могу вам помочь?

Шамраев, вспотев, тычет пальцем в букет роскошных ярко-красных тюльпанов, говорит старательно:

— Вифил... костет... да?

Цветочница называет цену по-немецки. Улыбаясь, смотрит на Шамраева, но он молчит — не понимает.

Она быстро заворачивает букет в цветную бумагу, заклеивает скотчем, перевязывает красивой ленточкой и протягивает Шамраеву. Шамраев, вспотев еще раз, вытаскивает из кармана все немецкие деньги, какие у него были, протягивает цветочнице.

Цветочница говорит что-то по-немецки, берет из пачки 4 марки, подает Шамраеву букет, говорит: «Данке шен».

Шамраев. Данке шен... ву...кан... ман... телефонирен?

Цветочница показывает рукой на ближайший телефон-автомат. Держа в руке цветы и портфель, Шамраев подходит к телефону, бросает в щель автомата пфениги.

Женский голос у него за спиной. Если вы звоните в Париж, то можете не тратить деньги.

Шамраев, вздрогнув, поворачивается. Перед ним — Анна Финштейн. В жизни она еще лучше, чем на фотокарточке в ее «выездном деле».

Аня Финштейн (смеясь). У вас ужасно глупый вид! (Протягивает Шамраеву руку.) Здравствуйте. Я — Аня Финштейн. Я наблюдаю за вами уже час, с той минуты, как вы вышли из Восточного Берлина. Похоже, вы действительно один, без КГБ...

Шамраев протягивает ей букет.

—... Так это мне? За что?!

Шамраев. Из-за вас всю советскую машину трясёт уже три недели.

Шамраев подает ей брезентовую рукавицу Гиви. Она читает три написанных фломастером слова, и на ее глазах появляются слезы. Быстро утерев их, она говорит:

— Пожалуй, я могу отпустить свою охрану. Поворачивается к «фольксвагену», который стоит рядом. В машине сидят трое молодых мужчин и трехлетний темноглазый мальчик. Аня говорит им что-то на иврите, они отвечают.

Аня Финштейн (Шамраеву). Они не хотят уезжать. На всякий случай. Но они не будут нам мешать. Это мои израильские друзья. Пойдемте в какое-нибудь кафе. И спасибо вам за цветы. Это наши, израильские тюльпаны. Мы экспортируем цветы во все страны Европы... Идемте, вот чудное кафе... (Берет Шамраева за рукав.)

Шамраев. Одну минуту. Сначала я должен позвонить в Москву.

Аня Финштейн (сразу изменившись в лице, жестко). Нет! Я вам назову адрес, где лежат пленки, только в обмен на Гиви Мингадзе. Когда он будет здесь! (Показывает на тротуар.)

Шамраев. Я знаю.

Поворачивается к телефону-автомату, набирает код Москвы — 7095 и семизначный московский номер, говорит в трубку:

—...Алло! Управление милиции? Полковника Светлова. Марат? Она стоит рядом со мной. Записывай адрес, где лежат эти пленки... страница 227, восьмая строка сверху. На чердаке, в левом углу — большая железная банка. Ну, такая, в которой киношники хранят кинопленки. Записал?.. Удачи!..

Медленно вешает трубку. Остатки мелочи высыпаются из автомата, но Шамраев не обращает на это внимания — задумчиво смотрит на телефон.

Аня Финштейн. Я ничего не понимаю! Что за адрес вы продиктовали? Какая страница? Какой чердак? Я же вам еще ничего не сказала!..

Шамраев. Теперь, пожалуй, пойдем в кафе. Там скажете...

Улицы Москвы. Мороз, легкий снег, солнце.

Из проходной Управления московской милиции на Петровке выходит Светлов, садится в милицескую «волгу», машина трогается.

Из соседних переулков за ней медленно выезжают две серые «волги».

Светлов видит их в зеркальце заднего обзора. Усмехнувшись, нажимает на газ, сворачивает на проспект Мира, на осевую линию, разделяющую встречное движение. И, обгоняя поток машин, мчится по осевой линии проспекта.

Но на очередном перекрестке затор — на светофоре красный свет, а в стеклянном, нависающем над тротуаром «стакане» уличного регулировщика — пусто, нет регулиров-

щика.

В зеркальце заднего обзора Светлов видит, как вместе с потоком машин его настигают две серые «волги», пристраиваются сзади.

И тут же в «стакане» появляется регулировщик, включает зеленый свет светофора.

Усмехнувшись, Светлов трогает машину, снова выводит ее на осевую линию, дает газ.

Машина Светлова мчится к окраине Москвы, две серые «волги» следуют за ней на расстоянии. «Волга» Светлова сворачивает в один из переулков. Светлов сбавляет скорость, ждет, пока следом не свернут две серые «волги». Увидев их, снова нажимает на газ, мчится по пустынному переулку.

Переулок кончается у пригородного леса. Возле опушки, вдоль железнодорожной колеи — длинный ряд частных кооперативных гаражей, окруженных заборчиком с открытыми воротами. Машина Светлова по глубокой снежной колее проскакивает в ворота, катит вдоль ряда частных сарайчиков-гаражей в глубину двора. Мелькнули два автолюбителя, возившиеся у старенького «москвича». Серые «волги» медленно въезжают во двор.

В самом конце двора Светлов останавливает машину у высокого, с чердаком и с голубятней на крыше, гаража. На двери — большой замок. Светлов выходит из машины, открывает багажник, достает ключ-рукоятку, которой отвинчивают гайки на автомобильных колесах. Этим ключом поддевает скобу замка, срывает ее. Открывает гараж. Всполошенные голуби с шумом взлетают.

В гараже — сумрак, автомобильный хлам. По лестнице-стремянке Светлов поднимается на чердак. Выглядывает в грязное чердачное окошко, видит, как две серые «волги» медленно приближаются к гаражу. Отходит от окошка в угол чердака, вынимает тяжелую железную банку-яуф. Не спеша спускается с яуфом по стремянке.

Выйдя из гаража, Светлов видит направленные на него пистолеты. Генерал Краснов, Бакланов, Маленина и генерал Курбанов. За ними — две серые «волги».

Краснов (Светлову). Спокойно, полковник. Есть два варианта. Первый: ты тихо отдаешь нам пленки и через неделю получаешь генеральские погоны. Второй: одно лишнее движение и пулю в лоб. Решай.

Светлов смотрит в глаза Краснову, Бакланову, Малениной... Светлов смотрит в глаза Курбанову, протягивает ему яуф. Курбанов, не опуская пистолета, берет тяжелый яуф с оклеенной старой изоляционной лентой крышкой. Бакланов помогает ему нести тяжелый яуф к серой «волге». Маленина и Крас-

нов идут с ними.

Светлов нагибается, поднимает ком снега, с силой бросает в голубятню. Испуганные голуби взлетают в небо. Маленина, Бакланов и разворачивающий изоляционную ленту Курбанов оглядываются на шум крыльев голубей, затем снова поворачиваются к яуфу, который стоит на капоте серой «волги».

За забором грохочет проходящий поезд.

Светлов спокойно подходит к своей машине, садится за руль, трогает машину. В зеркальце заднего обзора видит удаляющиеся фигуры Краснова, Курбанова, Бакланова и Малениной.

Светлов. За Ниночку — салют!

Курбанов нетерпеливо срывает крышку яуфа. Гремит оглушающий взрыв. Четыре искромсанные фигуры в мундирах и обломки серой «волги» взлетают в воздух.

Кафе в Западном Берлине.

Сквозь стеклянную стену кафе виден поток машин на Кюрфюрстердам и стоящий возле кафе «фольксваген». В дверях кафе — телефон-автомат.

На столике перед Шамраевым и Аней Финштейн — красные тюльпаны в красивой вазочке, чашечки с кофе, две рюмки с ликером.

Аня Финштейн. Гиви при аресте не сказал Цвигуну о черновых пленках, а Цвигун сам не догадался, думал, что пленки, которые он отнял, — единственные. Это нас спасло, иначе мы бы не выехали из СССР.

Шамраев. Аня, есть только одна возможность получить сюда вашего Гиви. Вы назовете мне адрес, где лежат пленки, я позвоню в Восточный Берлин, в ставку Советской Армии. Оттуда по военной спецсвязи этот адрес передадут в Москву, в Генеральный штаб. Там уже сидит мой помощник, ждет. Если пленки будут на месте, вашего Гиви тут же выпустят на Запад.

Аня Финштейн. А если не выпустят? Пленки возьмут, а его не выпустят?

Шамраев. Тогда я в вашей власти. Я заложник. Ваши друзья могут сделать со мной что угодно.

Аня Финштейн (подумав, после паузы). ...Хорошо, записывайте. Пленки лежат на киностудии «Мосфильм», в подвале фильмохранилища. 693-й стеллаж, коробка номер 8209. На коробке написано «Фонограмма к фильму «Чайковский». Но «Чайковского» там нет, там Брежнев.

Шамраев достает из портфеля телефонную книгу Москвы. Листает, открывает страницу на букву «К» — киностудии. Ведет пальцем по столбцу, останавливается на строке «Киностудия «Мосфильм». В перечне телефонов студии почти в конце столбца —

«Фильмохранилище». Он фломастером подчеркивает эту строку и отсчитывает строки снизу до строки «Фильмохранилище». Тем же фломастером обводит номер страницы — «306». Встает, подходит к телефону-автомату. Бросает в автомат монетки, набирает номер.

Кабинет полковника Жданова в ставке Советских войск в Восточном Берлине. На столе звонит телефон. Полковник Жданов тут же берет трубку.

Полковник Жданов. Алло! Шамраев? Ну как там Западная Европа? Всё жидреют? Ничего, скоро мы до них доберемся!..

(Дальше разговор попеременно из кафе в Западном Берлине и из кабинета полковника Жданова.)

Шамраев. Записывайте, полковник! Страница 306, восьмая строка снизу. Записали? Дальше: 693-й стеллаж, коробка номер 8209. Всё. Повторите.

Полковник Жданов (записав в блокнот): коробка номер 8209... Слушай, Шамраев. А ты не можешь теперь послать эту жидовку и вернуться? Чтобы нам этого грузина не отдавать?

Шамраев. Не могу. Их тут восемь человек, они держат меня под пулеметом...

Полковник Жданов задумчиво трет щеку.

—...Алло! Имейте в виду, полковник: если Гиви не выйдет, у меня тут есть только один способ выжить — рассказать журналистам всё, что я знаю. Ни Брежнев, ни Андропов вам этого не простят.

Полковник Жданов (неохотно). Ладно, я понял. Придется отдать этого грузина! Сейчас передам шифровку в Москву. Диктуй мне номер телефона, с которого ты звонишь. И жди звонка.

Москва. По каменным ступеням парадного входа Генштаба, мимо вооруженной охраны сбегает Пшеничный, садится в черный правительственный лимузин. В лимузине — генерал Жаров и его помощники. Лимузин срывается с места, мчится по московским улицам...

...Лимузин на полной скорости притормаживает в воротах с аркой: киностудия «Мосфильм». Дверца лимузина открывается, рука Жарова втаскивает в машину подбежавшего к ней вахтера, и лимузин тут же мчится дальше по территории студии.

Территория студии, «Мосфильм».

Лимузин огибает административное здание и оказывается перед площадкой натуральных съемок, заполненной массовой. Над

массовкой навис операторский кран, там сидят режиссер Бондарчук и оператор. В центре массовки, изображающей рабоче-крестьянскую толпу 1917 года, стоит крохотный бутафорский броневик, на броневике Ленин произносит пламенную речь, знаменитая ленинская кепка зажата в его простертой к народу руке. Ассистент хлопает перед камерой хлопушкой с надписью: «Красные колокола».

В правительственном лимузине Жаров спрашивает у перепуганного насмерть вахтера:

— Где фильмохранилище?

Вахтер рукой показывает в глубину двора, за площадку натуральных съемок. Жаров кивком приказывает водителю ехать.

Лимузин, взвывая сиреной, врывается в массовку. Люди шарахаются, «Ленин» прерывает свою речь, испуганно смотрит на мчащийся прямо на броневик лимузин.

На операторском кране взбешенный Бондарчук кричит в мегафон:

— Стоп! Откуда машина?! Убрать!!!

Жаров (в лимузине, водителю). Езжай! Езжай!

Крылом задев бутафорский броневик и сбросив с него вождя мировой революции, лимузин пронесется через массовку к серому двухэтажному зданию.

Фильмохранилище. Длинный зал со стеллажами, на которых стоят сотни яруфов. Лампы дневного света под сводчатым потолком. Жаров и Пшеничный быстро идут вслед за одетым в белый халат заведующим фильмохранилищем Кацем. Кац подводит их к стеллажу с номером «693», ведет рукой по яуфам, останавливается на яуфе с номером «8209». На яуфе — наклейка с надписью «Чайковский. Фонограмма». Жаров тут же снимает с яуфа крышку. В яуфе — алюминиевые коробки. Жаров открывает верхнюю. В коробке — боббина с коричневой магниткой. Жаров оглядывается по сторонам.

Жаров (Кацу). Где можно послушать?

Кац (удивленно, с еврейским акцентом). Вы приехали сюда послушать Чайковского? Жаров (нетерпеливо). Да!

Кац берет у него боббину с пленкой, подходит к стационарному звуковому столу, заряжает пленку, включает звук.

Раздается характерный, с затрудненной речью, голос Брежнева.

Голос Брежнева. ...Самый опасный не этот диабетик Суслов... Самый опасный — этот вундеркинд Анд... Андр... Андр...

Жаров (Кацу, поспешно). Выключай! Этот ящик я забираю!

Кац (потрясенно разводит руками на еврей-

ский манер). А... А... А где же Чайковский?!

Западный Берлин. Березовая аллея возле «Чарли» и Берлинской стены. День. Солнечно.

Шамраев и Аня Финштейн стоят напротив железных ворот КПП «Чарли». Между ними и воротами — джип с американскими офицерами демаркационной службы, белая линия нейтральной пограничной полосы и березовая аллея. За спиной у них — тот же «фольксваген» с друзьями Финштейн и трехлетним темноглазым мальчиком.

Шамраев и Аня Финштейн вглядываются в железные ворота.

Пауза.

Наконец, железные ворота медленно, очень медленно раздвигаются. Гиви Мингадзе выходит из ворот, шурясь от солнца. Аня Финштейн (кричит). Гиви!!!

Он поворачивается на ее голос.

Американский офицер подходит к Гиви Мингадзе, берет у него паспорт, мельком заглядывает в него, возвращает.

Американский офицер. Велкам ту зе вест. Мингадзе поворачивается к бегущей к нему Ане Финштейн, бежит к ней через березовую аллею.

Шамраев смотрит на них. У Ани на бегу выпадают из рук красные тюльпаны, падают на мостовую, на белую пограничную полосу. Аня бросается в объятья к Гиви, целует его, плачет, поворачивается и кричит на иврите в сторону «фольксвагена»:

— Менахем! Менахем! Иди сюда! Это твой отец!

Трехлетний мальчик выходит из «фольксвагена» и медленно, настроженно идет к спешащим к нему Гиви Мингадзе и Ане Финштейн. Аня держит Гиви за талию, подталкивает его и оглядывается на железные ворота, спеша увести Гиви подальше от этих ворот.

Гиви садится перед мальчиком на корточки, берет его за руку, заглядывает сыну в глаза.

Аня Финштейн подходит к Шамраеву. Аня Финштейн. Спасибо! Через час мы улетаем в Израиль. Может быть, и вы с нами? А? Решайтесь! У нас там совсем тепло — уже тюльпаны цветут...

Шамраев смотрит ей в глаза.

У нее заплаканные и счастливые глаза.

Он отрицательно качает головой.

Шамраев. К сожалению, не могу... (Кивает на Берлинскую стену.) У меня там тоже... сын.

Резко поворачивается, идет к проходной КПП «Чарли», к железным воротам.

Железные ворота медленно раздвигаются

перед ним.

Шамраев оборачивается, смотрит на Аню Финштейн, Гиви Мингадзе и их сына. Сын уже на руках у отца.

Шамраев входит в ворота, они закрываются, лязгает железо.

Восточный Берлин. Потсдамер-плац у КПП «Чарли».

Шамраев выходит из двери домика-накопителя, идет по узкому, окруженному барьерами проходу, выходит на Потсдамер-плац.

От тротуара отделяется советский армейский джип, катит к Шамраеву.

Шамраев устало идет навстречу джипу. Он видит...

В джипе, рядом с водителем — лицо полковника Жданова, его серо-голубые собачьи глаза.

Эти глаза приближаются неотвратно...

Шамраев застывает на месте.

Джип мчится прямо на него.

Телетайп стучит текст. «Москва, Кремль, Леониду Брежневу. Совершенно секретно. Сегодня, 26 января 1982 года в Восточном Берлине в результате автомобильной катастрофы погиб следователь по особо важным делам Игорь Шамраев...»

* * *

Полковник милиции МАРАТ СВЕТЛОВ — 29 января 1982 года осужден в Москве на 15 лет каторги с отбытием срока заключения на урановых рудниках.

Сolist Большого театра БОРИС БУРЯТСКИЙ — 29 января 1982 года покончил жизнь самоубийством в тюрьме КГБ в Москве.

Журналист ВАДИМ БЕЛКИН — 30 января 1982 года попросил политического убежища у правительства Франции, в настоящее время живет в Нью-Йорке.

ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ — умер 10 ноября 1982 года.

ЮРИЙ АНДРОПОВ — с 11 ноября 1982 года стал Генеральным секретарем ЦК КПСС.

ЮРИЙ БРЕЖНЕВ — снят с поста заместителя министра внешней торговли СССР, отправлен на работу в Туркмению.

ЮРИЙ ЧУРБАНОВ (муж Галины Брежневой) — снят с поста заместителя министра внутренних дел. В 1988 году осужден.

ГАЛИНА БРЕЖНЕВА — развелась с мужем.

АНТОН ШАМРАЕВ (сын Шамраева) — в январе 1983 года принят в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи.

От редакции

Мы не случайно поместили в первом номере фотографию Эдуарда Тополя двадцатилетней давности — двадцать лет назад его сценарий был напечатан тоже в первом — в САМОМ первом номере «Киносценариев». Назывался он «Открытие». Тогда альманах выходил один раз в год, и пока он печатался, у Тополя готов был следующий сценарий — «Любовь с первого взгляда». Да, да — это название фильма, вышедшего на экраны уже после отъезда автора за рубеж и под фамилией его сестры... Там он краешком пера «зацепил» якобы не существовавшие в СССР национальные проблемы...

Теперешнему читателю Эдуард Тополь известен как автор «крутых» детективов и триллеров о советской жизни: «Журналист для Брежневой», «Кремлевская жена», «Красный газ», страшного романа-предостережения «Завтра в России» и др. ... Роман-прогноз, «роман-версия», как он обозначил «Красную площадь», то есть рассказ о событиях предполагаемых — вообще отличительная особенность его произведений. Ну а поскольку все его творчество посвящено любимой России, события эти, мягко говоря, не рождают особого оптимизма. Как говорил он в одном из интервью: «Я только одного боюсь: что если, не дай Бог, случится то, что я описал в своем романе «Завтра в России» — тогда все наши книги окажутся совершенно бесполезны...»

Несмотря на мировую известность Э. Тополя как писателя, мы все-таки считаем его «своим» автором, кинодраматургом. И не без оснований: ведь до отъезда он сделал семь фильмов, среди которых «Юнга Северного флота», «Несовершеннолетние», пролежавший долгое время на полке и не так давно прошедший по нашим экранам «Ошибки юности». Завершая в этом номере публикацию «Красной площади», сообщаем, что фильм, насколько известно редакции, по этому сценарию не снимается. Поэтому мы вполне могли бы поместить его под рубрикой «Продается сценарий». Но автор нас на это не уполномочивал...

Пьер Паоло Пазолини

НЕИСТОВЫЙ ПЬЕР ПАОЛО

Он был одним из самых ярких персонажей современного западноевропейского искусства, его фильмами засматривались во всем мире, зачитывались его романами, его теоретические исследования и публицистические статьи вызвали яростные споры и дискуссии, а для советского человека не существовало такого художника, и все тут.

Чтобы так не повезло, надо было особенно постараться. И он постарался: марксист, ревизирующий Маркса; яростный ниспровергатель буржуазных ценностей, но посредством эпатажа; строгий критик буржуазной морали, но с позиций сексуальных меньшинств. Всего этого оказалось более чем достаточно, чтобы имя Пазолини было у нас строго-настроено запрещено.

Он родился 5 марта 1922 года в Болонье. Мама, которую он очень любил, происходила из крестьянской семьи и была школьной учительницей, и отец, которого побаивался маленький Пьер Паоло (может быть, отсюда в его творчестве столь часто появляется репрессивная фигура Отца), — кадровый офицер и происходил из древнего рода. В семь лет Пьер Паоло записывает свои первые стихи, в двадцать — на собственные деньги издает первый поэтический сборник, в 1950 году выходит его первый роман «Уличные мальчишки», а в 1961-м он снимает свой первый фильм «Аккаттоне». Пазолини создал более двух десятков картин (в том числе документальных и короткометражных), и практически каждая из них становилась бомбой, взрывающей привычные взгляды и привычную эстетику.

Сначала он просто озадачивал, как в «Аккаттоне», в котором развенчал героя неореализма, «маленького человека». Как в «Маме Роме» с Анной Маньяни в главной роли (1962), рассказав трагическую историю проститутки, пытавшейся в сыне осуществить свою мечту о «красивой» жизни. Следующий полнометражный фильм Пазолини «Евангелие от Матфея» (1964) стал манифестом нового авторского кино (оно складывалось под знаком антибуржуазного движения протеста), а образ Христа-бунтовщика, воина, но и беззащитного хиппи — символом того молодого поколения, так же как сам Пазолини — его кумиром.

Общество потребления было главным объектом его ненависти. Чтобы образумить это

общество, встряхнуть, отрезвить, он шокировал обывателя. Например, в «Теореме» (1968) в респектабельную семью приходит Гость и совращает всех ее членов, без различия возраста и пола. После его ухода оказывается, что отец, мать, сын, дочь и даже служанка стали другими людьми. «Он — посланник, — объяснял Пазолини, — он пришел сказать людям, что они заблуждаются, и освободить их от предрассудков, в плену которых они живут».

«Теорема» на кинофестивале в Венеции в 1969 году вызвала грандиозный скандал. Но... мир соткан из противоречий, и фильм получил приз Международного Католического Центра (АСИК) за то, что, «несмотря на эротизм и гомосексуальную чувственность, выразил мысль о необходимости для современного человека отказа от буржуазного жизненного идеала, который чужд его природной сути».

На рубеже 60—70-х годов П.-П. Пазолини воспринимается многими как духовный лидер молодежного движения протеста. Отчасти так и было: он поддерживал молодых в их нежелании быть похожими на «отцов», но и видел, что они только мнят себя «другими» и что на самом деле они дети своего общества. Этой проблеме Пазолини посвящает серию журнальных публикаций, вызвавших бурные отклики, а точнее, протесты как «правых», так и «левых». И продолжает лечить общество эстетическим шоком. Сначала в «Свинарнике», затем в «Трилогии жизни»: «Декамерон», «Кентерберрийские рассказы», «Цветок тысячи и одной ночи». И снова достигает цели: его обвиняют в оскорблении общественной морали и религиозного чувства. Откровенный эротизм этих лент вызвал негодование не только в католической Италии, но и во всем мире. И в то же время все три фильма были отмечены на самых представительных кинофорумах: «Декамерон» получил «Серебряного медведя» на фестивале в Западном Берлине в 1971 году; «Кентерберрийские рассказы» — «Золотого медведя» в том же Западном Берлине в 1972 году; «Цветок тысячи и одной ночи» — специальный приз жюри в Канне в 1974 году.

В этих картинах, которые являются свободным переложением новелл эпохи Возрождения, провозглашалось торжество челове-

ской природы, естественного человека. Что же касается «эротики по Пазолини», то, как заметил один итальянский критик, «Пазолини эротизирует искусство, или, если угодно, олитературирует эрос. Так что не ищите здесь порнографию. Наслаждайтесь искусством кино, которое преподносит вам жизнь, как искусство».

В 1975 году, в год трагической гибели, Пазолини снял свой самый страшный фильм «Сало, или 120 дней Содомы», где представил секс как форму насилия и подавления личности. «Секс в «Сало», — писал Пазолини, — метафора отношений тоталитарной власти с теми, кто ей подчиняется».

12 ноября 1975 года, спустя десять дней после смерти Пазолини, цензурная комиссия запретила картину. Дело слушалось в миланском суде, и Пазолини выиграл его посмертно: фильм был признан произведением подлинного искусства. Казалось бы, инцидент исчерпан. Но спустя пять лет картину снова запретили. Шедевры, как известно, не стареют.

Что же касается фильма «Птицы большие и малые» (1966), то он занимает особое место в творчестве Пьера Паоло Пазолини. Еще и потому, что здесь он впервые воссоздает жизнь не «в формах самой жизни», а обратившись к иносказанию, философской сказке, притче.

В первой новелле (она есть в сценарии, но не вошла в фильм) абсурдные попытки «окультурить» представителя дикой природы — орла заканчиваются тем, что дрессировщик сам превращается в птицу и улетает в горы. А невозмутимый и по-прежнему бессловесный орел — гордо восседает на своем насесте.

Во второй — монахи по заданию Франциска Ассизского сами учатся языку птиц, дабы донести до них слово Божье. Эта затея «образумить» природу также терпит поражение: обращенный в христианство сокол тут же нарушает одну из христианских заповедей — убивает брата своего во Христе — воробья.

И, наконец, третья новелла «Внизу» (ее мы и предлагаем вниманию читателей). Два «живописных персонажа, отец и сын, бредут по бесконечной дороге неизвестно откуда и неизвестно куда. На этот раз все наоборот: ученый, говорящий ворон, марксист-догматик, пытается «окультурить» и обратит в свою веру двух тварей Божьих — Тото и Нинетто, невежественных и полуграмотных. Они его долго и почтительно слушают, но, проголодавшись, попросту съедают. Осуществив буквально, хотя и бессознательно (как все, что они делают), известное высказывание о том, что учитель умирает в своих учениках.

Фильм-ребус, фильм-загадка, фильм-манifest нового Пазолини, может быть, один из самых тенденциозных, и в то же время — веселый, насмешливый. Созданию его своеобразной стилистики немало способствовали два главных исполнителя — Тото и Нинетто. Два простонародных типажа, две маски, два итальянских клоуна комедии дель арте, только один из них, по словам Пазолини, исполнил свою партию на «страдивари» (Тото), а другой (Нинетто) — на деревенской дудочке. Но номер получился отменный.

ЛЮБОВЬ АЛОВА,
ОЛЬГА БОБРОВА

**Журнал «Киносценарии»
выходит шесть раз в год.
Подписная цена одного номера
на вторую половину 1993 года —
85 рублей, на 3 номера — 265 рублей.
В розницу — цена договорная.
Наш индекс по каталогу — 70434.
Не забудьте подписаться!**

ПЬЕР ПАОЛО ПАЗОЛИНИ

ПТИЦЫ БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ

Новелла третья

ВНИЗУ

Проселочная дорога. Натура. День.

Мужчина и подросток идут по белой, выжженной солнцем дороге. Белые, то ли от пыли, то ли от проступившей извешки, редкие дома вокруг и целые кварталы самодельных садовых домиков, с крошечными огородиками и сарайчиками для инвентаря. Вокруг голые, как будто вытопанные поля и отдельные, случайные овечки, щиплющие белесую травку под ярким весенним солнцем. Эти двое идут по дороге спокойным и неторопливым шагом людей, у которых есть цель. Мужчина выглядит немного обносившимся, хотя на нем, очевидно, его лучший костюм, а вот парнишка, наоборот, прифрантился: брюки, как у Челлентано, расклешенные от колен, рубашка с длинным воротничком и курточка английского фасона с разрезом на спине.

Так они и идут рядышком, разомлевшие от теплого утреннего солнца еще только начинающегося дня, который обещает быть очень знойным.

Откуда они идут? И давно ли в пути? Куда направляются? По их виду понять невозможно: они ничем не отличаются от миллионов других людей, идущих в это раннее весеннее утро по своим делам.

Тото. При луне ничего не выйдет!

Нинетто (недоверчивый, упрямый, по-детски капризный, хотя ему уже исполнилось 17 лет). Кто тебе сказал? Почему это?

Тото. Потому что не выйдет. Придется ждать прилива.

Нинетто. Еще чего! Прилива!

Тото. Да, прилив бывает через каждые шесть часов. Надо будет подождать.

Нинетто. Что еще за прилив? Откуда он возьмется?

Тото (объясняет с важным видом). Видел грязь, которую море выносит на берег? Откуда она берется?

Нинетто. Спроси чего полегче!

Тото. Луна имеет силу гравитации, от которой вода поднимается...

Нинетто (неожиданно утерев интерес к при-

ливам и луне, прерывает его). Папа, а мне так нравится новый мамин зубной протез! **Тото.** Да, и только я знаю, во сколько он мне обошелся! Но это не те зубы, какие делали раньше! Вот были зубы так зубы! Фантастика! (При слове «фантастика» он клацает зубами и скалит их в улыбке, как голодная гиена.)

Нинетто. А видел, когда она их вынимает, то запирает в специальный ящичек? Боится, что дедушка стибрит.

Тото (нахмурившись, с внезапным беспокойством). А ты не забыл посыпать в коровнике ДДТ?

Нинетто забыл: он виновато улыбается, и от волнения начинает быстро-быстро высовывать язык, словно змея.

Нинетто. Забыл!

Тото (в ярости). Проклятье!

Нинетто ласково берет отца под руку и как ребенок, прижавшись головой к его плечу, несет в свое оправдание какую-то окоселу.

Нинетто. Папа... Я не виноват... Знаешь... Эта Джозефина совсем спятила... сегодня утром на нее что-то нашло, и она вышла на балкон совсем голая... (Меняя тон и хихикая, доверчиво шепчет.) У нее такие груди, па! Такие большие! Жалко, тебя не было!

Тото (несколько успокоившись). Да какое мне до нее дело! Я думаю о коровнике, о несчастных коровах, которых будут жрать мухи! Ты хоть что-нибудь соображаешь? Всю ночь они будут мычать... (И с необыкновенной живостью, вытянув шею, изображает мычанье коров.) Му... Му... Му!

Под это Муууууу, они идут по дороге, освещаемой ослепительно-ярким солнцем.

Проселочная дорога. Безлюдная железнодорожная станция. Натура. День.

Среди рыжих бугров лишенного зелени проселка, пустынная и заброшенная, как на Далеком Западе,— станция Стефер.

Отец и сын идут теперь по другой стороне дороги, выделяясь черными силуэтами

на фоне ослепительно-яркого солнца.
Тото. Пить хочется. Ты чего-нибудь выпьешь?
Нинетто. Я бы выпил вишневого сока,

папа!
И очень довольный, идет вслед за отцом, который направляется к станции и входит в маленький бар.

Сеньор Иноченти Тото и его сын Нинетто

Станция Стефер. Интерьер. День.

Утро. Самое обычное утро нашего века. Солнце заливает полупустой вокзал, врывается в бар, в пустой и пыльный зал ожидания. Всего несколько человек, осоловевшие от тягостного утреннего зноя, ждут поезда, который отвезет их на работу в город.

Два-три старика, четверо-пятеро молодых парней, явно опаздывающих на работу: свертки с завтраком под мышкой, модные брюки, яркие майки. Войдя в бар, отец и сын исполняют положенный ритуал. Тот обращается к заспанной и равнодушной девице, сидящей в кассе:

— Один аперитив и один вишневый сок...
Синьорина (равнодушно, полусонная). Два семьдесят...

Тото протягивает деньги. Она раздраженно отсчитывает сдачу. Нинетто насмешливо смотрит на отца, на кассиршу.

Нинетто (делая вид, будто говорит про себя, но на самом деле хочет, чтобы не любезная блондинка услышала его слова). Папа, эта нам не подходит.

Тото (сердито взглянув на него). Иди, пей свой сок!

Нинетто вразвалку идет к стойке, и в этот момент раздается грохот. Из музыкального автомата гремит оглушительная музыка: битлз, битлз!

Вокруг музыкального автомата собираются те самые четверо-пятеро подростков, держа под мышкой свои свертки с завтраками. И среди них — совсем светлый блондин, в узких джинсах, обтягивающих слишком круглые бедра. Они некложе танцуют новый танец. Блондин делает это лучше остальных: учитель, которому они подражают. Он танцует уверенно и увлеченно, можно даже сказать, вдохновенно, раскованно. Нинетто подходит к ним, забыв на стойке свой вишневый сок. Он похож на игривого, любопытного щенка. С присущей ему резвостью и неутомимой жадной развлечений начинает разучивать новый танец, подражая развязному блондинчику, грациозному и вульгарному одновременно. Нинетто танцует так же неуклюже и неуверенно, как другие мальчишки, внимательно приглядываясь к тому, что делает «учитель». Постепенно оттеснив остальных, он пробивается поближе к нему. Тот с томным и безразличным видом поглядывает на него.

Блондин (снисходительно). Что, хочешь научиться?

Нинетто. Да, учусь вот у тебя!

Тото стоит рядом с барменом. У него узкое, заостренное книзу лицо и почти полуметровая грива черных кудрявых волос. В этот момент входит новый клиент в потертом вельветовом костюме — старый знакомый Тото. Встреча двух приятелей но-

сит шумный и суматошный характер.

Знакомый Тото. Эй! Черт побери! Не видел тебя целую вечность! Мир, что ли, перевернулся?

Тото (признав старого приятеля, сильно хлопает его по плечу). Вот это да, Густаре! Какой ты стал страшный! Говорят, у тебя куча денег!

Приятель Тото. У меня? А у тебя, скажешь, нет? Припрятал свои денежки, жадюга!

Тем временем бармен, поддавшись искушению, выходит из-за стойки и, затесавшись в группу танцующих, приближается к Нинетто, как будто решив научить его танцевать. Танцует неистово и самозабвенно.

Бармен. Пока не научишься, надо считать шаги... Раз, два, три, четыре, пять, шесть. — остановка. Раз, два, три, четыре — и опять остановка...

Местные парни начинают танцевать все более уверенно: это самый модный, супермодный танец, танец на все времена. Дверь бара открывается, и на пороге возникает человек с изрытым оспой лицом. Он обращается к синьорине, сидящей в кассе. **Рябой**. Эй, Рената! Черт бы вас всех тут побрал! Сегодня утром я спустил воду в туалете, и меня чуть не унесло! Еще немного, и я, как Кессон, погиб бы в этом водопаде!

Скажет это, он исчезает.

Девушка неохотно отрывает глаза от «Темпо».

Рябой снова появляется в дверях.

Рябой. А в другой раз меня чуть не засыпало углем. Предупреждайте по крайней мере, чтобы я мог хоть с семьей попрощаться!

И снова исчезает, теперь уже навсегда.

Танец продолжается, все более неистовый, все более современный. Нинетто учится. Отец и его приятель тем временем продолжают свою поучительную беседу.

Приятель Тото. Да вовсе она не была девицей! У нее и до меня были охотники.

Дверь открывается. Входят три крестьянки с мешками на головах.

Бармен, размахивая своей гривой волос, идет вслед за ними, не без сожаления покидая танцующих.

Бармен. А вот и волхвы!

Крестьянка (с сильным диалектным акцентом). Стакан воды!

Бармен наливает ей воду.

Приятель Тото смотрит на него.

Приятель Тото. Ты что, утром с пылесосом причисываешься?

Но бармен не отвечает, так как внимательно следит за крестьянкой, которая, не снимая мешка с головы и откидывая ее

назад, пьет воду. Упадет мешок или не упадет, упадет или нет? Одна за другой все три крестьянки повторяют этот фокус под пристальным взглядом бармена, причесывающегося по утрам с помощью пылесоса.

Мальчишки танцуют сверхсовременный танец.

Неожиданно загадочный и томный блондин уходит: то ли устал, то ли просто надоело. Остальные продолжают танцевать без него, но он тут же возвращается обратно. Блондин (бесстрастно). Ребята, поезди!

При этих словах все выскакивает на улицу, на перрон маленького, почти калифорнийского вокзальчика. Поезд дает свисток к отправлению. Приятель Тото тоже бежит вслед за остальными.

Приятель Тото. Пока! Пока! Пока! Еду в Рим!

Нинетто бежит в противоположном направлении допивать свой вишневый сок.

Услышав эти прощальные слова и никого не видя вокруг, он подмигивает отцу.

Нинетто. Ну и катись себе! Сделай милость!

Наскоро выпив вишневый сок, он бежит за отцом, который уже идет к выходу.

И снова они идут по выжженной солнцем дороге.

Надпись: Полчаса спустя Нинетто чувствует весну.

Проселочные дороги. Натура. День.

Отец и сын идут и идут.

На их пути возникает грязно-белый поселок, залитый лучами раннего утреннего солнца. За поворотом пыльной дороги, за высохшей живой изгородью, среди наскоро побеленных домов — группа людей в черном: машины, мотоциклы, женщины, стоящие в дверях своих домов, дети.

Отец и сын убыстряют шаги. Но Нинетто рассеян и невнимателен. Он взирает на толпу с равнодушным видом.

Нинетто. Мне нужно отлучиться по делу, я тебе уже говорил. Правда, по делу, кроме шуток.

Тото. Ладно, ладно.

Тото очень хочет узнать, что же происходит там, за поворотом. В черных фигурах есть что-то похоронное и одновременно праздничное — так одеваются на праздники в деревнях. Люди в толпе молчат либо переговариваются шепотом.

Толпа стоит у стены какого-то дома, и солнце над ним кажется особенно назойливым и ослепительным.

Два полужасоших дерева, небольшая изгородь.

Народ все прибывает. Тихо переговариваясь между собой, смотрят на дом.

Отец и сын тоже подходят поближе и смешиваются с небольшой толпой. Вокруг — машины и мотоциклы. Сверху нещадно палит солнце.

Тото (одному из зевак). Что тут происходит? Зевака (растерянно). Гм!

Тото, присматриваясь и прислушиваясь, проходит немного вперед, пытаюсь расслышать, о чем говорят между собой два приятеля.

Первый приятель. А кто они такие?

Второй приятель. Синьор Маргуччи. Знаешь, у него еще был тик, рот вот так дергался. (Со страдальческим выражением лица растягивает губы в улыбке.) И его жена.

В этот момент несколько человек выводат из дома плачущую девочку и, прося толпу расступиться, отводят в соседний дом, за другой изгородью.

Тем временем Нинетто, пользуясь случаем и не испытывая ни интереса к происшествию, ни сочувствия к пострадавшим, продолжает добиваться своего.

Нинетто. Папа, ну я пойду... навещу своего приятеля... на пять минут... пока ты все равно тут смотришь...

И убегает, даже не расслышав напутствия отца: «Не задерживайся». Он бежит по дороге, сворачивает на другую, еще более безлюдную. Здесь жизнь уже на грани нищеты: домики разбросаны там и тут, как шашки, пыльные, с облупившимися стенами, обнесенные металлической сеткой. Чуть дальше, молчаливый и как будто заспанный, старый дом с черным подъездом и высвеченный солнцем двор, посреди которого торчит фиговое дерево и стоит чан для навоза... Нинетто входит во дворик, залитый солнцем, останавливается и зажигает сигарету. Затем медленно, с важным видом идет дальше. Заметив какого-то оборванного мальчишку, говорит ему доверительным шепотом:

— Эй, парень, а где Россана?

Мальчишка со всех ног бросается показать Нинетто это место.

Мальчишка (орет во всю глотку). Здесь!

Еще один дворик, поменьше, где, может быть, раньше держали садовые принадлежности. Нинетто бежит туда и видит посреди дворика Россану с подружками.

Россана с ног до головы одета во все белое — огромный балахон с двумя большими белыми крыльями за спиной, как у ангела. Теперь, с помощью двух подружек, она прилаживает звездную диадему.

Нинетто (насмешливо улыбаясь, пытается придать себе более мужественный и незаисимый вид). Здравствуй! (Тем же тоном.) Ты прямо как ероплан!

Россана, мельком взглянув на него, несколько обиженно:

Подружка Нинетто в реальном и воображаемом мире

— Зачем пришел?

Нинетто (со смеющимися глазами, как будто доверяя ей какую-то тайну). Да вот объезжал «сейченко»¹ приятеля... Видела бы ты, как она бегаёт!.. Приятель сидел рядом и трясся от страха!

Россана. Да ну тебя, ненормальный!

Нинетто (внезапно меняя тон и тему раз-

говора). А чего это ты так вырядилась?
Россана (с досадой). Да праздник Богородицы, и мы сегодня представляем в Азило!
Нинетто (подходя поближе и как бы подлизываясь). А знаешь, тебе идет... (Другим тоном.) Ну что, придешь в воскресенье на танцы?

Россана. Нет.

Нинетто (напустив на себя безразличный вид). Ну и наплевать!

Россана. Разве что ты заедешь за мной на своей «сейченко»...

¹ Фиат-600 — дешевый малолитражный автомобиль.

Нинетто. Я не могу заехать, мой друг должен отвезти ее на станцию, там надо кое-что подремонтировать... (Продолжает самозабвенно врать.) А потом я покажу тебе, что это за машина... Промчусь здесь: джжжж (Обрубает звук резким взмахом руки.)... ты и не заметишь!

Россана. Зато я заметила тебя, когда ты гулял с моей школьной подружкой...

Нинетто. Ну и что... я ее встретил случайно... мы постояли, поболтали немножко...

Россана. Да, поболтали... Вы и на лугу были... Она сама мне сказала.

Нинетто (продолжая врать). Да какой луг, какой там луг! Мы прошли лугом, просто чтобы сократить дорогу. Она торопилась домой... Ее отец ждал...

Россана. Чао, Нино...

И убегает со двора в лучах солнечного света, в своем белом балахоне, с белыми крыльями за спиной, как настоящий ангел. За ней бегут смеющиеся подружки. Они исчезают за черным портиком с белым архитравом.

Нинетто тоже бросается бежать, вспугнув голубей, которые воспаряют в белое небо, раскинув белоснежные крылья, заслоняя белое солнце. Нинетто тоже исчезает в огромном черном проеме арки и появляется снова уже на освещенной солнцем дороге.

Группа людей в черном стоит на том же месте.

Атмосфера еще более мрачная, трагическая. Людей стало еще больше. Появилась скорая помощь: санитары в белых халатах тащат носилки.

Нинетто идет в толпе людей. Он ищет отца и вдруг видит носилки, на которых под белой простыней лежит труп.

Издали доносятся плач и стоны.

Какой-то мужчина. Капрал, который их видел, сказал, что он лежал на кровати, а она — у самого входа, и рука протянута к двери...

Нинетто видит профиль мертвеца.

Затем, подняв глаза, замечает отца, который с печалью и состраданием смотрит на покойника под белой простыней.

Нинетто медленно подходит к отцу и берет его под руку.

Тото. Нино!

Отец и сын молча уходят. Они идут сквозь маленькую толпу, такую притихшую, что слышны плач и стоны, доносящиеся из отдаленного дома.

Проселочная дорога. Натура. День.

Отец и сын идут и идут.

Теперь местность совсем пустынная: желтая трава полей подступает почти к самой

кромке дороги, а на горизонте поля сливаются с белым небом.

Нинетто. Па, мне вот тут пришло в голову, что жизнь — ничто...

Тото. Что делать... Зато смерть — всё.

Нинетто. Па, а я вот все время думаю о смерти, думаю, потому что, ну, как это человек вдруг умирает... Значит, он, наверно, так тихо-тихо дышит, делает ах-ах, ах-ах, а потом ему как будто не хватает воздуха, он не может сделать «ах» (вздыхает со страдальческим видом). Но сам-то он замечает, что не может сделать «ах?» Как происходит этот переход от жизни к смерти?

Тото (сделав рожки, против глаза). Спроси у кого-нибудь другого. Что же я, по-твоему, уже умирал? Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить!

Нинетто. Эх, папа, как бы я хотел быть попугом! (Смеется с хитрым видом.) Чтобы дожить хотя бы до трехсот лет!

Тото (неуверенно, пытаясь извлечь из бессмысленного хаоса жизни некий философский смысл). Умер богач! Здесь покоится мешок с деньгами! Это самый богатый человек на всем кладбище! Подумай только, какое разочарование для него, какой обман! Блажен бедняк, о котором почти никто и не знает, что он умер... И напишут: умер такой-то. Теперь очередь за следующим. Для него смерть — спасение. (Взволнованно.) Не тут-то было, все как раз наоборот! Для богача смерть — это расплата за жизнь: он платит, но он хоть пожил в свое удовольствие. Бедняку жизнь не принесла никакой радости, а он все равно должен платить. Бедняк от одной формы смерти переходит к другой, вот и все.

И они продолжают свой путь, палимые солнцем.

Звучит странная, траурная музыка. Может быть, это даже известная песенка — «свистит ветер, воеет буря, стоптались башмаки, но надо идти дальше», — только очень тихая и в необычном исполнении. Их окликает какой-то хриплый и резкий голос.

Голос. Друзья, куда путь держите?

Нинетто воинственно озирается по сторонам, как бы «внюхиваясь» в эту новость. Тото тоже оглядывается. Вокруг — ни души.

Тото. Что ты сказал, Нинетто?

Нинетто. Это я, по-твоему, сказал?

Тото. Значит, показалось.

Голос. Ну так что, друзья, куда идете?

Отец и сын останавливаются и снова в недоумении озираются по сторонам.

Голос. Можно к вам присоединиться?

Нинетто, наконец, замечает на обочине дороги Ворона, который с интересом смотрит на них.

Нинетто. Эй, па, смотри, кто это! Ворон!

Тото. А что ему нужно?

Ворон. Пройтись немного вместе с вами. Я вам не помешаю?

Тото. Нет, нет, что вы, напротив!

И отец с сыном снова пускаются в путь, только теперь в компании с Вороном, который, должно быть, от смущения, поначалу молчит.

Ворон. Ну, так можно узнать, куда вы идете?

Тото смотрит на сына, как бы говоря: «Вот привязался!» Нинетто в свою очередь вопросительно смотрит на отца, всем своим видом выражая неприязнь к незваному попутчику. Все так же глядя на сына, Тото делает ему знак, как бы предупреждая: «Не будем ему говорить». Нинетто подает ему ответный знак, означающий: «Само собой!»

Тото. Просто идем.

Ворон. Хотите поспорим, что я и сам угадаю! (Смущенно посмеивается.)

Тото. Попробуйте.

Ворон. Вы идете к фотографу, хотите сфотографировать мальчика, который собирается поступить работать на «ФИАТ».

Тото и Нинетто. Нет!

Нинетто. Это мы сделали на прошлой неделе!

Ворон. Ага... тогда, значит, вы идете к своему родственнику, на крестины его сына...

Тото и Нинетто. Нет!

Нинетто (с веселым удивлением). Но, черт побери, откуда он знает? Мы как раз вчера ходили на крестины в Торре Лишья! Вы что, ясновидящий, синьор Учитель?

Ворон, все еще продолжающий размышлять, отвечает Нинетто застенчивой, но тонкой улыбкой.

Ворон (смеясь). Вы идете к знахарке, раздобыть лекарство для Нинетто, у которого солитер...

Нинетто (радостно смеясь). Горячо! Горячо! Горячо!

Вдоволь насмеявшись, Ворон вновь начинает говорить более сдержанно, хотя вполне демократично и непринужденно.

Ворон. Нет, я отказываюсь понять, куда вы идете... пока...

Тото. А вы сами-то откуда и куда идете? Я никогда не видел вас раньше в этих краях...

Ворон (с шутливой таинственностью). Я иду издалека... Я чужестранец... Моя страна называется Идеология. (Иронически смеется.) Живу я в столице, в Городе Будущего, на улице Карла Маркса, дом № 1000, и ни одной тысящей больше... (Сам с удовольствием смеется своей шутке.)

Тото (подхватывая шутку). А мы живем в предместье «Свалка».

Нинетто (с готовностью). На улице «Умиравших с голоду».

Тото (смеясь). Номер 23!

«Мне и отцу эта жизнь ничего не дает»

Нинетто (смеясь еще сильнее). Под горой «Священных отбросов».

Тото (хохоча во все горло). На которой был распят «Святой Невежда»!

И так, смеясь, они идут по бесконечной дороге.

Проселочная дорога. Натура. День.

Все трое идут и идут.

Дорога не очень сильно отличается от предыдущей: такое же желтое поле и бескрайнее небо.

Но из-за усиливающейся жары — уже десять часов утра — наша троица кажется немного более вялой и утомленной. Отец и сын идут как бы нехотя, через силу, еле волоча ноги. Ворон выглядит более бодрым и подтянутым.

Тото (со страдальческой гримасой) Солнце начинает припекать. Того гляди хватит удар... Ай... (Это «ай» получается у него совсем по-детски.)

Нинетто. А давай остановимся под этими деревьями, папа... (Ленивый и избалованный, он в восторге от этой идеи.) Если мы ляжем вот здесь, под ними, знаешь, как выспимся...

Тото. Пойдем, хитрец... Ай... (Это второе «ай» звучит еще более выразительно, чем первое.)

Тото с болезненной гримасой наклоняется и ощупывает ступню в стоптанных башмаках.

Тото. К черту всех святых! (Спохватившись и как бы извиняясь перед Вороном.) Это так, к слову... Эти мозоли — одна на мизинце, а другая на большом пальце — причиняют мне адские муки...

Ворон (полушуточно). Счастливые вы!

Тото (потирая мозоли). Да уж, счастливые! Такую боль приходится терпеть!

Ворон (на этот раз почти с пафосом). Да, счастливые, несомненно, счастливые!

Нинетто (передразнивая его, с любопытством). Счастливые, счастливые, а собственно, почему?

Ворон. Счастливые, потому что у вас есть мозоли... Потому что вам бывает жарко и вы говорите: «уф»!, потому что вы — часть этой бесконечной природы, которая состоит из мозолей и солнца в том числе, потому что вы — внутри самой жизни, плоть от плоти ее, неотличимы от нее, и идете по ней, идете... Рождаетесь, любите, умираете...

Нинетто. Едите, поете...

Ворон (усмехаясь). Мозоли и солнце! Счастливы! А вот я, неизвестно, когда, как и почему, был приговорен навечно оставаться в стороне от всего этого... Простите, мы с вами почти незнакомы, но сейчас я скажу вам одну вещь, может быть, не совсем

понятную... Это не принято... Но есть вещи, которые говорят либо сразу, либо не говорят вовсе...

Тото (вежливо). Конечно, скажите, сделайте милость.

Ворон (все так же посмеиваясь). Разумеется, вы спрашиваете себя: «что нужно от нас этому обормоту»? Так вот, я привязался к вам потому, что тоскую о том, чего у меня нет, хочу приобщиться к жизни, слиться с ней, жить, быть живым, и баста! (Посмеиваясь, как будто желая несколько умалить серьезность своих признаний.) И к вам я пристал, чтобы хоть немного развеять тоску по тому, чего у меня нет.

Нинетто (не без сочувствия). А что, у вас нет родителей? Нет жены? Нет семьи?

Тото и вовсе его не слушает: он озирается по сторонам, как будто чего-то ищет, и кроме того, озабочен своими бедными, больными ногами.

Ворон. Эх, ты, милый мальчик, идущий с отцом по дорогам, на которых ты встречаешь своих братьев, родственников и просто незнакомых людей, но все равно, подобных тебе. И для тебя не имеет значения, какие это дороги: красивые или некрасивые, старые или новые, дороги и баста! Мой отец — Синьор Сомнение, моя мать — Синьора Сознание, моя жена — Синьора Культура, а моя семья — Цивилизованное Человечество.

Нинетто (смеясь). А я просто Нинетто, сын Тото Инноченти и Грации Семпличетти¹.

Тото наконец-то нашел то, что искал: кустарник в конце дороги, там, где она делает поворот. А вокруг — тишина и покой. **Тото** (с подобающей случаю извиняющейся улыбкой, хотя и не без досады, что приходится разводить такие церемонии). С вашего позволения!

И поспешно отойдя на край обочины, он перепрыгивает через канаву и заходит в кусты. Сын, проследив за его действиями, внимательно прислушивается к потребностям собственного организма.

Нинетто. Папа, а мне куда?

И сказав это, он решительно присоединяется к отцу, зайдя за изгородь с другой стороны.

Ворон деликатно ждет их на дороге.

Довольно большая, запыленная изгородь. Над пересохшей канавой вьется мошкара. А вот и желтая бабочка, вечный символ незабываемых, уютительно-знойных летних дней. Она мечется туда-сюда на своих крошечных, бархатных крыльях, а затем исчезает в ослепительно-ярком небе, отдавшись быстротечной своей жизни. И вот,

¹ Игра слов, которую можно перевести так: «Совсем Наивный» и «Святая Простота».

в полной тишине, за изгородью внезапно раздаётся свист. Такой же незабываемый, как и полет бабочки, свист человека, который никуда не спешит, у которого нет никаких забот или он достаточно мудр, чтобы забыть о них.

Нинетто (свистит, а потом поет).

Может быть, может быть, все пройдет.
Может быть, может быть, ты меня
брошишь.

Но останется моя любовь к тебе.

Последнюю строчку он поет с особым чувством, во всю мощь своих легких.

Голос Тото (к Нинетто из-за изгороди). Эй, Нине, а как фамилия того, кто летал на луну? Гагарин?

Голос Нинетто. А я почему знаю?

Голос Тото. А все-таки луна кажется такой далекой... как сон... и все куда-то плывет, плывет, исчезает... Видишь ее? У меня всегда такое чувство, будто только я один ее и вижу.

В небе, в ослепительно-ярком мареве облаков,— одна из тех странных, призрачных лун, которые иногда появляются днем.

Голос Нинетто (несколько обиженный). Я тоже вижу.

Тото (примирительно). Да я знаю, знаю.

В этот момент с поля доносятся сердитые голоса, крики, властные приказы. Злые, сердитые голоса. Что же там происходит, за изгородью? Голоса становятся все отчетливее, как будто люди приближаются бегом, и наконец, становится различима первая фраза.

Голос Хозяина. Подонки, сволочи! Все сюда идут! Все сюда! Когда-нибудь я вас пристрелю! Да что вы думаете, у меня тут общественный туалет, что ли?

Голос Тото. Ну успокойтесь, что, собственно, произошло? Конец света?

Голос Хозяина. Какое там — успокойтесь! Хватит с меня! Не могу я целыми днями смотреть, как на мое поле приходят мараться... У меня, знаете ли, дочери, молоденькие девушки...

Нинетто (про себя, с издевкой). А вы их сюда приведите...

Человек, кричащий все это, подбегает, наконец, к изгороди. С ним несколько слуг. Теперь пререкающиеся голоса раздаются совсем близко.

Голос Хозяина. Кто разрешил вам сюда войти? А?

Голос Нинетто (все так же про себя). Земельная федерация.

Голос Хозяина. Вы что, не видите, что здесь огорожено?

Голос Тото (примирительно). Извините нас, синьор... Ладно уж, что делать... Бы-

вает... Со всеми случается... Сегодня вот — со мной, завтра может случиться с вами... **Голос Хозяина**. Но я же не хожу мараться в чужое поле... Есть же законы... Подонки! А вы знаете, что я могу привлечь вас к суду!

Нинетто (не выдержав). Вот это будет процесс! Вы и экспертизу сюда пригласите?

Голос Хозяина. У тебя еще хватает наглости пререкаться со мной? Ах вы, висельники! Это моя земля! Моя земля!

Голос Нинетто. Ну а мы ее немного удобрили... если по совести, так вы должны были бы нам еще и заплатить...

Голос Хозяина. Ах вот как! Знаешь, что я тебе скажу? Забирайте свои удобрения с собой, к себе домой отнесите! А ну забирайте!

Голос Тото. Ну что вы, синьор... вы шутите...

Голос Хозяина. Я вовсе не шучу... Забирайте эту мерзость и уносите отсюда...

Голос Тото. А если мы этого не сделаем?

Голос Хозяина. Тогда я вас пристрелю! (Орет во всю глотку.) Эй, Севёра! Неси сюда мою двустолку! (В неистовстве.) Я вам покажу...

Голос Тото. Всякая шутка хороша в меру...

Голоса, беспорядочно доносившиеся из-за изгороди, превращаются в безумный ор, вперемишку со звуками ударов и стонами.

Обеспокоенный Ворон взлетает на ветку изгороди и видит такую картину: несколько стариков и старушек, чудовищно уродливых, сухоньких, как былинки, изо всех сил лупят Тото и Нинетто.

Хозяин (в промежутках между ударами). Северааа! Северааа!

И вот на фоне дома появляется темная фигура Севёра, который идет к ним с двустолкой в руках: останавливается, стреляет в воздух.

Тото (сыну). Бежим, Нине...

Нинетто. Бежим, папа...

И наша парочка, тяжело дыша, бежит по выжженному полю, а за ними несутся Ворон. Они бегут... бегут... бегут... скользят, падают, поднимаются, с отбитыми задками и перепачканными грязью лицами, и снова бегут, под аккомпанемент все отдаляющихся выстрелов из ружья. А Ворон тем временем не перестает разглагольствовать... Ворон (летит вслед за этим беспорядочным и паническим бегством, как бы посмеиваясь над неуместностью своих казуистических рассуждений). И разразилась война! Из-за клочка земли! Война между Индией и Пакистаном, война за Тренто и Триест! Вот теперь вы бегите, да? Трусите, да? У вас нечистая совесть, да? Ай-яй-яй. Вы даже не отдаете себе в этом отчета, но ведь и вы — соучастники старика в об-

щем преступлении: в низкопоклонстве перед Частной Собственностью! Почему вы уступили ему? Да потому, что в глубине души считаете, что прав он, а не вы! Бьют всегда тех, кто прав! Когда один народ захватывает землю другого народа, то режет и убивает именно потому, что неправ. А когда угнетенный народ, взбунтовавшись, устраивает свои «сицилийские вечерни», то режет и убивает тоже потому, что был неправ раньше, когда разрешал себя резать и убивать! Вот почему был прав Ганди!

палит их нещадно.

Между двумя этими дорогами, насколько хватает глаз, и дальше, в поле, высятся огромные конструкции — стройные, белые, inferнальные. Это фабричные здания: некоторые из них уже закончены, другие еще только строятся. Но на фоне жалкого сельского пейзажа контуры города будущего кажутся абсурдными и нелепыми. Во всем этом есть что-то тягостное, мрачное и, одновременно, противоестественное. Трое друзей идут под аккомпанемент негромкой,

Он тот, кто знает...

(Надпись: «Частная собственность»)

Вот почему надо побеждать, не прибегая к насилию, как Ганди! Вам следовало поступить, как Ганди! Вытащить носовой платок, положить туда свои испражнения и унести! И этим актом кротости и смирения вы примирили бы коммунистическую революцию и Евангелие!

Табличка с надписью. И так далее, и так далее.

Проселочная дорога. Natura. День.

Трое приятелей идут себе и идут. Теперь проселочная дорога проходит параллельно с большой государственной магистралью: немногие уцелевшие поля имеют особенно жалкий и убогий вид, да и солнце

похоронной музыки, которая уже звучала в момент появления ворона. Но любопытнее всего то, что заводы выглядят неработающими, и тишина, покой как раз и создают ощущение загадочности и таинственности происходящего.

Что это, забастовка? Непохоже. Рабочие толпятся вокруг здания фабрики, на улице. Их силуэты чернеют в белизне полуденного солнца. Может быть, они просто решили перекусить на открытом воздухе, а не в столовой. Они стоят повсюду — у стен фабрик, вдоль высохших канав. Безмолвные, отчужденные, как будто застывшие в ожидании. Наши путники проходят мимо и смотрят на них, захваченные необычным зрелищем: если это еще и не сама смерть,

то, несомненно, ее предвестие.

Ворон. Ну, а теперь вы не хотите сказать мне, куда же все-таки идете?

Отец и сын, при этом очередном проявлении любопытства со стороны Ворона, понимающе переглядываются между собой и молчат.

Ворон. Ну же, скажите!

У Тото мелькает в глазах насмешка.

Тото. Угадайте!

Нинетто на лету подхватывает шуточный тон отца: он весь так и искрится весельем, удовольствием, радостной непочтительностью.

Нинетто. А тебе хотелось бы знать, да? Очень хотелось бы?

Ворон (с шутивным смущением). Признаюсь, мне и в самом деле любопытно узнать, куда вы идете...

Тото смотрит на сына и подмигивает ему. Нинетто, в полном восторге от установившегося взаимопонимания с отцом, отвечает благодарным взглядом.

Тото. Да так, ходим туда-сюда.

Ворон (неуверенно и робко настаивает). Ну, скажите!

Нинетто (быстро). А ты что, шпион?

Ворон (отступаясь). Ладно, потерплю еще... Сдаюсь...

Нинетто, повернувшись к отцу и кивая на Ворона, показывает язык, как бы предлагая поиздеваться над ним. Тото ловит его взгляд, но «хорошенького понемногу»: вздохнув и скорчив страдальческую гримасу, он принимается растирать большую ногу. Ворон (как бы из вежливости заводит ни к чему не обязывающий разговор). Значит ты, Нинетто, будешь рабочим?

Нинетто (почти машинально). Да.

Ворон. А хотел бы ты работать на такой фабрике, как эта?

Нинетто. Надо посмотреть.

Ворон (то ли в шутку, то ли всерьез, но говорит, как всегда насмешливо, с сарказмом). А ты знаешь, что они собираются производить?

Нинетто. (грубо) Откуда мне знать?

Ворон. Тоттофоны!

Нинетто (выпучив от удивления глаза и раскрыв рот). Что, что?

Ворон. Такое маленькое устройство, как предохранитель. Его вставляют в рот, и все начинают говорить одинаково: не будет больше разных манер речи. Тоттофон сделает так, что все будут говорить одинаково.

Тото. А кому он нужен? Моя мать учила меня так говорить, моя бабушка учила меня так говорить, и я хочу до самой смерти говорить так, а не иначе.

Ворон. Ха-ха-ха! Но вся штука в том, что ношение тоттофонов будет обязательным, как установка тормозов в машине.

Тото. Зачем все это?

Ворон. Ха-ха-ха. Они произвели статистический подсчет и обнаружили, что все, кто одинаково говорит, — одинаково потребляет... Значит все будут одинаково говорить, одинаково одеваться, покупать одни и те же машины и т. д. И тогда наконец-то все можно будет выпустить серийно.

Тото. Да свершится воля господ!

Ворон. Ну а тебе, Нинетто, понравилось бы говорить, как все, одеваться, как все, есть то же, что все, иметь мотоцикл той же марки, что у всех?

Нинетто (с величайшей убежденностью, насмешливо). Мне — да, я что, глупее других что ли?

Все громче, все печальнее начинает звучать мотив «Стоптаных башмаков».

Ворон (пытаясь объяснить им свою мысль в форме иносказания). А вот я знаю одного человека, который плачет и говорит, что тогда человечеству — конец... и что если рабочие не решатся снова взять в руки красное знамя, уже ничего нельзя будет сделать, потому что только они могут вдохнуть душу в товар... чтобы продукты производства оставались делом рук человеческого и чтобы мир остался миром человека... Но рабочие спят и производят товар во сне... И нинетти потребляют продукты, не одушевленные человеком... и эти продукты постепенно отнимают душу и у тех, у кого она есть...

Пока он говорит все это, они проходят мимо последних строящихся фабрик, у белых стен которых стоят рабочие и действительно, как кажется, дремлют.

Нинетто, чем-то отвлекшись, перестает слушать. Ворон продолжает говорить, но интерес, вспыхнувший в глазах Нинетто, относится совсем не к тому, что говорит Ворон, а к тому, что они видят дальше на дороге. Старая машина, огромная и черная, похожая на пустой ящик, неподвижно стоит под палящим солнцем. На кузове надпись: «Театр на колесах». Вокруг стоят несколько человек, похожих издали на игрушечных пупсов. Это, как мы узнаем дальше, Реккьябелла¹ и Чиро Ло Кокко² — неаполитанцы, Инчензурато³ — сицилиец, Урганда Ла Сконошута⁴, женщина непонятной национальности и к тому же на сносях, Аннибале Веджетариано⁵, негр с двумя детьми, еще младенцами: Кикакагапоко⁶, по прозвищу Ки, и Колгате конгардол⁷, по прозвищу Кол. Вся эта пестрая компания

¹ Во всех прозвищах игра слов: «Козочка»,

² «Чубчик Кучерявый»,

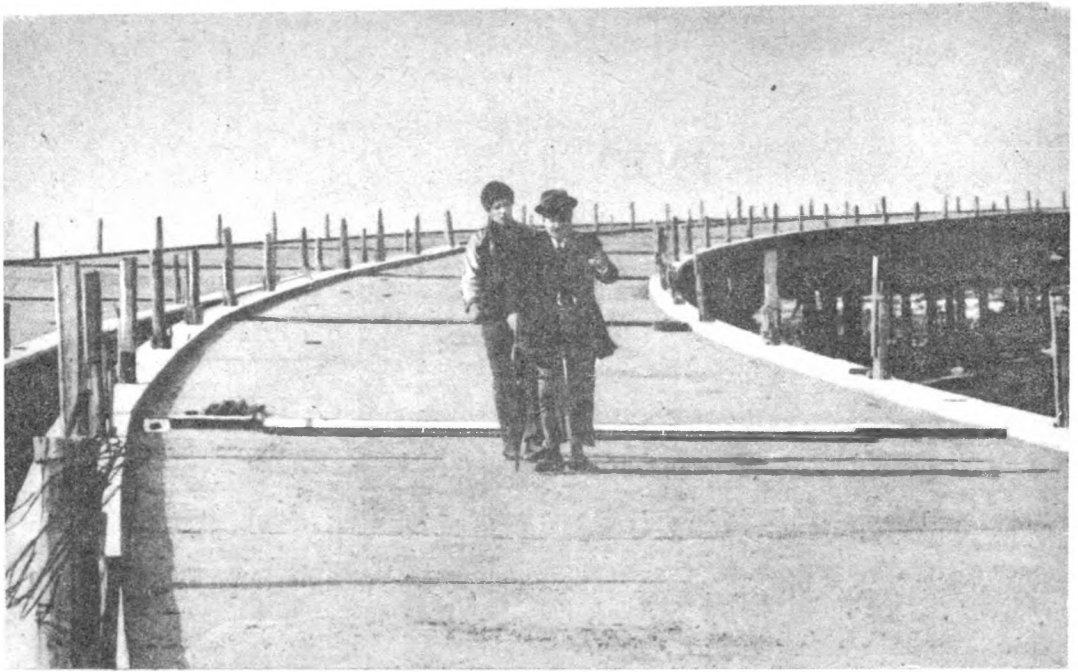
³ «Нецензурный»,

⁴ «Урганда Незнакомка»,

⁵ «Каннибал Вегетарианец»,

⁶ «Замарашка»,

⁷ «Колгате кон гардол» — название зубной пасты.

По дороге строящегося мира

пребывает в большом беспокойстве. И как только наша троица приближается к машине, один из неаполитанцев обращается к ним с просьбой о помощи.

Реккьябелла (с сильным неаполитанским акцентом). Синьоры... Извините, но не могли бы вы помочь нам подтолкнуть этот фиат... Всего одно малюсенькое усилие (как зазывала в цирке). Конечно, вы можете сказать: «вас тут четверо здоровенных мужчин, а вы просите помощи у нас!» (Прижимает обе руки к груди, словно акробат, раскланивающийся перед публикой.) Нет, нет! На самом деле только я один способен толкать машину: у моего друга (показывает на негра) — геморрой, у другого (показывает на хромого и тщедушного сицилийца) — сами видите, не хватит слов, чтобы описать все его болячки, а этот (показывает на другого неаполитанца) умудрился сделать себе сегодня утром маникюр, (многозначительно) и он не хочет портить руки... вы понимаете...

Тото (поспешно), Конечно, конечно, сейчас сделаем...

И вместе с Нинетто они увлеченно помогают неаполитанцу толкать машину. Толкая, они бегут вслед за ней, а за ними бежит ресью и все племя.

Они толкают и толкают, но машина движется вперед просто как пустой ящик.

Они толкают, толкают, но постепенно, видя тщетность своих усилий, один за другим от-

ходят.

Машина стоит под палящим солнцем, среди выжженных, мертвых полей, в которых поют цикады. Вокруг, утирая пот, стоит все племя, усталое, павшее духом.

Тото, с гримасой боли, поглаживает свои мозоли.

Реккьябелла (в отчаянии смотрит на машину и убежденно говорит). Э, эту машину может завести только Господь Бог... Но как бы там ни было, мы благодарны вам за вашу помощь. (Со светской непринужденностью.) Разрешите представиться — Реккьябелла.

Пожимает руку Тото. Остальные тоже подходят представиться.

Чиро Ло Коко. Чиро Ло Коко.

Инчензурато. Инчензурато.

Урганда Ла Сконошута. Урганда Ла Сконошута.

Аннибале Веджетариано. Аннибале Веджетариано, а это мои маленькие детки: Кикагакагапоко, прозванный Ки, и Колгатекоконгардол, по прозвищу Кол... (Сразу переходя к делу.) У вас мозоли?

Тото, вспотев от усилий и непредвиденной пробежки, продолжает одной рукой пожимать протянутые ему руки, а другой растирать мозоль на ноге.

Тото (счастливым от того, что может хоть кому-то поведать о своих страданиях, воздевает руки к небу). И не говори, благословенный негр! Что ты знаешь о страданиях тех,

За клочок земли разгорелась война

кто ходит по раскаленным углям, кто терпит адские муки! Я один из них... И может быть, самый несчастный...

Аннибале. У меня есть чудодейственное средство...

Реккьябелла. Не слушайте его, он держит мазь только для себя... это его собственное, негритянское изобретение... Он просто помешан на этой мази... А если бы даже он и решился ее уступить, то только за бешеные деньги. Это, знаете ли, удовольствие для транжир! (Делает вид, будто полностью принимает сторону Тото.)

Тото (обнадеженный). А все же, скажите... Немного я могу заплатить... Конечно, если это не очень дорого...

Аннибале Пять тысяч лир...

Реккьябелла. Уууууууууууу! (Крик, который должен означать: «Я же вам говорил, он сумасшедший!»)

Тото. Для моего кошелька это дороговато... Я же простой крестьянин, в министерстве не работаю.

Реккьябелла бросает молниеносный, как удар кулака, взгляд на Тото, как будто чтобы подбодрить его, а затем, взяв негра под руку, отводит в сторонку, переговаривать.

Остальные бросают на них тактичные, вежливые взгляды, понимающе улыбаются, открывая при этом хищные, как у гиены или шакала, зубы.

Инчензурато. Без преувеличения можно ска-

зать, что сегодня выдался по-настоящему хороший денек.

Тото. Только вечером будет дождь.

Но вот и Реккьябелла, который идет к ним с победоносным видом, подавая знаки. Реккьябелла. Он уступил! Вам повезло... (Хлопнув негра по плечу.) Я всегда говорил, что тебе дадут Нобелевскую премию за мир! (Опять обращается к Тото, доверительным шепотом.) Тысяча пятьсот.

Тото вполне разделяет ликование неаполитанца и радостно вытаскивает из бумажника деньги. Негр тем временем идет к машине и возвращается, весь увешанный змеями и с баночкой мази в руке. Но впечатление производят, конечно, змеи... За ним идет другой неаполитанец, неся перед собой деревянный образок Святого Дженнаро.

Для завершения ритуала купли-продажи они подходят к Тото, который, как зачарованный, смотрит только на змей.

Тото (забирая мазь и протягивая деньги, бормочет). Какая смелость!

Урганда Ла Сконошута. Люди, люди!

Неожиданный крик Урганды Ла Сконошуты привлекает внимание к группе рабочих. Мрачные и молчаливые, они идут по дороге. Придерживая живот, Урганда Ла Сконошута бежит за табличкой с надписью «Как был разрушен Рим». Остальные, сопровождаемые удивленными взглядами Тото и Нинетто, несутся к машине, торопясь переодеться.

Сцена 1

Урганда Ла Сконошута идет на четвереньках, изображая волчицу. Воеет. В корзине сидят Кикагакагапоко и Колгатекоконгардол, изображающие Ромула и Рэма. Завывая, она идет на четвереньках и как бы кормит двух негрятят грудью.

Нинетто (хохоча). Кикагакагапоко и Колгатекоконгардол! Вот так римляне, сдохнуть можно!

Подвывая, волчица уходит. Негрityята остаются одни. Кикагакагапоко чертит на земле квадрат. Колгатекоконгардол, прыгая, стирает его рисунок, и Кикагакагапоко его убивает. Колгатекоконгардол остается лежать на земле, как мертвый: с открытыми глазами, раскинув руки.

Сцена 2

Цезарь во главе своих марширующих легионов. Цезарь — это Инчензурато, хромым. Остальные — легионеры. Они маршируют гусиным шагом, в пыли, вокруг машины.

Теперь Урганда Ла Сконошута одета Клеопатрой, и два негритенка обмахивают ее опахалами. Цезарь и Антоний с восхищением смотрят на нее и начинают драться. Цезарь побеждает. Пантомимическая сцена любви между Цезарем и Клеопатрой. Поцелуй в губы. Цезарь возвращается в Рим. Там его ждет Брут (Аннибале) с другими заговорщиками. Убийство Цезаря представляется как балет.

Цезарь (кричит): «И ты, Брут, сукин ты сын», — и умирает.

Сцена 3

Теперь мы присутствуем при ристалищах в Колизее. Негр изображает Нерона.

Рекьябелла (указывая на негра, голосом зазывалы). Нерон!

Нерон предается оргиям и вакханалиям со своими придворными!

Тем временем рабыня осеняет себя крестом: это Урганда Ла Сконошута. Ее, в оковах и колодках, вытаскивают на арену, и выпускают льва (хромого Инчензурато), который ее и пожирает. Нерон играет на арфе и поет. **Нерон**. Как я люблю женщин и ананасы!

Пока племя разыгрывает свой «выездной спектакль», рабочие идут мимо по противоположной стороне дороги, угрюмые и равнодушные, как будто вообще существуют в ином времени и пространстве. Их сумрачная материальность контрастирует с противоестественной мельтешней на переднем плане.

Нерон еще не успел допеть свой куплет, как Урганда Ла Сконошута принимается кричать: на этот раз уже по-настоящему, всерьез. У нее начались родовые схватки. Ее подхватывают и уносят за машину. Страшная суматоха. Крики, смех, плач. И вот уже какой-то червячок корчится в поле: получерная девочка. Она только что выпала из чрева матери в

пыль чрева матери-земли. И теперь дрыгает своими крошечными лапками, веселая и беспокойная, полная желаний жить. Два негритенка при виде ее прыгают от радости. Чиро Ло Коко бережно поднимает ребенка с земли к небу.

Чиро Ло Коко. Одним ртом больше. Вива, Мария!

Инчензурато (весело, по-сицилийски). Девочка! Вива, Иисус!

Аннибале исполняет негритянский танец радости. Кикагакагапоко и Колгатекоконгардол подражают ему.

Чиро Ло Коко торжественно передает дочку Урганде Ла Сконошуте, которую поддерживает Рекьябелла. Остальные танцуют и скачут вокруг.

Чиро Ло Коко. Держи! Окрестим ее в первой же церкви, которая попадется по дороге. Урганда (взяв девочку на руки). Ух ты! А как мы ее назовем?

Аннибале (с ностальгией). Белоснежка!
Инчензурато. Имполверата¹, в честь Святого Бродяги.

Чиро Ло Коко (взволнованно). Нет, ее никто не хотел, никто не ждал! А она все равно пришла... Бенвенута!² Так пусть и будет Бенвенутой!

Урганда. Да, да! Бенвенута, мамино сокровище!

Рекьябелла. Бенвенута! Бенвенута! Бенвенута!

Он вприпрыжку бежит к машине, выходит из нее с двумя хлопущками и поджигает их, в то время как остальные продолжают отплясывать свой ритуальный танец в честь новорожденной.

Взрывы хлопущек. Вспышки ракет.

Выстрелы, светящиеся ракеты, танцы. И вдруг все они, как по команде, забираются в свою машину, которая с треском и грохотом отъезжает, исчезая в дорожной пыли, на фоне строящихся заводов.

Наша троица кажется единственными живыми существами, выжившими после катастрофы.

Какой покой! Какая тишина вокруг!

Тото сидит на обочине дороги, на самом краю выкопанной канавы.

Тото (в предвкушении блаженства, с надеждой). Аааах!

Он медленно снимает башмаки, ласково поджигает голые ступни.

Тото. Аааах!

Не торопясь открывает баночку, как бы священнодействуя, начинает намазывать на ноги ее содержимое. Пока Тото, забыв обо всем на свете, предается этой деликатной процедуре, Ворон подходит к баночке и изуча-

¹ «Покрытая пылью».

² В данном случае можно перевести как «Богом данная».

ет ее.

Ворон (со своей обычной застенчивой и тонкой усмешкой). Ха, ха, ха.

Тото (подозрительно). Что тут смешного?

Ворон. Ха-ха-ха! Знаете, что в этой баночке? Прочтите!

Тото. А кто будет читать? Я уже сорок лет ничего не читаю! Эй, Нинетто!

Нинетто обижен этим властным окриком.

Нинетто. Не буду!

Тото (сердито). Не зли отца! Читай!

Нинетто, струсив, уступает отцу и очень плохо, неохотно читает название по складам.

Нинетто. Сред-ство... про-ти-во-за-чаточное... Противозачаточное!!!

Ворон. Ха-ха-ха! Вы мажете свои мозоли противозачаточной мазью. Бедняги, вас надули!

Тото (передразнивая его). Ха-ха-ха-ха! Что же вы смеетесь над чужими несчастьями! А что это такое, противозачаточное средство?

Ворон. Как, вы не знаете? А сколько у вас детей?

Тото. 18, а что?

Ворон (новый взрыв застенчивого, саркастического смеха). Противозачаточное средство — это лекарство, предупреждающее рождение детей, контролирующее их рождение. Если бы вы пользовались этим средством, у вас не было бы 18-ти человек детей! **Тото**. А почему у меня не должно было их быть?

Ворон. Ничего себе! 18 детей родил ты, еще 18 — твой брат, 18 — твоя сестра, да 18 — твой сын **Нинетто**! Посчитай-ка! (Шутливо.) А ты, **Нинетто**, знаешь, какая сейчас главная проблема в мире?

В этот момент **Тото** одел башмаки, и наша тройца снова пускается в путь под испепеляющим солнцем.

Нинетто. Хм!

Звучит музыка «Стоптаные башмаки».

Табличка с надписью: Итак, наш застенчивый, доморощенный Сократ освещает проблему голода.

Он говорит о том, что через 20 лет население на земле увеличится почти вдвое, что не будет хватать пищи и т. д. И что в этой связи возникает проблема контроля за рождаемостью — выражение, которого ни один из слушателей, ни отец, ни сын, никогда раньше не слышали за всю свою невинную жизнь. **Табличка с надписью**: Ворон освещает эту проблему со всех сторон — социальной, религиозной, моральной и т. д.

А заканчивает он тем, что критикует все партии и политические движения за то, что они, боясь потерять популярность, не касаются всех этих проблем, которые на сегодняшний день являются основополагающими.

Табличка с надписью: Далее он дает социаль-

но-политический анализ жизни наций, которые являются наиболее плодовитыми и неотомимыми производителями потомства.

Разговор обретает масштабность, охватывает проблему Третьего Мира, включая в себя остроумные и конкретные наблюдения за отношениями между «Театром на колесах» и рабочими окружающих фабрик.

Табличка с надписью: Ворон рассуждает еще минут пятнадцать, сопровождая свои слова смущенным смехом...

Двор перед домом. Натура. День.

Ничего кроме солнца. Ни куриц, ни уток, ни собак. Ничего, ничего. Мертвый дом. Только белое небо и желтое поле. Ни звуков, ни голосов. Кладбище в кладбище.

Тото. Синьоры хозяева!

Какой странный вид у **Тото**! Он очень изменился: жесткий, уверенный в себе.

Тото. Что, никого нет дома? Вымерли вы все тут, что ли? А ну, воскресайте из мертвых!

И уверенно, спокойно выходит на середину двора, озираясь вокруг с воинственным, чуть ли не агрессивным видом. **Нинетто** следует за ним, страшно заинтригованный и с таким же самодовольным видом — то ли передразнивая, то ли подражая отцу, а затем прогуливается по двору походкой ковбоя, с сигареткой, висящей в углу рта.

Тото. Черт возьми, куда же вы запропастились, голодранцы!

Озирается по сторонам и видит... На последней ступени длинной лестницы, под самой крышей дома, стоит женщина. Несчастная! Черный платок на голове еще сильнее оттеняет мертвенную бледность лица, черные круги под глазами и следы от слез, застарелые, вечные, как будто навсегда вьвшиеся в кожу, непрорывающиеся. В длинных, костлявых пальцах она держит ласточкино гнездо, прижимая его к сердцу.

Тото. Какого дьявола вы там делаете? Почему не отвечаете?

Женщина (подносит палец к губам). Тсс! (И снова.) Тсс!

Она поспешно спускается с лестницы, вся во власти своего горя, бережно прижимая к груди ласточкино гнездо.

Женщина. Говорите тише... Добрый день... Простите, но говорите, пожалуйста, тише, а то вы разбудите детишек...

И направляется к дому, дверь которого напоминает решето...

Женщина (печально). Проходите...

Несколько обескураженные этим приемом, все трое следуют за ней и входят в дом.

Кухня в доме. Интерьер. День.

Они на цыпочках входят в помещение,

Вечный вопрос о сути бытия

которое когда-то было кухней, а теперь превратилось в совершенно пустую, покрытую копотью комнату со столом и одним-единственным стулом. На стуле сидит измученный, исстрадавшийся человек. На плите стоит большой чан. В ящике валяются тарелки и приборы. Из-за расхлябанной двери раздается голос.

Голос ребенка. Мама...

Женщина (почти машинально, с неизбывной печалью). Спи, еще ночь, спи!

И все также продолжая прижимать к груди ласточкино гнездо, обращает на Тото страдальческие глаза. Тото, с твердостью делового человека, выдерживает ее взгляд и сразу берет быка за рога.

Тото. Никаких оправданий... или деньги, или завтра же я передаю дело адвокатам, и произойдет то, что должно произойти!

Женщина. Ах, синьор Тото... вы сами видите, как обстоят наши дела... У нас нет денег... Потерпите немного... В прошлый раз мы отдали вам свинью... потом вы забрали у нас матрасы, что же мы можем отдать вам теперь?

Чуть не плача, она отворачивается, идет к плите, где в чане кипит вода, и бросает в него ласточкино гнездо.

Нинетто (безжалостно) Вы что же, едите ласточкины гнезда, синьора?

Бедная женщина, потрясенная его безжалостной и грубой откровенностью, раздражается безудержными рыданиями.

Женщина (сквозь слезы). Китайцы! (Всхлипывая.) Китайцы!

И с плачем отворачивается к плите, так и не сумев дать другого объяснения.

Голос ребенка. Мама!

Поборов рыдания, женщина оборачивается в сторону двери, ведущей в комнату, из-за которой раздается детский плач, и снова повторяет: «Спи, еще ночь, спи!»

Тото оглядывает всё вокруг оценивающим взглядом.

Тото (жестко). Это, конечно, сарай, но вместе с участком... мы могли бы вернуть свои деньги.

При этих словах женщина, нагнувшись было над плитой, бросается к Тото и встает перед ним на колени.

Женщина. Ради бога! Только не дом, только не дом!

Тото. Нет, дом, именно дом.

Нинетто. Молодец, папа!

Голос ребенка. Мама!

Женщина. Спи, еще ночь, спи!

И подняв глаза на своих мучителей, шепчет, пытаясь сдержать слезы.

Женщина. Уже четыре дня, мой синьор, как мне нечем кормить детей! Уже четыре дня я держу их в кровати, в комнате с занавешенными окнами, и все время говорю им, что еще

ночь, еще ночь... Потому что когда они встают, то хотят есть... А чем я могу их накормить, синьор мой, что я могу им дать... **Тото** (стоит над распростертой перед ним, умоляющей женщиной, непреклонный и величественный, словно император). Синьора, не знаю, что и сказать вам... Я ничего не могу поделать... Просите Мадонну, не меня...

И снова быстро оглядывает дом, как бы для окончательной оценки.

Тото. *Busnes is busnes!* Пойдем, Нинэ!

И в сопровождении надменного и жестокого Нинетто, опять подражающего походке ковбоя, он выходит из дома.

Женщина со вздохом идет к плите. Снова вздохнув, вытаскивает из воды ласточкино гнездо, кладет его на тарелку, берет приборы, и строгая, молчаливая, как статуя скорби, ставит все это перед мужем.

Муж, вооружившись ножом и вилкой, начинает медленно, безразлично пережевывать ласточкино гнездо.

Проселочная дорога. Натура. День.

Все трое идут и идут.

Идут молча. Третий — Ворон.

Нинетто не обращает на него никакого внимания и идет себе, насвистывая с независимым и беспечным видом, как всегда, живой и веселый, словно обезьянка.

Тото, наоборот, выглядит встревоженным и мрачным.

Смотрит на Ворона.

Но Ворон молчит.

Снова смотрит на Ворона.

Но Ворон молчит.

Тото. Ну, что вы скажете на этот раз, доктор? Неужели ничего?

Ворон идет молча.

Тото. Говорите, говорите, я же вижу, что вам хочется. Если у вас есть что сказать, лучше скажите мне в лицо... (Оправдываясь.) Тем более, что я прав, не так ли?

Ворон. Правы вы или нет, хорошо поступили или плохо, все это дело вашей совести, а не мое! Я ни во что не вмешиваюсь и не хочу судить! Я не священник и не сталинист! Но если вас все же интересует мое мнение, могу сказать вам, что вы вели себя как мелкий буржуа и что в этом вы — жертва общества, в котором большая рыба съедает мелкую рыбешку. И я не говорю вам: «Вы поступили плохо». Я говорю: «Смотрите, чтобы большая рыба не съела вас!» Ха-ха-ха.

И они идут дальше своей дорогой.

Проселочная дорога. Натура. День.

Теперь Тото растерял всю свою уверенность

¹ «Дело есть дело» (искаж. англ.)

ность. Испуганно и смущенно, точно какой-нибудь жалкий попрошайка, озирается по сторонам. Утирает платком пот. Страдальчески морщится из-за мозолей. Теперь наши путники стоят перед огромной виллой, из тех, что новая римская знать построила себе в предместьях города. Она может быть красивой или безобразной, дело не в этом, главное, что она — дорогая, построенная богачами и для богачей. Как и в самом начале пути, когда Тото с Нинетто оказались перед домом, где погибла семья, они останавливаются, чтобы рассмотреть виллу, а затем Тото открывает большую калитку.

Перед виллой стоят несколько автомобилей, конечно, не фиаты-600, и открытый автобус с надписью «Первый конгресс Дантеведов»¹, и даже сюда доносится голос, декламирующий что-то с ужасным то ли канадским, то ли австралийским акцентом. Этот голос слышен и за оградой, на безлюдной, залитой солнцем дороге.

В саду виллы нуворишей. Натура. День.

Здесь Эльза Де Джорджи, Рино Даль Сассо, Эдмонда Альдини, Энцо Сичилиано и Фламиния (но нет Моравиа и Дачии), Паола Оливетти, может быть, Титина Мазелли, Умберто Эко, Скальфари, синьоры Мордо Чивика и Дельи Эфьетти, Паоло Милано, Лино Курчи, Ливия Де Стефани², но все эти интеллектуалы оттеснены на второй план и составляют отдельную группу. Прием в саду организован в честь двух десятков дантеведов. Профессор Габриэле Балдини с аспидно-черной бородой и в одежде английского покроя как бы царит среди двух этих групп. Он между «теми» и «этими», стоит ровно посредине, рядом с проигрывателем, с видом крупного специалиста и знатока.

Наталья Гинзбург с нежностью смотрит на него.

Именно с пластинки доносится этот ужасный голос, безбожно коверкающий стихи Данте. Голос, декламирующий стихи.

Все смеются, слыша эту чудовищную какофонию звуков, и Габриэле Балдини перебегает от одного к другому, как будто коллекционирует разные реакции.

Два дантеведа, один с бородой, другой с усами, как Станлио и Оллио, шепчутся между собой, и толстый говорит на ухо тонкому. Толстый дантевед (насмешливо, упоенно каламбуя). Подобно Контини, я готов допустить в поэме Данте полилингвизм, но что касается идеи аллофонического чтения, с целью выявления в «Комедии» предполагае-

мой полифонии, это уж увольте!

Тонкий улыбается и скалит зубы с видом этакого «Herr Professor», оценившего юмор своего всемирно известного коллеги. Габриэле Балдини, услышав их разговор, словно бабочка, которая переносит пыльцу с цветка на цветок, летит к другим цветам, так сказать, уже несколько увядшим.

Это две пятидесятилетние синьоры, жены литераторов, одетые не по возрасту ярко и экстравагантно, с благородными и породистыми, но сморщенными, как печеное яблоко, лицами.

Профессор Балдини (синьорам, галантно). Профессор Отто Волантен полагает, что полифоническая интерпретация «Комедии» ошибочна.

Морщинистая синьора в оранжевой шляпке (застыгнувшая врасплох и, вероятно, не зная, что сказать). Какой оригинал!

Профессор Балдини перепархивает к другой группе профессоров и, поглаживая бороду, шепчет на ухо одному из них.

Профессор Балдини (фатовато, с наигранным простодушием). Дамы находят профессора Отто Волантена большим оригиналом. Но ведь известно, что его исследование «Божественной Комедии» Данте целиком списано с книги английского дантеведа Фреда Эфема, — кстати говоря, он автор комедии «Окровавленные трусики в Скотланд-Ярде». (Быстро, почти скороговоркой.) Из этой комедии, поставленной в Оксфорде в 1933 году, вышел... (посмеиваясь) весь Джеймс Бонд. Но Бог с ним!

И тут появляются Тото и Нинетто.

К ним подходит слуга, за которым, нервно подергивая головой, словно породистая лошадка, следует Энцо Сичилиано, а голос на пластинке тем временем продолжает неумолимо декламировать. Голос на пластинке продолжает декламировать стихи Данте. Слуга. Простите, вы к кому?

Тото. Мы бы хотели поговорить с Инженером... а вот и он!

И Тото почтительно указывает на бледного и тщедушного синьора, который стоит среди группы дам в оранжевых шляпках. При нем две большие, приветливые, хорошо воспитанные собаки.

Слуга. Проходите, пожалуйста...

И ведет их к дому. Вся троица смущенно следует за ним, в то время как «высший свет» продолжает развлекаться, слушая неопишную, ни с чем несообразную декламацию «Божественной комедии» Данте.

Звучит громкий голос с проигрывателя.

¹ Игра слов: по-итальянски «дантевед» и «дантист» — одно и то же слово.

² Итальянские литераторы.

Вилла римских нуворишей. Интерьер. День. Как только Тото и Нинетто входят в каби-

нет Инженера, две огромные собаки, лежавшие на полу, бросаются на них, словно дикие звери, вырвавшиеся на свободу. И схватив за горло, прижимают их чахлые тела к полу всем весом собственных, хорошо откормленных тел. Отец и сын лежат неподвижно, боясь пошевелиться.

Бэкона, старинную мебель и предметы домашнего обихода, купленные в Кано или Пальмире.

И вот входит Инженер, которого они также видят снизу вверх, лежа на полу. Бледный, вялый, невзрачный человечек лет пятидесяти, с отвисшими щеками и тусклыми

Терзаемый собственной неуверенностью

Нинетто (с комическим испугом). Ой, папа, ой-ой-ой!

Тото. Не бойся, главное, веди себя спокойно...

Нинетто. Ой, папа, он кусается, он меня загрызет...

Тото. Нет! Ты ничего не понимаешь! Просто у синьоров такой обычай, у них так принято, привыкай!

Нинетто. Ну а я-то тут при чём, папа!

Тото. Если твой отец при чём, то и ты при чём! (Поучительным тоном строгого отца.) Так уж заведено. На улице ты — это ты, свободный человек! Но если тыходишь в дом синьоров, это все равно, что войти в церковь в час молитвы... когда звонит колокол... Дин... Дин... Дин... Замри и благоговей, ибо это священное место и ты не смеешь нарушать его покой!

Нинетто несколько смирился со своим положением. Он удивленно озирается по сторонам и видит, снизу вверх: стены, увешанные абстрактными картинами, может быть, даже

глазками. Рядом с ним два огромных пса, добрых-предобрых, которые все время лижут ему руки.

Тото (лежа на полу, придавленный собаками, словно распятый Христос). Добрый день, Инженер...

Инженер. День добрый, любезный. Ты, как я понимаю, пришел, чтобы вернуть свой долг... Сегодня у нас 25 число, истекает последний срок, если не ошибаюсь...

Тото (из-под собаки). Да, именно это я и собирался сделать... Но позвольте объяснить... Под снегом у меня замерзло два гектара капусты, и я не получил ни одной лиры... И потом, этот недоумок (показывая на Нинетто) ездил по воскресеньям в церковь на тракторе... а он не очень хорошо умеет его водить... Так вот, кончилось тем, что он наехал на малолитражку и всю ее покорежил... А платить-то мне... Опять деньги... И потом, у меня восемнадцать детей, вы знаете! Двое в солдатах, один в тюрьме. Трое учатся... Да еще этот, единственный,

Удравшие от идеологической опеки Вёрона

который мог бы мне по-настоящему помочь, так у него, видите ли, призвание, у этой обезьяны, он решил стать капуцином...

Инженер. Видите все эти картины вокруг, безделушки?

Тото. Как же, очень красивые!

Инженер. А мне они все надоели, включая и Бэкона! Жена моя их любит, а еще ей нравится принимать своих друзей-интеллектуалов и коллег из Университета... Я же все-го-навсего деловой человек... дела делаю... Лишь на это и гожусь... И потому, гоните деньги. Если же денег у вас нет, я просто сгною вас в тюрьме, и весь разговор!

Сказав это, он щелкает пальцами, и два свирепых пса, распявших отца и сына на роскошных изразцовых плитках, ослабляют хватку. Тото медленно поднимается. Он в растерянности, явно расстроен и вдруг находит совершенно неожиданный способ для разрядки: дает пощечину задыхнувшемуся от удивления Нинетто.

Тото. Видишь? А вы все не верите, ты и твоя мать, что мне трудно живется. (Обращаясь к Инженеру, вполне успокоенный, смирившийся, чтобы не сказать, умиротворенный.) Спасибо, Инженер, и простите... Я приготовил для вас букет роз из моего сада... Только вот забыл его принести... Принесу в другой раз... До свидания.

И уходит в сопровождении сына.

Инженер так и остается стоять там, ма-

ленький, жалкий, бледный деловой человек, с двумя сторожевыми псами по бокам, которые лижут ему руки.

В саду виллы нуворишей. Натура. День.

В саду неожиданно повисает глубокая тишина, как будто все чего-то ждут. Дамы в оранжевых шляпках... дантеведы, забывшие на время свое филологическое ёрничанье... интеллектуалы с насмешливыми глазами... Все они чего-то ждут...

Профессор Балдини выглядит гордым, можно было даже сказать, надменным, если бы это не противоречило его врожденной скромности. Борода и усы уставлены в небо, прямые, негнувшиеся плечи, облегающий пиджак...

Какая-то благородная синьора, с лицом приветливой мумии, ставит новую пластинку. Как только начинает звучать музыка — это «Нюрнбергские мастерзингеры» — профессор Балдини, словно какая-то редкостная, заводная марионетка, принимается дирижировать в такт музыке.

Дантеведы, явно насосавшиеся виски и Негрони, изображают оркестр: кто подражает тромбону, кто большому барабану, кто фаготу. Те, кто стоят по одну сторону, дружно, в унисон играют на воображаемых скрипках, с другой стороны раздается пронзительный вой духовых инструментов.

Отец, сын и подавленный, удрученный Ворон проходят мимо этого воображаемого, удивительного оркестра чуть ли не на цыпочках, боясь помешать профессорскому шабашу с вагнерианским оттенком. Все так же на цыпочках, выходят они на белую, выжженную солнцем дорогу, оставив сад во власти бесовской сарабанды. Правит балом профессор Балдини, уже вознесшийся в экстазе на седьмое небо.

красивый красный цвет... Ох уж эта буржуазия! Она меряет жизнь по своим меркам, равняет по себе целый мир, как будто говоря: мир — это я. Но это тождество означает конец света, который станет и ее концом!

Пока Тото пытается понять то, что говорит Ворон, Нинетто скучает и томится. Но вдруг его глаза становятся осмысленными: его явно что-то заинтересовало. На втором или даже третьем плане, под щитком с надписью:

Сложный персонаж, или полуворон

Троица вновь возобновляет свой путь. Ворон предается поистине дантовскому гневу. Ворон. Ох уж эта буржуазия! На четырех мужчин с мягкой, черно-матовой бородой и четырех женщин с благородными, морщинистыми лицами приходится миллионы и миллионы хозяев и рабов, а также созданные ими институты Правосудия, Армии, Церкви! Ах, анархия, свободная и чистая, святая любовь! На четверых великомучеников, влюбленных в Данте, столько миллионов подонков, которые низводят общество до жалкой и грязной политической игры. Но жизнь, слава Богу, берет свое и, подтверждая Твою правоту, остается тем, что она есть на самом деле, такой, какой хочешь Ты. Ты прав и будешь прав всегда. Жизнь имеет свои цвета! Цвет бедности, цвет позора, цвет страха, цвет иронии и даже цвет отсутствия цвета! Однажды был очень

«Захолустье» (или «Смердяки») — стоит старый, разбитый автобус.

Нинетто. Папа, автобус!

И ускоряет шаг. Отец и Ворон стараются не отставать. И вот, опасаясь, что автобус уедет, не дождавшись их, все трое бросаются бежать. Нинетто на бегу переговаривается с отцом, но так, что Ворон, летящий следом за ними, их не слышит.

Нинетто (на бегу). Настоящий христианин этот Ворон, да, папа? Кто бы мог подумать... а вот поди ж ты! (Задыхаясь, со своей обычной веселой беспечностью.) Правильно он говорил об этих шутах гороховых... И про того, с бородой, который делал вот так (изображает дирижера), тоже правильно сказал... Знаешь, па, не такой уж он и ворон, по-моему, он только наполовину ворон... Знаешь, па, когда я поступлю на завод, как только у нас будет забастовка, пойду на

На похороны Тольятти

виллу Инженера и перебью всех его собак! Будет знаты! А ты с нами пойдешь, па? Тото (угрожающе). А как же! Я приду туда с автоматом и тра-та-та-та! (Пулеметная очередь, способная уничтожить всех собак в мире.)

И болтая таким образом, они успевают в последний момент вскочить в автобус, который с треском и скрежетом трогается с места, направляясь в сторону Рима.

Проселочная дорога. Натура. День.

Автобус подъезжает к другой конечной остановке в предместьях Рима. Силуэты его мрачных, величественных дворцов хорошо видны в лучах яркого полуденного солнца. Заросший колючим кустарником и заваленный мусором холм. Выйдя из автобуса, отец, сын и вещий Ворон оказываются в толпе людей.

Из пульманов, открытых автобусов выходят люди, одетые в черное, и идут куда-то все вместе, толпой или разбившись на группы. Отец и сын, растерянные, не зная, что и думать, идут вслед за ними.

Ворон (не без робости возвращается к своему вопросу). А теперь, когда мы приехали в город, не хотите сказать, куда вы идете?

Отец и сын не отвечают, но вопрос Ворона, кажется, начинает их раздражать.

Ворон (с отчаянной настойчивостью и, как всегда, маскируя серьезность своих намерений непринужденным смешком). Ради бога, простите мое любопытство, но узнать, куда вы идете, превратилось у меня в навязчи-

вую идею.

Тото, взглянув на него, тут же отводит помрачневший взгляд. И даже Нинетто, в порядке исключения, становится серьезен. После чего отец и сын смотрят друг на друга, как бы подтверждая свое решение не отвечать на этот вопрос.

Троица пропадает в толпе одетых в черное людей, которые направляются к центру Рима.

Улицы Рима. Натура. День.

Все жители Рима вышли на улицы: от Боттеге Оскуре до Корсо и площади Венеции, до самого квартала Сан Лоренцо.

Все — в трауре, стоят и идут молча, со слезами на глазах.

Эти кадры сопровождает величественная и торжественная музыка, которая уже звучала в наиболее патетичных сценах «Книги птиц»: «Страсти по Святому Иоанну».

Сотни тысяч человек стоят вдоль тротуаров, на площадях и балконах.

И сотни тысяч человек в медленном, бесконечном cortege идут через весь город. Рабочие и буржуа, бедняки и интеллигенция. Их объединяет общее чувство скорби, и еще они ощущают свою силу. Это похороны Тольятти. И наше повествование как будто растворяется в кадрах вселенских похорон, словно это война или Страшный Суд.

Три, четыре, пять минут длится рассказ в рассказе.

В рассказе, который складывается из реальности хроники и таинства поэзии,—

После похорон Тольятти

тягостное, неизбежное, извечное насилие.

Проселочная дорога. Натура. День.

Покинув Рим, наша тройца вновь возобновляет свой путь по одной из выжженных солнцем дорог, между небом и землей. На обочине этой белесой дороги, у защитной тумбы, сидит хорошенькая девушка, в маечке и цветастой юбке. Рядом с ней примостился на корточках мальчишка, беленький и ласковый, словно котенок. Хороший-прехороший, послушный-препослушный, как будто молодая женщина — его мать. Но она вовсе не его мать, она — проститутка. И ее грудь беззастенчиво полуобнажена, как грудь матери.

Рядом с мальчишкой валяется его велосипед, к которому приделаны раструб от мотоцикла и маленький пропеллер. Седло и руль перевиты разноцветными ленточками. Мальчуган смотрит на нее преданными глазами и звонит в велосипедный звонок: это единственный звук, нарушающий тишину полей.

Звонок велосипеда.

Женщина пребывает в молчаливом полу-

забытьи, в состоянии счастливого, меланхолического ожидания: совсем еще девочка, юная и древняя, как сама природа.

Тото и Нинетто, таясь друг от друга, исподтишка посматривают на нее. Погожий летний день, полуденный час — все навевает сладкие грезы. Они видят ее спутанные, как у маленькой девочки, волосы, чистое, невинное лицо, руки, лежащие на коленях, белую, беззастенчиво обнаженную грудь.

Дзинь-дзинь — звенит звоночек.

Разве может Нинетто промолчать?

Нинетто. Ты чего тут сидишь?

Девушка (то ли всерьез, то ли подшучивая над ним). Смотрю на ласточек.

Отец и сын продолжают свой путь, но оборачиваются, чтобы еще раз взглянуть на нее. И вновь Нинетто не выдерживает.

Нинетто. Эй, как тебя зовут?

Девушка. Луна.

Несколько дальше, за кустами нежных молодых акаций, дорога делает поворот. Отец, сын и Ворон скрываются за ним, потеряв из виду Луну с ее верным дружком.

Дзинь-дзинь велосипедного звоночка становится едва различим.

Все трое некоторое время идут молча. То-

Проблема контроля рождаемости, равенства полов, перенаселения, национальных путей к социализму и т. д. и т. п.

то погружен в глубокие раздумья; он думает, думает и вот, наконец, легким, почти светским тоном, отчего его ложь должна прозвучать более естественно, говорит:

— Ну и ну! Неужели опять? Что же я такое съел? У меня так урчит в животе... Ох, мне плохо... Да, да, делать нечего, я больше не могу терпеть, просто не выдержу... При-

дется мне отлучиться на минутку...

И не дожидаясь ответа, под пристальным взглядом пронизывающего Нинетто, бросается в заросли акаций. А там уже, под прикрытием акаций, бежит по полю, туда, где сидит девушка.

Тото. Милочка моя!

Девушка оборачивается к нему, и Тото, словно мальчишка, подает ей условные знаки.

Девушка встает. Ноги у нее немного коротковаты, но все равно она красивая. Она идет в поле к клиенту, а ее беленький ласковый дружок смотрит ей вслед невинным, обожающим взглядом. В короткой юбочке и сильно открытой, обтягивающей маечке она кажется почти голой.

Тото. Ах, Луна, Луна, что ты со мной делаешь!

Девушка. Пойдем вон туда, там есть хорошее местечко... трава срезана... А запах какой чудесный!

И они скрываются в зеленых зарослях среди буйно разросшейся травы. Еще какое-то время мы слышим их беседу.

Девушка (по-детски серьезно). А что ты сегодня ел на обед?

Тото. Мы еще не обедали...

Девушка. А я обедала у сестры. (С удовольствием.) Кусочек жареного мяса со шпинатом. (С шумом вдыхая воздух.) Ну, что я тебе говорила? Чувствуешь, какой запах?

И они скрываются из виду.

Проселочная дорога. Натура. День.

Некоторое время спустя синьор Тото появляется из-за кустов и размахистым шагом выходит на дорогу, где его поджидают Нинетто и Ворон. Вслед за ним появляется и девушка. Одежда ее в некотором беспорядке. Она спокойно и неторопливо возвращается на свое прежнее место у придорожной тумбы.

Нинетто и Ворон смущенно отмалчиваются, а синьор Тото спешно, но не роняя достоинства, сразу снова пускается в путь.

Тото. Ну вот, теперь мне лучше... Пойдем!

Нинетто некоторое время исподтишка наблюдает за ним и вдруг, согнувшись по полам и скорчив жалобную гримасу, обеими руками хватается за живот.

Нинетто. Ах, какая боль! До чего же у меня кишки крутит... И правда, папа, что же мы такое сегодня съели, отчего нам так плохо? Ой, я больше не выдержу, даже идти не могу... Подождите меня, я мигом...

И бежит на обочину, в нежно зеленеющие кусты акаций.

Тото (пытаясь остановить его). Куда ты, обезьяна, вернись сейчас же...

Но Нинетто уже в поле и, словно молодой козленок, резво скачет среди высокой

летней травы.

Подбежав к девушке, он зовет ее, а она, вытянув голую ногу, поправляет съехавшую подвязку. Перед ней на корточках сидит ее верный беленький дружок и, положив локти на колени, мечтательно подперев мордочку ладошками, не отрываясь смотрит на нее с серьезным и сосредоточенным видом.

Нинетто (несколько смущенно). Вот... а я сын...

И умолкает, как будто устыдившись этой фразы, сказанной им почти машинально, против воли и невпопад. Но тут же развязно смеется, чтобы скрыть свое смущение.

Девушка. Я так и думала...

И легко, просто идет с ним в поле.

Девушка. У тебя лицо служки.

Нинетто. Какой там служка, что ты! (Бросив на нее быстрый взгляд.) Сдохнуть можно, какие у тебя красивые грудки! Вот бы такие «Выгляни-Мари-какая-погодка»!

Девушка. А кто это?

Нинетто. Одна женщина, к которой мы все ходим, я и мои приятели... Но ей сто лет... у нее вот такой живот, одна нога сухая-прессуемая, а другая толстая-претолстая... А носа вообще нет... Глаз, губ, носа совсем не видно...

Красивая, молодая девушка весело смеется над своей старой и уродливой товаркой. И Нинетто тоже смеется, очень довольный тем, что сумел ее развлечь. Смеясь, они скрываются в зарослях акаций.

Проселочная дорога. Натура. День.

Тото терпеливо сидит на защитной тумбе и ждет, обмахиваясь обрывком какой-то картонки.

Смотрит на Ворона, который в ожидании расхаживает туда и сюда.

Тото (с вызовом и одновременно робко, чувствуя свою вину). Ну как? Все в порядке, Доктор?

Ворон. В эти дела я не вмешиваюсь, дорогой друг. (Посмеиваясь.) Разумеется, я за свободную любовь, это ясно... Но если вы хотите знать мое мнение, я готов его высказать: «Ходите к шлюхам, сколько влезет». **Тото** (эпатирован). Как так? И вы это одобряете?

Ворон. Лицемер, теперь вы корчите из себя моралиста?

Тото. Конечно, я поступил нехорошо... это ясно... Женатый человек не должен ходить к другим женщинам, словно холостяк. А иначе, прощай семья!

Ворон. Ну и что? Прощай семья! А почему бы и нет? Что такое семья? Всему приходит конец и семье тоже... В развитых странах семья вымирает, в ней больше нет смысла... (Посмеивается.) Я — анархист, то есть не признаю ни Бога, ни Родины, ни Семьи...

Моменты «наивного квакляонкизма»

Тото. Бог... Родина... Может быть... Но семья все-таки другое дело... Конечно, я человек неученый, и все же...

Ворон (с оттенком меланхолической грусти). Я вообще вне жизни! Я не хожу к шлюхам так просто и естественно, как вы... Поэтому имею право судить о жизни бескомпромиссно! (Посмеиваясь с обычной своей застенчивой и саркастической улыбкой.) Но зато я — по другую сторону решетки, а не сижу за ней!

Появляется **Нинетто**. Отец, прищурившись, молча смотрит на него снизу вверх. **Тото** (покачав головой). Никогда больше не ешь эту дрянь, раз тебе от нее так плохо!

И поднявшись, он вновь пускается в путь. **Верный Нинетто** присоединяется к нему, и они вновь идут рядом по белой, освещенной полуденным солнцем дороге.

Проселочная дорога. Натура. День.

Как будто снова наступил полдень, во всяком случае так кажется, если судить по бесконечным пространствам полей, совершенно белых от пыли.

Это осушенная равнина. Слева, за металлической решеткой, тоже белой от пыли, за наполненным цементом рвом, раскинулась такая же бескрайняя площадка аэродрома. Все время взлетают и садятся самолеты: да-

лекие, рокошущие.

Трое путников идут и идут под палящим солнцем.

Ворон говорит не переставая, гораздо больше, чем раньше, так что оба его спутника уже начинают от него уставать.

Ворон (предваряя то, что он собирается сказать, своим обычным смешком, как будто смеется собственным мыслям). А по поводу проституток я вспомнил одну смешную историю. Один журналист, вероятно, из этих фанатиков-моралистов, спросил у **Фиделя Кастро**, мол, как же так, в Гаване еще есть проститутки, совместимо ли это с социалистическим образом жизни и какие меры он собирается предпринять, чтобы покончить с этим позором. «Никаких», — ответил **Кастро**, — эти женщины должны исчезнуть сами по себе, и произойдет это не раньше, чем общество изменится на самом деле».

Ворон начинает немного заговариваться, болтает сам с собой, несколько потеряв контакт с загадочными «низями», которые идут рядом с ним, изнывая от скуки, не слушая. Куда же они все-таки идут?

Ворон. И вообще, существует ли Куба? Существует ли Франция? Или их больше нет? А если не будет наций, будут ли национальные пути развития? Да и существовали ли они? Ну, а какой интернациональный путь к социализму? Не означает ли отсутствие

Куда идут Тото и Нинетто?..
Путешествие закончилось, путь начинается

ответа на этот вопрос кризис марксизма? А если марксизм переживает кризис, что делать марксисту?

Табличка с надписью: «Учителя для того и существуют, чтобы было кого кушать под пикантным соусом». Джорджио Паскуали.

Ворон продолжает говорить, но это всего лишь какое-то патетичное бу-бу-бу на втором плане. Если слушать его внимательно, то получится вполне логичный дискурс, а если вполуха, то лишь бессвязное бу-бу-бу. А с другой стороны, слушать его внимательно, не отвлекаясь, тоже трудно, потому что пока Ворон, не зная удержу, говорит, говорит, уже напрочь лишившись, бедняга, чувства юмора, между Тото и Нинетто происходит долгая немая сцена.

Ворон (на заднем плане, почти про себя, в обычном своем застенчиво-назидательном тоне). Призрак бродит по Европе кризиса марксизма. И все же, необходимо любой ценой найти новые революционные пути, потому что сегодня как никогда марксизм предстает единственным возможным средством спасения человечества. Марксизм спасает прошлое человека, без которого у него нет будущего. Капиталисты только говорят, будто хотят спасти и сохранить прошлое, а на самом деле они его разрушают. Их способы консервации напоминают текущий ремонт

в музее: такой же бессмысленный и разрушительный. Но революция, которую сегодня переживает капитализм внутри самого себя, делает его таким сильным, что он попросту плюет на прошлое. Он даже может позволить себе перестать почитать прежних своих идолов: Бога, Родину и т. д. Реакционеры выдают себя сегодня за новую, молодую партию, партию будущего, которая провозглашает счастливый мир, мир машин, мир свободного времени, предавая забвению прошлое. Коммунистическая революция, наоборот, провозглашает сегодня спасение прошлого, то есть человека. И ничего больше, только сохранение человека! Чехословацкие поэты и польские! Венгерские поэты! Поэты югославские и советские! Высмеивайте правительства ваших стран, жертвуйте собой, ибо для того, чтобы революция продолжалась, нужно децентрализовать власть. Конечная цель — анархия. Человек обновляется лишь в процессе бесконечной революции, и только тогда будут вечно цвести красные гвоздики надежды!

И вот, пока Ворон говорит все это, между Тото и Нинетто разыгрывается следующая немая сцена: Тото, незаметно от Ворона, пытается привлечь внимание Нинетто. Но Нинетто не обращает на него внимания, зевая так, что чуть не свихивает себе челюсть.

Тото делает еще одну попытку, даже свистит ему: и ничего. Наконец, отец и сын случайно встречаются глазами: что за взгляд! Тото, воспользовавшись этим, подает ему следующий странный знак: он скалит зубы, а потом закрывает рот, клацнув зубами и глядя на Ворона. Нинетто, полагая, будто отец призывает его посмеяться над Вороном, пока тот не видит, хихикает, подмигивает, кривит рот в сторону Ворона, как бы говоря: «Что за чушь он несет?» Но отец, отрицательно покачивая головой, продолжает настаивать на своем: пару раз открыв и закрыв рот, он делает вид, будто кусает и даже пережевывает, одновременно давая понять, что его предложение вполне серьезно. Но Нинетто не понимает и делает ему знак, как бы говоря: «Я тебя не понимаю! Что ты хочешь этим сказать?»

Отец снова повторяет свою пантомиму, кивая на Ворона, который все говорит, говорит, говорит. Но до Нинетто никак не доходят его намеки. Всей пятерней он вопросительно чешет подбородок.

И тогда Тото, убедившись в полной беспомощности сына, решает объясниться с ним напрямую.

Тото (Ворону). Разрешите, синьор Учитель? Я должен кое-что сказать этому олуху.

И не дожидаясь ответа, хватая сына под руку и оттаскивает в сторону.

Тото. Знаешь, я его съем!

Нинетто. Как это?

Тото. Мы его съедим! Если его не съедим мы, его все равно съест кто-нибудь другой! И по-

том, он, по-моему, вообще уже спятил.

Нинетто (мгновенно загоревшись этой идеей, с сияющими глазами). Да, да, ты прав... Как он мне надоел! Будет знать, как лезть в чужие дела! А как мы его съедим?

Тото. Как древние, которые отбрасывали все лишнее и съедали только ядро!

Он подходит к Ворону, насвистывая, с шутиливой непринужденностью.

Тото. Эй, к черту мелких рыбешек!

Ворон (простоудушно, не заподозрив ничего дурного). Ну, а теперь вы скажете мне, куда идете? Эй, куда вы иде...

Тото стремительно бросается на Ворона.

Тото. Хрясь...

Проселочная дорога. Натура. День.

Некоторое время спустя. В белой пыли проселочной дороги чернеют останки Ворона: немного перьев, лапки, клюв... Чуть дальше, в догорающем костре — пепел и косточки. Отец и сын снова идут по дороге, спиной к нам. Они уходят все дальше и дальше по белой дороге между небом и землей. Они идут и идут, и вот уже становятся совсем маленькими на фоне огромного, заполняющего почти весь экран солнца, как в фильме Чарли. Мощный рокот самолета, который обрывается так же внезапно, как возник, по мере того как появляется надпись:

К О Н Е Ц

Перевод О. Бобровой

Журнал "КИНОМЕХАНИК"

- не только для киномехаников. Он рассчитан на всех работников киносети и кинопроката, кинодистрибьюторов. Журнал несомненно представляет интерес и для продюсеров, творческих работников кино.

В "Киномеханике" сотрудничают известные в мире кино социологи, экономисты, юристы, практики киносети и кинопроката. Уже несколько лет на страницах журнала действует Школа киноменеджера. Публикуются сведения о новых фильмах, прошедших регистрацию в Кинокомитете РФ, о рейтинге картин, идущих на московских экранах, и другая полезная информация.

"Киномеханик" выходит ежемесячно.

Цена одного номера по каталогу во II полугодии - 70 рублей.

Подписаться можно с любого очередного номера. Индекс 70431.

По вопросам размещения рекламы обращаться по телефону в Москве (095)

231 49 48.

МАРИНА МАРЕЕВА

Сей опус можно было бы посвятить дирекции районного кабельного телевидения. Они у нас снобы — никаких там Ва́н Даммов, никакого хруста ломаемых костей, и вампиры с пластмассовыми клыками не завывают, подкрадываясь к субтильным блондинкам, — боже, избавь!

Каждый вечер нам показывают мелодраму. Крепко сколоченную американскую мелодраму, где все просчитано наверняка, с сантиметром портновским в руках: вот тут они, в зале, всплакнут, тут усмехнутся, тут мы их немножко поведем за нос... И ты сидишь каждый вечер, смотришь, как Пачино опускает картофельную розу в свекольный сок, как большеротая милашечка Джулия Робертс кокетничает с Гиром, или у Стрип сломалась машина, она не успевает проститься с любовником, — ты сидишь, как приклеенный, хотя наперед знаешь, чем кончится (а кто не знает? все знают)...

Есть какая-то магия в этих историях, с их копеечными сюжетами, с их игрушечными страстями, — они простодушны, они наивны, они не рядятся в одежды глубокомыслия, — это просто про Золушку, господа. Про Принцессу на Горошине. Сейчас из притормозившего «бьюика» выскочит Принц, тут все и начнется...

Я хотела написать про «Принцессу на горошине». Получилась «Принцесса на бобах». Это в голливудских сказках герои живут, как на облаке, а попробуйте-ка соблюсти чистоту жанра, если ваша история начинается на московских улицах осени девяносто второго... Я попробовала — и вот что вышло.

ПРИНЦЕССА НА БОБАХ

Она вошла в метро, как обычно, перед закрытием. Ехала в пустом вагоне, сжимая в кармане плаща газовый баллончик. В черном стекле напротив, как в зеркале, — сонная баба, волосы кое-как подколоты, под глазами мешки. Лучше не смотреть. Нина и не смотрела.

На Комсомольской в вагон набился заезжий люд. Рядом с Ниной плюхнулся на сиденье какой-то бородач, кинул рюкзак к ногам.

— Красные Ворота, — объявила дикторша.

— Чего-о?! — изумился бородач. — А где Лермонтовская?!

— Переименовали, — буркнула Нина.

— Зачем? — спросил бородач, искренне недоумевая. — А чем вам Михаил Юрьевич не угодил?

— Чистые пруды, — донеслось из динамика.

— Мать божия! — ахнул бородач. — Это что, вместо Кировской? Ну, вы даете... Как там у классика... «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, Лушкову отдана...»

— Ты откуда свалился? — спросила Нина. Баллончик она давно сунула в карман. Бородач был веселый, нетрезвый, немногочисленная публика взирала на него с доброжелательным интересом.

— С предгорий, — пояснил бородач охотно, — Абастумани. Высокогорная обсерватория. Два года в Москве не был, ну, вы тут совсем распоясались без меня. Совсем сдурили.

— Лубянка, — проблеяла дикторша.

— Ну, вы даете! — присвистнул бородач. — А что у нас будет вместо проспекта Маркса? Шохин штрассе?

— Охотный ряд, — Нина поднялась.

— Слушай, а это Москва вообще? — Бородач двинулся за Ниной, вскинув рюкзак на плечо. — Я в Москву попал?.. Эй! — кричал он вслед Нине, спешащей к эскалатору. — Эй! Подожди! Эй!

— Пристает? — спросил у Нины мент, скучающий у будки дежурного. — А ну, стой! — велел он подоспевшему бородачу.

— Слушаюсь, вашество!!! — гаркнул бородач, вытягиваясь во фрунт. — Виноват, не извольте гневаться!

— Чи-иво? — У мента белесые рязанские бровки поползли вверх.

— На побывку-с, ваше благородие! — на-

чал было бородач, но тут Нина, опомнившись, потянула ерика за рукав, втащила на эскалатор, шипя: «Балда... Сейчас загремел бы на трое суток...»

— Так надо быть последовательным! — ржал бородач. — Менять так менять! Маркса — в Охотный, мильтона — в городского... Господи, как вы живете тут! — вздохнул он, посерьезнев. — Все с ног на голову... Тебя как зовут? Нина? А если тебя завтра Агриппиной назовут? Имя Нина, скажут, навеки скомпрометировано мадам Андреевой, давай, становись Агриппиной!

— Ну и буду жить, как жила, — буркнула Нина.

— Не-е, — он помотал головой. — Все будет по-другому. Другая жизнь. Проводить тебя? — Они вышли на пустынную ночную Пушкинскую, дождь накрапывал, Нина полезла за зонтиком.

— Мне два шага, спасибо. — И помчалась к перекрестку, она опаздывала, как всегда.

— Эй, Поликсена! — крикнул бородач ей вслед. — Аполлинария! А может, ты меня проводишь? Я же заплутаю, Харитина! Вы ж мою Герцена наверняка переименовали!

— Да вроде нет. — Она остановилась смеясь — забавный парень.

— ...А то ведь он декабристов, козел, разбудил, а они еще какую-то бяку растолкали. Чего им не спалось всем, придуркам...

— Да иди ты, ну тебя! — Она помахала ему зонтом... Все, опоздала.

На переходе ее едва не сбило какое-то умопомрачительное авто, как в итальянских фильмах тридцатилетней давности — длинное, черное, с открытым верхом. Когда Нина, миновав еще полквартала, добежала наконец до своей кафешки — огромная, неонем подсвеченная рюмка и голубые буквы каймой «Бар нон-стоп», — допотопное авто уже стояло у края тротуара, шофер позевывал, вспарывал «Ротманс».

Жора, хозяин заведения, лениво собачился с каким-то детиной.

— Не пушу, Димон, — говорил Жора, и ясно было, что пустит.

— Она там, Жор? — бубнил детина. — Она там?!

— Здравсьте, Георгий Суренч, — пробормотала Нина, складывая зонт и протискиваясь между ними.

— Нинок, на семь минут опоздала.— Жора посторонился, пропуская Нину, и вновь заслонил собой вход: — Димон, там она, там, убей, зарежь, не пушу! Опять будете базарить, посуду бить, ты мне бра расколел на шесть штук соусницей сервизной!

— На,— говорил детина, рассовывая по жориным карманам пачки купюр.— На, на, на. Она с кем сегодня?

Нина, снимая плащ в гардеробной, мешкала нарочно, разглядывая детину — здоровенный мэн, шикарное пальто до пят, стильная стрижечка, а морда-то поношенная, мятая, сороковник разменял определенно... «Нина, работай! — рывкнул Жора.— Марш!»

В посудомоечной Нина надела клеенчатый фартук, спрятала волосы под косынку. «Привет, Нин!» — крикнула ей соседка, швыряя груды вилок в огромный друшлаг. «Привет, подруга», — откликнулась Нина. Возле нининой мойки уже громоздились стопки грязных тарелок. Нина вздохнула и принялась за работу.

Дима меж тем прорвался—таки в полутемный зальчик. Перепуганный, поминутно оглядывающийся на мрачного хозяина официант усадил Диму за столик у окна, принес закусь, бутылку «Столичной». Жора от дверей погрозил Диме могучим кулаком и удалился. Дима хлопнул рюмку, еще одну, поднялся и двинулся к столику у колонны. Хорошенькая шатеночка, сидевшая к Диме спиной, чирикала там со смуглым красавцем.

— Воркуете? — спросил Дима, приближившись.— Лара, а араб-то где? Где Мохамед? Она у нас все по арабским эмиратам шурует,— объяснил Дима красавцу, начавшему медленно подниматься из-за стола.

— Иштван, сиди,— прошипела Лара, глядя на Диму ненавидяще.

— Надо же, венгр! — изумился Дима, ногой придвигая к себе стул от соседнего столика (владелец стула на секунду привстал, чтобы разлить шампанское по рюмкам).— «Вышла мадьярка на берег Дуна-ая...» — запел Дима гнусаво, оседлав стул.— Лар, ты чем парня потчуешь? — И Дима разворочил вилкой остатки салата в тарелке венгра.— Это что за отрубь?! Преснятина!

— Скотина,— выдавила Лара с бессильной злостью.

— Э, в чем дело?! — завопил владелец стула, обнаружив пропажу.

— ...Ты, Лар, запомни, венгерская кухня — это перец.— И Дима опрокинул содержимое перечницы в тарелку Иштвана.— ...Уксус.— За неимением уксуса Дима обильно сдобрил салатик горчицей.— ...И соль...—

Дима потянулся за солонкой, но в ту же секунду получил от Иштвана короткий меткий удар в печень.

Далее все покатилося по привычной схеме ресторанной свары. Дима, очухавшись, схватил стул за ножку, надвигаясь на Иштвана, хозяин стула, изобретательно матерясь, пытался отнять его у рычащего Димы, Иштван молотил Диму куда ни попадя, Лара пронзительно визжала, Жора бежал к ним по проходу, вопя официантке: «Где Витя? Где все?...»

— Витя! — Официантка влетела в посудомоечную.— Там драка, а ты тут жрешь си-дишь!

Вышибала Витя, меланхолически обгладывающий куриную ножку, нехотя поднялся из-за стола и рысцой побежал в зал, вытирая о портки сальные руки. «Нин, пошли посмотрим». — Нинина товарка закрутила краны. Нина молча драила тарелки. Товарка умчалась и вернулась почти сразу же. Ее лицо, руки, фартук были усеяны багровыми пятнами.

— Это что, кровь? — спросила Нина бес-трепетно.

— Кетчуп,— пробормотала товарка, вытирая пятна.— Твари... Салатницей в стену, в метре от меня... Георгий! — заорала она, завидя вбежавшего в посудомоечную Жору.— Работаем во фронтовых условиях! Ты официанткам по три штуки накинул! А нам пшик?! Меня убить могли!

— А че ты выползла? — отбрехивался Жора.— Вы здесь в тылу! В окопах!

— Все, Георгий.— Нинина товарка решительно сняла фартук.— Плюсуй три штуки к нашим бабкам или мы уходим. Нина, пошли!

Нина молча орудовала щеткой, ни на кого не глядя, невозмутимо, методично, как автомат.

— Ну и черт с тобой,— сплюнула товарка.— Ломайся за гроши.— И она удалилась с гордо поднятой головой, не забыв прихватить увесистые сумки.

— Нинок, умноля. Поработаешь сегодня за двоих, да? — Жора похлопал себя по карманам, бросил на стол пачку четвертных.— Я помчался свару разгребать.

Оставшись одна, Нина быстро пересчитала деньги, сунула их в карман фартука. Она мыла тарелки и зло кусала губы, утирая пот распаренной рукой в тесной резиновой перчатке.

«В Москве — шесть часов утра», — проку-дахтала радиотетка.

— Нин, ты, бедная, спишь на ходу,— вздохнула повариха, доставая из огромного холодильника «бушью» ноги.

— Сплю, Зой, правда,— кивнула Нина, за-

пихивая сверток с курами в сумку.— Дай мне еще парочку, я киоскерше обещала...

В киоске у метро Нина обменяла куринные ноги на увесистую пачку «Московского комсомольца».

В подземном переходе, у грязной кафельной стены, уже сидели коллеги по бизнесу — Болеслав, продавец порномакулатуры, и нищенка Лера. «Лер, я тебе триста должна, возвращаю», — сказала Нина, доставая кошелек. Лера, являвшая собой бесформенный ком из тряпья и драных шалей, на мгновение выпростала из-под них руку. Нина сунула Лере деньги и, расстелив на полу клеенку, принялась раскладывать газеты.

— Привет московскому комсомолу, — процедил Болеслав, ревниво наблюдая за ее действиями.— Сегодня не берут ни хрена. Магнитный день.

— Дядя, сколько стоит «Семьдесят испытанных поз»?

— Вали отсюда, подгузник! — скривился Болеслав, с отвращением глядя на юнца лет двенадцати.— У тебя и на одну позу бабок не хватит!

Юнец с саркастическим хохотом достал новенькую «штуку».

— Скопи-ил, — сплюнул Болеслав.— Месяц тачки тер, скопил.

— Болеслав, смотри, опять спит, — прошамкала Лера из-под хламиды.— Опять всю ночь тарелки скребла.

— Комсомольцы — беспокойные сердца, — резюмировал Болеслав.

— Сколько «Комсомолец»? Эй! — Какой-то парень протянул руку, чтобы потрясти Нину за плечо.

— Не буди.— Лера кряхтя поднялась, разматала бесчисленные платки и шали.— Шесть рублей штука.

— ...Ни-ина!

Нина открыла глаза, вздрогнула, потеряла затекшую шею. Клеенка была пуста, Лера протягивала ей пачку трех- и пятирублевков.

— Ой, Лера, я тебе... по гроб жизни... — начала Нина бессвязно, сонно.— А сколько времени?

— Без пятнадцати девять, — вздохнул Болеслав.

Нина добрела до своей хрущобы, открыла дверь, кинула сумки в прихожей. Мать Нины, крепкая, кряжистая старуха, сидела на кухне у стола и укладывала в рюкзак термос, бутерброды, грелку.

— А грелку-то зачем? — спросила Нина, с бессильной тоскою взирая на мать.— Откуда ты там воды горячей возьмешь? Ты, я так понимаю, опять Мавзолей пасти намыли-

лась?

— Мавзолей мы отстояли, — отвечала мать со сдержанным достоинством.— У нас пикет возле Музея Ленина. А кипяток мне Люда носит из «Огней Москвы», святая женщина, люди, Нина, с нами, с нами они!

— Ты, мама, свихнулась на старости лет, — говорила Нина, закидывая кур в морозилку.— Куда ты прешься-то со своим ревматизмом?! А где салями кусок, мам?

— Твой сожрал, — сказала мать торжествующе, вставая из-за стола.— Единым махом.

— Как сожрал? Все сожрал?! Это Ирке было в дорогу!!! Костя! — Нина вошла в комнату.— Как ты мог-то? Это Ирке в дорогу, там треть моей зарплаты, Костя!

Нинин муж Костя, лысоватый рыхлый блондин, нехотя сполз с кровати, захлопнув «Новый Завет»: «Ну, чего? Доста-али!»

— Вовка, вставай! — Нина трясла за плечи сына, разметавшегося во сне.— Вставай, мы садик проспали!

— Там было-то грамм триста, — нудел Костя у нее за спиной.

— Если бы ты сам ее покупал! — завопила мать из прихожей, — если бы ты сам на нее зарабатывал! Работу надо искать, а не бока отлеживать!

— Заткнитесь, вы, пламенный борец! Клаара Цеткин! — завизжал Костя.— Вам ли печься о бюджете! Вы вчера пенсию получили, где она?!

— Мам, ты пенсию получила, да? — спросила Нина, таща упирающегося Вовку в ванную комнату.— Займешь рублей триста?

Мать молчала угрюмо, обматывая вокруг шеи мужской клетчатый шарф.

— Хрен она тебе займет, — хихикнул Костя.— Она все турики истратила на партийные нужды. До копеечки. На стяги. Роза Люксембург.

— Господи! — вздохнула Нина, вытирая Вовкину мокрую рожицу.— Как вы мне надели-то, Боже...

Дима Пупков продрал глазки в полдень. Рядом с ним дрыхла юная дева, абсолютно Диме незнакомая. Секунду-другую Дима взирал на нее оцепенело. Дева почивала с открытым ротиком. Дима попытался сомкнуть ее губы при помощи большого и указательного пальцев, испачкался в помаде, выругался вполголоса, сполз с постели и, на ходу запахивая халат — шикарный халат, атласный, китайский, — вышел в коридор. Коридор был безбрежен. Дима вошел в гостиную — классная гостиная. Все у Димы было люкс. Ничего, однако, Диму не радовало, терзало похмелье, глаз заплаыл, на скуле темнел синяк.

Дима заглянул в комнату, где трое дюжих парней — охрана — скучали, пробавляясь дебильной забавой: стреляли из детского ружья в телек стрелами с резиновыми присосками. На экране беззвучно — звук был отключен — базарили депутаты. Присоски впились то в спикера, то в паству. «Здорово, пацаны!» — вяло приветствовал молодцов Дима. Пацаны повскакивали с кресел, загнули нестройно: «Доброе утро, шеф!» — «Пацаны, а кто это на мне расписался?» — спросил Дима, трояга синяк. — «Вчера в баре, шеф. Владик вовремя не подоспел».

Дима прицелился из ружьишка — резиновая присоска угодила в ухо лукаво ухмыляющегося спикера — и вышел из комнаты.

В роскошной диминной кухне за столом сидел плотный брюнет и орал в трубку:

— Скинь им восемь процентов! Не жмись! Они же оптом берут! Финны целую партию покупают, — подмигнул брюнет Диме, кидая трубку на рычаг. — Ну, Димка, пляши. В Европу вползаем!

— Какая это Европа, бог ты мой, — скривился Дима, открывая банку немецкого пива. — Задворки.

Владик возник на пороге, поправляя очки.

— Владик, это кто там у Димы в спальне? — спросил Лева.

— Жужа, я ее у «Будапешта» снял... Вы орал всю ночь: «Венгерку, венгерку!»

— Мальчики, а где тут у вас туалет? — спросила Жужа, выныривая из-за владикова плеча. Она прошлась по кухне, бесцеремонно выдернув из диминных рук банку с пивом, хлебнула разок-другой.

— Слушай, ты же вчера по-венгерски лопотала? — обалдел Владик.

— Я, милый, и по-карякски могу, если надо, — заявила Жужа, усаживаясь прямо на стол и болтая срамными кривоватыми ножками.

— Влад, отведи даму в клозет, — велел Дима, — и распорядись там... Насчет форинтов... — Ополовиненную Жужей банку пива Дима взял брезгливо, двумя пальцами, и выбросил в открытую форточку.

Банка упала в полуметре от Нины, волокущей Вовку в детсад.

— У-у, сволочи! — крикнула Нина, грозя кулаком небесам. — Сволочи проклятые! Брось ее! — заорала она на сына, который уже завладел банкой и восторженно ее осматривал. — Брось эту гадость!..

— А мы уже обедать садимся. — Воспитательница следила за тем, как взмокшая от бега Нина сдирала с Вовки курточку.

— Лен, можно, я опять у вас покемарю? — улыбалась Нина заискивающе. — На вовкиной. Часок. А то мне дома не дадут...

В детской спальне Нина добралась до вонючей кровати, скинула туфли, свернулась калачом на пикейном покрывальчике и мгновенно уснула. И лицо ее разгладилось, стало блаженно-умиротворенным. Сон! Шестьдесят минут сна! Чего еще желать-то...

— А как там насчет самолета? — спрашивал Дима, глядя из окна БМВ на сирые московские улицы.

— Будет тебе самолет, — отвечал Лева с заднего сиденья. — Если бы ты еще мне объяснил, на кой хрен тебе самолет, я бы...

— Хочу, — отрубил Дима, позевывая.

— «Хочу!» Он хочет! Дайте бэби новую игрушку! Мы с тобой в трубу вылетим, Дима, с этим самолетом твоим!

— Смотри, опять эта бабка стоит, — сказал Дима Владiku, игнорируя левины вопли. — Тормози, Владик. Поди, дай ей. — Дима вытащил из кармана пучок мятых купюр. — Она на мою крестную похожа.

— Дима! — завизжал Лева. — У нас финны в четырнадцать ноль-ноль.

— Шеф, тут пять штук! — поразился Владик, мгновенно пересчитав деньги.

— Шагай! — рявкнул Дима, и Владик пулей выскочил из машины, помчавшись к бабке, которая торговала какой-то чушью у «Аптеки».

— Дима, мне осточертело! — вопил Лева. — Что с тобой творится, Дима?! Эти пьянки твои, эти дебоши в кабаках... Ты знаешь, чем это кончится?! Знаешь? Все пойдет с молотка, Дима! Попомни!

Владик свалился на сиденье, прижимая к груди ворох бумажных пакетиков: «Старуха насовала. Шеф, она уползла в слезах свечку вам ставить... Вот. Сборы целебных трав». — Владик, стой! — снова скомандовал Дима.

Владик, только что вырливший на Стромынку, покорно притормозил у какого-то скверика — там уличный оркестрик наигрывал весьма складно нечто доисторическое.

— Владик, ты знаешь, что это такое? — Дима опустил стекло.

— «Амурские волны», шеф? — предположил Владик неуверенно.

— Это «Голуби», балда. — Дима положил подбородок на скрещенные руки. — Мое детство золотое. Рев у радиолы.

— Так. — Лева уже не орал, он сипел. — Можете меня увольнять без выходного пособия. Его там ждут финны, финны! — а он тут пускает пузыри! Владик, едем!

— Владик, сиди, — процедил Дима.

Лева, бессвязно ругаясь, выскочил из машины и кинулся к притормозившему рядом частнику. Владик нервничал, ерзал на сиденье, Диме только все было по фигу, Дима

внимал музыке, бормоча вполголоса: «Пусть летят они, летят, и уже не вернуться назад...»

Нина повернула ключ в замке, дернула дверь — дверь была закрыта изнутри на цепочку. «Ма, вы чего? — накинулась Нина на открывшую ей старуху. — Среди бела дня...»

— Нина, тихо! — зашипела мать. — У нас такой человек... Тихо.

«Такой человек», на секунду оторвавшись от телефонной трубки, спросил отрывисто, по-командирски: «Это кто? Свои?»

— Это дочка, Иван Федотыч, это дочка, — залопотала мать.

— А! — сказал Иван Федотыч. — Ну-ну. Хвоста не привела? Нет? Кулаков! — загудел он в трубку. — Значит, колонна формируется у Белорусского. Со мной сорок человек, испытанные люди, орденосцы...

— О, господи! — вздохнула Нина обреченно, двинувшись в комнаты, таща за собой сумку. — Лежишь? — спросила она мужа Костю. Костя валялся на койке, перелистывая Ключевского. — Мать опять подпольщиков навела, коммунаров, не дом, а явочная квартира...

Нина вошла в иркину комнату, где дочь ее, семнадцатилетняя дылда, сидела на полу, заваленном пачками импортных сигарет, раскладывая товар по кучкам.

— Я тебе сумку-холодильник взяла в комнате. — Нина подтащила сумку поближе к дочери. — Тут все тебе в дорогу. Колбаса, сыр. Пусть у тебя стоит, а то отец сожрет... или подпольщики... Ирка, куда ты едешь? — продолжала Нина, быстро переодеваясь за дверцей шкафа, натягивая на себя парусиновую робу, повязывая волосы темной косынкой. — Какая из тебя коммерсантка? Ты таблицы умножения не помнишь дальше трижды трех!

...В рабочих районах вербуй! — гудел Федотыч в телефон, когда Нина, шелестя парусиновыми штанинами, вышла в коридор. — По жэкам пошарь! — В дверь зазвонили, Федотыч уронил трубку на рычаг, взвизгнул истерически: — Кто? Спроси — кто!

— А, перетрусил, — хмыкнула Нина злобно, открывая дверь и впуская Вовку. — Тоже мне... Кибальчич.

Она мыла лестницы. Терла подоконники. Сгребала метлой в огромный жестяной совок сор, скопившийся у мусоропроводов. Мыла, терла, подметала... Один подъезд, другой, третий...

Вечерняя толпа вынесла Нину из дверей «Гастронома». Она тащила сумки, Вовка семенил следом, канючил: «Ма, пойдем посмотрим паровозик!»

Они подошли к шикарному магазину — сливочно-бежевый колер, затейливая лепнина, вывеска с ятями «Димитрий Пупков. Вся обстановка». В огромных витринах — мебель, стилизованные «под ретро». Вовка замер у правой витрины, там, в интересе детской, между низенькой софой и креслицем бегал по рельсам игрушечный паровозик...

К магазину подкатил «жигуль» — дама за рулем. Нина оглядела даму — она была прикинута — хай-класс.

Дама стремительно пересекла просторные залы магазина, взбежала по лесенке на второй этаж, где в предбанничке скучала у телефонов секретарша.

— Лара! — взвизгнула секретарша, вскочив из-за стола. — Куда?! — И она заслонила дверь в кабинет шефа тщедушным тельцем. — Стой!

Лара отшвырнула секретаршу в сторону и, пнув дверь ногой, вошла в кабинет.

Два узбека в темных строгих костюмах, в галстуках, подпирающих коричневые кадыки, раскладывали перед Димой образцы обивочных тканей. Тут же крутился Лева, что-то помечая в блокнотике, бормоча себе под нос: «Вот этот репсик голубенький... На спаленку... А, Дим?»

— Пожалуй, — молвил Дима, потянулся за сигаретами и увидел Лару.

— Дим, мне деньги нужны, — сказала Лара, бухаясь в кресло.

— И сколько? — спросил Дима вкрадчиво.

— Много, Дима. Я замуж выхожу.

— Выйди отсюда! Выйди! — шипел Лева, испуганно косясь на узбеков.

— Замуж? — Дима комкал в потной лапе пачку сигарет. — Это за мадьяра что ли?

— Какой мадьяр? — ворковала Лара. — Дивный парень, князь, жежду прочим. Из Трубецких. Дай нам денег, Дим. Он должен что-то оставить чилдренам. Он их настрогал штук шесть. Дашь денег, Дим?

— Угу, — кивнул Дима, тяжело поднимаясь из-за стола. — Вот что мне нравится в мусульманстве, господа, так это отношение к бабью. Вот рыла им мануфактурой завесить, — продолжал Дима, ловко обмотав ларину головку куском обивочной ткани, — и пусть лепешки пекут. А не хотят печь — в арык! — И Дима потащил мычащую нечто нечленораздельное Лару к дверям.

— Князя ей подавай! — орал Дима, толкая ее к дверям. — Теперь на князя ее потянуло!

Дима с Ларой уже выкатились на лестницу. Узбеки переглянулись и принялись спорно укладывать свой товар в кейсы.

— В чем дело? — заметался между ними Лева. — Куда вы, господа?!

— Мужчина, на который женщин поднял голос, — торжественно рек главный узбек,

поднял вверх указательный палец, — такой мужчина не партнер в бизнесе. Пойдем, Фархад, да?

...Диму Лева нашел на улице, у входа в магазин. Дима сидел на каменном выступе, привалившись спиной к стеклу витрины, и пытался вытащить из изувеченной пачки сплюснутые, перекрученные сигареты.

— Доволен, козел? — спросил Лева, присаживаясь рядом. — Я их полгода окучивал, Алладзинов этих. Всё псу под хвост. Доволен?

— Я, значит, грязный торгаш, — бормотал Дима. — Я торгаш, а ей белую кость подавай... Кронпринцев... Она, блин, Трубецкая теперь! Лев, найди мне телку какую-нибудь из Рюриков! Женюся и буду Рюрик!

Лева кряхтя поднялся, постучал себе по лбу, глядя на шефа с неподдельным отвращением, и побрел к дверям магазина.

Лева ворвался в димины хоромы, решительный, быстрый, злой. Заглянул к охране: «Спит?» «Спит», — закивали мальчики.

Лева ринулся к Диме, Владик семенил следом, лопоча виновато:

— Всю ночь гудел, Лева. Достал: хочу аристократку! Тащи, говорит, сюда княжну, в крайнем случае, надворную советницу.

— Вставай, сволочь! — заорал Лева, воровшись в диминову опочивальню, где Дима храпел, валяясь поперек гигантского ложа.

Дима кряхтя сел, растирая одутловатую рожу.

— Ты должен был быть на торгах! — орал Лева, расшвыривая носком ботинка обрывки ларинных фото, ларинных афиш, с которых Лара улыбалась фальшиво, распатланная, в металлической амуниции. — Ты торги продрых! Ушел этот склад, ушел за бесценки! — Осколок какой-то импортной склянки воткнулся в левин ботинок.

— Это он презенты Ларины раскалывал, — шептал Владик.

— Вставай, скот! — хрипел Лева, морщась от боли. — Самолет поедет смотреть!

— Какой самолет? — И Дима встал наконец, держась за поясницу.

— «Ласточку»! Мы купили самолет! Ты доставал меня с ним полгода.

— А это кто? — спросил Дима, втискиваясь в лимузин. На заднем сидении сидел седенький благообразный господин.

— Это Боб, наш новый босс по рекламе. — Лева сел за руль.

— Я тут подготовил рекламный пакетец, — забасил Боб. — Эскизы торговой марки... Фамильное, так сказать, клеймо... Дело пошло, спрос отменный, товарный знак надобен, господа... Пупков, конечно, не Гамбс,

но тут у нас слевой есть идеяка...

— Какая идеяка? — Дима снова полез за коньяком.

— Я тебе потом изложу, — откликнулся Лева, тормозя у ворот мебельной фабрики. — Когда ты этот срам уберешь, Дима! — добавил он, дождавшись, пока Боб, вылезая из машины и расшаркавшись, удалился. И Лева указал на Доску Почета, сплошь заклеенную фотографиями ликующего Димы. Чуть поодаль, у начала аллеи, высился бронзовый Ильич в са크раментальной позе: одна длань вперед, другая — за бортиком пиджака. Бронзовый Дима стоял тоже на постаменте, дублируя позу вождя, правда, Ильич едва доставал Диме до талии. «Мы придем к победе капиталистического труда!» — было выбито золотом на мраморе.

— А что за идеяка-то, не томи! — напомнил Дима.

— Вот ты насчет аристократки вчера разорился, — заговорил Лева. — Я тут пораскинул мозгой на досуге... Творчески, можно сказать, переосмыслил... Мебеля у нас стильные, под модерн. А чьей фирмы? Пупков энд компани? Опять же фарфоришко строгаем... А что на донышке? Пупков в вензелях?

— Понял, — кивнул догадливый Дима. — Найти какую-нибудь старую деву из Трубецких...

— Победнее, — подхватил Лева. — Чтоб ей штук триста небом в алмазах показались. Берешь ее фамилию, через год разбежитесь тихо-мирно, и ты — Трубецкой. Сервиз от Трубецкого! Мебель от Трубецкого! Классная реклама будет! На, изучай.

— Это что? — Дима повертел в руках листок бумаги. — Список невест?..

— Там Шереметьева есть, обрати внимание, посудомойка в баре. Этой можно мелочевку кинуть — ухватится!

— Графиня плошки скребет... — пробормотал Дима. — И где! В моей харчевне любимой!

— Димон, это судьба! А, Дим? Решайся!

Нина проснулась от жуткого гвалта. Поплелась в прихожую, как была, в ночной рубашке. В прихожей мать, заслонив собой дверь, кричала на зятя:

— Не пуцу! Совсем спятил! Нина! Он Вовика крестить собирается!

Вовик сидел тут же, на стуле, давился от хохота.

— Ма, пусть крестит, — сказала Нина зевая. — Дайте мне поспать, я всю ночь у мойки проторчала!

— Пустите, вы, монстр! — шипел Костя.

— Сам монстр! — взвизгнула старуха. — В бога он уверовал! Двадцать лет он научный

атеизм читал, теперь попам пятки лижет! Перерожденец!

— А вы — жалкий ортодокс, — огрызнулся Костя, отпихнув-таки старуху от двери. — Идем, сын! — возгласил Костя величаво, распахнув дверь, но в ту же секунду проворная старуха вытолкнула зятя на лестничную площадку и захлопнула дверь.

— У-у-у, стерва! — завыл Костя, барабанив в дверь. — Нина, открой! Нас бабушка ждет к шести!

— Ну вас всех, — пробормотала Нина. — Глаза слипаются. — И она побрела в комнату, легла было, но звонки в дверь, требовательные и долгие, заставили ее вернуться.

— Господи, как вы меня достали! — вздохнула Нина, открыв дверь.

— Мы?! — изумился Лева, стоящий за дверью. — Мы еще не успели, мэм. Все впереди. — И он протянул Нине букет роз, огромный, роскошный, в сверкающей фольге. За левиной спиной возвышался Дима. — Войти-то можно? — И Лева вошел, таща за собой Диму.

— Вы кто? — спросила растерянно (мать, опомнившись первой, набросила ей шаль на плечи). — Вы к кому?

— К вам, к вам, — заверил ее Лева. — Вы ведь Нина Николаевна?

— Я... Да... — пробормотала Нина, садясь в кущу на табурет.

Дима присел было на подоконник. Вскочил и присел снова. Дима был растерян не меньше хозяек, озирался подавленно: крохотная захламленная кухонька, испуганная старуха, мечущаяся в поисках банки для роз, и эта женщина, сонная, растрепанная, поминутно натягивающая на худенькие плечи шаль... Дима отвел глаза.

— Речь идет, — говорил тем временем Лева, — о деловом соглашении. Крайне выгодном для вас!

— Какое соглашение? — пробормотала Нина. — Что мы вам можем предложить?..

— Фамилию, — сказал Лева быстро. — Вашу фамилию.

— Фамилию?! Зачем вам моя фамилия?!

— Ну как же, — напирал Лева. — Вы же отпрыск, так сказать... Потомок аристократической династии...

— Я?! — поразилась Нина. Платок сполз с её плеч, обнажив острые ключицы. — Да бог с вами, какая династия! У нас папа бухгалтер был, а мама кладовщица... Мы тем Шереметьевым никто.

Лева посмотрел на старуху. Та молча мыла трехлитровую банку...

— Мама, — спросила Нина тихо, — у нас папа бухгалтер был, да?

— Бухгалтер-то бухгалтер, — выдавила мать. — Да из этих... Из тех.

— Из каких, мама?! — У Нины голос

сорвался. — Ой, да не верю я... И ты всю жизнь молчала?!!

— Всю жизнь молчала и дальше бы молчала! — крикнула мать, швыряя банку в раковину. — Зачем тебе знать-то? Это теперь, вишь, модно, вон, набежали с цветами! Зачем тебе знать, у меня жизнь перекалечена, так хоть ты... Хоть тебе... Его первый раз забрали в тридцать четвертом, я беременная ходила, мальчик мертвый родился... Ждала — дождалась! В тридцать девятом выпустили, в сороковом посадили... За что? Ни за что... Белая кость...

— Мама... — шептала Нина, прижав ладони к щекам. Дима глядел на нее, как заворуженный. — Как же так... Мама...

— Чего мама? — вздохнула старуха. — В пятьдесят первом вышел, уже больной весь, доходяга. В пятьдесят втором ты родилась, а на Пасху он умер... И, говорит, как завещание тебе, Зина, Ниночка пусть Шереметьева останется... И в браке не меняет. Разве я не выполнила?

— Так вы замужем? — насторожился Лева.

— В разводе, — пробормотала Нина. — Но мы живем вместе... А что вам собственно... Что вам, собственно, нужно?

— Им фиктивный брак нужен. Судя по всему, — сказал Костя, никем доселе не замеченный.

— Так мы можем о деле, наконец? — спросил Лева.

— Вон отсюда! — И Костя картинно указал им на дверь. — Вон!

— Мама... — шептала Нина, сидя на кухне в той же позе. — Что же ты мне не сказала? Как ты смела не сказать?! Может быть, у меня жизнь иначе бы сложилась! И я подвезды не мыла бы сейчас.

— Ты бы их мыла, — усмехнулась старуха. — Ты бы их на двадцать лет раньше стала бы мыть! Тебе бы научный коммунизм читать не дали. С такой анкетой! С таким происхождением! Может, у тебя родственники за границей! Кто бы тебя в ГДР выпустил на стажировку, а так ты там хоть линзы вставила!

— Мама, это подло, подло! — шептала Нина. — От чужих людей узнаю... Не смей цветы трогать! — одернула она Костю, собиравшегося выбросить розы в мусорное ведро. — Ты мне таких сроду не дарил!

— До перекрестка, а потом направо свернешь, — говорил Дима Владику, сидящему за рулем. — Так, теперь прямо, до «Гастронома»... Стой, стой, останови! Вот она, кажется... Да, она.

Нина стояла в очереди за арбузами. Дима

вылез из машины, подошел к ней, заметно волнуясь.

— Привет,— сказал Дима.— Узнала? Слушай, это... Пойдем в машину, поговорим.

— Я за арбузом стою.

— Да хрен с ним, с арбузом!

— Здесь дешевле. Везде двадцать пять, а здесь двадцать...— ответила Нина, на Диму не глядя. Как будто она сама с собой разговаривала.

— Я все покупаю! Владик! — окликнул Дима шофера.— Заплати за все и доставь по адресу... Какой у тебя адрес?

— Пионерская десять, тринадцать,— пролепетала Нина.

— В чем дело? — загудела возмущенная очередь.— Мы стояли...

— Господа, пусть каждый выберет себе по арбузу! — крикнул Дима, увлекая Нину к останковке такси.— Фирма платит!

Господа мгновенно ринулись к куче.

— Куда вы меня ведете? — бормотала Нина.— Я никуда не поеду! Зачем мне столько арбузов?!

— Варенье сварить,— пожал плечами Дима.— Владик! — крикнул Дима.— Купи ей заодно сахару с полпуда!

— Ну что? — спросил Дима Нину, сидящую на заднем сиденье.— Замуж за меня пойдешь?

— Куда вы меня везете? — говорила Нина растерянно.

— Сейчас увидишь,— улыбался Дима.

...Они вышли из такси на тихой московской улочке, у старинного двухэтажного особняка, порядком обшарпанного.

— «Нарсуд»,— прочла Нина на табличке.— Вы зачем меня сюда притащили?! Вы в своем уме вообще?!

— Пошли, узнаешь.— Дима по-хозяйски приобнял ее за плечи.

— Никуда я не пойду! — вырвалась Нина.

— Нин, это твой дом, понимаешь? — сказал Дима негромко, раздельно.— Ну в смысле дом твоих предков. Фамильное гнездо. Единственное из сохранившихся. На Ордынке два и в Лефортово — те не уцелели.

Нина молча смотрела на него, потрясенная. Потом она перевела взгляд на дом, стояла, смотрела заворуженно...

— Ну, пошли,— велел Дима, сполна насладившись произведенным эффектом. Повел ее к дому. Теперь Нина шла за ним послушно.

— Куда?! — Вахтер лениво приподнялся с табурета.

— Папаша, у нас развод на семнадцать сорок,— пояснил Дима, а Нине шепнул: — А раньше тут у вас дворецкий стоял в ливрее, кланялся: «Как прикажете доло-

жить-с?» Нин? Благолепие...— Дима вел ее наверх по мраморной лестнице с отбитыми перильцами, Нина шла за ним покорно, не в силах вымолвить ни слова. У огромного зеркала с потускневшей амальгамой Дима приостановил свою спутницу: — Тут прабабки твои охорашивались... Ну-ка, повернись в профиль... А в тебе порода угадывается, я сразу заметил...

— Мать говорила, я на отца похожа,— сказала Нина чуть слышно, осторожно дотронувшись до зеркала. На пальцах осталась пыль.— Что же они не протирают совсем!

Дима вел ее дальше, по коридору, а вокруг кипела учрежденческая сутолока, шли люди...

— А вот, смотри.— Дима привел Нину в маленькую комнату, где на стенах еще сохранились кое-где островки пожелтевших изразцов, где стоял старинный умывальник с треснувшей мраморной крышкой, украшенной амурчиками, с которых давно облупилась позолота. В умывальнике, в тазу, под струей холодной воды лежали куры из заказов.

— Туалетная комната,— пояснил Дима.— Пойдем, я тебе еще гостиную покажу, там такой паркет сохранился классный, как не разворовали, уму непостижимо!

— Я посижу.— Нина опустилась на колченогий стул у умывальника.— Ноги не держат...

— Ну, как? — ликовал Дима, упиваясь ее смятением.— А хочешь, я тебе его куплю? Хочешь?

— Всё можешь купить, да? — Нина прищурилась недобро.

— Ага! — посмеивался Дима.— Всё!

— А не купишь, так отберешь,— говорила Нина глухо.— Хозяин жизни... Такие, как ты, вот этот дом у нас отобрали. У меня. И отца...

— Что ты несешь?! — опешил Дима.— Что я у тебе отобрал?!

— Не ты, так дед твой! Или прадед...

— Мой прадед скобяную лавку на Сухаревке держал! — Дима побагровел от гнева.— Он керосином большевикам в рожи плеснул, когда они по его душу притопали!

— Лавочник,— процедила Нина.— Потомственный лавочник!

— Ой, вы посмотрите на нее! — пристынул Дима.— Принцесса крови! Отобрали у нее! А кто у нас научным коммунизмом бедным детям котелки забивал?! Я, что ли?! Кто у нас диссертацию защищал: «Труды К. У. Черненко как этап в постижении марксистско-ленинской науки»? Я?! И нечего тут Раневскую изображать: «Ах, сад мой! Бедный сад мой!»

— Значит так,— отчеканила Нина, поднимаясь.— Ты мне больше на глаза не попа-

дайся. Понял? Ты кто у нас? — И она залезла во внутренний карман его пиджака, достала визитку. — Пупков? Вот Пупковым и помрешь. — И Нина вылетела из комнаты.

— Это мы еще посмотрим! — орал Дима ей в спину.

Арбузы лежали на полу, на столах, на подоконниках. Все было завалено арбузами. Нинины домочадцы сидели на кухне, сбившись в кучку, глядели на Нину пришибленно.

— Чего с ними делать, Нин? — спросила мать наконец.

— Варенье сварим, — буркнула Нина. Она взяла нож и принялась разделявать арбуз, неловко, торопливо. Охнула, отбросив нож:

— Черт, палец порезала! Мама, дай йоду, кровь течет!

— Голубая? — спросил Костя, криво ухмыляясь.

— Давайте так, — Нина помолчала. — Мы живем, как жили. Ничего не изменилось. К нам никто не приходил. Нам никто ничего не говорил. Никто и ничего. Ясно?

— Горячее подавать? — склонилась над Димой официантка.

— Тащи, — кивнул Дима. Он сидел за столиком один, неспешно надираясь. Официантка принялась убирать со стола тарелки с остатками закуски. Дима спросил помявшись: — Нина работает сегодня?

— Работает, кажется.

Официантка протянула руку за салатницей. — Погоди. — Дима взял перечницу, стал трясти ею над салатницей. Получилась темно-серая пятерка и пять чуть расплывшихся на влажном от помидорного сока донышке нулей.

— Отнеси Нине. Смотри, не растряс только.

— Нин тебе. — Официантка поставила салатницу возле нининой мойки.

— Чья работа? — спросила Нина, вытирая пот со лба.

— Такой... Часто у нас бывает. Шатен. Лет сорок.

— Понятно. — Нина отвинтила крышечку у тубика с моющей пастой и, выдавливая пасту в салатницу, изобразила нечто невразумительное поверх пятерки и нулей.

— Это чего? — спросила официантка.

— Кукиш.

— Вот вам бифштексик... А это вам на десерт. — И официантка сняла с подноса тарелку с кукишем.

Некоторое время Дима сосредоточенно

изучал его. Потом поднялся, резко отодвинул стул, кинул на стол несколько купюр и пошел к дверям, закуривая на ходу.

— Рита! — В посудомоечную заглянула повариха. — Коля на базу едет, подбросить тебя?

— Нинку вон пусть подвезет. — Товарка кивнула на Нину.

Та спала, сидя на табурете, уронив голову на грудь.

...Нина дремала, сидя в кабине рафика. Просыпалась, озиравась сонно — и снова задремывала.

— Коля, это мы где? — спросила Нина, в очередной раз открыв глаза.

— На Бронную выворачиваем.

— Коля, останови на перекрестке.

...Шестой час утра, синяя тишь перед рассветом... Нина свернула в один переулок, в другой...

Она подошла к зданию нарсуда. Туманное предутреннее марево скрадывало то, что днем так резало глаз: учрежденческие таблички, обшарпанные стены, штукатурку облупившуюся... Нина касалась рукой стен, заглядывала в темные окна: ее дом, надо же!

— Ага, стоят, — хмыкнул Дима. — Осколки империи. Владик, стой!

Владик остановил машину у японского посольства. Лил дождь, человек пятнадцать пикетчиков топтались у входа, кто зонтики держал, кто плакаты: «Ни пяди родной земли!», «Руки прочь от Курил!» Нинина мать, в полиэтиленовом пакете, напаянном на седеенькие кудельки, орала в рупор: «Товарищи! Не проходите мимо! Присоединяйтесь к акции!»

— Вперед! — скомандовал Дима и, вылезши из авто, ринулся к старухе, на ходу раскрывая зонт. — Мама! Вы же вымокнете, мама!

Владик выполз из машины, держа в руках поднос, заставленный пестрыми пакетиками и стаканчиками от Макдональдса.

— Мама! — сокрушался Дима, вздымая над опешившей старухой зонт. — Промокла, бедная, совсем...

— Какая я тебе мама? — спросила старуха гневно.

— Ну, в смысле Родина-мать зовет, — нашелся Дима.

Подносик, с которым Владик шнырял в толпе патриотов, пустел между тем стремительно.

— Товарищи! Нас покупают, товарищи! — выкрикнула старуха неуверенно.

— Я покупаю?! — возмутился Дима. — Мама, да как у вас язык повернулся!

Да я всей душой с вами, госпо... О, черт, товарищи! Душой с вами! У-у, с-самураи! — И Дима погрозил кулаком посольским окнам. — Да у меня оба деда на русско-японской полегли!

Пикетчики загудели одобрительно. Дима явно набирал очки.

— Наверх вы, товарищи, все по местам! — завопил Дима, вскидывая вверх руку, сжатую в кулак. — Мама. — Дима приближал вконец растерявшуюся старушку. — Тут сорок тысяч. На партийные нужды. В партийную, так сказать, кассу. — И Дима вытянул из кармана куртки конверт.

Минуту-другую старуха боролась с искушением.

— Спасибо, товарищ, — прошептала она наконец, принимая конверт благоговейно. — Мы отчитаемся за каждую копейку!

Нина вошла в квартиру, волоча за собой сумку на колесиках. В прихожей, у телефона, стоял Лева, орал в трубку:

— И сколько они отгрузили? Восемь? А монголы звонили? Пусть сюда звонят, он здесь сидит!

Нина толкнула дверь в кухню — там, за столом, сидели Дима, нинина мать и старикан из активистов движения, пели негромко, с душой: «Люди мира, на минуту встаньте! Слышите, слышите, гудит со всех сторон!..»

— Мама?! — охнула Нина. — Мама, кто его впустил?!

— «Это раздается в Бухенвальде! — гремел Дима, подливая старичкам водочки, на Нину не обращая ни малейшего внимания, — Колокольный звон! Колокольный звон!»

— «Колоко-ольный!» — взвыли старики дуэтом.

— Вон отсюда! — Нина потянула Диму за рукав. — Ты! Мать мне спаивать! Вон!

— Нина, выйди, — сказала мать строго. — Выйди, Нина. Стыдись!

Зазвонил телефон-междугородка. Нина кинулась в прихожую, сняла трубку, сказала растерянно: «Улан-Батор? Мы не заказывали...»

— Дай. — Лева отобрал у нее трубку. — Сережа? Ну что? Цену сбивают? А ты торгуйся! А ты торгуйся, Сережа!..

Нина вошла в комнату. На полу разложена была железная дорожка, та самая, из витрины диминового магазина. Вовка хохотал, ползая на коленях, следя за резвым бегом паровозика: орал: «Владя, поднимай шлагбаум!» Владик, в форменной железнодорожной фуражке старорежимного образца, послушно поднимал шлагбаум.

Нина молча пересекла комнату. Костя, как всегда валяющийся на своей коечке,

проводил жену насмешливым взглядом и снова уткнулся во Флоренского. В комнате дочери Нина села на иркину кровать, приподняла подушку, взбывая, — и замерла: под подушкой лежал листок бумаги с цифрой 600 000. Нина смяла листок в ладони, скомкала, швырнула комок на пол и вытянулась на кровати, закрыв глаза.

— Вас батюшка к себе просят, — прошестел церковный служка за костиним плечом.

— Меня?! — прошептал Костя изумленно. Служка кивнул, жестом приказав Косте следовать за ним.

В светлой нарядной комнатке, в кресле сидел благообразный молодой попик. За креслом, положив руку на резную спинку, торчал Дима с видом пятиклассника, выигравшего подряд несколько партий в подкидного.

— Как настоятель прихода сего благодарю тебя, сын мой, за щедрый взнос, за благое деяние, — забасил попик.

— Б-батюшка, — шептал Костя ошалело, — какой взнос? Что вы?!

— Десять тысяч! — гудел святой отец, одобрительно улыбаясь. — По крупницам, по йотам собирал! Похва-ально, сын мой, похвально!

— Это ошибка, батюшка, — бормотал Костя. — Ошибка...

— Он тайно хотел, отец Феодосий, — ворковал Дима, склоняясь к настоятелю.

— Тем ценнее жертвование! — рек отец Феодосий, поднимаясь и давая понять, что аудиенция окончена.

...Костя вышел из церкви, щурясь от солнечного света, растерянный, скорее подавленный, чем ослепленный... Нищие старухи у ворот глядели на него выжидательно. Костя полез за кошельком, порывлся в мятых рублевках. Дима вырос как из-под земли, вложил в костину руку пачку сторублевок: «На. Поддай бабулькам». Костя послушно, все еще пребывая в ступоре, протянул деньги старушкам, вышел из ворот. Дима шел следом сияя.

— Твоя работа? — спросил Костя, не глядяваясь. — Твои штучки? Что ты нас окучиваешь, отцепись, отвянь, сволочь! — заорал Костя, повернувшись к непрошеному благодетелю. — Хоть сюда-то не лезь, хоть в храме дай от тебя отдышаться! Нет, у тебя и тут все схвачено! — А с Всевышним ты еще не закоренился? Нет?! — орал Костя, стоя посреди полуденной, залитой солнцем улицы.

— А что, идея! — ржал Дима. — Надо телекс ему отбить. Туда дня три идет, больше?

— Ненавижу! — сипел Костя. — Ненавижу вас всех! Саранча!

— Ну да, — сказал Дима спокойно, — куда как достойнее сесть бабе на горб. Она на десяти работах ломается, а он слюни пускает у ануса... Богоборец.

— Ты-ы!.. — взвизгнул Костя, вцепившись в отвороты диминого плаща. — Как ты смеешь, ты...

Дима брезгливо, без особого усилия оттолкнул Костю, щелкнул пальцем — так в кабке подзывают официанта, подкатило димино авто, то самое, итальянское, с открытым верхом...

— Ирка приехала? — спросила Нина с порога, втаскивая в прихожую вечную свою сумку на колесах.

— Приехала, — прошептала мать убито.

— Что?!! — побледнела Нина. — Мама, что?! Ира! — Нина ринулась в комнату дочери, где Ирка лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку.

— Мама, ужас! — Ирка припала к матери рыдая. — Все украли... В Катовицах, на вокзале... Чемодан... Там на семьдесят тысяч всего... Ма-амочка, что будет?! — взвыла Ирка. — Чем я буду отдавать? Все в долг куплено!

— Ирочка, обойдется... — лепетала Нина. — Найдем, чем отдать... Продадим что-нибудь. Швейную машинку...

— Какую машинку?! — взвизгнула Ирка. — Мама! Какую машинку?! Тебе такие деньги предлагают! Ни за что! За штамп в паспорте! Что ты уперлась, как баран?!

— Ира... — ахнула Нина, — как ты можешь, дочка... Это мерзкое предложение, унижительное... Мы потом себя уважать не сможем! Мы же все-таки Шереметьевы... Как выяснилось. Что же мы какому-то торгашу...

— Нина, почему — «торгашу»? — возразила мать, заглядывая в комнату. — Человек стоит на правильных позициях... Он нам два ксеркса подарил для листовок!

— Мама, и ты туда же?! — ужаснулась Нина. — Та-ак. — Она поднялась с иркиной кровати, вошла в комнату мужа, где Костя, по обыкновению, возлежал на своей коечке, листая Соловьева. — А ты? Благословишь меня на супружество?!

— Иди отсюда! — заорал Костя, отшвыривая Соловьева в сторону.

— Нет, это ты катись! Давай вставай! А мы с ним сыграем свадьбу! А ля натюрель! Давай катись! — И Нина схватила мужа за локоть, пытаясь стащить Костю с кровати, тянула его, безумев от гнева. — Убирайся! Всё! Не могу больше! Батрачить на вас! Заездили! — выкрикивала она, зады-

хаясь от слез. Дернула Костю рывком, что есть мочи, и он, вырываясь, ударился затылком об острый угол кровати спинки...

— Что? — вскрикнула Нина. — Что? Покажи! Больно?! Покажи, Костя! Костя, прости! — Она прижала его к себе, как только что прижимала дочь, все они были ее дети, бестолковое, нелепое, родное племя, а Костя шептал ей в плечо бессвязно:

— Я себе противен, как я себе противен, Нина! Я не мужик, Нина, верно, я евнух совковый...

— Костя, что ты на себя наговариваешь! Покажи голову, там шишка вскочила, бедненький...

В посудомоечной все сгрудились вокруг гигантского агрегата. Заморская, судя по дизайну и лейблам, машина, добродушно урча, заглатывала грязные ножи и тарелки и выпускала их из огромного зева ослепительно чистыми. Тут же все это сушилось, сортировалось.

— Жор, ты теперь уволишь нас всех за ненадобностью? — спросила Нина у хозяина.

— Тебя оставлю, — пообещал тот. — Тебе вообще велено зарплату втрое повысить.

— Кем велено? — поинтересовалась Нина, уже зная ответ.

— Димкой. Это Димка нам подарил. Шикует. Немецкая машинка, вон представитель фирмы лопочет. Хайнц, битте, еще тарелочку кокни!

Блондин, заржав, шваркнул об пол тарелку — та не разбилась.

— Класс! — восхитился Жора. — Их какой-то пленкой покрывают невидимой, тарелки не бьются...

— А это Дима пришлепал? — спросила Нина, кивнув на листок бумаги, приклеенный скотчем к сверкающему боку машины. На листке было выведено крупно — 700 000.

— Ага, — кивнул Жора. — Цена, наверное. Я считаю, нормальная цена. Для такой забойной штуки...

— Это он меня во столько оценивает, — пробормотала Нина.

— Тебя?! — поразился Жора. — Да брось... Тебя?! Ну, это он... Мощно переплатил... Мощно.

...Дима сидел в зале, за обычным своим столиком.

— Вставай, — велела Нина, подходя. Дима вскочил с готовностью. Нина вывела Диму на улицу, под холодный осенний дождь.

— Твоя машина? Садись и уезжай. — У Димы улыбка сползла с лица. — Ты можешь от нас отвязаться? — Нина теснила его к машине. — Ты что, не понял до сих пор, я у тебя гроша не возьму?!

спускал с нее глаз, щелкая зажигалкой, — вот Нина подошла к диминуму магазину, постояла в нерешительности возле темных витрин... Вынула из кармана молоток. Диме все было видно прекрасно — машина стояла метрах в двадцати. Нина решила, наконец, и легонько тюкнула молотком по витрине. Димины губы дрогнули в усмешке. Дима стряхнул пепел, затянулся неспешно... Нина снова шарахнула молотком по витрине, на сей раз порешительней — витрина выдержала и этот удар. В машине затрещал телефон. Дима снял трубку, возбужденный бас орал ему в ухо:

— Дмитрий Иванович, что за цирк-то?! Она, блин, витрину раскокает, а нам сиди и пьясья?!

— Юр, тебе что было велено? — спросил Дима миролюбиво. — Давай, включите там телек. Наши с «Таврией» играют.

Нина оглушила на каменный выступ у витрины. Молоток она положила рядом с собой. Кажется, она плакала. Дима прищурился всматриваясь, — да, она ревела, привалившись спиной к стеклу. Дима смотрел на нее, руки он положил на руль, уткнув в них подбородок... А Нина тем временем подняла голову и увидела машину и Диму, сидящего в ней. Встала, вытерла слезы.

— Молоток забыла, — сказал Дима, когда Нина добрела до машины. Дверцу он открыл, но Нина стояла у машины, не садилась. — Поди заberi. Вешдок. Улика.

— И хорошо, что забыла, — выдавила Нина. — А то не удержалась бы, саданула по темени... Я тебя просила по-хорошему! Как с тобой еще?! Что тебе еще?! Со мной не вышло, ребенка совращаешь?!

— Какого ребенка?! — изумился Дима. — Окстись!

— Девочке семнадцать лет! Не трогай девочку!

— Так она сама приперлась! — заорал Дима, вылезая из машины.

— Врешь! — кричала Нина. — По глазам вижу, что врешь!!!

— Чего мне врать-то? — возмутился Дима. — Она сама пришла, я ей денег дал и отправил с миром...

— Сколько ты ей дал?! — сипела Нина. —

— Мать моя, да ты наклюкалась! — принюхался Дима. — Ну ты даешь! Давай-ка в машину... Давай, давай...

— Не трогай! — взвизгнула Нина отбиваясь.

— Нужна ты мне, — пробормотал Дима, запихивая ее в машину. — Слезь с газеты! — Он выдернул из-под нее газетный номер. — Сигнальный экземпляр. Газету свою учредили, «Русский лесопромышленник»...

— Владелец заводов, газет, пароходов... Мистер Твистер, миллионер... — бормотала

Нина. У нее зуб на зуб не попадал — похмельная муть и истерика, все вместе. — Мистер Твистер, что тебе от нас надо?! Что тебе еще нужно? — Дима мчал по ночной Русаковке, молчал ухмыляясь. — «Люди гибнут за металл!» Тебе надо, чтоб люди на брюхе ползли за твоим металлом, за твоими бабками грязными!

— Почему же грязными?! — взвился Дима, резко тормозя, Нина едва не ахнулась лбом о стекло. — Почему же грязными, мадам?!

— Потому что отмывал там эти... Пакость всякую... Партийные деньги...

— Я ничего не отмывал! — заорал Дима, побелев от ярости. — Я вам, мадам, не прачечная! Я просто вовремя начал! Вы еще карлизмом-фридеризмом бедным детям котелки забивали, а я уже свое дело раскручивал! С нуля! Вот этими руками! Плюс левкин нюх и левкина оборотистость! Три года, как заведенные! Ни сна, ни отдыха!

— Ну так что, пожалеть тебя? — вопрошала Нина гневно.

— Ты пожале-ешь! Со своей спесью высокогородной, с гонором своим, пятак ему цена!

— Открой дверь! — Нина потянулась к ручке.

— Сиди! — заорал Дима, перехватывая нинину руку. — Куда ты, пьяная, в три часа ночи?! Сиди, я тебя до дома доведу.

— Выпусти меня, мне плохо. Я водку вообще не пью... Я хлопнула двести грамм на голодный желудок...

— А... — Какое-то время Дима смотрел на нее обалдело. — Так это мы сейчас закусим... И запьем. На. — Он сунул Нине какой-то пакетик. — На случай аварии. Я мигом.

...Дима явился, прижимая к груди банки с заморской снедью, французские булки, бутылку дорогого коньяка.

— Я не буду, — заявила Нина, отщипывая кусочек булки. — Пить я не буду.

— Выпьешь, выпьешь! — Дима отвинчивал крышечку. — Давай как микстуру! Ну, давай с ложечки! — Дима вытащил ложку из бардачка, налил в ложку коньяку, придвинул ложку к нининым, готовым в улыбку расплыться губам. — Как рыбий жир!

— Скажешь тоже, рыбий жир, — поморщилась Нина. — Гадость такая.

— Ну как эта... Сладкая, от кашля...

— Пертуссин, — подсказала Нина и послушно открыла рот.

— Умница. — И Дима снова наполнил ложку. — Давай еще одну!

— Слушай, иди ты к черту! Давай вези меня домой!

— Я отвезу, — закивал Дима, прикладываясь к бутылке. — Куда спешить-то... Поговорим хоть, раз уж ты здесь... Я тебе

объясню... Я давно хотел тебе объяснить...

— Чем-то ты меня зацепила... — бормотал Дима. — Если обидел — прости... Я не хотел, правда! — Он отобрал у Нины бутылку, отхлебнул изрядно. — Тошно мне, Нина, ты понимаешь? Вроде всего достиг, да... Шел, шел — и уперся. Мордой в стену. А-а! — Он махнул рукой. — Поехали, ладно. Поехали!

— Куда? — спохватилась Нина. — Налкался и поехали?! Это без меня.

Она шла по ночной улице, машина ползла следом, заезжая вперед и останавливаясь — поджидая Нину. Украдкой она поглядывала на свое отражение в черных ночных витринах, она уже изменилась неуловимо, иначе держала спину, голос стал другим, походка, выражение глаз...

Дима меж тем, въехав на тротуар, едва не пробив витрину «Булочной» и преградив Нине дорогу, орал дурашливо, накапав коньяку в ложку: «Пора принимать лекарство! Нин! Как капли Зеленина! А?»

— Спятил? — Нина обошла машину стороной. — Я уже дома, полквартила осталось!

— Да бога ради! — Нина и глазом не успела моргнуть: он развернулся лихо и исчез в переулке. Она еще приходила в себя, разом потускнев, а Дима уже вылетел из соседнего переулка, промчавшись проходными дворами, ржал победно: — А-а, испугалась?

Нина молча покрутила пальцем у виска, вздохнув, впрочем, с облегчением.

У перекрестка, с фронтона пятиэтажки пятеро мужичков снимали гигантский плакат — «Слава советским профсоюзам!»

Нина остановилась в метре от них, с интересом озирая поверженное детище агитпропа. Дима, подъехав, вылез из машины.

— Вечная память. — И Дима содрал с головы кепочку. Нина покосилась на него — Дима был достаточно серьезен.

— Тебе их не жалко? — спросил Дима. — Вот этих, — он ткнул пальцем в агитпроповских монстров с плаката.

— Ты серьезно? — удивилась Нина.

— Я серьезно. Я к ним привык. Я с ними жизнь прожил. Я сорок лет с ними прожил. Родные до боли. Эй, парни! — крикнул Дима, обращаясь к мужичкам. — Продайте картинку!

— Не... Нам ее в профетуру везти...

— Тогда берите три штуки и сгиньте на полчаса! — Дима вложил в ладонь шофера деньги.

— А чего... Зачем? — залопотал тот обалдело.

— Проститься хочу, — буркнул Дима. —

Отдать последние почести.

Он ступил на гигантский фанерный щит, пересек его по диагонали и уселся в ногах у молотобойца. — Иди сюда, — велел он Нине. — Иди, помянем советские профсоюзы.

Нина подошла к нему, неуверенно ступая по фанере.

— И себя помянем заодно, — бормотал он бессвязно.

— Почему же себя?

— Потому что это мы! — заорал он, тыча бутылкой в молотобойца и его подружку. — Это мы с тобой! И нас больше нет! Там мы остались, в нашей Совдепии, впечатались в нее, нас оттуда не выковырнуть! Я там был нищим, я там корпел над оптимальной формой сливного бачка за сто двадцать рэ в месяц, а здесь у меня три магазина, фабрика своя... Я фабрикант! У меня три магазина, я их ненавижу! Я не тяну это дело, когда надо гнать, гнать, гнать, знать конъюнктуру, не продешевить, не упустить, там схватить, здесь урвать, тому в лапу сунуть, не вылететь из тележки... Я не могу, я не хочу! Я хочу домой, туда, — он стучал бутылкой в фанеру, — обратно, к своим ста двадцати тугрикам, одной рукой унитаз рисовать, другой «Лолиту» листать под столом в ксерокопии и знать, что тугрики будут, и мне их хватит на портвешок, и на «Отдельную» по два двадцать, и на...

— Ладно врать-то, — сказала Нина, поднимаясь и отряхивая плащ. — Лиши тебя сейчас твоего капиталца... Да ты удавишься! Я пошла. Пятый час утра...

— Я провожу. — Дима поднялся с усилием.

— Тебя самого провожать надо. — Она оглядела Диму критически. — Вон шоферюга возвращается, кинь ему еще штуку, он тебя до дому довезет. Пока, Дима.

Облаченная в робу и с ведрами, Нина спустилась на несколько лестничных пролетов — и остолбенела: четыре вьетнамца в одинаковых комбинезонах цвета «хаки» уже тащили наверх ведра и швабры, переговариваясь между собой на птичьем своем языке. Пролопотав что-то почтительно-приветственное, они отобрали у изумленной Нины ее ведро. Внизу облокотившись на перила, стоял Дима. Под брошенным на диминны плечи плащом Нина рассмотрела смокинг, и ослепительно-белую сорочку, и щеголеватую «бабочку».

— Давай по-быстрому, — сказал ей Дима деловито. — Опаздываем.

— К-куда?! — пролепетала Нина.

— В Дворянское собрание, — пояснил Дима, поглядывая на часы. — На раут.

— А лестница?..
— Мальчики помогут. Поехали, поехали!
— Я пойду переоденусь... — прошептала
Нина. — Домашних предупреджу...

— Мальчики предупредят. Поехали. Прикид я тебе организую.

— Зачем же организовывать... — бормотала Нина, пятясь. — У меня есть...

— Мадам, — сказал Дима строго. — Это вам не вечер встречи культпросветработников. Это Дворянское собрание.

— Я не пойду, — сказала Нина, с ужасом глядя на стильные витрины магазина, у входа в который Дима притормозил. — Куда я в таком виде? Чтоб все пальцем тыкали?!

— Давай, давай, давай! — скомандовал Дима.

— Нет, ты сам купи что-нибудь, — лепетала Нина, подталкиваемая им к порогу магазина. — На свой вкус...

— А переодеться ты где будешь? В багажнике?! Это же мой магазин, дуреха, чего ты скрючилась?!

— Твой?! — поразилась Нина. — И этот тоже твой?!

— Мой, мой. — И Дима пинком открыл дверь под затейливой вывеской.

— Детки, даю вам десять минут на упаковку этой... — Дима вытолкнул Нину вперед к продащицам. — Вот этой леди.

У деток на мгновение вытянулись холерные рожицы — затем они вновь натасканно заулыбались, защебетали, столпившись вокруг Нины, впавшей в столбняк: «Что бы вы хотели у нас купить?.. Прошу вас... Вот это... Это от Версаче...» Нина молчала, в смятении озирая роскошные тряпки, покачивающиеся перед ней на кронштейне.

— Вот это. — Дима ткнул пальцем, и с кронштейна был снят дивный костюмчик — шанелевый, мятая вишня, нинин цвет.

Он ждал ее в машине — Нина вышла из магазина, шла медленно, как будто заново училась ходить, нога подогнулась предательски.

— Я отвыкла, — прошептала Нина, усаживаясь на переднем сиденье. — Отвыкла на высоких каблуках...

Дима молчал, осматривая придирчиво костюмчик, сидевший на ней ладно, тускло поблескивающее золото цепочек, пуговиц, кантов, маленькую сумочку, которую Нина растерянно вертела в руках...

— «Диориссимо»? — Он повел носом.

— «Диорелла». — Она улыбнулась слабо, достала из сумочки блестящую коробку.

— Ну, к цирюльнику теперь, — решил Дима.

— Дима, — пробормотала Нина бессвяз-

но. — Я понимаю... Гуманитарная помощь... Для малоимущих. Для остро нуждающихся. Ленд-лиз...

— Лапуля, — перебил ее Дима, тормозя на «зеленый». — Я не альтруист. Я человек практический. Туда пускают только родовитых особ или тех, кто пришел с ними. Ты — мой пропуск, только и всего. Там будет мебельный магнат из штата Юта. Ты меня представьши. Меня представит графиня Шереметьева. Чего ты зеваешь все время?!

— Не высалась, — буркнула помрачневшая Нина.

Она сидела в парикмахерском кресле, прикрыв глаза. Красавчик парикмахер колдовал над ее полуседой гривой. «Седины много! — вздыхал красавчик. — Ах, как много седины! Вот придете ко мне в среду... — Нина уронила голову на грудь. — Что с вами?!»

Нина, вздрогнув, встряхнулась, пробормотала смущенно:

— Это фен убаюкивает...

— Можно я сяду на заднее? — спросила она, подходя к машине. — Подремялю, пока едем.

— Ты смотри не засни у меня! — хмыкнул Дима.

...Он притормозил у цветочной лавки, обернулся назад — Нина сидела с закрытыми глазами, улыбаясь блаженно.

— Эй! Спишь что ли?

Она помотала головой, не открывая глаз.

— Я сейчас. — Он выбрался из машины.

...Прижимая к груди розы, Дима сел за руль, обернулся к Нине... Нина спала. «Эй!» — Он легонько похлопал ее по руке, рука повисла безвольно. «Эй!» — повторил он растерянно. — Нина спала глубоким, безмятежным сном.

— Приехали, — пробормотал Дима.

Дима ехал по вечерней Москве, поглядывая на спящую Нину в зеркальце — полосы неоновой света ползли по ее лицу, она полулежала-полусидела в неловкой, забавной позе, свесив голову на плечо...

— Графиня! — окликнул ее Дима, подвезая к ярко освещенному особняку. — Подъем!

Какое там... Пушками не разбудишь. Дима с тоской смотрел на подруливающие к особняку авто с дипломатическими номерами, на нарядную толпу, штурмующую парадный вход... Толпа стремительно редела. Дима предпринял последнюю попытку — он перегнулся через спинку сиденья и потряс Нину за плечи. Нина пробормотала что-то нечленораздель-

ное, голова ее с правого плеча переместилась на левое... И только. Диме оставалось лишь признать всю тщетность своих усилий.

Он подъехал к нининому дому. Глянул на часы — десять. Глянул на Нину — спит. Тогда Дима сбросил плащ, подумав, снял и пиджак. Вылез из машины и, открыв заднюю дверцу, обустроил походный ночлег своей спутницы с максимальным комфортом: свернутый в рулончик пиджак он подложил Нине под голову, плащом укутал ее до подбородка. Нина спала безмятежно и крепко, какое-то время Дима смотрел на нее с грустной нежностью, потом забрался к себе, на переднее сиденье.

...Дима проснулся от стука в ветровое стекло.

— Открой! — орал разъяренный Костя в старушечей коффе, брошенной на плечи.— Ты! Открой!!!

— Заткнись! — зашипел Дима, вылезая из машины.— Разбудишь!

— С-слушай, ты, не ори,— сказал Дима, у него зуб на зуб не попадал, отпечаток руля красной полосой пересекал щеку.— Ты не ори. Дай ей хоть раз в жизни выпастись! Хоть раз в жизни! Она заснула — пусть спит, она коньки у тебя отбросит скоро, заездили бабу!..— выкрикивал Дима яростно, и Костя смешался, попятился. Крыть было нечем.

— Чего она под плащом...— буркнул Костя.— Я одеяло вынесу.

— Вот это дело,— кивнул Дима.— Тащи. И подушку захвати.

Наконец Нина открыла глаза. Бедняга озиралась зачумленно, переводя взгляд с Димы, невозмутимо отхлебывавшего кофеес из термоса, на плед, коим были укутаны ее ноги, с пледа — на подушку за спиной.

— Откуда у тебя наш термос? — пробормотала Нина.— Где мы?! А... Ну да... Так я заснула? А сколько времени?

— Без пятнадцати шесть,— вздохнул Дима, давая зевоту.

— Боже мой...— Нина медленно приходила в себя.— Боже ты мой! Бедный Дима. Проколола я тебя с этим магнатом...

— С каким магнатом?! — удивился Дима.— А! Ну, это я припелел! Какой там магнат, я просто хотел, чтоб ты встрянула. Развлек...

— Спасибо, Дима,— перебила его Нина, вынимая из ушей серьги.— Я развлеклась. И ты развлекся. Отвернись.

— Зачем? — не понял он.

— Отвернись!!! — заорала Нина, сдирая с себя золотые цепочки, расстегивая пуговицы

на пиджаке. Дима отвернулся. Она развернула тюк со своей скомканной затрапезой, переодевалась быстро, нервно.— Меня не надо развлекать, Дима! Мне ничего не нужно... Я ничего не хочу, вот эти тряпки, цацки, флирты, это для нормальных баб! Это для баб! А я не баба уже! Я лошадь ломовая! Тягловая сила! У меня одно желание, Дима, одно, всегда и везде — выпастись! Выпастись, всё, больше я ничего не хочу!!!

— Надо было белья тебе купить,— сказал Дима.— Как раз на днях пришла партия. Брюссельское кружево, класс!

— Ты что, подсматриваешь? — ужаснулась Нина, лихорадочно натягивая робу на старенькую, подштопанную у бретелек комбинацию.

— Я не подсматриваю. Я смотрю,— заявил Дима, допивая кофе.

Нина швырнула на переднее сиденье шанелевый костюмчик, сумочка и золотишко полетели туда же. Она выскочила из машины, зашагала к подъезду. Потом вернулась обратно, собирая в кучу плед, подушки... Дима молча протянул ей термос, и Нина снова побрела к дому, прижимая к груди весь этот скарб. И снова вернулась к машине, теперь уже с термосом, бросив подушку и плед на скамейку у подъезда. Отвинтила крышку термоса и вытряхнула на переднее сиденье цепочки и серьги, которые Дима туда затолкал под шумок.

Снова ринулась к подъезду — Дима смотрел ей вслед улыбаясь,— маленькая, разъяренная, неслась в своем парусиновом рубище безразмерном на высоченных каблучках... Тут Нина как раз вспомнила про туфли, стала сдирать с ноги правую, опять было двинулась к машине... Дима засмеялся и, помахав Нине на прощанье, рванул к воротам, лихо развернувшись на тесном пятачке двора...

— Митя-ай! — Дима (они слевой провожали, раскланиваясь у дверей магазина) обернулся затравленно — Лара. Лара стояла у «жигуленка», подманивала Диму пальчиком.

— Привет,— сказал Дима, подходя к экс-пасси. Та уже все оценила мгновенно: и димину вымученную улыбку, и димины бегающие глаза.— Как жизнь? Как твой камерюнкер?

— Да ну его! — хохотнула Лара, держась стоически, смятения не выдавая.— Достал. С души воротит. Все время ногти грызет. Спит в сеточке. На днях какие-то сучки в совок сгребла — чуть не убил: это, говорит, коллекция чубуков, от прадеда осталась. Сорок штук, говорит, тянет! Ты представляешь?!

— Так я тебе дам! — Дима улыбался картонно. — Я тебе денег дам.

— Это отступные, что ли? — Лара прищурилась недобро. — А? Митек? Что-то я тебя не узнаю, Миня. Это что, вот это чучело в опорках, этот птеродактиль в брезенте — это что, предмет твоих вождений?!!

— Тачка-то ползает еще? — Дима постукал носком ботинка по бамперу.

— Может, ты мне дарственную оформишь?! — взвизгнула Лара. — Отступные так отступные! Давай, не скупись! Не жмись, Миня!

— Какие проблемы! — Дима изнывал. — Завтра же к нотариусу...

— На! — крикнула Лара, швыряя ключи от машины Диме под ноги. — Катай своего гамадрилла! — И она выскочила на дорогу, голосуя безуспешно...

Наконец Лара вернулась, подняла ключи с асфальта.

— С паршивой овцы, — сказала Лара, забираясь в салон, — хоть шерсти клок.

И умчалась. А Дима вздохнул с облегчением...

Нина неслась по вечерней улице, опаздывала, как всегда.

У входа в бар Владик увещевал дюжину завсегдатаев: «Санитарный день, господа! Санитарная ночь, если угодно!» — «Что за дела? — возмущались завсегдатаи. — Где Жора?! Ты Жору позови!»

— Нина! — Нина оглянулась растерянно: димина машина, и Дима в ней. — Нина, иди сюда!

Она подошла, он открыл ей дверцу:

— Садись. Поехали.

— Куда?! — спросила она. — У меня смена с девятинадцати!

— Садись, садись. — Он легонько потянул ее за руку. — Какая смена... Контора на замке. Я твоему духанчику две суточные выручки кинул.

— Зачем?! — Но в машину она все-таки села.

— Ты хотела выспаться. — Дима захлопнул дверцу, помахав Владику, сдерживающему натиск толпы. — Вот и выспишься наконец-то.

— Ну, ты широко! — бормотала Нина. — Ты куда меня везешь?

— Ну не домой же, — хмыкнул Дима. — Дома тебе твои уроды выспаться не дадут, а я хочу, чтобы ты выспалась.

— Останови! — закричала Нина. — Ты что?! Останови сейчас же! Ты заигрался, понимаешь?! — кричала она, не зная, что предпринять. — Хватит уже! Останови! — Она открыла дверцу, он молча захлопнул ее, глядя перед собой, на дорогу. — Что тебе нуж-

но? Чего ты хочешь-то от меня?!!

— Чтобы ты выспалась.

— И всё?!

— И всё.

По обе стороны шоссе тянулся сосновый бор, мелькали дачные домики. Нина теперь сидела тихо, косясь на Диму исподлобья.

— Какой воздух! — говорил Дима ликующе. — А? Чувствуешь? Сосны! Кислород чистейший! Знаешь, как тут спится — на сутки провалишься!

Нина кивала послушно, пытаясь подавить в себе смятение и тревогу, приглядываясь к Диме настороженно — Дима катил по улочкам поселка, въехал на площадь...

«Вот тут магазинчик клевый, — говорил Дима. — Знаешь эти сельские магазинчики?»

— Я загляну, — сказала Нина. Дима протянул ей бумажник, она сунула его в карман. — Я мигом.

— А нет ли у вас какого-нибудь белья..? Поприличнее? Гарнитурчика какого-нибудь? Пеньюарчика? — спросила Нина, решившись.

— Майки вон, хэбэ с лавсаном, — буркнула пышнотелая блондинка, глядя на Нину уничтожающе.

— Майка у меня есть, — шептала Нина, побагровев от стыда. — Майка как раз на мне... А тут такой случай... Ну, как женщина женщину поймите!

— Нинок! Ну чего? — спросил Дима, появившись на пороге. — Девочки, здрасьте!

— Димочка! — заулыбались пожилые девочки. — Заходи, Дим!

— Так ты с ним! — протянула пышнотелая. Теперь она смотрела на Нину оценивающе, с насмешливой завистью. — Вот оно что... Ладно. Пошли в подсобку.

Из подсобки Нина вышла сияя, поспешно заталкивая в карман пальто розовый шуршащий пакетик.

— Купила что-нибудь? — спросил Дима.

— Так... Матери, безделицу. Поехали!

Дима открыл калитку, и Нина двинулась за ним по дорожке, усыпанной еловыми иглами, к двухэтажным хоромам... Свет на веранде, и в окнах мансарды — свет. Какой-то дяденька в замызганной телогрейке возился у грядки, вышелушивая бобы из сморщенных стручков.

— Это твой садовник? — спросила Нина, поднимаясь на крыльцо.

— Садовник! — хмыкнул Дима. — Это хозяин дачи!

— Я думала, она твоя, — пробормотала

Нина, озираясь заворуженно: Дима провел ее через холл; поднимаясь на второй этаж по винтовой лестничке, Нина только головой успевала крутить — шик!

— Моя... Скажешь...— Дима открыл дверь спальни.— Во, видела его — стручок в телогрее. С мотыгой. Вот он миллионер. Настоящий. Миллионами ворочает, а до электрички пехом ковьялет.

— Пустил все-таки,— прошептала Нина, замерев на пороге спальни, оглядывая ее с молитвенным трепетом. Стены здесь были обиты дивной тканью, голубовато-жемчужной, и также шторы, и покрывало на гигантском ложе светлого дерева.

— Еще бы не пустил,— усмехнулся Дима.— Я ему тут все обставил. Спецзаказ.— И Дима незаметно для Нины сунул боб под матрас.

— Цветы! — ахнула Нина: в вазе стояли хризантемы, ее любимые, желтые.— Мои любимые! Как ты догадался?

— Разведка доложила точно. Ты сядь на коечку. Опробуй.

— Зачем? — насторожилась Нина.

— Ну, сядь, сядь.

Нина покорно примостилась на краешке, сжалась в ожидании посягательств.

— Удобно? — спросил Дима.

— Н-не очень...— прошептала Нина.

— Но мягко ведь? — допытывался Дима.— Мягко?

— Т-так... Какой-то все же дискомфорт,— лепетала Нина, нахохлившись: сейчас начнет лапать и заваливать.

— А!!! — заорал Дима ликующе, как безумный.— Всѐ! Настоящая! Всѐ!!! Настоящая! — И Дима выдернул из-под матраса боб, приподняв Нину за плечи.— Принцесса на горошине! Настоящая графиня! Виват! Виват! Виват!

— Балда,— прошептала Нина, поняв, в чем дело.— Ой, балда! — И она рассмеялась освобожденно, с облегчением.— Посмотрите на этого деточку... Двухметрового... Он еще сказочки читает... А где горошина? Почему боб?!

— Чем богаты.— Дима развел руками.— У хозяйина с грядки стырил.

— Все правильно,— вздохнула Нина.— Я не принцесса на горошине. Я принцесса на бобах.

— Да все мы на бобах, в принципе,— пробормотал Дима. Они замолчали. Нина сидела на кровати, Дима стоял рядом, пауза длилась, и возникло то, чего Нина боялась,— замешательство, напряжение, надо было как-то из него выбираться, и Дима сказал поспешно:

— Ну, не буду тебе мешать. Шторы можно задернуть... Спи.

И Нина осталась одна. Она метнулась

к двери — замка не было. Тогда она заставила дверь стулом и принялась лихо-радочно переодеваться. Она достала пакетик с бельем, облачилась в пеньюар — и ахнула тихонько, и рассмеялась: он был короток и непомерно широк — пышнотелая завмагша явно пожертвовала тряпочкой, заначенной для себя. Худенькая Нина выглядела в пеньюаре достаточно нелепо. Нина вздохнула и, поменяв шелка на старенький свитер, залезла в кровать, натянув одеяло до подбородка. Покосилась на стул у двери — глупо. Отодвинула стул в сторону и снова забралась в кровать. Зажмурила глаза... Какой там сон!

Ага. Шорох у двери. Нина поправила волосы трясущимися руками. В дверь как бы слегка толкнулись — и снова тишина.

— Дима,— сказала Нина чуть слышно.— Не надо. Я сплю уже.

Дверь приоткрылась, и в щель протиснулся огромный раскормленный кот. Кот прошелся по комнате и, мерзко мякнув, прыгнул к Нине.

— Пшел вон! — зашипела Нина, столкнув кота на пол.— Вон! — Кот тут же спрятался под кроватью и притих там...

— Иди отсюда! — шептала Нина, сунув руку под кровать в тщетной попытке отловить кота. И в ту же секунду, на первых тактах невесты отсюда полившейся мелодии из незабвенного «Лав стори», четырехугольный кусок потолка над кроватью двинулся вбок, и обалдевшая от неожиданности Нина узрела свое отражение в зеркале, вмонтированном в потолок.

Сладкая музыка сменилась томными стенаниями. Нина тупо глядела на себя, взломаченную, с перекошенной от ужаса физиономией, сидящую среди скомканных простыней. Потом она догадалась сползти с лежбища и обследовать его. Наткнулась на несколько разноцветных кнопок, поблескивающих за ножкой кровати, одну из которых она, должно быть, нажала нечаянно, отлавливая кота.

Нина нажала на красную кнопку, зеркало не уплозло и всхлипы не утихали, зато минуты через три на пороге комнаты появился мускулистый бородач.

— Вызывали? — осведомился бородач бесстрастно.

— Я?! Вас?!!

— А кто нажал на кнопку вызова?

— Так вы обслуга! — догадалась Нина.— Уберите зеркало. И фонограммку.

— Вторая кнопка снизу.

— Я боюсь сама. Я не на ту кнопку нажму...

Бородач молча нажал на нужные кнопки, вытащил из-под кровати кота и удалился, поглаживая зверюгу по жирному загривку.

Нина минуту-другую сидела неподвижно, приходя в себя. Потом решительно потянулась за юбкой.

Диму она нашла в саду. Дима жег сухие листья, костер уже догорал, Дима глядел на пламя заворожено.

— Не спится? — спросил он, покосившись на подошедшую Нину.

— Заснешь там. — Нина села рядом, протянула руки к огню. — Ты сам-то там спал когда-нибудь?

— Ну что ты! Это хозяйского сына полати.

— Понятно, — усмехнулась Нина. — Паренек с фантазией.

— А я сидел тут, вспоминал, — пробормотал Дима, помешивая прутиком угли. — Когда мне было лет семь, меня вот сюда поместили, вот здесь, недалеко — туберкулезный санаторий. Потом-то все обошлось, не подтвердилось... И я вот сейчас сижу, дышу — такой воздух осенний, дымом пахнет, хвоей сырой... Как-то, знаешь, всколыхнулось — запах этот хвойный, ночь, форточка открыта, я лежу, а все спят, а я лежу и реву, и такая тоска дикая: к матери прижаться! Мать для меня всем была. Она такая сильная была, с ней было спокойно. Ты на нее похожа. Правда...

— Все, закройся, — сказала Нина быстро, зло. — А то ты сейчас скажешь, что я надежная, что я сильная, что со мной, как за каменной стеной...

— Но это же правда, Нина!

— Я не хочу этого слышать! — закричала она, вскакивая. — Еще и от тебя! Я не хочу быть сильной еще и для тебя! Зачем тебе моя сила?! У тебя же есть всё! Ты же...

— Так я разорюсь не сегодня-завтра, — ухмыльнулся Дима. — Вчистую. Обанкрочусь — и приползу к тебе.

— Мерси вам! Премного благодарны-с! Этого добра у нас хоть отбавляй!

— Тебе чего, девочка? — спросил Дима.

Девочка лет четырнадцати спрыгнула с велосипеда и, прислонив его к ограде, вынула из кармана розовый пакетик:

— Это вам. Мама просила передать.

Она очень извиняется, она перепутала размер. Вот это как раз сорок шестой. Нате.

— Какая мама?! — вспыхнула Нина. — Какой размер?!

— Ну как же! Вы же в магазине купили у нас! Вы же так маму просили! — втолковывала Нине девочка с добросовестным занудством. — Это пеньюар югославский, а тот верните, мама велела...

— Я ничего не просила! — На Нину смотреть было больно. — Какой пеньюар?! Я ничего не...

— Давай сюда. — Дима забрал у продавщицы дочери пакет.

— Зачем ты взял? — выкрикивала Нина. — Ты что, решил, что я... Что мне это нужно, чтобы... Это для Ирки! Для дочери!..

— Я так и подумал. — Дима помахал рукой девочке, садящейся на велик. — Спасибо! Другой я вам завтра заброшу!

— Нет, ты подумал... — говорила Нина сбивчиво. — Ты подумал, что...

— Пойдем чайку попьем? — предложил Дима.

— Нет, я в город! Я домой! Когда последняя электричка?

— Да я доведу... — пробормотал Дима.

— Я же понимаю прекрасно! — У Нины щеки пылали от стыда. — Я же все понимаю! У меня никаких иллюзий на твой счет! Ни малейших! Я знаю, чего ты добиваешься! Тебе нужен этот титул! Тебе фамилия нужна!

— Нина. — Дима морщился страдальчески. — Ну что ты несешь!

— Ты просто сменил тактику. Не мытьем, так катаньем. Ладно. Ты получишь фамилию. Хоть завтра. Бесплатно, разумеется...

— Нина... Нина, прекрати!

— Хоть завтра! А потом сгинь! Слышишь? Ходи хоть всю жизнь в Шереметьевых, в Предводители дворянства баллотироваться, дворню заводи, псарню! Только сгинь потом, слышишь?!

Нина вошла в свой подъезд — и остановилась в изумлении: Костя мыл лестницу.

— Костя, — прошептала Нина. — Ну, это... Снег сейчас пойдет... С градом... Ты моешь лестницу! Ты!!!

— Ну, слава богу. — Костя повернулся к жене, продолжая водить шваброй по ступенькам. — А я волнуюсь... Сводку ГАИ передавали, две «волги» столкнулись на Кольцевой... Я...

— Так ты знал, — пробормотала Нина, поднимаясь по лестнице.

— Ну как же, он позвонил, предупредил, все честь честью, — говорил Костя, нагибаясь к ведру, поднимая его с усилием. Что-то новое появилось в Косте, суетливое, натужно-бодряческое и пришибленное одновременно...

— Как ты тряпку-то намотал, — вздохнула Нина. — Давай, я сама.

— Ниночка, — решилс Костя. — Ты уходишь? Ты бросаешь нас?

— Иди домой, — сказала Нина, снимая плащ, засучивая рукава свитера. — Иди ложись. Я сама помою.

— Сколько «Комсомолец»? Эй! — какой-

то парень склонился над Ниной. Нина дремала, сидя на складном стульчике, привалившись затылком к кафельной стене подземного перехода.

— Десять,— ответила за Нину нищенка Лера.— Давай без сдачи. Десять рублей,— сказала Лера подошедшему Диме. Дима молча присел на корточки перед спящей Ниной. Достал из кармана коробочку, извлек из нее обручальное кольцо и, бережно приподняв нинину руку, надел ей кольцо на палец.

— Велико,— пролепетал порнолоточник Болеслав, глядя на Диму потрясенно.

— Пожалуй,— согласился Дима и достал из коробочки другое кольцо. Примерил.— Тесновато, да? — Вытащил третье. Это пришлось впору.

— Ну, как? — спросил Дима Нину, открывшую глаза.— Нравится? Сам выбирал.— Нина смотрела на него тупо, сонно, ничего не понимая.— Давай-ка, матушка, просыпайся. У нас с тобой бракосочетание через полчаса.

Дима тянул Нину за руку, вел за собой по коридорам районного загса. Нина шла послушно, не успев еще толком проснуться. «Дай я хоть причешусь,— лепетала она, озираясь растерянно.— Дай я хоть подкрасшусь...»

— Но мы как, заявление только подадим?..

— Какие заявления, лапа, тотчас и окрутят, у меня ж тут схвачено все, давай быстренько, девочки ждут!

— Подожди, как же! — ахнула Нина, пытаясь выдернуть руку. (Дима держал ее крепко.) — Я со своими посоветоваться должна... У меня и паспорта нет...

— Лапа, какой паспорт, все сделано уже! — Дима впихнул Нину в залитый солнечным светом зал.

— Опа-аздыбаем! — уже спешила им навстречу улыбающаяся милашка.— Ну, чудненько, садитесь... Садитесь, господа... Вот свидетельства ваши. Дима, тут правильно отчество — Иванович?

— Иванович, Иванович,— кивал Дима. — Девушка,— вставила Нина чуть слышно.— Он мою фамилию берет. Вы это оговорили? Да?

— Лапа, что за номера?! На кой ляд мне твоя фамилия? — изумился Дима неприятворно.— Я — Пупков, ты — Пупкова. Ныне, и присно, и во веки веков.

— Идиот.— Нина поднялась со стула.— Ах, ты... Шут гороховый!

У милашки дежурная улыбка сползла со смазливого личика.

— Идиот! — Нина ринулась к столу, задыхаясь от гнева.— Где это... Дайте

мне свидетельство!

Нина с треском разодрала свидетельство о браке пополам.

— Устроил тут спектакль. Очередной. Но это последний твой прикол, Дима. Ты понял? Последний!!!

Она мчалась по коридорам загса, не разбирая дороги. Дима догнал, схватил за руку: «Нин...» — «Пусти!» — Она вырвалась, ринулась к выходу. В холле возбужденно галдели юнцы и юницы, несколько стаяк. Нина с ходу вклинилась в нарядную толпу. Всё расплывалось перед глазами: белые платья невест, пестрые пятна осенних букетов... «Куда ты...» — «Вы мне ногу отдавили!» — «Простите,— бубнила Нина, продираясь к выходу.— Извините... Пусти!» — Это Дима схватил ее сзади за предплечье.

— Но ты же знала, что так будет! — Дима держал ее крепко.

— Я знала?! — Она повернулась к Диме, задыхаясь от гнева, от бега.— Что я знала?!!

— Что все будет по-настоящему! Знала!

— Не надо за меня решать, Дима! — шипела Нина.— И не лезь в мою жизнь больше! Не надо! Ты со своей разберись! Понял? Ты понял?!

Она вылетела из загса. Владик, скучающий в авто, встряхнулся было, потянулся за шампанским — открывать, но поставил бутылку на место, глядя вслед Нине растерянно. Нина бежала по улице. Дима выскочил из загса и понесся за ней.

— Стой! — орал Дима.— Нина, стой! — Он догнал ее, схватил за руку.— Поговорить мы можем?! Просто поговорить!

— Не о чем.— Нина выдернула руку, пошла вперед, не оглядываясь.

— Я хотел...

— Что ты хотел?! — Она только шаг ускорила.— Поиграть в супружество? Не наигрался еще?!!

— Почему — поиграть?! — Он прижал ее к стене дома.— Стой... Почему поиграть, я действительно хотел... Хочу... — бормотал он, багровея.— Чтобы мы были вместе... Ну, как... Ну, ты понимаешь...

— Что ты несешь-то?! — Она смотрела на него насмешливо.— Я старая баба, я старше тебя...

— На два года.

— На целую жизнь, Дима. И у меня классное приданое. Классное. Старуха с задвигом, муженек с прибабахом и парочка беби. Ты их усыновишь всех скопом? Да, Дим? — Дима молчал мрачно.— Ничего, Дима... — сказала Нина тихо, устало.— Это все у тебя пройдет. Это от безделья. Вот твоя тачка стоит. У тебя кто сегодня? Чехи?

— Болгары.— Дима оглянулся: Владик

вылез из машины, стучал пальцем по циферблату наручных часов: дескать, пора!

— Вот и поезжай.— Нина легонько подтолкнула его к машине.— Тягни с ними плиски за успех предприятия. Поезжай, Дима.

— Нина! — Жора стоял в дверях посудомоечной.— Иди, Нина.— Нина молча сняла фартук. Она не спрашивала, куда идти и зачем. Спросила только: «А посуда?!»
— За такие бабки я ее сам помою. За такие бабки я ее языком вылижу,— ухмыльнулся Жора.

Гардеробщица подала Нине плащ, глядя на нее потрясенно. Она даже попыталась помочь Нине одеться, что уже совсем дико и противоестественно. «Вы чего, Лен Петровна? — удивилась Нина, торопливо застегиваясь.— Чего так смотрите?!» «Т-там...» выдавила гардеробщица, тыча пальцем в окно.— Ты глянь, Нина!!!»

На улице, у входа в бар, стояла карета. Нина осторожно прикрыла за собой дверь и замерла: настоящая карета, и кучер настоящий, и лошади настоящие...

— Садись,— сказал Нине кучер.

Нина стояла не двигаясь, похоже, она и не слышала ничего — жаль, Димы тут не было, Дима был бы доволен произведенным эффектом. Кучер кряхтя прыгнул с козел и открыл позолоченную дверцу.

— Мне туда? — спросила Нина чуть слышно.

— Садись, садись,— повторил кучер.— Времени в обрез.

Нина ехала в карете. Она сидела на бархатном диванчике, и стены были затянуты бархатом, все порядком повытерто, обивка сиденья лопнула по шву... За окном мелькали ночные московские переулки, лошади поцокивали копытами...

Нина закрыла глаза. Откинулась на спинку диванчика. Потерлась щекой о бархат — мягко... Запах пыли, нафталина и духов. Ну да, какая-нибудь артистка надушенная сидела тут, поигрывая веером. Или лорнеткой. Десять дублей подряд. Нина заплакала беззвучно. Сладкие-сладкие слезы, можно наплакаться вдовсталь — никто не видит, и глаза не накрашены...

Карета остановилась у здания нарсуда. Во всех окнах особняка горел свет, слышно было, как невидимый оркестрик наигрывает мазурку...

Нина вошла в вестибюль, никем не замеченная. Дородный дворецкий в роскошной ливрее басил, прохаживаясь возле будки вахтера: «Бакенбарды настоящие, а чего ж

их сбривать? Меня с такими бакенбардами — нарасхват! Вот немцы снимали о Екатерине, так я...»

Нина шла мимо стайки статисток, охраняющихся возле огромного, знакомого Нине, зеркала — бальные платья декольтированные, напудренные парички... Хохоча, толкая друг друга голыми локотками, статистки доставали мушки из круглой коробки, наклеивали себе на щеки... Нина поднималась по лестнице, а мужики в спецовках тащили наверх корзины с цветами, свернутые в рулоны ковровые дорожки, медные подсвечники...

Нина заглянула в огромный, ярко освещенный зал заседаний — тут шли основные приготовления. Спешно выносились столы и стулья, расстилались дорожки... Как всегда, исполнителей было втрое меньше, чем отдающих команды. «Владик! — орал Дима, стоящий посреди зала,— где фейерверкер?» — «Шеф, он к одиннадцати подъедет!» — «Как к одиннадцати? В одиннадцать уже петарды должны взрываться!.. Тут гобой вступает!» — кричал Дима, задрал голову вверх, глядя на чудом сохранившиеся хоры. Там сидели музыканты, маленький оркестрик — фраки, манишки, бабочки... «Дмитрий Иваныч, гобой бастует у нас! — Дирижер перегнулся через перильца балкончика.— Он у нас дипломант, лауреат, он двойной тариф требует!»

— Будет ему двойной тариф! — вздохнул Дима.— А где этот..? Распорядитель бала...

Тут Дима повернулся к дверям и увидел Нину. И умолк на полуслове, потрясенный.

— Ты как...— пробормотал Дима наконец.— Тебя уже привезли?! Еще ведь не готово ничего! Господи, вот кретини! — Он схватился за голову.— У-у-у, кретини... Всё псу под хвост...

— Ну что ты! — сказала Нина, подходя.— Все замечательно! Просто прекрасно! Не переживай...

Они стояли рядом, молча смотрели друг на друга, а вокруг все галдели...

— Дим,— решила Нина.— Ты можешь их всех... Ну, отправить по домам? Всех-всех! Ты ведь им заплатил уже?

— Мне тоже уйти? — спросил Дима тихо.

— Нет, что ты! Ты останься. Ты обязательно останься.

— Господа! — Дима захлопал в ладоши.— Все свободны, господа! Всем спасибо! Там два «Икаруса», всех развез по домам!

— А шампанское? — нарушил общее замешательство мужик в спецовке, ставя на паркет ящик с сереброговыми бутылками.— Десять ящиков разгрузили!

— Презентую! — Дима махнул рукой.—

Разбирайте! Но с условием — первый тост — за здоровье Нины Николаевны. Виновницы торжества.

Они остались вдвоем. Потом в зале погас свет.

— Вахтер выключил, — сказал Дима, едва различимый в полумраке. — Решил, что все ушли.

Нина молча достала зажигалку из кармана диминового пиджака, подошла к подсвечникам, зажгла свечи. Села на одну из сдвинутых в груды лавок. Дима сел рядом.

— Вот... — пробормотал он, помолчав. — Хотел купить тебе этот дом... Левка денег не дал. Хотел бал тебе устроить прощальный, не вышло...

— Дима, — сказала Нина. — Хорошо, что темно. Так легче. А то я опять разревусь, я все время плачу теперь, пять лет ходила, как каменная, а теперь реву и реву...

— Это я виноват.

— Это я женщиной себя почувствовала. Вспомнила, что можно плакать... Можно смеяться... Все можно еще... Я тебе, Дима, так благодарна! И я всегда буду помнить тебя, всегда...

— Но почему ты...

— Потому что мы расстанемся сейчас, Дима. Надо сейчас остановиться, а то дальше мне очень трудно будет остановиться, тяжело, гораздо тяжелее, чем тебе, гораздо...

— Дед! Открой нам! — окликнул Дима вахтера.

— Счас, — буркнул тот недовольно, поднимаясь с диванчика, гремя связкой ключей. — Во, ночка-то! Ну и ночка!

Ночь была ветреной, холодной, беззвездной. Нина спустилась с крыльца и остановилась.

— Пойдем? — сказал Дима.

— Подожди, я с домом прощусь, — ответила Нина. — Я ведь часто сюда приходила... Больше не приду. Десятой дорогой обойду.

— Почему? — Он подошел сзади, осторожно обнял ее за плечи.

— А чего сердце рвать? — У Нины голос осекся.

— П-бамм-мм, — пробормотал Дима чуть слышно.

— Ты что? — удивилась Нина. — Это что за звуки?

— Звук лопнувшей струны. Помнишь, там, в финале?

— А! — она засмеялась невесело, снимая его руки со своих плеч. — Ах, ты мой начитанный... Ну, на Лопахина ты не

тянешь.

— Какой я Лопахин, кишка тонка. Лопахин ей дом купил, а я не смог.

— Он не ей купил, он у нее купил.

— Ей, ей. Любил ее, хотел удержать как-то. А она не врубилась... и говорит...

— И говорит она, что на часах, — Нина глянула на циферблат, — двадцать три ноль-ноль, и надо нам, Дима, прощаться.

— Так я доведу... — начал было Дима.

— Всё, Дима, всё! — Нина быстро зашагала по дорожке, мимо диминової машины. Он упрямо шел следом. Нина почти бегом побежала, потом повернулась к нему: — Всё, ты понимаешь — всё! Ну будь же ты мужиком, ну хватит мне хвост рубить по кусочкам, всё, всё, всё!!!

Они вошли в метро. Нина шла впереди, кусая губы от злости. Дима неотступно следовал за ней в некотором отдалении. Она бросила жетончик в щель пропускника, зашпешила к эскалатору. Он отыскал в бумажнике пятак, бросил в щель. Ясное дело, его тут же шархнуло железяками по ногам. Дима взвыл и, потирая колено, побрел к эскалатору... Некоторое время Дима с опаской взирал на движущиеся ступеньки, не решаясь ступить на них.

— Помочь? — Какой-то парень взял Диму под локоть, помог шагнуть на эскалатор. — Бывает... Я и сам, когда под мухой...

— Какие мухи, я в метро не был лет десять! — перебил его Дима досадливо, устремляясь по эскалатору вниз, догоняя Нину.

...Они сидели друг против друга в полупустом вагоне. Дима смотрел на Нину, она смотрела в окно.

На Октябрьской Нина вышла из вагона. Дима выскочил следом.

У эскалатора творилось что-то неладное. Вход на него был перекрыт дожиной рослых незнакомцев, а их вожак, загорелый бородач, орал в рупор: «Друзья! Это акция фронта леворадикальных сил! Друзья! Сотрем с карты нашего города последние островки позорного прошлого! Несчастные пассажиры ночного метро, коих скопились здесь уже немало, глухо роптали, безуспешно пытаясь пробить брешь в цепочке леворадикалов.

Нина продралась поближе к эскалатору, следом, сноровисто работая локтями, пробирался Дима. «Скажем «нет» имени тирана, скажем «нет» кровавому Октябрю! — орал бородач. — Требуем переименования!»

— Господи! — ахнула Нина. — Я же тебя узнала! Дима, я его знаю! Слушай, мы же ехали с тобой в метро... Месяц назад... — Бородач покосился на Нину недовольно.

Ты сел на Комсомольской, ржал еще, что у нас вместо Кировской — Чистые Пруды... Быстро же ты перековался!

— Да отстань ты... — И бородач снова поднес рупор к губам.

— Слушай, пропусти меня! — Нина тербила бородача за рукав. — Ну ты вспомни меня! Мы с тобой на Пушкинской вышли, стояли, трепались, ты меня еще Поликсеной называл, Аполлинаруй... Вспомнил?

— Иди, — буркнул бородач, пропуская Нину на эскалатор и снова загоразживая собою вход на него.

— А я?! — заорал Дима. — Мы вместе! Нина! Нина!

Но Нина только помахала ему рукой, уплывая вверх вместе с эскалатором, подалее от этого гвалта, неразберихи, сумятицы... Дима что-то кричал ей, пытаясь оттолкнуть бородача в сторону. «Бедный, милый Дима, какой из тебя Лопакhin,

какая из меня Раневская, все мы Пищики давно. Все мы Пи-щи-ки».

Эскалатор полз вверх, и такой же гвалт, вопли возмущенных пассажиров и страстные заклинания леворадикалов надвигались на Нину неумолимо — там, наверху, творилась та же свистопляска.

Тут эскалатор резко дернуло, и он остановился. Нина, не устояв на ногах от сильного толчка, осела на рифленую ступеньку. Надо было подниматься и идти вверх или вниз, но и вверх, и вниз пришлось бы идти долго-долго — Нина застряла как раз на середине пути, — а сил не было. Сил не осталось никаких, тяжкая усталость длинного трудного дня навалилась на нее, и ноги стали будто чугунные... Нина устроилась поудобнее, растерла ладонями щиколотки. Она немного отдохнет — и поднимется. Вот только немножко отдохнет...

СЦЕНАРИЙ МАРИНЫ МАРЕЕВОЙ «ПРИНЦЕССА НА БОБАХ»

ПРОДАЕТСЯ.

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ОБРАЩАТЬСЯ
В РЕДАКЦИЮ НАШЕГО ЖУРНАЛА
по адресу: 103006, Москва,
Воротниковский переулок, дом 12
или по телефону: 299-11-78

**В редакцию поступил тираж книги Александра Червинского
«Как хорошо продать хороший сценарий».**

Приобрести эту книгу вы можете только в нашей редакции.

ЗАЯВКИ-ПОБЕДИТЕЛИ

Общероссийская гильдия сценаристов и немецкая кинокомпания «Скриба и Дайле» проводят открытый российско-немецкий конкурс на лучший кино-сценарий «Приз Эйзенштейна». В январе подведены итоги первого тура, в котором соревновались только заявки на будущий сценарий. Конкурсантов было около семисот. Экспертная комиссия отобрала 60 заявок, а дальнейшую их судьбу решало жюри под председательством драматурга Валерия Фрида и в составе Вадима Абдрашитова, Александра Адабашьяна, Эдуарда Володарского, Александра Липкова, Юрия Рыбакова. Оно-то и определило призую десятку (кстати сказать, заявки были подписаны анонимными девизами, и выяснить кто есть кто стало возможным лишь на церемонии награждения, когда вскрывались заветные конверты). Авторами заявок-победителей оказались Ираклий Квирикадзе, Александр Миндадзе, Юрий Чибряков, Инга Гаручава и Петр Хотяновский, Сергей Дитковский, Эфраим Севела, Анатолий Усов, Валерий Залотуха, Лилия Неменова, Максим Стишов. По баллам же самый высокий рейтинг у Александра Миндадзе с «Большой постановкой жизни».

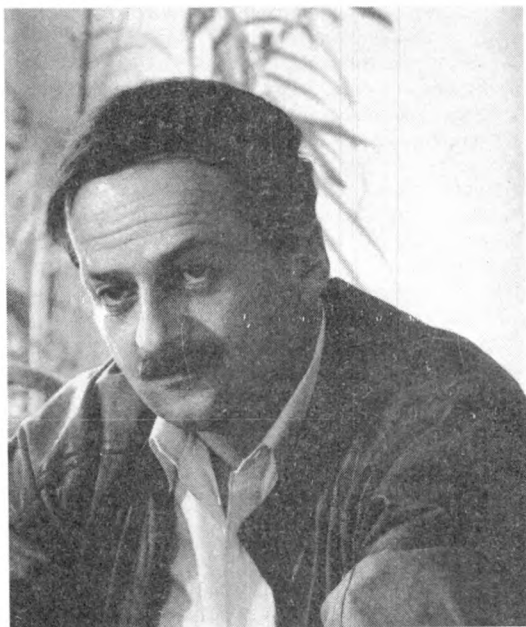
Лауреаты получили по две тысячи немецких марок и приступили к созданию сценариев по своим заявкам. Итоги второго тура конкурса (а в нем участвуют уже сценарии) объявлены будут в июне. А мы предлагаем вашему вниманию призовые работы Александра Миндадзе, Ираклия Квирикадзе, Валерия Залотухи.

Александр Миндадзе

«БОЛЬШАЯ ПОСТАНОВКА ЖИЗНИ»

Познакомились они полтора десятка лет назад. Тогда один был судьей, другой сидел на скамье подсудимых и ждал, когда судья вынесет ему приговор. Знакомство, таким образом, носило односторонний характер, то есть знакомился судья, по долгу службы изучая личность подсудимого, вникая во все детали «дела». Кто он, этот ловкач, перегнавший на юг целый вагон с неучтенным товаром и сбывший все добро налево? Пока судья пристрастно изучал его личность, подсудимый всю неделю, что шел процесс, вглядывался в его лицо. Что ему еще оставалось? Молодое честное лицо судьи он хорошо запомнил. И голос. Голос этот потом стоял у него в ушах все семь лагерных лет.

Так что ничего удивительного нет, что

сегодня, по прошествии времени, бывший подсудимый, а ныне преуспевающий бизнесмен сразу узнал вершителя своей судьбы.

Услышал тот самый голос за дверью купе, выскочил в коридор и тут же узнал, хотя печатать житейских бурь и передраг изрядно подпортила неотразимую внешность его давнего знакомого. Все это произошло в поезде, к которому был уже вполне законно подцеплен вагон с товаром, и товар принадлежал бизнесмену тоже законно. Дефицит предстояло реализовать опять же на юге, в курортном городе, куда и мчал сейчас скорый поезд. Обычный маршрут, планы и дела, в которых бизнесмен был большой дока.

И вот всему этому не суждено было сбыться. Ни планам, ни делам. А сбылось другое, непредвиденное и неблагоприятное для самого бизнесмена, и речь тут не об уведенном из-под носа вагоне с добром, речь о повороте судьбы и о самой его жизни, конце ее. А причиной — опять судья, новая встреча с ним. И желание завершить знакомство. Не в том смысле завершить, чтобы покончить с виновником своих бед — это слишком просто: вернись в купе, только мигни ребятишкам-охранникам; а в том смысле, что бизнесмен тоже хотел задать свои вопросы. Вопрос — ответ, как тогда, только наоборот. Тем более было о чем спросить, было. То, за что он на мерзлоте отбывал, оказывается, было не преступно, не плохо, а очень даже хорошо и полезно для общества, тот вагон с бараклом, оказывается, скрыто двигал прогресс. И этот сегодняшний его вагон тоже двигает, но уже открыто. И правят бал люди с предпринимательской жилкой, они — цари! А его за жилку — на семь лет... В общем, захотелось суда над судьей или кто он там теперь, этот мятый человек в коридоре вагона — проводник что ли? Точно, он теперь проводник, он чай понес в соседнее купе... Сейчас и мы попросим чайку у экс-судьи!.. Да, поменяла их местами жизнь, она все по-своему решила, по своим законам. По другим законам, по мудрым: у него в руках все, абсолютно все, а у судьи ничего, только вот казенные подстаканники...

Это ощущение превосходства, уверенность человека, как бы уже победившего в каком-то важном споре, и настраивала бизнесмена на вполне благодушный лад. Ему не хотелось торопиться, раскрывать себя, а хотелось играть свою игру подольше. Вот он сунул судье-проводнику чаевые, дал ему много, слишком много, так что охранник, знавший прижимистость хозяина, только вскинул удивленно брови. Судья аж рот раскрыл и так

и вышел, пятясь, из купе с зажатыми в кулаке деньгами, не своя с бизнесмена растерянного взгляда. Нет, судья его не узнал, лицо его затерялось в тесноте других лиц, много у судьбы их было, подсудимых. Да и лагерные годы не прошли для бизнесмена даром, перекинули его как бы сразу из молодости в старость. Итак, судья вышел из купе, и бизнесмену вдруг пришла мысль сделать этого человека своей шестеркой, совать ему деньги, много денег. Не мстить, а благодетельствовать. Нет, почему-то не захотелось с судьей расставаться. На самом деле хотелось все-таки мести, но долгой.

Итак, судья и подсудимый, один во власти другого. Две встречи, между которыми годы. Сейчас опять один во власти другого, только они поменялись местами. Такова тайная интрига повествования, пружина, движущая героями. Основа действия, его скрытый от глаз фундамент.

Внешне события развиваются, казалось бы, по совсем другой логике. Начинаем мы как бы с крупного плана человека, находящегося на сломе своей жизни. Этих слов уже было у него немало, он привык и не сетует на судьбу, что устроила ему такие вот американские горки: был судьей, теперь проводник в поезде, была семья, друзья, теперь остался совсем один. Все он потерял, выпустил из рук, оказавшись на обочине жизни, но себя не кланет, наоборот, он собой гордится. Ведь виной всему — его порядочность и принципы, которым он никогда не изменял. Из юстиции его выдавили как не берущего взяток и абсолютно глухого к телефонному праву. Но в особенности за манеру отправлять «дела» на исследование и в конце концов выводить из тени истинных «героев» — за ушко да на солнышко. Теперь ему внушают, в том числе и пресса, что честность его была хуже всякой лжи, потому что судил по безнравственным законам, а теперь они вообще отменены. Получается, чем справедливее был, тем был несправедливее на самом деле, и не надо было глубоко копать, а лучше закрывать глаза в каждом конкретном случае во имя общечеловеческих ценностей. Вот это примерно ему сегодня оживленно выговорил, узнав, что он в прошлом судья, денежный мешок из третьего купе... Проводник ответил. Да, у каждого времени свои законы. Законы разные, но жулики, разумеется, одинаковые. Даже если их теперь перевозят за то же, за что раньше судили.

А тем, кто отсидел, конечно, не повезло: время было такое, жуликов наказывали.

Но бог с ней, с юстицией. Оттуда его выдавили, остался без работы. И сразу жена выдавила его в коммуналку, в кошмар. Такая, значит, была с ним рядом женщина, а он, слепой, прожил с ней с десяток лет. Но бог и с ней. Это все в прошлом, в том числе и коммуналка. Теперь дом его на колесах, поезд. И он с севера на юг ездит туда и обратно, пересекает страну в гордом одиночестве. И в общем собой доволен, несмотря ни на что. Несмотря на то, что все валится у него из рук, что он — Епиходов в проводничком ловком деле, как, впрочем, и во всех других житейских делах. Потому что одно у него настоящее умение — судить.

Вот такому человеку бывший подсудимый, а ныне бизнесмен, снedaемый любопытством и жадной мести одновременно, предложил на себя работать, обещав астрономическую плату за какие-то неясные пока услуги. И конечно, он никак не мог предвидеть, что берет себе шестерку с достоинством и железными принципами, то есть как бы шестерку наоборот. Как не мог догадываться и о финале своей затеи, которая закончилась тоже наоборот — его собственным крахом. Вознамерился судить судью, а получилось, что сам нарвался на суд, второй в жизни и уже окончательный. Судья так и остался судьей, а он все-таки опять подсудимым... Таков один из парадоксов этой истории.

Вернемся, однако, к сюжету, попробуем изложить события в их последовательности. Вот бывший судья получает деловое предложение и покидает свое убежище на колесах. Круг новых обязанностей ему совсем неясен, как непонятен пока и сам его работодатель, требующий лишь одного: постоянного присутствия возле себя. Безотлучного. Скажем, сидят они за обеденным столом, за трапезой. Хозяин не ест, не пьет, он на строжайшей диете. Шестерка и ест, и рюмочку себе пропустить позволяет. Так и сидят, хозяин на него все смотрит, смотрит. «Когда же работа начнется?» — спрашивает смущенно судья, заметно уже растолстевший на дармовых харчах. — «Работа началась. Вы работаете». — «Это когда же?» — «Сейчас». Но причуды свои хозяин щедро оплачивает, а шестерка рассуждает

так: это не хозяин платит, жизнь должок возвращает за недавние мытарства. Заслужил.

Но эти сытые обеды с неясным подтекстом не главное. Важно, что в паузах между трапезами, как раз в моменты его отлучек и свободы от чудачевого работодателя, жизнь судьи и вправду наконец-то пошла по восходящей. Уже его собственная жизнь — и деловая, и личная. Речь не о куске хлеба, хлеб теперь был с маслом и икрой. Он начал потихоньку играть в эту самую игру, когда деньги делают деньги. Мизерный свой капиталец стал оборачивать, подражая хозяину. И богатеть, как ни смешно. И даже обзавелся кое-какой недвижимостью. Бизнесменом стал. А потом уже мог не зависеть от хозяина, но продолжал свою странную службу — эти обеды его не тяготили, забавляли. А тут еще пришла к нему любовь, с курортницей на пляже познакомился. Как встретился, так уже и не расставался. Она тоже в ответ сразу вспыхнула и, когда отпуск ее кончился, никуда не уехала, осталась с ним, всерьез сжигая мосты... Вот такая вдруг счастливая линия наметилась в судьбе — и это уже не линия была, жизни!

Поначалу и мы вместе с персонажем принимаем счастливый поворот за чистую монету. Но потом становится ясно, что все это только спектакль, большая постановка жизни — и режиссер, конечно же, все тот же бизнесмен, ловко организующий все события и держащий судью на длинном поводке. На самом деле, он дает судье напоследок сполна вкусить жизнь, чтобы потом отнять, — вот и вся его месть. Чтобы тот на своей шкуре испытал то же, что испытал подсудимый, когда судья его во цвете лет выкорчевал из жизни — за что?! Так что пусть пока вкушает: все организовано, все — и везение с шальными дивидендами, и недвижимость, и акции, которые дурак скупает. И женщина, пляжная подстилка, которая платит ему взаимностью, конечно же, за деньги постановщика спектакля. И все это будет у судьи отобрано, все декорации рухнут в одночасье... пусть пока вкушает!

Итак, все должно быть у судьи отобрано. Но не будет отобрано. Постановщик жизни еще не знает, что, отдав, отобрать уже не сумеет. Это еще один поворот истории.

Бизнесмен в конце концов попадает в собственную ловушку.

Начав повествование как бы с крупного плана одного персонажа, мы постепенно переходим к другому, на авансцену выходит бывший подсудимый. Жизнь, как известно, вносит коррективы в любые планы, к хитроумным она особенно безжалостна. В нашем случае все дело в самом бывшем подсудимом. И суть не в том, что здоровье свое он оставил в лагере, что больной он очень человек, хоть держится бодро, что стоит немалых сил. Не в режиме и диете, которые он соблюдает, потому что хочет жить. И в конце концов, не в драме добившегося всего человека, который ничем не может воспользоваться. Дело все-таки в том, что хоть он теперь и свободный бизнесмен, но все равно подсудимый, остался им, он только на словах бывший. Потому что неволя его сломала и лагерь в нем сидит, как неизлечимая болезнь, которая только ждет своего часа, чтобы выйти наружу.

Затеял игру с судьей, демонстрирует свое могущество. А планы почему-то рушатся. Выстраивает обстоятельства так, как ему нужно, но ничего не происходит. Может ведь прихлопнуть судью, как комара, но все медлит, медлит. И похоже, вовсе забывает о своих намерениях, часами с судьей просиживает. Чувствует, видно, что жизнь идет к развязке, и уже в этом человеке нуждается. В виновнике того, что все в развязке, к концу! А потом начинает с судьей пить — и это он, до сих пор изо всех сил цеплявшийся за жизнь.

Дальше события развиваются стремительно. Больница, приезд жены бизнесмена. Она была его женой и тогда, когда бизнесмен был подсудимым, она прожила с ним всю жизнь. В отличие от мужа, она сразу судью узнала. Увидела его и зарыдала, будто дальним каким-то зрением заглянула в будущее, в финал. Больной принял слезы на свой счет и клятвенно обещал выздороветь. Весь следующий день он был бодр, оживленно демонстрировал, что жизнь его вне опасности. И все для того, чтобы

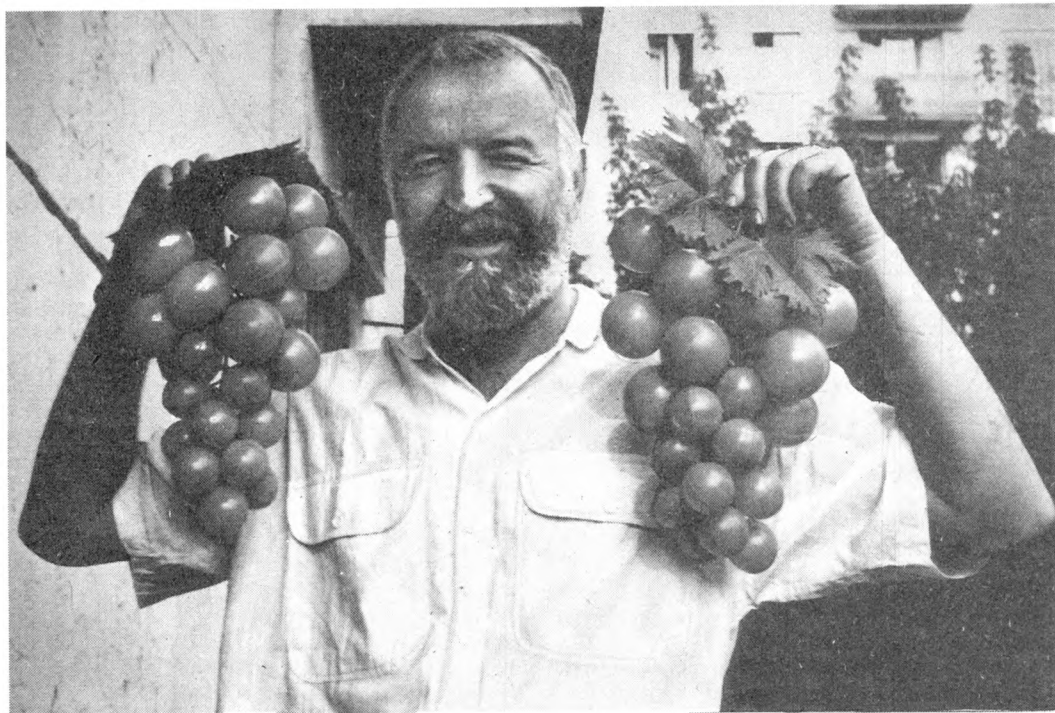
поскорей выпроводить любящую жену. Когда это удалось, он вызвал судью и велел остаться в палате. Судья лег на соседнюю койку и ждал дальнейших приказаний — человек он был благодарный, помнил добро.

В ту же ночь они сбежали из больницы, и судья добросовестно просидел с хозяином в ресторане до утра. Сидели вдвоем в пустом зале за огромным, уставленным блюдами, столом. Хозяин молчал, улыбался. Времени для речей не было, потому что он без конца ел и пил, ел и пил. Но в конце концов, прервав трапезу, он все же раскрыл судье все тайны, весь подтекст событий. Потом они опять ели, пили — подсудимый с удовольствием, судья по долгу службы и тоже с удовольствием. Глядя на судьбу, он все еще не предвидел финала: да и можно ли в охотку сводить счеты с жизнью?

Судья был подавлен этой смертью, переживал глубоко. Хоть он и не понял до конца своего работодателя, но ведь был многим ему обязан. Да и как-то сблизилась они, что ни говори. На похороны не пошел, но плакал — на берегу, один, размазывая слезы по толстым, нагулянным в застольях щекам. Сблизилась, сблизилась... Теперь вот хозяин ушел и уже на том свете наверняка ждал свою шестерку... Но бывший судья на тот свет не спешил, у него ведь жизнь, можно сказать, только начиналась!

С каким-никаким капитальцем, с пляжной знакомой Людмилой, которая уже стала его женой и поддерживала судью в его оптимизме. И пусть правда, пусть правда все, что высказал ему напоследок бизнесмен. Это был спектакль, постановка, ну и что? Теперь это уже жизнь. И он впервые понастоящему счастлив... Что касается личности бизнесмена и версии их давнего знакомства, бывший судья всему этому не то чтобы не поверил, но сильно сомневался. Во всяком случае, человека с такой фамилией и внешностью не вспомнил. Может, и правда забыл. Мало ли в его жизни было подсудимых.

Ираклий Квирикадзе

«ОТТО»

...В последние годы войны и в первые послевоенные годы в Казахстане жило много немецких военнопленных... Они строили дома, заводы, мосты, птицефермы, рыли каналы, туннели, возводили памятники Сталину из бетона, камня, мрамора...

...**М**не было десять лет. Я рос в казахском Мауле. Только-только кончилась война. На окраине аула стоял деревянный сарай, в этом сарае поселились две русские девушки-летчицы. Они летали на старом фанерном самолете У-2, который опылял капустные, картофельные, хлопковые, табачные поля минеральными удобрениями. Летчицы ходили в кожаных куртках, кожаных штанах и шлемах. Они почти не общались с местными жителями. Аулу было известно только то, что в войну они летали в отряде ночных бомбардировщиков. Что бомбили Берлин, и вот сейчас, демобилизовавшись, не зная никакой другой профессии, кроме

как «водить» самолеты и бомбить, одинокие, незамужние, приехали они к нам в аул, получили самолет У-2 и работу опылителей. Звали их Зоя и Шура.

Взрослые мужики аула не раз делали попытки завести знакомство с русскими девушками, но, увы, в большинстве случаев вылазки к деревянному сараю заканчивались полным поражением местных дон-жуанов.

Однажды Зоя и Шура прогнали очередного ухажера и оставили себе аккордеон, которым ухажер думал растопить холодные сердца женщин-бомбардировщиц. С того дня из сарая раздавались громкие и красивые женские голоса, поющие о любви.

Однажды я встретил на пыльной дороге одну из «кожаных женщин». Она поманила меня и спросила: «Купаться хочешь?» Было жарко, я ответил: «Хочу».

Кожаная женщина приказала: «Иди за мной». Я пошел, разглядывая вблизи штаны, кожаный зад...

Мы подошли к сараю, где стоял самолет

и... о чудо, женщина велела мне встать на крыло, забраться в пилотское кресло. Она села передо мной, и мы взлетели.

Я не мог поверить счастью — «я лечу».

Самолет снизился над озером. Самолет приземлился, пробежал и остановился у самой воды.

Мы разделись, я жадными глазами смотрел на оголенную «кожаную женщину». Белые плечи, груди в большом атласном бюстгальтере, живот, потом голубые атласные трусы, тяжелые ноги.

«Вы Зоя или Шура?» — спросил я. «Зоя», — ответила женщина.

Всласть накупавшись, навалевшись в прибрежном песке, мы сели в самолет и вернулись в аул.

Я влюбился в Зою.

Я влюбленными глазами разглядывал самолет в небе, за которым тянулся длинный хвост минеральных удобрений. Я ходил тайно к сараю и слушал пение своей возлюбленной.

Я тайно сопровождал «кожаную женщину», если она шла по улицам аула в магазин, в сельсовет.

Недалеко от аула был лагерь немецких военнопленных. Военнопленные строили большой мраморный Дворец культуры. По желанию товарища Сталина каждая советская деревня строила в те годы свой мраморный Дворец культуры.

...Однажды самолет забарахлил, не хотел взлетать. Зоя и Шура хорошо разбирались в самолетных моторах. Но случилось что-то серьезное. Их знаний оказалось недостаточно. Зоя и Шура пошли в сельсовет. Там кто-то сказал — среди немцев есть самолетный специалист. И к сараю привезли Отто Миллера.

Отто был голубоглазым атлетом. Надо же было именно такому Отто оказаться рядом с Зоей, которую я безумно любил.

Я смотрел, как Отто чинит самолет. Как зло, почти с ненавистью, смотрели на него две русские летчицы, еще год назад бомбившие Берлин. Зоя знала немного немецкий. Она нехотя вступала в диалог с немцем.

Что-то надо сварить в моторе. Отто обещал на другой день приехать со сварочным аппаратом. Три дня тянулся ремонт. Летчицы пригласили Отто в сарай пить чай, потом они пели под аккордеон. Потом пел Отто...

Что-то случилось в эти три дня. Я наблюдал, сидя в кустах крапивы, за поющим сараем.

Неделю спустя Зоя, вновь увидев меня, предложила лететь купаться.

Самолет приземлился недалеко от лагеря военнопленных.

На речных камнях сидел Отто. Мы трое купались в реке. Я сходил с ума от ревности.

112

Зоя смеялась на непонятные слова, которые говорил ей Отто...

Я сходил с ума от этих непонятных слов...

Полеты стали повторяться. Каждый раз я хотел отказаться, но ни разу не нашел в себе силы сказать Зое «нет».

Однажды немец поцеловал Зою. Я бежал с речного берега, я бежал по капустным полям, я плакал, в бессильной злобе крушил кусты крапивы...

Я был продукт эпохи. Я пошел в сельсовет, чтобы сказать: «Русская летчица тайно встречается с немцем Отто. Она однажды посадила за руль самолета фашиста». Я два часа проторчал в коридоре перед дверьми председателя колхоза, но не решился войти. Ушел.

Но я не был такой уж хороший, как вы думаете... И не я один ревновал и мучился, глядя на голубоглазого немецкого атлета.

...Мы гоняли мяч на футбольном поле.

В небе показался У-2. Он сел прямо на поле. Пропеллер заглох у самых футбольных ворот. Зоя молча смотрела на меня. Я подошел.

— Полетишь со мной.

Я быстро вскочил на крыло, самолет покатился, оставив в недоумении моих друзей-футболистов.

Зоя повернулась ко мне, и я увидел под круглыми кожаными очками ее глаза. В них был гнев. Она прокричала: «Будем бомбить!» От удивления я открыл рот. «Что бомбить?» — хотел я спросить, но не осмелился.

— Слушай мою инструкцию... когда подлетим к месту, где надо сбросить эти мешки... — Она указала на два тяжелых мешка с минеральными удобрениями. Они висели за бортом самолета с обеих сторон кабины. Это, видимо, и были бомбы, которые мы должны были сбросить на неизвестную мне цель.

— Вот тебе нож! — Она протянула мне остро отточенный нож.

— По моей команде ты срезаешь веревку с одного мешка, потом мы разворачиваемся, и ты режешь вторую веревку... Понял?

Она посмотрела на меня строгим взглядом.

Мы стали снижаться. Я увидел поле, на котором зрели большие арбузы.

— Вот наша цель! — прокричала Зоя.

Она указала на навес, покрытый соломой. Ничем не примечательный навес посреди арбузного поля.

— Приготовиться! — крикнула летчица.

Я прижал острие ножа к веревке. Через мгновение резкий окрик: «Резь!»

Я полоснул ножом по веревке. Мы с Зоей высунулись из кабины и увидели, как мешок врезался в самую середину

навеса. Разворотив солому, деревянные балки, он «взорвался», подняв облако белой минеральной пыли.

Я увидел фигуру мужчины с белым лицом, белыми волосами. Мужчина, как мне показалось, был голый. Минеральная пыль густо облепила все его тело. Это был Отто. Он бежал среди арбузов. Одновременно с ним из-под навеса выскочила женщина. Голая. Она с ужасом посмотрела на самолет. Я узнал Шуру. Вторую летчицу. Глаза Зои улыбнулись в круглых очках. Она показала мне кулак с поднятым большим пальцем.

Самолет развернулся. Мы вновь приближались к цели. Белое облако расплзлось над арбузами. Мужчина и женщина, голые, бежали, подняв головы, глядя на приближаю-

щийся самолет.

— Режь! — крикнула Зоя.

— Нет! — закричал я.

— Режь!

Я полоснул ножом веревку и с ужасом увидел, как мешок несется на Отто и Шуру.

Мешок ударился о спину Отто. Произошел белый взрыв. Мне показалось, что Отто взлетел в воздух. Потом он упал. Появился мокрый, красный цвет.

От автора

Эту историю я услышал от человека, который третий год живет в Германии, играет на гобое в известном симфоническом оркестре.

Валерий Залотуха

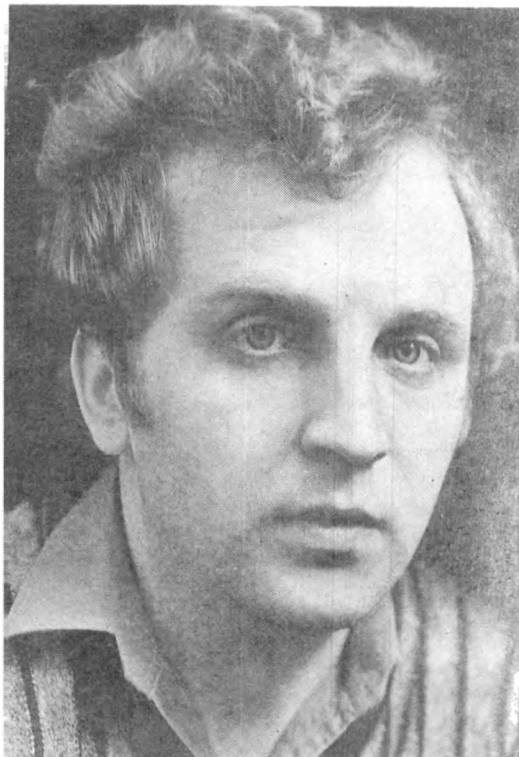
«ВЕЛИКИЙ ПОХОД ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ИНДИИ»

В бывшем судебном зале бывшего губернского города бывшей России шел суд — новый, революционный, рабоче-крестьянский, конармейский — наш суд. Хотя стекла в высоких арочных окнах отсутствовали, сизый махорочный дым оставался в зале, похожий на дюжину пуховых одеял, уложенных одно на другое в доме какого-нибудь вчерашнего купчишки.

На возвышении в нише стояла богиня правосудия с мечом и весами, но без головы...

Председательствовал бывший матрос Железняков — широкоплечий, тяжелый, с табачными вислыми усами и маленькими красными глазками. Слева от него сидел, съежившись и согнувшись, маленький чернявый человек в пенсне, в черной кожаной куртке; стриженная, верно, бывшая до революции первой красавицей в каком-нибудь захолустном уездном городишке, — Наталья. Она вела протокол судебного заседания.

Судили Ваську Новикова. За матерщину и рукоприкладство. Выясняли, на какие буквы он ругался. Предлагали за казацкие ухватки перевести его с верхов в обоз. Да вступился конник Ведмеденко.

— У нас в дивизии Новик четырех Георгиев имел!.. И в нашей конной армии Василек — первый кавалерист! — басил Ведмеденко, хмуря мохнатые брови и мотая из стороны в сторону головой. — Моя предложения — отпустить Василька! Чтоб беды не было...

Зал шумел. Все разделились на два лагеря: конники за Василька, обозники обид не прощали. И вдруг шум словно сам по себе стал стихать — по проходу двигался, прихрамывая, к судейскому столу пожилой седовласый человек в застегнутой под горло шинели, с зажатой в руке фуражкой. Он остановился и повернулся к залу. Похоже и в шинели он зябнул. А когда он заговорил, стало слышно, как пофыркивают у конюязи лошади.

— Завтра я еду в Москву... Для заседания Коммунистический Интернационал... Буду говорить Владимир Ильич и буду рассказать этот суд, этот балаган. Здесь говорили, что Новиков есть хороший кавалерист. Но что нам лучше — один хороший боец или дисциплина всей армии? Думаю, не надо объяснять, что нам лучше... И мое предложение есть следующее: для сохранения революционной дисциплины, для укрепления дружбы между народов — Новикова — расстрелять. — Он замолк и требовательно посмотрел на председателя.

— Кто... за предложение товарища Лапиньша? — в жутковатой тишине проговорил председатель Железняков.

Первым поднял руку латыш. За ним кто-то из обозников. Еще... И еще...

Комиссар Брускин, таинственно улыбаясь, постукивал карандашом по столу и поглядывал на поднимающиеся руки.

— Считай скорее, — прошептал председатель Наталья.

— Да вы чего?! А?! — заревел Ведмеденко. — Да я за Василька вас всех... — Он попытался выхватить шашку. Но на него навалились со всех сторон, подмяли.

— Считай, Наталья! — закричал в отчаянии Васька Новиков.

— Одну минуточку, одну минуточку, товарищи! — поднялся комиссар Брускин, протирая пенсне. — Позвольте и мне сказать несколько слов. Для меня в этом деле нет ничего неясного. Нарушена революционная дисциплина, и наказание за это должно быть суровым и неотвратимым. Наш суд — это революция, российская революция. Но есть более высокий суд, справедливый и окончательный. Это всемирная пролетарская революция. А она не за горами. И вот что я думаю, товарищи... С точки зрения нашей революции, мы безусловно правы, но где гарантия того, что мы не совершаем ошибки с точки зрения революции всемирной? И дело тут не в Новикове, дело в принципе, в революционной теории и практике. А в этих вопросах мы не имеем права ошибаться... Поэтому я предлагаю, товарищи, отложить вопрос о наказании Новикова до победы всемирной пролетарской революции.

— Правильно, товарищ комиссар! — закричали тут же из зала.

— И последнее, товарищи, — успокаивая кричащих, заговорил комиссар. — Главное, что я хочу сказать. Вы, конечно, помните последний приезд товарища Троцкого к нам. Помните, как мечтали вместе с ним о том, как проскачем с шашками наголо по земному шару. Он говорил, что мировая гражданская война, начатая в России, непременно продолжится в Азии, где массы особенно угнетены, и скорее всего — в порабощенной британской короной Индии... — Комиссар перевел дух и, стянув с головы фуражку, продолжил счастливо и проникновенно: — Товарищи, сейчас я могу вам сказать, что тогда, прямо отсюда товарищ Троцкий направил письмо в ЦК РКП(б) с просьбой направить нашу революционную армию...

Кони заржали вдруг во дворе, будто предчувствуя новый поход.

— И сегодня, — торжественно возвысил голос комиссар, — я получил известие из Москвы... Мы идем на Индию!

— Ур-а! — выдохнул зал разом. — Смерть мировому империализму! Даешь Индию! На Индию!

«После поражения Венгерской Советской Республики... исходя из того, что на европейских весах Красная Армия теперь весит мало, необходимо создать хорошо вооруженный корпус и бросить его на Индию. В тыл империализму...» Л. Троцкий.

Что было бы, если бы предложение председателя реввоенсовета республики, наркомвоенмора, второго человека в революции, стало реальностью? Тогда был бы «Великий поход за освобождение Индии».

Всего-то один малюсенький допуск, и вот уже — сказка — яркая, радостная, страшная, или, если угодно, миф. Грань между сказочным и реальным столь тонка и преодолена в нашей истории!

Это будет правдешная сказка. Ее персонажами станут реально существовавшие военачальники Красной Армии, и в Индии они станут думать, говорить и действовать так, как они думали, говорили и действовали в Поволжье, Средней Азии, Крыму. Но, разумеется, главным в сценарии будут не судьбы полководцев, не тактика и стратегия всемирной гражданской войны, а души людские — простые, родные, дурачки-прекрасные.

Красный казак Васька Новик, его добровольная «собака» Ведмеденко, бывший матрос с «Авроры» Железняков, соратник товарища Троцкого по революционному подполью комиссар Брускин. И Наталья. В которую, конечно, влюблены все, но самыми

большими соперниками являются казак Васька и комиссар Брускин. Казак блещет удалю, а комиссар силен словом, манящим в прекрасное светлое завтра.

Но не только они — герои Великого похода. В походе участвуют китайцы, немцы, чеки, латыши, да кого там только нет! Даже один американец. Ему как-то не нашлось места на суде, поэтому скажу о нем подробнее. Все зовут его Джон, а как же еще?! Это не тот киноамериканец, глядя на которого изумленно думаешь, что у него в одном месте вставлен моторчик на 220 вольт, а подключен он к сети на 380. Наоборот — это обесточенный человек. С бескровным лицом, с выцветшими глазами, с кривящимися губами. Он был в России концессионером, был очень богат, но когда все началось и все побежали, он остался. Его носило по грешной России, прибывая то к красным, то к белым, то к анархистам. И всякий раз, когда у него попытки-вались, за кого же он, Джон отвечал привычно и устало: «За русских». Напившись, он горько плакал на груди у Васьки Новикова и обреченно жаловался ему: «Ох, обрусел я, обрусел!» Он идет в поход в качестве переводчика. Джон нужен в сценарии для того, чтобы расширить время и пространство истории: Джон — современный человек, гражданин мира, знающий, как жить, и умеющий жить, но не понимающий — зачем.

Реют над индийским селением, лежащим в долине, красные знамена. Стоят под раскаленным солнцем непобедимые конники, и их головы молитвенно подняты к небу. Такой молитвы — без слов, с единственным желанием — увидеть своего бога — мир еще не знал. Это невиданная доселе молитва новообращенных и окончательных материалистов. Тишина. Великое Ожидание. И бог материализуется в белом бездонном небе — сначала в виде маленькой точки, но точка растет, приближаясь, и начинает звучать аэропланным стрекотом. И не останется сомнений. Это Он! Аэроплан круто снижается, садится на вытоптанную лошадиными копытами землю, подруливает таракта. И из кабины выпрыгивает вождь мирового пролетариата товарищ Троцкий. Он здоровается за руку с командармом Буденным и его комиссаром Ворошиловым... И начинает говорить. Замолкают птицы небесные и твари земные, и тысячи вооруженных полубогов внимают ему. Говорит он ясно, и слова его достигают сердца каждого бойца. Брахм, конечно, к стенке, главная опора — на социально близких к нам неприкасаемых, которые, несомненно, прикнут к освободительной армии... Чего ж тут не понять?! Само собой...

И пошли они в свой Великий поход. Застыли в оцепенении жители индийского селения, глядя на колонны, которые были так длинны, что песню, затянутую в начале, не успевали подхватить в середине, потому что туда долетала уже ее последние слова.

В Индии — Ганг, у нас — Волга, у них — йоги, у нас — Баба-Яга, у них дэвы, у нас — девы, у них — великая книга знаний Веды, а мы не знаем, не ведаем, у них дурак, осел — мудха, да и у нас похоже. Нет, все же не случайно собирались мы именно в Индию: первая помощь — родне.

И звучит украинская песня, которую затягивает Ведмеденко на ночном привале на берегу подлунного серебряного Ганга... И вонзается стрела с оперением из райской птицы в чахоточную грудь латыша Лапиньша, рядом с орденом Красного Знамени... И наблюдают потрясенные рязанцы за религиозно-эротическим действием индусов... И мечтает вчерашний бедняк-крестьянин, как будут работать в коммуне слоны...

А впереди растут, как грибы после дождя, англичане в своих пробковых шляпах. Да ведь у нас вековая убежденность, что «англичанку мы разобьем!» Только что ж это братья-индусы не спешат к нам присоединяться, несознательные что ли? Почему же неприкасаемые прячутся по своим убогим лачугам и избегают нашего товарищеского рукопожатия?

Худо, худо придется «англичанке»... Но если серьезно, худо придется всем. И уже не до смеха будет. А до ужаса страшно. «Великий поход» — это трагедия и фарс одновременно.

И когда станут гибнуть и пропадать наши герои в чужой и непонятной стране, маленький человек, которого зовут комиссар Брускин, встретится с маленьким человеком, которого зовут махатмой. И махатма расскажет комиссару о том, что говорил Кришна Арджуне на поле битвы Курукшетра.

— Ну, хорошо, — снисходительно улыбнется комиссар. — А что же было дальше?

— Дальше была битва. И все в ней убивали своих отцов, учителей, братьев, сыновей, друзей...

— Вот видите!

— Да, ничто не оправдывает братоубийства, но, заплатив ту дорогую цену, мы обрели нашего Бога! И поняли, что убивший не может быть победителем, победивший ценою чужой крови обрекает своих потомков на муки...

Ну, а чем же кончится Великий поход? Начальство, без сомнения, уцелеет. И командарм Буденный, и его комиссар Ворошилов улетят на специальном аэроплане. А мы останемся. Васька Новиков, Наталья, Ведмеденко, комиссар Брускин...

Оставшиеся последними, они бродят по чужим лесам. И Наталья, уходя от мужиков, якобы по нужде, молится на нацарапанный на куске коры Божий лик. Нет, они не самоубийцы, они заложники идеи, рожденной в тихих и чистеньких германских городках и возвращенной в российской глухомани. Мы их полюбили. И они погибнут. Все.

А комиссар Брускин, наверное, останется жить. В затерянных в джунглях селах его примут за посланника Кришны, говорящего на непонятном языке небес. А он в пенсне без стекол, в кожанке, но без штанов и босиком, будет говорить о между-

народном рабочем движении, об Интернационале — будет говорить все, что знает, но однажды он запнется вдруг, улыбнется растерянно и блаженно и пропоет от начала до конца грустную еврейскую песенку, которую слышал в детстве от своей мамы в городе Конопте...

Эта история — не суд над ее героями. Это — прощание. В «Великом походе за освобождение Индии» я хотел бы воссоздать миф во всей его мощи, чтобы не воспеть, не проклясть, а чтобы проститься с ними — кентаврами и полубогами. Ибо, может быть, как же хочется в это верить, когда уйдут полубоги, к нам вернется Бог.

А Н О Н С

читайте в следующих номерах

сценарии победителей конкурса «Приз Эйзенштейна»
американский сценарий Пола Шредера «Таксист» (фильм Мартина Скорсезе
«Таксист» — призер Каннского кинофестиваля, в главных ролях Роберт Де Ниро
и Джоди Фостер)
кинороман Никиты Михалкова и Рустама Ибрагимбекова «Сибирский цирюльник»
сценарий-притчу Григория Горина «Любимец Бога» — три дня из жизни царя
Соломона
«Анна Карамозофф» Рустама Хамдамова
кинороман «Юные годы Данта» Юрия Арабова
комедию «Сны» Александра Бородинского и Карена Шахназарова
мелодраму Натальи Рязанцевой «Эффект Дориана»
остросюжетную киноповесть Юрия Короткова «Абрек»
сценарий музыкального фильма Барбары Стрейзанд «Ентл»
историческую киноповесть Юрия Нагибина «Александр Благославенный»
сценарий телевизионного фильма
Федерико Феллини «Клоуны»
триллер Эдуарда Володарского «Бездна»
сценарий о любви Алены Креницыной «Три товарища»
дипломную работу Павла Санаева «Сволочь»
из книги Семена Фрейлиха «Кино и ТВ»
из жизни западных звезд. Лауреаты премии «Оскар» разных лет: Роберт Де Ниро,
Барбара Стрейзанд, Ал Пачино, Клинт Иствуд, Элизабет Тейлор, Одри Хепберн,
Джин Хэкмен, Лайза Минелли и др.

СОФИЯ ЛОРЕН. ИСТОРИЯ ЕЁ ЖИЗНИ

В биографиях древних богинь масса неточностей и умолчаний. Афродита, к примеру, родилась не то от Зевса и нимфы Дионы, не то вовсе без отца, без матери — из морской пены. Как было на самом деле, знает только она сама и правды до сих пор никому не поведала. Такова ее божественная воля — предоставить нам по своему вкусу выбирать из двух красивых версий прекраснейшую. Что же касается биографий богинь новых и новейших, то они — согласно ли божественной воле, или вопреки ей — полны подробностей. Причем часто таких, какие вообще-то принято скрывать. Про Софию Лорен, в частности, известно, что происходит она от Ромилды Виллани из Поццуоли и Риккардо Шиколоне, римлянина, который так и не женился на ее матери и фамилию свою двум дочерям дал весьма неохотно.

Эту и многие другие подробности своей биографии божественная София поведала некоему А. И. Хотчнеру, который и написал в результате книгу «София: история ее жизни и любви». Книга, естественно, стала бестселлером. Естественно, по ней была написана телепьеса и поставлен телевизионный фильм. «София Лорен. История ее жизни». В новейшей мифологии прижизненные литературные, а также и кино- и телебиографии — дело вполне обычное. Тележитие Софии, между тем, вещь более чем оригинальная. Дело в том, что богиня сама играет свою мать и самое себя — в ранних киноопытах и уже в славе, в романе с Кэри Грантом и в браке с Карло Понти и, наконец, в испытаниях, через которые она решается пройти, ради того чтобы родить ребенка.

Автор пьесы, которую мы публикуем, — Джоанна Кроуфорд, поставил фильм «София Лорен. История ее жизни» Мел Стюарт — для британской телекомпании «ЕМІ». Личное присутствие Софии сделало достаточно заурядную биографическую ленту значительной. И даже незримое ее присутствие при чтении текста, который мы вам предлагаем, способно, как нам кажется, сделать это чтение захватывающим.

Итак — все о Софии. И кажется, действительно ВСЕ. Такова ее божественная воля.

СОФИЯ ЛОРЕН: Я росла застенчивой неуклюжей девчонкой в бедной деревне Южной Италии. Не знала отца, но у меня была заботливая любящая семья: бабушка, дедушка, тети, дяди, сестра. Их любовь ко мне была особым даром, который я пронесла через всю свою жизнь. Кроме того, со мной была моя мама, которая, несмотря на бедность и отчаяние, никогда не переставала верить, что мечты могут осуществиться — моя мама Ромилда с внешностью Греты Гарбо и желанием быть такой же знаменитой. Когда в 1933 году Эм-Джи-Эм объявила конкурс двойников Греты Гарбо, ничто не могло остановить ее — она поехала в Неаполь.

КОНКУРС.

Г-н Данн. Ромилда Виллани, подойдите, пожалуйста. Откуда вы приехали?

Ромилда. Из Поццуоли.

Г-н Данн. Где это?

Ромилда. Около 8 миль отсюда, к северу от Неаполя.

Г-н Данн. Здесь сказано, что вы играете на пианино. Это увлечение или профессия?

Ромилда. В Поццуоли, г-н Данн, нет большой необходимости в пианистке, дающей концерты.

Г-н Данн. Ну, так вам не придется беспокоиться об этом больше.

Ромилда. Я победила?

Г-н Данн. Да, Ромилда. Вы — итальянская копия Греты Гарбо. Поздравляю вас! Вы поплывете в каюте первого класса в Нью-Йорк, из Нью-Йорка поездом в Голливуд, а затем у вас будут кинопробы в студиях Эм-Джи-Эм. Естественно, что все расходы будут оплачены из фондов Эм-Джи-Эм.

ПОЦЦУОЛИ.

Ромилда. Эй! Мама! Мама, папа, я победила! Я победила — разве вы не счастливы? Я собираюсь в Голливуд. Мама, я выиграла конкурс. Что в этом плохого?

Г-н Виллани. Тебе не следовало ездить в Неаполь.

Ромилда. Но я должна была сделать это, папа, и я победила. Это было непросто. Там было так много девушек.

Молодой человек за столом. Так ты была одной из многих девушек?

Ромилда. Я была ТОЙ САМОЙ девушкой — разве ты не видишь?

Г-н Виллани. Что видишь? Что ты хочешь убраться с этими... этими иностранцами, потерять всё, что у тебя когда-либо было? Ромилда. А что у меня есть?

Г-жа Виллани. Ты не поедешь. Посмотри, что случилось с Рудольфом Валентино.

Ромилда. Ну, он умер — что из того?

Г-жа Виллани. Он не просто умер, он был убит. Зверски умерщвлен.

Ромилда. Кто с ним расправился?

Г-жа Виллани. Черная Рука. И если ты поедешь в Америку, то они будут преследовать тебя.

Ромилда. Почему Черной Руке нужно убивать меня? Я лишь бедная девушка из Италии. **Г-жа Виллани.** Друзья Греты Гарбо пожелают Черной Руке. Ты вызовешь у них чувство ревности. Спроси любого, что они сделали с Валентино!

ПОЦЦУОЛИ.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ.

Ромилда. Это мистер Данн из Америки. **Г-н Данн.** Рад с вами познакомиться.

Г-жа Виллани. Моя дочь не поедет в Голливуд.

Г-н Данн. Да, она сказала мне. Но, г-жа Виллани, этот шанс дается раз в жизни. Не лишайте ее этого. Она могла бы стать новой Гретой Гарбо. Мы думаем, что у нее настоящий талант, и у нее, конечно, привлекательная внешность.

Г-жа Виллани. Внешность, внешность... Жизнь — это не внешность.

Г-н Данн. Я знаю, что вы волнуетесь за нее, но я гарантирую вам — она будет защищена. Мы организуем сопровождающих — горничную, парикмахера, всё что надо.

Г-жа Виллани. Горничная, парикмахер — это еще не всё. Возвращайтесь туда, откуда пришли. Оставьте мою дочь в покое.

Г-н Данн. Почему вы не хотите, чтобы ваша дочь поехала в Америку, г-жа Виллани?

Г-жа Виллани. У нее нет шубы.

Г-н Данн. Мы купим ей шубу.

Г-жа Виллани. Семья Виллани не принимает милостыни.

Г-н Данн. Г-жа Виллани, вы разрушаете жизнь вашей дочери.

Г-жа Виллани. Ромилда не собирается ехать в Голливуд.

Г-н Данн. Вы достаточно взрослая, чтобы принять свое решение. Поедьте со мной.

Ромилда. Я не могу.

Дора. Ты на что-то решилась. На что?

София Лорен в роли своей матери, победительницы конкурса двойников Греты Гарбо

Ромилда. Ты можешь хранить тайну?

Дора. Разве я всегда так не делаю?

Ромилда. Я еду в Рим. Я собираюсь быть актрисой.

Дора. Ой, нет, Ромилда, не надо. Мама и папа никогда...

Ромилда. Они не будут возражать, если я поеду в Рим. Они привыкнут к этому.

Дора. Они никогда к этому не привыкнут.

Ромилда. Им придется сделать это. Я была рождена для лучшего, чем Поццуоли. Поедем со мной, Дора.

Дора. Ой, нет, я не могу.

Ромилда. Там есть большая киностудия. Мы можем получить там работу статисток. Я все прочла об этом в журналах.

Дора. Что же будет с твоей работой?

Ромилда. Я сыграла свою последнюю ноту на этом расстроенном пианино в этом захудалом кафе. Я собираюсь стать киноактрисой.

Дора. Ромилда, этого не случается с такими девушками, как мы.

Ромилда. Ну, может быть...

РИМ.

Риккардо. Меня зовут Риккардо — Риккардо Шиколоне.

Ромилда. Я — Ромилда Виллани.

Риккардо. Ромилда Виллани? Замечательное имя. Вы живете в Риме?

Ромилда. Я здесь всего неделю. Я родом из Поццуоли.

Риккардо. Что привело вас в Рим?

Ромилда. Я хочу участвовать в фильмах. Я выиграла конкурс на внешность, как у Греты Гарбо.

Риккардо. А... вот на кого вы точно похожи. Как вы думаете, что нам надо для пикника?

Ромилда. Для пикника?

Риккардо. Я хочу взять вас в парк на пикник. Вы меня не знаете, но, возможно, я могу сделать для вас значительно больше, чем пригласить вас на пикник. У меня есть несколько друзей в киноиндустрии. Вы самая красивая девушка, которую я видел за последнее время.

РИМ. КИНОСТУДИЯ.

Ромилда. Г-н Микетти, г-н Микетти... Меня послал Риккардо Шиколоне. Я актриса. Он сказал, что, может быть, вы сможете помочь мне.

Микетти. Боюсь, что я не тот, кто вам нужен. Сценарий еще не готов, чтобы предлагать его актерам. Извините.

РИМ. ДОМ РИККАРДО.

Мать Риккардо. Кто вы?

Ромилда. Я Ромилда Виллани, подруга Риккардо. Можно мне войти? Мне нужно с ним поговорить. Он меня действительно знает.

Мать Риккардо. Риккардо, Риккардо! К тебе гостья.

Риккардо. Ай, какой сюрприз. Мама, это Ромилда Виллани. Ромилда, это моя мама.

Ромилда. Почему ты не позвонил мне?

Риккардо. Подвернулось кое-какое дело, поэтому я не мог.

Ромилда. Надеюсь, ты не расстроен тем, что я пришла сюда.

Риккардо. Нет-нет.

Ромилда. Есть нечто очень важное, что я должна сказать тебе.

Риккардо. Конечно. Пойдем в сад. Итак, что ты хочешь сказать мне?

Ромилда. Я жду... нашего ребенка.

Риккардо. Тебе всего лишь надо избавиться от него.

Ромилда. Избавиться от ребенка? Риккардо, ты говорил, что любишь меня.

Риккардо. Ромилда, я люблю тебя больше, чем что-либо на свете. Но ты, ты, нет... но

не какого-то кричащего отпрыска.

Ромилда. Ты бессердечный, Риккардо.

Риккардо. Не говори мне, что я бессердечен. Будь я бессердечным, я бы не попал в эту передрагу. Откуда я знаю, что это мой ребенок?

Ромилда. Я никогда ни с кем не была, кроме тебя... никогда! Понимаешь? А?

Риккардо. Я не знаю, чего ты добиваешься! Я сказал, что не женюсь на тебе, если ты говоришь со мной о ребенке. Я не хочу детей, Ромилда. Здесь достаточно кричащих детей на улицах. Я ясно сказал? Что еще делать? Кричать об этом с крыши? Ну?

Ромилда. Ты не должен кричать на меня.

Риккардо. Знаешь, что я тебе скажу. Если у тебя будет ребенок, то у тебя не будет меня.

Ромилда. Я собираюсь родить нашего ребенка.

Риккардо. Тогда я умываю руки.

РИМ. В БОЛЬНИЦЕ.

Акушерка. Вы еще не выбрали для нее имя?
Ромилда. София. Чудесное имя. Как вы думаете?

Акушерка. Отец ребенка известен?

Ромилда. Известен.

Акушерка. Он признает отцовство?

Ромилда. Сомневаюсь, что когда-либо признает.

Акушерка. Незаконнорожденная. Наш приют сможет найти хорошую семью, где ее воспитают должным образом.

Ромилда. Я позабочусь о Софии.

РИМ. КВАРТИРА РОМИЛДЫ.

Ромилда. Риккардо! Я знала, что ты придешь. Подойди и посмотри на малышку Софию. Не поверишь, какая она красивая. Посмотри на нее. У нее твои глаза.

Риккардо. И мое имя. Я оформил всё у нотариуса. Она — София Шиколоне. Это официально.

Ромилда. София Шиколоне. О, Риккардо! Риккардо. Видишь, не такой уж я подлец.

Ромилда. Просто продолжай убеждать меня в этом. Теперь у тебя, София, есть мама и папа, как у других детей. И у тебя будет дом с большим двором и много игрушек, не так ли? Вот, посмотри, какой сильный у тебя папа. Вот так. Давай дальше. Она не вывется. Что случилось?

Риккардо. Ничего. Я просто подумал, что обязан оформить этот клочок бумаги для тебя и ребенка. Это всё. И это не означает, что мы женаты. Я никогда не смогу быть семейным человеком, ты это знаешь.

Ромилда. Убирайся.

В роли Риккардо Шиколоне, отца Софии Лорен — Армандо Ассанти

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СПУСТЯ. ПОЦЦУОЛИ. КАФЕ.

Женщина за столом. Иди сюда, София.

Мужчина за столом. Ты растешь, София.

Ромилда. Хорошо, София. Мы положим немного денег на эту тарелку. Видишь, это действует. Ты увидишь, нам будут давать деньги. А теперь я сыграю что-нибудь, что ты любишь.

Владелец кафе. Эй, что, черт побери, ты играешь?

Ромилда. Лирическое. Хорошо для разнообразия.

Хозяин кафе. Но плохо для бизнеса. Когда они слушают, то не пьют. Давай что-нибудь поживей, Грета Гарбо.

РИМ.

Ромилда. Привет. Я, должно быть, ненормальная. Ускользаю в Рим всякий раз, как подвернется автобусный билет. Почему я это делаю?

Риккардо. Потому, что я неотразим.

Кадр из фильма

Ромилда. Ты — крыса!

Риккардо. Подожди, пока не увидишь квартиру, которая у меня есть для нас. Она рядом с Пьяццо Навона.

РИМ. В КВАРТИРЕ.

Риккардо. Тебе не нравится мой омлет?

Ромилда. Вкусно.

Риккардо. Что еще ты любишь?

Ромилда. Хорошо, если бы ты приехал в Поццуоли и посмотрел на Софию. Она замечательная малышка. Она не нарушит ход твоей жизни.

Риккардо. Ну да! Отнимает все твое время, всегда мешается, орет.

Ромилда. Ей нужен настоящий отец.

Риккардо. У нее есть настоящий отец. О чем тебе беспокоиться?

ПОЦЦУОЛИ.

КВАРТИРА СЕМЬИ ВИЛЛАНИ.

София. Почему я должна наряжаться?

Ромилда. Потому что через некоторое время ты встретишься со своим отцом.

София. Я вижу папу каждый день.

Ромилда. Но, София, это не отец. Это твой дедушка.

Дора. София, иди покажи свои бантики бабушке. Ромилда, тебе не следовало бы разрешать ему приезжать.

Ромилда. О, я знаю, что делаю.

Дора. А мама что скажет?

Ромилда. Она может находиться в кухне.

Дора. Ромилда, это он?

Ромилда. Это он.

Дора. Мама! Он привлекательный мужчина.

Г-жа Виллани. Сатана всегда носит лучшие одежды.

Ромилда. София, София! Где она? (Стучится в дверь.) Открой дверь, София!

Дора. Добрый день! Вы — Риккардо?

Риккардо. Да.

Дора. Входите.

Риккардо. Ромилда прислала телеграмму. Она написала, что маленькая София тяжело больна.

Дора. О, ей много лучше сейчас. Она уже встала и ходит. Входите.

Ромилда. София, давай живей!

Риккардо. А Ромилда здесь?

Дора. Она сейчас подойдет. Ромилда! Ромилда!

Ромилда. Привет, Риккардо! София, родная, вот твой отец, твой настоящий отец.

Риккардо. Здравствуй, я привез тебе подарок.

София. Мне он не нужен.

Ромилда. Возьми его.

ПОЦЦУОЛИ. ВОКЗАЛ.

Риккардо. Я ни за что не найду места в поезде. Когда я ехал из Рима, было еще хуже. Весь мир разваливается. Итак, началась война...

Ромилда. Риккардо, не думай плохо о Софии. Ты же знаешь, какими бывают дети... Они всегда застенчивы в присутствии незнакомых людей.

Риккардо. Знаю. Сделай одолжение, ладно? Не отправляй больше фальшивых телеграмм о больных детях, хорошо?

Ромилда. Я не могла приехать, чтобы увидеться с тобой в Риме, но мне нужно кое-что сказать тебе.

Риккардо. Что такое?

Ромилда. Я снова беременна.

Риккардо. Ты никогда ничему не научишься!

Ромилда. Но мы оба допустили это.

Риккардо. Слушай, если ты пытаешься поймать меня в ловушку женитьбы, то не вый-

дет. Избавься от беременности.
Ромилда. Нет.
Риккардо. Тогда это твоя проблема.

ПОЦЦУОЛИ. ШКОЛА.

Монахиня. Доброе утро!
Дети. Доброе утро, сестра!
Монахиня. Начнем первый день нашей новой четверти. Анна Горджи.
Анна. Здесь.
Монахиня. Роза Динони.
Роза. Здесь.
Монахиня. София Шиколоне.
Первый ребенок. Это не ее имя.
Второй ребенок. У нее нет имени.
Третий ребенок. У нее и отца нет.
Монахиня. Дети!
София. Меня зовут София Шиколоне.

ПОЦЦУОЛИ. КВАРТИРА СЕМЬИ ВИЛЛАНИ.

Ромилда. В чем дело, София?
София. Они снова смеются надо мной.
Ромилда. Я им покажу!
Дети. София, София, София...
Ромилда. Маленькие чудовища! Ты видишь — они трусливые, тебе надо лишь справиться с ними. Придется бороться, если хочешь, чтобы они перестали. У тебя есть отец, и ты можешь гордиться его именем. Ты такая худая. Ешь мало и выглядишь, как зубочистка. Мы исправим это, вот увидишь. Характер управляет телом, а у тебя очень твердый характер.

ПОЦЦУОЛИ. ВОКЗАЛ.

Диктор. Повторяем: по приказу Правительства, все граждане Поццуоли обязаны эвакуироваться из города в течение 24 часов. Союзные войска вторгаются в область. Все жители должны уехать.
Дора. Ромилда! Сюда!
Г-н Виллани. София!

НЕАПОЛЬ.

Луиза Виллани. Кузина Франческа?
Франческа. Кто вы?
Луиза. Луиза... Луиза Виллани из Поццуоли.
Франческа. Вы все Виллани?
Луиза. Нас заставили выехать.
Франческа. В Неаполе много хуже, чем в Поццуоли. Входите. Придется вам найти место. Спать будете на полу. Это все, что я вам могу предложить. У нас полно людей...

УЛИЦЫ НЕАПОЛЯ.

Ромилда. Послушайте, не могли бы вы одол-

В роли матери Софи, Ромилды Виллани,—
София Лорен

жить мне немного хлеба? У меня двое дочерей. Клянусь, что это не для меня.
Женщина. У меня свои дети, их надо кормить.
Ромилда. Я заплачу вам. Возьмите мой свитер, он теплый.
Женщина. Держите свой свитер и оставьте меня в покое.
Ромилда. Вы говорите, у вас есть дети. Если бы они были голодны, разве вы бы не страдали так же, а? Хотите, чтобы я умоляла вас? Хорошо, я буду вас умолять.
Женщина. Не надо.
Ромилда. Благодарю вас Бог.
Американский солдат-негр. Иди сюда, ребенок, нарасти немного мяса на своих косточках. Бери, это от дядюшки Сэма.
Ромилда. Подойди и возьми, София. Возьми это.
София. Спасибо.

КАФЕ «БЕЛЛА НАПОЛИ».

Ромилда. Риккардо?
Риккардо. Давай выйдем.
Ромилда. Как ты сюда попал?
Риккардо. А что ты здесь делаешь?

Кадр из фильма

Ромилда. Здесь нет работы для мужчины. Кто-то должен зарабатывать на жизнь.

Риккардо. Я вижу, ты зарабатываешь особым способом?

Ромилда. Что ты имеешь в виду? Я играю, пою и танцую. И всё.

Риккардо. Я не хочу, чтобы моя дочь бывала здесь.

Ромилда. Значит, теперь она твоя дочь! Как только тебе не надо заботиться о ней, добывать еду... Твоя дочь! Ах ты, проклятый!..

Риккардо. Извини. Я всегда все делаю неверно. Я знаю, что не должен иметь никаких претензий.

Ромилда. Никаких. Зачем ты вернулся сюда?

Риккардо. Потому что я хотел увидеть тебя. Я должен кое-что сказать тебе.

Ромилда. Давай.

Риккардо. Ты и София не единственные, кто пострадали от этой войны. Ты знаешь, что я ушел в подполье — на Север. Там была женщина, которая спасла мне жизнь.

Ромилда. И что же?

Риккардо. Я женился на ней.

Ромилда. Не беспокойся. Я не поставлю тебя в неловкое положение.

Риккардо. Дело не в этом. Я просто... хотел быть честным по отношению к тебе.

Ромилда. Ты был честным, Риккардо. Прощай.

ГОДЫ СПУСТЯ. КВАРТИРА ВИЛЛАНИ В ПОЦЦУОЛИ.

София. Я иду в кино. До свидания.

Ромилда. Только не одна. Уже ночь, София.

София. Почему бы нет? Я взрослая.

Г-н Виллани. Очень хорошенкая взрослая.

София. Дедушка, пожалуйста, скажи маме, что это нормально.

Ромилда. Замолчи. Не повышай голос на нас.
София. Тетя Дора, ты ведь пойдешь со мной в кино?

Дора. Ой, нет, только не на «Кровь и песок». Я видела это четыре раза.

София. Значит посмотришь его в пятый раз. Я выстираю белье за тебя на неделю.

ПОЦЦУОЛИ. РЫНОК.

Г-н Динадо. София!

София. Здравствуйте, господин Динадо.

Г-н Динадо. Слышал, что вы любительница кино. Говорят, фильм очень хороший. Я думал, что, может быть, днем в субботу, если вы не...

Ромилда. София! Кто это был?

София. Наш школьный учитель гимнастики.

Дора. Приятно выглядит и аккуратный.

София. Он, правда, хороший преподаватель,

и он хотел спросить у вас, могу ли я пойти с ним в кино в субботу днем?

Ромилда. Заканчивай покупки, Дора, мы уходим. Он когда-нибудь дотрагивался до тебя в классе?

София. Никогда, мама, честное слово.

Ромилда. Мужчины разрушают жизни, София. София, мужчинам нужно только одно. Они делают все возможное, чтобы добиться этого, а затем исчезают. Но у нас с тобой... есть планы, не так ли? Тебе надо кое-что сделать в жизни, а не растратить ее на мужчину.

София. Мне хотелось бы стать хорошей учительницей. Это все, чего я действительно хочу, мама.

Ромилда. Нет! Я пожертвовала для тебя всем! Не для того, чтобы ты превратилась в школьную учительницу. До сих пор все шло так, как я планировала. Маленькая худышка превратилась в красивую молодую женщину, и на этот раз эта красивая молодая женщина не застрянет в Поццуоли, поняла?

ПОЦЦУОЛИ. КВАРТИРА ВИЛЛАНИ.

Ромилда. Слушай, будут выбраны 5 принцесс. Девушка, избранная Королевой моря, получит главный приз. Это, может быть, как раз то, что мы ищем для Софии.

Луиза. Выставлять себя перед незнакомцами! Ты найдешь для Софии что-нибудь получше.

Ромилда. Так же ты поступила со мной. Ты испортила мою жизнь!

Луиза. Я старалась оградить тебя.

Ромилда. От того, чтобы что-нибудь иметь. Чтобы сделать карьеру. Да, это сработало. Мама, если ты попробуешь остановить меня на этот раз, я никогда не прощу тебе этого.

ПОЦЦУОЛИ. КВАРТИРА ВИЛЛАНИ. БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ.

София. Не могли бы мы просто забыть об этом? Я не хочу идти.

Ромилда. Почему?

София. Посмотри на это платье: оно слишком короткое.

Ромилда. Я не буду его удлинять.

Луиза. Ужасно! Сделай новую выкройку. На это уйдет большая часть ночи, но к завтрашнему дню мы будем готовы.

София. Но мне страшно... все эти люди!

Ромилда. Как только ты войдешь туда, твоя робость исчезнет.

София. Тебе легко говорить. У меня нет белых туфель, а с этим платьем я не могу на-

София Лорен

деть черные.

Ромилда. Тогда мы покрасим их в белый цвет.

София. Покрасим?

Ромилда. Никто и не заметит.

НЕАПОЛЬ. КОНКУРС.

Ромилда. Будь осторожна. Ты помнешь платье. Оглядысь. Не такой уж большой конкурс. Может быть, только вот эта будет опасной. У нее красивые глаза.

Директор конкурса. София Шиколоне!

Ромилда. Просто представь себе, что ты королева. Ты выиграешь потому, что ты красива. Давай!

Директор конкурса. А сейчас я хочу, чтобы вы прошли по сцене перед жюри. Идите налево, реверанс в сторону жюри, а затем вернетесь, хорошо? Музыка!

Ромилда. Ты им понравилась. Ты была замечательна. Королева моря!

София. Да перестань, мама. Ты же видела мой реверанс.

Ромилда. Замечательный реверанс. Ты победила.

София. Почему они так тянут? Это действует на нервы.

Ромилда. Они должны сделать вид, что решить трудно. Это только справедливо по отношению к другим.

София. Я не выиграю, мама, я знаю это. **Ромилда.** Ш-ш-ш, я сосредоточилась.

Директор конкурса. Дамы, прошу внимания! **Жюри** вынесло свое решение. Как вам известно, выбраны 4 принцессы, Почетная принцесса и, конечно, Королева моря. Теперь, по мере объявления, принцессы могут занять свои места на сцене. Принцесса № 4 — мисс Верена Мотци... Принцесса № 3 — мисс Анна Марино... Принцесса № 2 — мисс Мария Виленти... Принцесса № 1 — мисс Луиза Селзо... Почетная принцесса — очаровательная София Шиколоне! **Ромилда.** О! Почетная принцесса. И какая красивая. Это моя дочь!

Директор конкурса. А теперь я счастлив назвать имя победительницы. Королева моря — самая красивая Лола Фури!

Ромилда. Должно быть, это дорого обошлось ее матери...

Директор конкурса. Попрошу остальных участниц и их матерей выйти, перед тем как я сделаю окончательное объявление. В дополнение к своему титулу Королева моря получит первую премию в размере 50 тысяч лир и кинопробы на киностудии Чинечитта. Что касается Софии Шиколоне, то наша Почетная принцесса получит 10 тысяч лир, два билета на поезд до Рима, 12 рулонов обоев от щедрой компании Колетти и 6 бесплатных уроков театрального искусства в Неапольской драматической академии. А теперь весь Неаполь хочет увидеть наших победительниц. Пусть начнется триумфальный парад на улицах нашего любимого города.

НЕАПОЛЬ.

ШКОЛА

ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА.

Преподаватель. Коровы бывают коричневые и белые...

Студенты. Коровы бывают коричневые и белые...

Преподаватель. Я думаю, что наконец-то у нас это получилось. Садитесь. Когда-нибудь вы будете рады, что потратили три дня на технику дыхания. Это ключ к тому, чтобы быть услышанным, то есть — к успеху. Теперь вы готовы к тому, чтобы передавать эмоции, а это основная задача актера. Как сказал Шекспир: «Глаза — это зеркало души». Я научу вас выражать эмоции с помощью моей собственной техники под названием «Вылепить актера из камня». Возьмите список эмоций. Начнем с чувства ужаса. Глаза и рот открыты. Шире. Расслабь-

тесь. Давайте попробуем изобразить удивление. Рот полуоткрыт, рука приложена к краю рта. Внимание. Хорошо, мисс Шиколоне, очень многообещающе. Студенты, посмотрите на мисс Шиколоне. Это удивление. Теперь сомнение. Глаза скошены вправо. Внимание. Нет, нет, нет, синьор Опиди, не скашивайте глаза налево — это подозрение. Хорошо, а теперь радость...

София. Мама, сегодня мы начали играть. **Ромилда.** Что это такое, София?

София. Испуг. А это сомнение. Хорошо, а? Это много проще, чем я думала. Преподаватель заставил меня изображать это перед всей группой.

Ромилда. Это замечательно, но сегодня еще более счастливый день, чем ты думаешь. Американцы собираются снимать в Риме огромный фильм. И мы сможем работать в нем статистками. У нас ведь есть билеты на поезд в Рим.

РИМ. СТУДИЯ ЧИНЕЧИТТА.

Второй режиссер. Вы все встаньте полукругом передо мной. В картине «Куда идешь?» требуются люди на заднем плане. Когда я назову ваши имена, сделайте шаг вперед, и я определю вас либо в гарем, либо в толпу. Монцони — гаремная рабыня. Адбаници — в толпе на заднем плане. Шиколоне. Кто из вас Шиколоне?

Ромилда. Она. А я ее мать.

Второй режиссер. А кто из вас работает?

Ромилда. Мы обе.

Второй режиссер. Ясно. Ладно. Вы — гаремная рабыня, а вы в толпе на заднем плане. **София.** А вы не можете поставить нас вместе?

Второй режиссер. Слушайте, дамы, вам нужна работа или нет?

ГРИМЕРНАЯ.

София. Я буду готова через минуту.

Ромилда. Да не торопись ты. Еще один чек, и нет больше «Куда идешь?», и нет больше денег.

София. Все этим обеспокоены. Какая-то девушка дала мне вот этот адрес.

Ромилда. Фуметти... Комиксы...

София. Что из того? Девушка сказала, что им нужны новые лица.

Ромилда. Я не хочу, чтобы ты позировала для фотокартинок. Мы здесь для того, чтобы ты начала сниматься в фильмах, а это американская картина.

София. Нам надо что-нибудь есть.

РИМ. ОФИС ФУМЕТТИ.

Директор Фуметти. Запомните: для комиксов существует только лицо. Дайте мне увидеть удивленное выражение. Хорошо. Теперь — испуг. Больше испуга. Хорошо. Вы получите место. Как вас зовут?

Ромилда и София. София Шиколоне.

Директор. Ни за что. Это звучит как сорт колбасы. Нам нужно что-нибудь более таинственное. Нашел: Лазарус. С таким телом, как у вас, можно мертвого поднять. Для комиксов вас будут называть София Лазарус.

НОЧНОЙ КЛУБ В РИМЕ.

Эмси. Как вы знаете, каждый четверг мы проводим наш собственный конкурс «Мисс Рим». Все присутствующие молодые дамы приглашаются участвовать, и нашим специальным призом для победительницы будет кинопроба на студии Тоскарара. А сейчас до начала конкурса будет играть оркестр, и вы можете с удовольствием потанцевать. **Директор Фуметти.** Давайте, Лазарус. Перестаньте нервничать.

Карло Понти. Извините, что вмешиваюсь. Не могу понять, почему эта молодая леди не участвует в конкурсе. Если бы я был в жюри, она бы получила мой голос.

София. Очень мило с вашей стороны, но я, правда, не интересуюсь этим.

Понти. Вас должно это интересовать. Я — Карло Понти.

Директор рекламного журнала. Синьор Понти знает толк в талантах. Почему бы тебе не попробовать?

София. Нет, это не для меня.

Понти. Это именно для вас. Сделайте усилие.

Директор рекламного журнала. Ты хоть поняла, кто это?

София. Нет.

Директор рекламного журнала. Это был продюсер, который создал Джину Лоллобриджиду и многих других. Он знаменит, а ты почти упустила свой шанс.

Эмси. Вы видели наших очаровательных дам, и через минуту жюри объявит о своем решении. Вручат призы синьор Мартино Делмонте и синьор Карло Понти. А сейчас жюри выносит свое решение: победительницей стала мисс Клара Гуарди. Дамы и господа, королева коронована. Спасибо за то, что вы пришли сегодня к нам, и позвольте выразить особую признательность нашим очаровательным конкурсанткам. А теперь давайте вернемся к нашему танцевальному вечеру. **Понти.** Мне очень жаль. Думаю, что члены жюри ошиблись.

София. Мне кажется, что я профессиональная конкурсантка.

Понти. Эта профессиональная конкурсантка

тоже заслуживает кинопробы. Свяжитесь со мной в офисе утром. Пока.

ОФИС ПОНТИ.

Понти. У вас подозрительный характер.

София. Я унаследовала его от матери.

Понти. Это качество можно простить матери, но не актрисе. Эмоции не проникают сквозь закрытые двери. Надеюсь, вы раскроете их в кинопробе. Готовы?

София. Я волнуюсь, но это пройдет.

Понти. Хорошо, начинаем. Итак, вы из Поццуоли. Ваши родители еще живут там?

София. Мама поехала туда, чтобы забрать мою сестру, а вообще-то она живет здесь со мной.

Понти. А чем занимается ваш отец?

София. Не знаю. Он живет в Риме. Он никогда не был женат на моей маме. Я незаконнорожденная.

Понти. Понятно. Только не говорите об этом таким тоном, как будто это болезнь.

ПРОСМОТРОВЫЙ ЗАЛ.

Понти. Ну, ваше мнение?

София. Такое же, как и ваше. Это было ужасно.

Понти. Я бы не расстраивался. Вы новичок в этом деле.

София. Я совершенно не расстроена. Я учусь на этом. В следующий раз буду знать, что делать.

Понти. Хорошо. Только есть одна маленькая деталь. Это... ваш нос.

София. Мой нос? А что такое с моим носом?

Понти. Всего лишь деталь. Вам надо его уменьшить — совсем немного, для камеры.

София. Мой нос — это не деталь. Нос создает лицо, определяет характер. Кроме того, это мой нос, и я не хочу, чтобы он был похож на чей-либо еще.

Понти. Bravo! Это обнаруживает сильный характер. Только я не вполне с этим согласен. И камера тоже.

София. Я должна быть сама собой. Все — до кончика моего носа.

Понти. Ну ладно, посмотрим.

София. Нет, мы не будем смотреть.

Понти. Вы явно верите в себя.

София. Если я не буду верить, кто поверит?

Понти. Витторио, как получается?

Витторио Де Сика. Будем монтировать через несколько дней. Думаю, вам понравится.

Понти. Хорошо.

Де Сика. Синьорина!..

Понти. Это Витторио Де Сика, а это София Лазарус, которая только что видела свою кинопробу на экране и обсуждала вопрос, касающийся ее носа.

Де Сика. А... какой нос он вам предлагал?

Авы Гарднер? Не слушайте его, не слушайте никого. Меня никогда не удручал ничей нос.

РИМ. УЛИЦА. ВЕЧЕР.

София. Мама хочет с тобой познакомиться.
Понти. Зачем?

София. Я тебе сказала: она подозрительна. Ее интересует твоя жена.

Понти. А тебя?

София. Сказать по правде, тоже.

Понти. Моя жена — юрист, как и я. Я из семьи миланских адвокатов. Знаешь, миланцы — холодные, расчетливые рабочие лошади с Севера. Однажды я возьму южанку из Неаполя. Мне нравится их живость, то, как они восхищаются простыми вещами, как смотрят на жизнь.

София. А твоя жена с Юга?

Понти. Нет, она тоже северянка.

София. Понятно. У тебя есть дети?

Понти. Двое. Девочка и мальчик. Тебе неприятно встречаться с женатым человеком?

София. С другим, наверное, было бы неприятно. Но не с тобой...

РИМ. РЕСТОРАН.

София. Все как в сказке, Карло. Мне кажется, что я снова девочкой просыпаюсь в Поццуоли.

Понти. Возьми меня с собой.

София. Там на самом деле нет ничего интересного.

Понти. Я бы ничего не замечал. Я бы неделями ничего не замечал, кроме тебя. Мне снова 20 лет...

София. Если это означает, что ты так же счастлив как и я, то нам обоим повезло.
Понти. Не думаю, что это удача. Если у людей есть способность к счастью, то счастье приходит. Я просто забыл, что был способен на это.

София. Обещай, что больше никогда этого не забудешь?

Понти. Это зависит от тебя, София. Тебе придется напоминать мне об этом каждый день.

София. Как мне сделать это?

Понти. Так, как ты делала это до сегодняшнего дня, — улыбкой, блеском в глазах.

София. И моим длинным носом.

Понти. Я так рад, что ты не изменила его. Он годится для твоей первой роли «со словами».

ЧИНЕЧИТТА.

Директор. Это было очень хорошо. Теперь снова прочитайте первый монолог.

София. «В море — целый мир. Такой необыкновенный! Когда я в нем, мой страх и

тревога исчезают. Море — мой родной дом...»
Директор. Вы получили роль. Придется набрать вес для сцены плавания. Вы умеете плавать, не так ли?

Ромилда. Плавать? Да она плавает, как рыба.
Директор. Хорошо. Я сейчас подготовлю контракт.

София (шепчет). Мама, ты знаешь, что я не умею плавать.

Ромилда. Подпиши контракт!

Директор. Дамы, у нас есть одна небольшая проблема.

Ромилда. Что?!

Директор. Имя. София Лазарус ассоциируется с рекламными картинками.

София. Мое настоящее имя — София Шиколоне, если это поможет.

Директор. Еще хуже. Нам нужно что-нибудь короткое, легко запоминающееся, как Торен. Я недавно закончил картину с Мартой Торен. Дайте подумать: Борен, Корен, Лорен. Лорен — вот хорошо. Вы будете Софией Лорен. Я сделаю контракт на имя Софии Лорен.
Ромилда. Неплохо, мне это нравится.

ДЕКОРАЦИЯ ФИЛЬМА — КОРАБЛЬ.

Режиссер. Тишина! Тишина! Теперь, мисс Лорен, по команде вы кричите — «Нет, нет!», подбегаете сюда и прыгаете с корабля.

София. Ой, нет, я не могу!

Режиссер. Не можете что?

София. Прыгнуть, плавать...

Режиссер. Но вы были наняты...

София. Знаю. Я прошу извинения, но я и метра не могу проплыть. Я еду домой.

Режиссер. У нас здесь все оборудование, люди. Вы не можете сбежать.

София. Если вы дадите мне несколько дней и кого-нибудь, кто мог бы обучить меня, я выучусь плавать.

Режиссер. Хорошо, чудесно, но мы должны снять этот план сейчас. Прыгайте в воду!

София. Нет! Я никогда не вынырну!

Режиссер. Вынырнете. У нас в воде находится инструктор. Он выудит вас. Беспokoиться не о чем. Просто прыгайте, когда я скамандую. Хорошо. Готовы?

София. Готова.

Режиссер. Камера! Камера! Начали, начали! Прыжок! Не держитесь за нос! Стоп! Стоп!

София. На помощь! На помощь!

Режиссер. Высушите ее и повторим.

РИМ. НА УЛИЦЕ.

София. Я прошла через одни подводные съемки. Недавно мне предложили еще два фильма с рыбами в качестве звезд-партнерш.

Понти. Фильм был для тебя хорошей школой, и ты сыграла прилично. Я рад, что так получилось.

София. Я тоже, но если это будет продолжаться, то у меня отрастут плавники.

Понти. Это была твоя первая главная роль, и она запомнится навсегда. А вот и подарок — на память.

София. Карло, это замечательно, но слишком дорого. Это для Сары Бернар!

Понти. Сара Бернар никогда не сделала бы меня таким счастливым, как ты. Ты перевернула мою жизнь, София.

КВАРТИРА СОФИИ.

София. Мама, не все мужчины такие, как Риккардо. Карло заботится обо мне.

Ромилда. Я знаю. И знаю, о чем он заботится. Только не говори мне, что это не так.

София. Ты не хочешь, чтобы я была счастлива. Ты хочешь, чтобы я была такой же, как ты, наполненной горечью и ненавистью. Но я не хочу быть такой, как ты.

Ромилда. Ты никогда не поймешь, как это было. Я пожертвовала своей жизнью ради дочери, которая считает, что безделушки и женатые мужчины важнее, чем то, к чему мы стремимся.

София. Ты ревнуешь к каждой моей удаче.
Ромилда. Человек, который обманывает свою жену, обманет и тебя.

София. Мама, довольно! Ты обращаешь прекрасные вещи в грязные и безобразные. Я сыта этим по горло.

Ромилда. София, тебе придется послушать меня. Я стараюсь спасти тебя от двух вещей, которые хорошо знаю, — от боли и грусти. Этот человек разрушит твою жизнь.

София. Нет, мама. Карло любит меня, и я люблю его.

ПРОСМОТРОВЫЙ ЗАЛ.

Де Сика. Это будут отдельные сцены, но я хочу, чтобы вы представили себе возможности этой девушки. Вы готовы?

Продюсер. Да, поехали.

Де Сика. Это из костюмированного фильма.

Продюсер. Замечательно. Может, покажете что-нибудь из XX века?

Де Сика. Есть кое-что из комедии, в которой она снялась несколько месяцев назад.

Продюсер. Хорошо. А что еще?

Де Сика. Зная, что вы цените неистовство в фильме, я отобрал вот эту сцену...

Продюсер. Вы заставили меня сидеть полчаса среди кучи мусора, а затем у вас хватает наглости спрашивать меня, что я думаю по этому поводу. Я думаю, что меня сейчас стошнит.

Де Сика. Конечно, это мусор. Я не был режиссером этого, но то, что делает эта девушка в сцене с автомобилем, — волшебство.

Продюсер. Прекрасно. Это было волшебств-

вом, согласен, но я не содержу благотворительное общество неизвестных актрис. Имя «София Лорен» не поможет мне продать даже пять билетов.

Де Сика. Вы только поставьте ее перед моей камерой, и вам не придется заботиться о билетах. Я хочу, чтобы София Лорен участвовала в фильме «Золото Неаполя».

Продюсер. А вы что скажете, Карло? Ведь это и ваши деньги?

Понти. Я никогда не спору с режиссером.
Продюсер. Я тоже не спору, до тех пор, пока он насильно не пытается привести меня к банкротству.

Де Сика. Когда он становится раздражительным, это значит, что пришло время ленча. С голоду он принимает мерзкие решения. Так что сегодня я веду вас в новый ресторан.

КИНОПАВИЛЬОН.

Де Сика. София, я хочу, чтобы ты представила себе: объектив — это глаз, который смотрит на тебя. Что бы ни происходило, ты не должна смотреть ни направо, ни налево. Даже извержение Везувия не должно заставить тебя повернуться. Этот небольшой проход превратится в фильм. Ты готова?
София. В любое время, Витторио.

УЛИЦА.

Мария. Ты никогда в жизни не жила отдельно от мамы, София. Это тебя совсем не пугает?

София. Ничего страшного. Я люблю Карло, а он любит меня. Почему мы не должны жить вместе, независимо от того, что думает мама?

Мария. Как ты думаешь, мама долго будет кипятиться из-за этого?

София. А... маме нравится быть расстроенной. Не волнуйся, у нее сильный характер. С ней все будет в порядке.

Мария. Я буду скучать без тебя, София.
София. Ну, квартира не так далеко. Мы всегда сможем увидеться. Купи цветов для мамы.

Мария. На эти деньги я могу купить целую оранжерею, но это хорошая мысль. Может быть, цветы поднимут ей настроение.

София. Пока, Мария. Я позвоню тебе утром.

ДОМ ПОНТИ.

София. Карло!

Понти. Как дела?

София. Ты рано пришел домой.

Понти. По запаху чувствую, что я пришел вовремя.

София. Как все прошло?

Понти. Пришлось провести целое утро в монтажной.

София. А что ты можешь сказать о «Гордости и страсти»? У тебя была встреча со Стэнли Крамером?

Понти. Да, но получилось не так, как я ожидал. Я хотел, чтобы он заплатил тебе 20 тысяч долларов за фильм. Он не хочет.

София. А сколько он предлагает?

Понти. Двести пятьдесят тысяч долларов!

София. Ой! Я задую тебя за то, что ты дразнишь меня.

Понти. Дай отдышаться.

София. Как тебе это удалось?

Понти. Я дал ему вести все переговоры.

София. Двести пятьдесят тысяч долларов — сколько это будет в лирах?

Понти. Около 150 миллионов лир.

София. Сто пятьдесят миллионов лир?

Понти. Ты должна быть в Испании к первой неделе мая. Угадай, кто ведущие актеры? Кэри Грант и Фрэнк Синатра!

София. Фрэнк Синатра?..

Понти. Эй, будь с ним осторожна. Говорят, он настоящий дамский угодник.

София. Но не для этой дамы.

КОСТЮМЕРНАЯ.

Переводчик. Мисс Лорен, я думаю, вы захотите познакомиться с одним из ваших ведущих партнеров: Кэри Грант — София Лорен.

Кэри Грант. Мисс Лорен! Я восхищен. Вы очаровательны.

София. Благодарю вас.

Грант. Жила-была девушка по имени София с ужасно милым носом. Каждый раз, когда она говорила «нет», было слышно ужасное сопение. Если бы она когда-либо сказала «да», мама миа!..

София. Браво.

Грант. Вам это понравилось? Я сам это сочинил. Это дает мне право пригласить вас сегодня на обед, а? Скажите: «да». Теперь это не очень трудно. Просто скажите «да». Скажите: «да, Кэри, да, Кэри». Можете сказать «си», если хотите. Я немного понимаю по-итальянски.

София. Извините...

Грант. Как долго вам удастся продержаться, мисс Лорен?

София. Все время, мистер Грант.

Грант. Все время — это долгий срок.

РИМ.

Понти. Хорошо, что ты выбралась на целую неделю.

София. Я скучала по тебе.

Понти. Я тоже скучал по тебе. Как прошел последний день съемок?

София. Сняли самые лучшие планы.

Понти. Кажется, тебя за эти дни много рекламировали.

София. Думаю, они заставили пресс-агентов работать сверхурочно. И я танцевала с твоими ведущими актерами...

Понти. Я бы не возражал, если бы это было на экране. Но не на фото в журнале.

София. Карло, цепей, способных сковать меня, не существует.

Понти. Значит ты что-то чувствуешь к нему?

София. Я знаю только то, что мои чувства к тебе не изменились.

Понти. Через пару месяцев ты поедешь в Голливуд. А что потом?

София. Карло, дай мне немного времени.

Понти. Пожалуйста. Наши чувства друг к другу не изменятся.

ИСПАНИЯ. РЕСТОРАН.

Грант. София, не хотел говорить тебе, пока сам не был уверен, но доктор подтвердил это сегодня утром. Кажется, я подхватил в Испании редкую тропическую болезнь.

София. Правда?

Грант. Да, она очень опасна. Она называется София Лоренцис.

София. Я уверена, что ты поправишься.

Грант. Все зависит от тебя. Болезнь может быть фатальной.

София. Может быть, это из-за пищи?

Грант. Невозможно. Мы обедали вместе последние восемь вечеров, и ты даже не... или да?

София. Ну...

Грант. Ты можешь мне сказать. Я никому не скажу, честное слово, клянусь. Я даже Синатре не скажу.

София. Я чувствую себя замечательно.

Грант. Вот этого я и боялся. Ну, если ты не дай мне сказать, я покажу тебе.

София. А когда мягкая музыка гитар и кастаньет прекратится, все будет унесено ветром.

Грант. Тут понадобится ураган...

ИСПАНИЯ. НА СЪЕМКАХ.

София. Вы сняли план?

Грант. Один дубль. Сейчас они собираются снять твой последний план.

София. Вот и пришел конец «Гордости и страсти».

Грант. Твоей гордости, моей страсти. Знаешь, София, я думаю, чувства проходят через три стадии: первая — притяжение, вторая — созревание, третья — любовь. Сейчас я очень близок к третьей части. А на какой стадии ты, София?

София. Я всегда была слаба в математике.

Грант. Неважно. Важно, куда ты и я пойдём

Кадр из фильма

отсюда?

София. Я не знаю, Кэри. Иногда мне хотелось бы, чтобы все это никогда не случилось. Иногда мне хочется, чтобы это никогда не кончалось. Давай посмотрим, как мы будем себя чувствовать, когда мы будем вдали от гитар и кастаньет. Карло собирается ставить для меня фильм в Северной Африке. Ты отправляешься в Голливуд. Время и расстояние — это хорошая проверка.

Грант. Я думаю, что мы это преодолеем.

РИМ. АДВОКАТСКАЯ КОНТОРА.

Адвокат. Итак, суд Ватикана официально отказывает в вашей просьбе о расторжении святого брака между Карло Понти и Джулианой Фиестро.

Понти. Я не могу поверить в это, Антонио. Моя жена согласилась. Мы оговорили все условия, направили им тома документов. Почему так?

Адвокат. Вот какие я вижу варианты: первый — взорвать Ватикан. Второй — нанять гангстера, чтобы убить вашу жену; решение, о котором вы пожалеете, потому что она хороший юрист. Третий — стать монахом. Или дайте мне немного времени подумать, чтобы

найти еще одно решение.

Понти. Думайте в пределах человеческого времени, Антонио. Ватикан имеет дело с вечностью.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС.

Журналистка. Мисс Лорен, снявшись в фильме «Гордость и страсть», вы стали международной звездой. Естественно, что в Штатах людей интересует ваша работа и частная жизнь. К примеру, какими будут ваши отношения с Кэри Грантом теперь, когда вы в Голливуде?

София. Такими же, как в любом другом месте.

Журналистка. Это означает...

София. Мне очень нравится мистер Грант. **Журналистка.** Понятно. Мисс Мария, вы приехали, чтобы сопровождать вашу сестру?

Мария. Нет, я приехала посмотреть Голливуд. Моя сестра не нуждается в сопровождении.

Журналистка. Вы были связаны с продюсером Карло Понти. Почему он не здесь?

София. Понти сейчас в Нью-Йорке работает над другой картиной.

Журналистка. Насколько я понимаю, мистер Понти хочет жениться на вас?

София. Это так.

Журналистка. А что говорит по этому поводу его жена?

София. Его жена хочет, чтобы он женился на мне.

Журналистка. Вы никогда не были замужем. Не думаете ли вы, что замужество необходимо, чтобы создать семью?

София. Любовь необходима. Моя мать никогда не была замужем.

КОМНАТА СОФИИ В ГОСТИНИЦЕ.

Мария (по телефону). Да, мама, все замечательно. Нет, никто не болеет. София? Софии сейчас здесь нет, мама. Она встречается с Кэри, ну, ты знаешь, с Кэри Грантом. Да, мама, я знаю. Да, мама, я скажу ей. Мы обе скучаем по тебе, мама. Понимаю. Да, мама. Хорошо, мама. Хорошо. Пока.

София. Итак...

Мария. У меня для вас послание, мисс Лорен. София. Только одно?

Мария. Нет. Первое: хорошо, что ты встречаешься с Кэри Грантом. Второе: плохо, что ты все-таки видишься с Карло, — та же старая история. Третье: позвони маме завтра или еще когда-нибудь. Четвертое...

София и Мария. Не протудись!

КИНОПАВИЛЬОН.

София. Войдите!

Кэри Грант. Мисс Лорен! Насколько я понимаю, какой-то фельетонист снова сегодня охотился за нами.

София. Думаю, что я увернулась от большого количества пуль.

Грант. Вот как. А что ты сказала этой журналистке?

София. Ну, что Кэри Грант очень мил, мне нравится работать с ним и что он замечательный друг.

Грант. А что еще ты ей сказала?

София. Что он самый красивый мужчина в Голливуде.

Грант. Честность — лучшая политика. Умница.

София. Что бы ты сказал ей обо мне?

Грант. Я бы сказал ей, что София Лорен вырвала мое сердце и разорвала его на части. Я бы сказал ей, что ты согреваешь меня солнечным теплом Неаполя, заморозила меня своими тигриными глазами. Затем я бы сломал ее магнитофон.

Софи. Прекрасно!

Грант. Знаешь, здесь есть замечательный ресторан на пляже в Венеции. Мы должны сходить туда вместе сегодня вечером.

София. В Венеции?

Грант. Нет, нет, в Калифорнийской Венеции.

Там нет гондол, но она неплохо смотрится в лунном свете. Давай я закажу два места? **София.** Замечательно.

Грант. Я перехвачу тебя в гостинице ровно в 7.30. Мы же не хотим пропустить лунный свет...

Ассистент режиссера. Мы готовы, мистер Грант!

Грант. Вернемся к работе. 7.30 — ровно.

ГОСТИНИЦА.

Понти. София!

София. О Карло, я не ждала тебя сегодня!

Понти. Поставь мои чемоданы в комнате.

София. Как дела в Нью-Йорке?

Понти. Замечательно. В Мехико у меня тоже все сложилось отлично.

София. В Мексике?

Понти. Я расскажу тебе об этом за обедом.

Где мы будем есть? У Перино, у Романова?

София. Но я не могу...

Понти. Ну, если у тебя есть планы, отмени их.

София. Но я не могу. Я обещала. Если бы я знала, что ты приедешь...

Понти. Кэри? Дорогая, мы так далеко зашли вместе, но и там и там у тебя не получится,

София. Ты должна будешь потерять одного из нас.

ТАМ ЖЕ. ПОЗЖЕ.

Мария. Что ты собираешься делать?

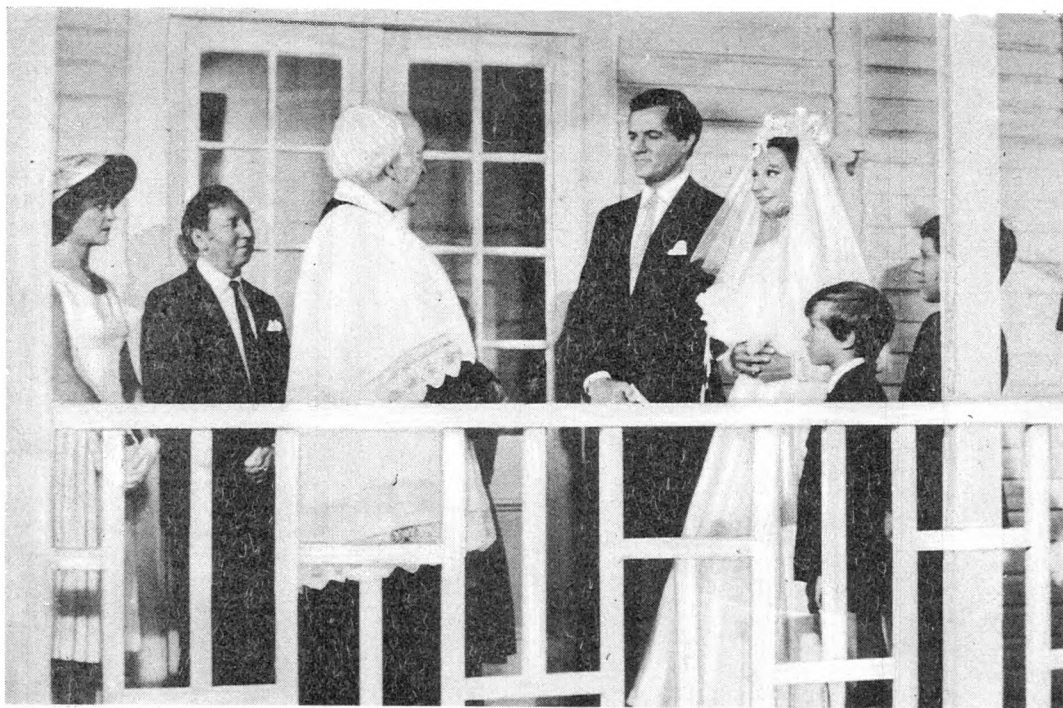
София. Хотела бы я знать. Я уверена, что другие женщины любили двух мужчин одновременно. Они могли бы понять боль и счастье, через которые я прошла. В жизни больше боли, чем счастья. Я просыпаюсь в три часа утра в поисках ответа. Я снова и снова возвращаюсь к этому в поисках правильного решения, зная, что даже правильное решение принесет одному из них боль. Все кончено.

Мария. Что ты собираешься делать?

София. Ты знаешь, как я люблю Карло. Он и я — мы из одного мира. Он защищает меня. Даже без слов он знает точно, что я чувствую. С Кэри же это нечто вроде сказки, где встречаются два разных мира, и мы друг в друге находим вещи, которых мы никогда не видели раньше. Но Карло прав: приходит время, когда надо сделать выбор.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО.

София. Карло, что ты здесь делаешь так рано? Я должна быть в павильоне в 6.30. Давай я сделаю кофе. Я немного беспокоюсь сегодня. Это очень сложная сцена, и в ней есть длинный диалог.

Сцена свадьбы. В роли жениха Рип Торн, невесты — София Лорен

Понти. Я должен поговорить с тобой. Наконец-то все завершилось. Мои адвокаты добыли мне развод в Мексике. В течение нескольких часов мы можем пожениться по доверенности в Хуарезе.

София. Что означает «по доверенности»?

Понти. Это все равно что иметь уполномоченных лиц вместо себя. Нам не надо при этом присутствовать.

София. Я не буду на своей собственной свадьбе?

Понти. Нет, но ты проведешь со мной медовый месяц. София, ты выйдешь за меня замуж?

МЕКСИКА.

Мексиканский адвокат. Вы Карло Понти? Уполномоченное лицо Понти. Да, сэр.

Адвокат. Вы София Шиколоне?

Уполномоченное лицо Софии. Да.

Адвокат. Берете ли вы, Карло Понти, эту женщину в законные жены?

Уполномоченное лицо Понти. Беру.

Адвокат. А вы, София Шиколоне, берете этого мужчину в законные мужья?

Уполномоченное лицо Софии. Беру.

Адвокат. Объявляю вас мужем и женой.

КИНОПАВИЛЬОН. ИДЕТ СЪЕМКА.

Священник в фильме. Ты, Джордж Грэнвидл, берешь ли эту женщину в жены?

Грант. Беру.

Священник. А ты, Тереза Талдоне, берешь ли этого мужчину в мужья?

София. Беру.

Священник. Объявляю вас мужем и женой. Поцелуйте невесту.

Режиссер. Подождите целоваться. Нам понадобится 15 минут, чтобы подготовить второй дубль.

София. Кэри, Кэри, я сама бы сказала тебе, но я не знала об этом до сегодняшнего утра.

Грант. Это было убийственно услышать в утреннем выпуске новостей, между спортом и погодой, о чем-то таком, что совершенно меняет твою жизнь. Я хотел пойти в студию и задушить этого парня.

София. Меня ты тоже хочешь задушить?

Грант. Нет, нет, не тебя и даже не Карло. Может быть, себя...

София. Я не позволю тебе этого. Кэри, мы с тобой из разных миров. Рано или поздно это развело бы нас.

Грант. Мы могли бы начать наш новый мир.

София. Я не знаю. Может, мы могли бы быть счастливы...

Грант. Я знал, что тебе рано или поздно надо будет сделать выбор.

София. К счастью или к несчастью, нельзя выйти замуж сразу за двоих.

Грант. Ты не можешь, а? Ты же только что это сделала!

НОВЫЙ ДОМ СОФИИ И КАРЛО.

София. Ой, он замечателен. Потрясающие декорации. Как называется фильм?

Понти. Это кое-что новое. Я сейчас над этим работаю.

София. А я в этом участвую?

Понти. Думаю, что это будет самая важная роль в твоей жизни. Я тоже в этом участвую. Этот дом, София, наш дом.

ОФИС ДЕ СИКА.

Де Сика (по телефону Анне Маньяни). Но, Анна, название картины «Две женщины». Не забудь о том, сколько тебе должно быть лет, чтобы сыграть мать Софии. Ну допустим, ты вышла замуж молодой. Ну хорошо, мы найдем кого-нибудь другого. Пока... Она не уступит. Она отказывается играть мать Софии.

Понти. Можем ли мы это изменить?

Де Сика. Вы можете сдвинуть Везувий? Ей пришла в голову мысль о другой актрисе на роль матери.

София. Так для кого эта роль?

Де Сика. Для того, кто находится прямо перед твоим носом.

Понти. Для того, у кого я однажды нашел нос слишком длинным.

София. Нет, нет!

Де Сика. Да! И это отличная мысль. Мы найдем молодую актрису на роль дочери, а ты, София, будешь великолепа в роли матери.

София. Мысль очень соблазнительна, но я не знаю, смогу ли я сыграть эту женщину. Знаю ли я, что такое быть матерью? Ее переживания?

Де Сика. Эта история страданий женщины во время войны — то же самое, что ты пережила вместе со своей матерью. Ты сможешь сыграть ее, София, я обещаю тебе.

ДОМ РИККАРДО ШИКОЛОНЕ.

София. Папа...

Риккардо. Рад, что ты пришла посидеть с таким стариком, как я.

София. Я пришла, чтобы увидеться со своим отцом.

Риккардо. Входи, входи. Хочешь кофе?

София. Это было бы чудесно. Какая замеча-

тельная тряпичная кукла.

Риккардо. Да. Я купил к Рождеству, когда ты была малышкой. Так и не отдал тебе...

Я читал в журналах и газетах, что ты очень хочешь иметь ребенка?

София. Да.

Риккардо. Если ты перестанешь его хотеть так сильно, то ты его получишь.

София. Возможно. Странно, не правда ли? У меня все есть, кроме того, что я хочу иметь больше всего на свете.

Риккардо. Жизнь выворачивает с нами странные вещи.

София. А чего ты хотел?

Риккардо. Я? О! Быть знаменитым... Это моя любимая фотография с твоим изображением. Не надпишешь ли ты ее для меня? «Папе с любовью от Софии». Спасибо. Знаешь, я позвонил тебе, чтобы сказать, что жалею обо всем. Я так горжусь тобой. Так горжусь!

ДОМ СОФИИ.

ВЕЧЕР ПРИСУЖДЕНИЯ «ОСКАРОВ».

Мария. Это продолжается уже полтора часа. Я думаю, тебе все же надо было поехать в Голливуд.

София. Нет. Выиграю ли я или проиграю, все равно упаду в обморок. Предпочитаю падать в обморок дома.

Де Сика. Ты не права, София. Если собираешься падать в обморок, то уж падай перед камерой. Одно сочувствие принесет тебе приз.

Ведущий на награждении. Выдвинуты на призы за лучшие женские роли следующие актрисы. Одри Хэпберн — «Завтрак у Тиффани», Пайнер Лорье в фильме «Энергичный человек», Джералдин Пайдж «Лето и дым», Натали Вуд «Великолепие в траве» и София Лорен в фильме «Две женщины». Пожалуйста, конверт.

София. 6.40. Вечер окончен.

Мария. Не глупи, София. Эти церемонии наполнены рекламой и речами, пройдет еще час, прежде чем объявят лучшую актрису.

Звонит телефон.

София. Я возьму трубку. Да, О, Кэри! Нет, мы не слышали. Спасибо. Спасибо за то, что ты позвонил. До свидания, Кэри. До свидания, Кэри. Я победила, я победила! Ох, Мария, я выиграла, выиграла. Витторио, смогу ли я когда-нибудь отблагодарить тебя?

Де Сика. Видишь, я говорил тебе, что ты сможешь сыграть роль матери. Теперь у меня есть сценарий, где требуется бабушка. Как насчет бабушки?

САД ДОМА ПОНТИ.

София. Карло, что ты делаешь?

Понти. Я, Карло Понти, беру Софию Шиколоне в качестве моей законной жены. Этим кольцом я снова подтверждаю наш брак. **София.** Но у меня уже есть кольцо. А это что такое?

Понти. Проблема решена, София. Мы женимся. Моя жена решила все. Она лучше, чем все они, вместе взятые. Мы все станем французскими гражданами. Она и я разведемся во Франции, а ты и я поженимся во Франции.

София. Ты имеешь в виду, что мы больше не будем итальянцами?..

КВАРТИРА РОМИЛДЫ.

Ромилда. Серебро берет верх над золотом. Седину не скрыть больше. Я сдаюсь. Я — старая женщина.

София. Ерунда, мама. Ты такая же красивая, как всегда. Не знаю, как тебе это удастся.

Ромилда. Я крашу, крашу, крашу волосы. Почему меня это еще волнует? Куда красота привела меня?

София. Она привела тебя к красивому мужчине, давшему тебе двух дочерей, которые тебя любят.

Ромилда. Не говори со мной о твоём отце, или мои волосы поседеют через час.

София. Мама, когда ты примиришься сама с собой? Мы теперь хорошо живем.

Ромилда. Он мог бы жениться на мне. По крайней мере, я бы не была сейчас одна. **София.** Ты одна, потому что ты этого хочешь. Ты никогда не была жертвой людей или обстоятельств. Но если тебе одиноко, почему ты не приедешь к нам в Марино. Там для тебя есть комната. Там всегда люди — новые лица.

Ромилда. Я тебе там не нужна, а если я бы приехала, там бы каждый день шел дождь. **София.** Ты всегда нужна мне, мама. Особенно сейчас. Я беременна. Я хочу, чтобы ты поладила с Карло. Я хочу, чтобы отец и бабушка моего ребенка были друзьями.

Ромилда. Я увижусь с Карло.

ДОМ ПОНТИ.

София. Где доктор?

Мария. Он будет здесь с минуты на минуту.

София. А Карло?

Мария. Он едет из Лондона.

София. Это будет мой третий выкидыш, и это всегда случается на третьем месяце. Я никогда не испытаю счастья рождения ребенка,

а я так этого хочу, Мария.

Доктор. Когда началось кровотечение?

Мария. Около трех часов тому назад. У нее появились боли, затем вялость.

Доктор. Вызовите скорую, и я думаю, что надо связаться с Карло. Мы отвезем вас в больницу, София. Все будет в порядке.

София. О Джулио, я теряю ребенка.

ЖЕНЕВА.

Доктор. Карло, София, нам сюда...

Понти. Семь месяцев в постели, в этой комнате! Нет ли надежды, что София все-таки сможет выходить отсюда?

Доктор. Наша цель в том, чтобы свести к минимуму риск и дать Софии возможность произвести на свет здорового ребенка.

София. Со мной все будет хорошо, Карло.

РИМ.

Сотрудник студии. Г-н Понти, ваш телефонный звонок пойдет по линии 7.

Понти. Спасибо. Спасибо.

Голос Софии. Карло!

Понти. Как моя ожидающая дама?

София. Доктор сказал, что все идет хорошо.

Понти. Мне ужасно не хотелось покидать тебя на прошлой неделе, но я приеду в четверг. София, я не знаю, как ты это переносишь!

София. Осталось всего шесть месяцев зимней спячки. Медведи делают это каждую зиму.

Понти. Ты даешь мне мужество, дорогая. Спасибо тебе за то, что ты такая.

КОМНАТА СОФИИ В ГОСТИНИЦЕ.

Мария. София, что случилось?

София. Я плохо себя чувствую.

Мария. Я позвоню доктору.

Доктор. Не о чем волноваться. Я дам вам возможность послушать, как бьется сердце ребенка, и вы поймете, что он в порядке.

София. Я не слышу!..

Доктор. Будьте терпеливы.

София. Здесь, здесь, здесь!..

БОЛЬНИЦА.

НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ.

София (показывая ребенка репортерам). Улыбайся. Еще раз...

ВАЛЕНТИН ЧЕРНЫХ

ОЧЕНЬ СЛАБАЯ ЖЕНЩИНА

Марина Алексеевна, блондинка тридцати пяти лет, хотя и придерживалась диетической системы Шелтона, все-таки была чуть полнее, чем ей хотелось бы, т. е. уже не соответствовала средневропейскому стандарту сорок шестого размера. Прошлой осенью она смирилась с этим, прикупила зимние вещи сорок восьмого размера, но сейчас начиналось лето.

Она успела сшить два сарафана, которые сейчас уже лежали в чемодане, примерила батник, когда-то великоватый, а сейчас в самую пору. Ехать решила в джинсах и в батнике, уже немодном в этом сезоне, но ехала она не одна, а Петрову она нравилась в любой одежде, а еще больше без одежды, как говорил он. Конечно, он был циничным человеком, мог так думать — говорить же об этом совсем не обязательно. Но переделывать Петрова было уже поздно.

Роальдом Семеновичем она его никогда не называла, хотя он был старше ее на четырнадцать лет. Называть любовника по имени и отчеству — что-то в этом было от отношений ученицы и учителя, хотя начиналось это именно так. Петров работал в Полиграфмашстрое и преподавал в институте, где она училась на вечернем факультете. Он стал руководителем ее дипломного проекта и, естественно, был приглашен на банкет, который устроили теперь уже дипломированные инженеры-полиграфисты.

После банкета они поехали на метро; он выпил и оставил свою машину возле ресторана. Как потом выяснилось, она о его машине беспокоилась больше, чем он сам, и вообще он мало о чем беспокоился. На все случаи жизни у него были отлиты свои матрицы типа: «Может быть все», «На место павшего станут тысячи новых бойцов», «Зачем спешить именно на этот трамвай, ведь придет же следующий». В тот вечер он не спешил, его жена — биохимик-иммунолог, уехала в Женеву на международную конференцию.

Он проводил ее до дома, оригинальным он не был, спросил, не угостит ли она его чаем. Она согласилась. Они выпили чаю, и он остался у нее. Конечно, он ей нравился, и она нравилась ему, в этом-то она научилась разбираться к своим тридцати четырем годам. Так и начался их роман, который длился уже около года. Иногда она решала, что пора эти отношения кончать, время подпирало, надо было серьезно думать о семье, рожать ребенка, но реальных кандидатов на замужество не было, и роман продолжался. Обычно они встречались раз в неделю. Конечно, этому способствовали не очень понятные для нее его отношения с женой. У каждого из них было свое дело, свой круг знакомых, и, по догадкам, ни он, ни жена не отчитывались друг перед другом, где они провели вечер, а судя по тому, как он тратил деньги, жена даже не контролировала его средства. Это ее больше всего занимало. В ее цехе все переплетчицы выдавали мужьям по два рубля на обед, сигареты и проезд. У Петрова иногда оказывались довольно большие суммы, он еще и писал статьи, и когда она спросила, как он отчитывается перед женой, он ответил:

— Никак. Да она и зарабатывает больше меня.

К тому же он и жена имели каждый свою машину, даже по нынешним временам сплошной автомобилизации две машины на семью если не распутство, то явная бессмыслица, учитывая цены на бензин, хотя и говорят, что бензин у нас самый дешевый в мире, но она-то умела считать: сто километров по Москве — не расстояние, а это четыре рубля.

— На такси все равно дороже, — отвечал Петров, — к тому же у нас с ней разные сферы. У нее клиника, медицинский институт, министерство, коллеги, у меня своя контора, тоже институт, издательства и так далее.

Она никогда не видела его жену и не хотела ее видеть. Может быть, жена была красивее ее, а уж умнее — это точно, все-таки доктор наук, медик, конечно, жена была старше ее, потому что их сын, закончив институт, работал за границей.

С Петровым проблем практически не было, кроме единственной: она не знала, как его называть. Друзья звали его Роликом, но у нее язык не поворачивался называть Роликом высокого, полного, седеющего мужчину, даже когда они оставались наедине. Вначале она называла его на «вы», потом на «ты». Она видела, что он хотя и понимает ее затруднения, может быть, даже посмеивался, но на помощь не приходил. И она решила посоветоваться со старшей подругой, начальником печатного цеха, тоже незамужней, но к своим сорока пяти уже потерявшей надежду осуществить этот проект.

— А зови ты его по фамилии, — сказала подруга. — Просто Петровым. Когда зовешь по фамилии, в этом есть нечто приказывающее. Петров, закрой дверь! Петров, подай сумочку! При фамилии избегаешь фамильярности, в фамилии есть дистанция и уважение. Петров! Он ведь что-то значит в наших кругах. Моя дочь учится по его учебникам. Конечно, при фамилии уходит некоторая интимность, но зато есть подчеркивание своей молодости. Ты Марина, а он Петров. Зови по фамилии.

И она стала его называть просто Петровым. Сейчас она, собрав чемодан, взглянула на часы. В дверь позвонили. Она открыла. Петров был в приталенной рубашке и джинсах, молодежный все-таки стиль при его выпирающем животе, который был незаметен под пиджаком. Она было огорчилась, но постаралась успокоиться, не начинать же отпуск с огорчений. Она должна быть веселой, обаятельной, предупредительной и, может быть, даже нежной, если получится.

Они впервые выезжали отдыхать вместе. Она слышала, как другие женатые мужчины и замужние женщины вместе ездят отдыхать, но не очень в это, честно говоря, верила, ее отец и мать всегда отдыхали вместе. Она предложила Петрову поехать вместе, и он, посчитав, сказал:

— С 20 июня.

— А почему с 20 июня? — спросила она.

— Потому что с 20 июня жена у меня уезжает в Бразилию дней на двадцать.

Ее, конечно, покорила эта циничная откровенность. Мог бы и не говорить про жену.

Петров оставил машину на стоянке в аэропорту.

Она бы, конечно, никогда не оставила. Если найдется умный вор, то он придет на стоянку, отметит машины наиболее запыленные, потом дня два понаблюдает и возьмет себе наиболее приглянувшуюся. А ему может приглянуться и машина Петрова. Машина-то, конечно, Петрова, но она ею пользовалась тоже, и к тому же ей не хотелось, чтобы Петров огорчился.

— Ничего с ней не может случиться,— сказал Петров. Ее удивляло и иногда даже пугало, что он часто угадывал ее мысли.

— Зато со мной может,— ответила она, потому что, хотя ей этого не хотелось, но она всю дорогу до аэродрома думала о его жене, которая осталась в городе, но, вполне возможно, сейчас передумала, взяла такси и поехала провожать его в аэропорт. И сейчас она стоит у входа, потому что таксисты ездят быстрее, и сейчас увидит его и ее. Конечно, она пройдет мимо, но ее чемодан у него, а жена-то знает домашние чемоданы.

— Перестань,— сказал Петров.— Она никогда меня не провожала.

Наконец они прошли билетный контроль, сели в автобус, успокоилась она только в самолете и то только после того, как осмотрела пассажиров, всегда ведь могут встретиться знакомые. И когда самолет поднялся, она решила, что больше никогда не поедет отдыхать с женатым, себе дороже, ее сердце, не унимаясь, работало уже несколько часов в самом повышенном ритме, она не считала пульс, но он был, наверное, как в середине занятий аэробикой.

В Симферополе их встретил его приятель, который работал в местном издательстве.

— Володя,— представился он.

Володя погрузил вещи в свои «Жигули» и отвез их в Ялту. Комната была уже снята. Комната большая, в которой можно было разместить не меньше четырех кроватей. Ее расчеты оказались верными, хозяйка за комнату брала в сутки десять рублей. Ей было жалко денег Петрова, она знала, что учебник, который он написал, ему вернули для доработок, на поездку он наверняка деньги занимал, и можно было бы снять комнату поскромнее, может быть, даже какую-нибудь летнюю пристройку рублей за шесть.

— Успокойся,— сказал он.— Комфорт стоит денег. Хороший номер в гостинице стоит не меньше.

И она решила успокоиться. В конце концов этого отпуска она ждала целый год. Она разобрала вещи. Достала себе купальник, а ему плавки.

— На пляж,— сказала она.

— Самая жара,— предупредил он.

— Меньше будет народу,— ответила она.— На первый раз часа на два.

Они нашли место на пляже. Она расстелила махровые простыни, и они легли. Петров почти сразу же уснул. Она попыталась его будить, но он отмахнулся, она же, чтобы не обгореть сразу, через каждые пятнадцать минут меняла позицию: спина, грудь, левый бок, правый бок.

Через два часа она сложила простыни в сумку, и они пошли в ресторан. Это могло быть и поздним обедом, и ранним ужином. Именно в это время еще можно было поесть, не проводя в очереди по два часа.

После ресторана они прошли по магазинам. Она купила творогу и молока. Хотя она не знала точно, но догадывалась, что у Петрова болели то ли печень, то ли желудок, потому что он избегал жареного и никогда в ресторанах не заказывал еду с перцем и острыми соусами.

Легли они рано, и она уснула счастливой, потому что впереди еще такие бесконечные три недели. Ночью Петров встал и вышел во двор. Наверное, он уже выспался, подумала она с некоторой даже нежностью, а может быть, вообще встает рано. Она представила, как Петров будет сидеть по утрам за письменным столом и сочинять свои учебники, а когда она проснется, уже будет готов завтрак, одна подруга ей рассказывала, что муж ей готовит завтрак, а кофе подает в постель, насчет кофе она, правда, не верила, скорее всего подруга вычитала это из книг, но завтрак вполне мог и приготовить, если, конечно, припасти продукты с вечера. Вполне возможно, что Петров и женится на ней,

привыкнет за эти три недели, узнает получше, у нее много хороших качеств, иногда она мысленно составляла брачные объявления, которые теперь печатали некоторые газеты, конечно, она никогда не отправляла этих объявлений, но если бы отправила, то могла бы указать в нем — стройная блондинка, интеллигентная, заботливая, с чувством юмора, хорошо готовит. Но главное — все-таки она почти на двадцать лет моложе жены Петрова, ее подруга говорила, что пятидесятилетние мужчины понимают, что у них остается уж не так много времени и сил. Но вполне достаточно, чтобы еще создать одну, последнюю семью, построить или получить еще одну и тоже последнюю квартиру и родить одного ребенка, они, конечно, могут и больше, они, в отличие от женщин, к сожалению, могут и до семидесяти, поэтому если вот такой пожилой, как считалось раньше, а сегодня считается, что это мужчина средних лет, влюбился, то будет любить уже до конца жизни. А что еще нужно женщине? Ничего. И она уснула с этими мыслями. Проснулась она, когда было совсем светло, но утро еще не наступило, потому что на улицах еще не было слышно машин. Петрова рядом не было. Ей очень не хотелось вставать, но она все-таки встала.

Петров сидел на крыльце. Бледный, он дышал часто и прерывисто.

— Тебе плохо? — спросила она.

— Сердце, — ответил он.

— Перегрелся на солнце, — решила она и помогла ему встать. Но в комнате ему стало хуже, он попросил открыть окно. Она открыла и присела рядом, не зная, что делать дальше.

— Вызывай «скорую», — сказал он.

Она позвонила из телефона-автомата, продиктовала адрес. «Скорая» приехала быстро. Врач, женщина лет пятидесяти, грузная и сонная, вошла во двор, хозяйка поздоровалась с ней угодливо, врач кивнула ей и прошла в комнату. Так же молча врач начала считать пульс Петрова.

— А ты выйди, — приказал ей Петров. Она присела на крыльцо и вдруг как-то сразу поняла, что она ничего не знает о Петрове, и еще подумала о самом страшном — а вдруг он умрет. Кому сообщать? Как везти тело? И куда? Она даже не знала, где живет Петров.

Врач вышла, закурила.

— Что с ним? — спросила она.

— Вот что, милочка, — сказала врач. — Вызывай-ка его жену.

— А почему вы... — начала она.

— А потому, — оборвала ее врач. — Это и ежу понятно. Жены не такие. Я закажу, чтобы ему сняли кардиограмму. Но в любом случае ему лежать не меньше недели. И срочно вызывай жену. Всё. Привет.

Она вошла в комнату. Петров лежал, рассматривал разводы извести на потолке.

— Врач сказала, чтобы я вызывала жену.

— Вызывай, — согласился он.

— А как же все объяснить?

— А так и объясни.

— Может, лучше дать телеграмму за твоей подписью? — предложила она.

— Лучше позвони, — сказал Петров. — Запиши телефон.

Она записала, но звонить не стала. Первый испуг уже прошел, теперь она могла поступать разумно. Ведь он мог приехать и один, и она убедила позвонить хозяйку. Они вместе пошли на телефонный узел, она объяснила хозяйке, что надо сказать, достаточно серьезно, но без паники и испуга. Дозвонились довольно быстро. Хозяйка сказала о болезни Петрова, продиктовала адрес. Она на всякий случай наменяла монет побольше, но ведь разговор уместился в две минуты.

— Что? — спросила она.

— Сегодня вечером вылетит.

День получился напряженным. Вначале приехала медсестра и записала кардиограмму, потом приехал врач. Они вместе с Петровым обсудили кардиограмму. Врач был одного возраста с Петровым, и оба, надев очки, рассматривали кардиограмму, обсуждая какие-то ку и систолы, и она поняла, что, по-видимому, Петров болен давно, если обсуждал с врачом на равных зубчатые линии, понятные только врачам.

Потом хозяйка помогла ей найти комнату на этой же улице. Она рассчитала почти по минутам, когда самолет прилетает в Симферополь и сколько времени понадобится добраться до Ялты на такси, жена, конечно, не будет экономить.

Она ушла за сорок минут до предполагаемого приезда жены, заняла скамейку невдалеке. Такси подъехало через сорок пять минут. Она с гордостью подумала о себе, что высчитала почти точно, и пошла на свою новую квартиру, за которую она хотела заплатить из своих денег, но Петров ей дал сто рублей.

Утром она пошла на пляж. Но загорать спокойно не могла. Часа через два она вернулась, села на скамейку невдалеке от их бывшего с Петровым дома и стала ждать. Она еще не знала, как будет узнавать о состоянии Петрова, но не сомневалась, что узнает, выйдет или хозяйка, или кто-нибудь из постояльцев, их у хозяйки, кроме нее и Петрова, жило еще трое. Но вышла жена Петрова. Это была невысокая женщина в очках, издали очень спортивная. Жена Петрова посмотрела в ее сторону. Она отвернулась и вдруг даже не услышала, а почувствовала, что жена Петрова идет к скамейке.

— Здравствуй,— сказала жена.

— Здравствуйте,— ответила она.

— Меня зовут Лидия Петровна,— представилась жена.

— Меня Марина,— ответила она. Неужели же не представляться, если представляются тебе.

— Я так и думала,— сказала жена,— или Марина, или Мила, он всегда телефоны своих девушек записывал в конце блокнота и ставил первую букву имени. Большой конспиратор,— жена усмехнулась.— Судя по телефону, вы живете где-то в районе Беяева.

— Я живу на Преображенке,— ответила она, понимая, что она уступает напору этой маленькой женщины и что соврала она неуверенно.— Простите, вы меня приняли за какую-то...

— Перестань,— сказала жена.— На скамейке ты сидишь почти час. На таком солнышке. Я бы, наверное, тоже сидела так же, понятно, что беспокоишься. К тому же ему всегда нравились женщины такие карманные, как я, или Брунгильды вроде тебя.

Она не знала, кто такие Брунгильды, поэтому промолчала.

— Я про него все знаю,— вздохнула жена.— Как, впрочем, и он про меня. Ну, чего ты сидишь, пойдем прогуляемся,— сказала жена.— Пошли, пошли.

И она встала и пошла, как будто ей приказала учительница.

— Насколько я понимаю, у тебя роман с Петровым около года,— продолжала жена.— За это время ты могла бы кое-что понять про него. И запомни, пожалуйста, на будущее, если заводишь пожилого любовника, то для собственного спокойствия надо знать хотя бы кое-что о его здоровье.

— Я не знаю никакого Петрова,— сказала она.— Но если бы это было так, то как вы можете так спокойно говорить об этом?

— А почему я должна закатывать истерики? — возразила жена.— Это неинтеллигентно, да и от истерики ничего, кроме взаимного раздражения, не останется.

— Но у вас же рушится семья,— сказала она.

— С чего это ты взяла? — удивилась жена.— Ничего не рушится. Раза два он пытался уйти, но очень быстро возвращался.

— И вы его приняли обратно? — удивилась она.

— Конечно,— подтвердила жена.— Он хороший, интеллигентный человек, я к нему привыкла, я его, наверное, даже люблю, почему я его не должна была принять? Обида? Ревность? С этим можно сладить. А ты замужем? — спросила жена.

— Нет.

— Это, конечно, сложнее. А где работаешь?

— Начальником переплетного цеха в типографии.

— Значит, познакомились на работе. Послушай, а ты не была его дипломницей?

— Была,— призналась она, понимая, что окончательно выдала себя. Но у нее всегда так: будь что будет.

— Вспомнила,— сказала жена.— Он говорил, что ты туповата, но хороший организатор.

— Этого он не мог сказать,— обиделась она.

— Я никогда не вру,— сказала жена, но посчитала нужным все-таки добавить: — Почти никогда. Кстати, он считает, что и у меня куриные мозги. А я ведь доктор наук. Специалисты по иммунологии меня знают почти во всем мире. Послушай,— решила жена.— Пойдем-ка на рынок. Купим мяса, зелени. Петрова надо кормить.

Она купила на рынке помидоров, редиски, огурцов, в кулинарии взяли десяток антрекотов.

Сумка оказалась тяжелой, и они несли ее по очереди.

— А ты готовить умеешь? — спросила жена.

— Умею,— ответила она.— Некоторые считают, что даже очень неплохо.

— Прекрасно,— решила жена.— Пойдем, ты поможешь мне приготовить обед. Честно говоря, я хозяйка неважная. И пообедаем вместе.

— Нет,— сказала она.

— Почему? — удивилась жена.

— Не надо его волновать,— сказала она.

— Наоборот,— сказала жена.— Он волнуется, где ты, что с тобой, есть ли у тебя деньги. Кстати, деньги у тебя есть?

— У меня есть деньги.

— Если не хватит, я всегда одолжу. Пошли. Петрова в конце концов надо кормить.

И она пошла. Вдвоем они быстро приготовили салат, она отварила антрекоты и потом слегка прожарила на сковородке.

— У нас гостя,— объявила жена, внося еду. Петров увидел ее, приподнялся на подушке.— Не переживай,— успокоила его жена.— Мы с ней знакомы уже давно.

Стол придвинули к кровати.

— Может быть, по рюмке коньяку для расширения сосудов? — предложил Петров. Ей показалось, что он даже обрадовался, что все так легко разрешилось.

— Свои сосуды ты расширишь нитратами,— решила за него жена.— А мы с Мариной выпьем бутылочку сухого.

Они с женой выпили вина, потом вышли на крыльцо, жена закурила, и она попросила сигаретку. Так они и сидели. Ей казалось, что она жену Петрова знает давным-давно. Еще она подумала, что жена Петрова, наверное, хорошая подруга, но они уже никогда не подружатся из-за Петрова.

— А ты почему не замужем? — спросила жена.

— Не берут,— ответила она, как обычно, когда ее спрашивали о замужестве.

— Глупости,— отрезала жена.— Берем мы, а не нас. Для каждой женщины есть свой мужчина. Так уж устроено в природе. Правда,— добавила жена Петрова,— некоторая несправедливость существует. Вот ты, например, наверное, нравишься многим мужчинам и справедливо забираешь у кого-то им положенное.

— А все равно не замужем,— вздохнула она.

— Значит, виновата сама. В чем-то допускаешь промашку. Надо проанализировать и сделать выводы.

— А чего анализировать. Не получается — махну рукой. Ну и ладно. Вот и сегодня. Когда вы подошли ко мне, наверное, надо было отшить вас и не признаваться. А я призналась и за вами пошла и попала в самое дурацкое положение.

— Успокойся, в таком дурацком положении сейчас находятся миллионы людей во всех странах и континентах. Это — жизнь. Ладно, вернусь из Бразилии, я тобой займусь.

— Вы все-таки полетите в Бразилию? — удивилась она.— А как же Петров?

— У него ничего опасного, отлежится, а потом ты его доведешь до Москвы, но лучше поездом, самолет ему будет, вероятно, еще с месяц противопоказан.

— Нет,— сказала она.

— Это почему же? — спросила жена Петрова.— Если по справедливости, то кто его сюда привез, тот должен и доставить обратно.

— Он не груз,— сказала она,— который доставляют туда-сюда. Он сам решит.

— Сейчас он в таком состоянии, когда любое решение, принятое за него,

примет с благодарностью. И еще. Нечего тратить деньги на вторую квартиру. Переберешься обратно...

— Нет,— сказала она.— Я завтра еду в Москву.

— Глупо,— возразила ей жена Петрова.— У тебя отпуск. Единственный, между прочим, в году. Надо отдохнуть, позагорать, поплавать. Да, да, плавать, плавать! Ты, мать, начинаешь тучнеть, килограммов пять надо сбросить обязательно.

— Ну как вы можете? — сказала она.— Вы меня должны ненавидеть, презирать.

— Почему? — удивилась жена Петрова.— Презирать я могу только. Петрова, но я не хочу его презирать. А ты мне не сделала ничего плохого. Ты же ведь меня не знала. Я для тебя была просто абстрактной женщиной. А теперь мы с тобой почти подруги, по несчастью, правда. Ничего у вас с Петровым уже не будет. Тебе же не захочется сделать мне неприятное. Да и для Петрова это уже неинтересно.

На следующий день жена Петрова уехала. Через две недели и она с Петровым вернулась в Москву. Жена Петрова встретила их на вокзале. Они поздоровались. Жена Петрова взглянула мельком, ее взгляд можно было бы и не заметить, пропустить, но она не пропустила, она могла смотреть в глаза жены, она выполнила все ее поручения, выполнила честно, готовила Петрову, возила его на процедуры в курортную поликлинику, но ничего у нее с Петровым не было. И, наверное, жена это поняла, а если и не поняла, то для нее это уже не имело никакого значения. Петровы довезли ее до дома, а на следующий день она вышла на работу. Сразу после оперативного совещания, которое проводилось каждое утро, к ней зашла подруга, начальник печатного цеха, закрыла кабинет на ключ.

— Ну как? — спросила подруга нетерпеливо.— Как все было?

— Нормально,— ответила она.— Хорошо отдохнула, как видишь.

— А как Петров? — спросила подруга.

— А я ездила одна,— ответила она.

— Ах, подлец,— сказала подруга.— Значит обманул. Но после твоего приезда хочешь позвонил?

— Нет,— ответила она.— А я перед отпуском решила с ним расстаться.

— И он так легко согласился? — спросила подруга.

— Довольно легко,— ответила она.

— Тогда и не желей,— утешила подруга.

— А я и не жалею,— ответила она.

Может быть, и вправду она не жалела. Так спокойнее. Она не считала даже, что потерпела неудачу. Просто ее поправила более старшая и более опытная. Как поправляла когда-то учительница, а сейчас это делает главный инженер типографии.

После поездки на юг жизнь ее вошла, как говорится, в привычную колею. Утром на работу, вечером домой, лето закончилось, она купила вязальную машину и начала вязать себе шерстяное платье. Как-то позвонила жена Петрова и пригласила в гости. Она не пошла, сослалась на занятость и похвалила себя за проявленную твердость. Обычно, если ее уговаривали, она уступала, она не умела отказывать, если ее просили.

Жена Петрова позвонила в начале зимы.

— Я еду в Канаду,— сообщила она с ходу.— Читать лекции в одном из университетов. Месяца на полтора. У меня к тебе просьба, присмотри за Петровым.

— В каком смысле? — не поняла она.

— В прямом,— ответила жена.— Он сейчас не в лучшем состоянии, я не хочу, чтобы он ел в столовых. Я тебя прошу приходить хотя бы раз в три дня и готовить ему диетическую еду. Какую — это ты знаешь лучше меня.

— Послушайте,— возмутилась она.— У меня нет никаких отношений с Петровым.

— Я знаю,— сказала жена Петрова.— Ему сейчас не до этих отношений, о каких ты говоришь.

— А если он почувствует себя лучше? — Она постаралась вложить в этот вопрос как можно больше язвительности.

— Будет очень хорошо, здоровье самое главное, а все остальное — проходящие глупости.

— Нет,— заявила она,— я отказываюсь.

— Послушай,— снова терпеливо начала жена Петрова.— Не искать же нам третью женщину.

— Какую третью? — не поняла она.

— Есть ты, есть я, и этого вполне достаточно,— сказала жена Петрова.

— Но я не имею к Петрову никакого отношения,— взмолилась она.

— Все мы имеем отношение друг к другу,— сказала жена Петрова.— Завтра я тебе завезу деньги и ключи.

— Завтра меня не будет, и послезавтра, я уезжаю за город.

— Тогда я все опущу в твой почтовый ящик. Звонить из Канады я не буду. Это дорого,— сказала жена Петрова и повесила трубку.

На следующий день, вынимая газету, она нашла конверт, в котором лежали деньги и ключи.

— Ну уж нет,— сказала она себе,— я не поддамся. Я уеду к матери, и Петров меня не найдет.

К матери она не поехала, а Петров ее не искал. И она забеспокоилась. А если у него опять приступ? Еда, которую сготовила жена, уже наверняка кончилась. Она позвонила Петрову, но его телефон не отвечал. Она схватила сумку, заехала на рынок, купила овощей, сметаны, творога, села в такси и назвала адрес Петровых.

Журнал «Киносценарии»

готовит к выходу в свет

ПРИЛОЖЕНИЯ:

«МЕРИЛ СТРИП» — книга о современной американской кинозвезде номер один, сыгравшей в фильмах «Женщина французского лейтенанта», «Охотник на оленей», «Дьяволица», «Влюбленные», «Из Африки», «Крамер против Крамера» и других.

«СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК» — киноман Никиты Михалкова и Рустама Ибрагимбекова из гусарской жизни. Фильм по нему еще не поставлен.

«ТАКСИСТ» — оригинальный сценарий Пола Шредера, поставленный Мартином Скорсезе и снискавший всемирную славу. Книга иллюстрирована кадрами с Робертом Де Ниро и Джоди Фостер в главных ролях. Фильм не был в отечественном кино- и видеопрокате.

Книга иронических рассказов «о кино, для кино и вместо кино» **ГРИГОРИЯ ГОРИНА**

Желающие приобрести эти книги, присылайте заявки в редакцию по адресу: 103006, Москва, Воротниковский пер., д. 12.

ВИКТОР ДЕМИН

ВОЯЖ С ДЕМОКРАТОМ

В 1973 году я был включен в делегацию молодежного кинофестиваля в болгарском городе Приморско. Делегация была большая, в нее входили уже прославленные Сергей Соловьев, Родион Нахапетов, Виктор Мережко... Он и сейчас, Виктор Иванович, бесценно ведущий «Кинопанораму», вполне вальяжен и обаятелен, а тогда был просто чарующ. В Шереметьеве, пока мы знакомились, он успел мне сказать, что не согласен с моей рецензией на «Одиножды один». Фильм по его сценарию, но он, мол, позволяет каждому думать, что ему думается.

Я почел себя прощенным за дерзость.

Время было веселое. Только что сняли Романова, председателем Госкино

стал Ермаш. С этим многие связывали надежды. Стали больше посылать за рубеж, болгары принимали — лучше не придумаешь... Короче... этот вояж я запомнил как десять дней нескончаемого внутреннего ликования.

Мережко летел в прекрасном сером костюме с парижским галстуком, в латированных штиблетах. По приезде он все это снял, облачился в латаные джинсы, тельняшку и стал искать сандалии. Но Приморско — маленький курортный городок, в единственном магазинчике не было ничего, кроме коньяка «Слычнев бряг». К тому же нога у Виктора Ивановича была (не знаю, как сейчас) сорок пятого размера. Надо было ехать в Варну, но у нас каждый день просмотры да дискуссии. Так он и гулял по песчаным тропкам и асфальтовым аллеям — босой. Так же пришел на вечерний прием к болгарскому министру культуры Писареву. Тот, впрочем, сам щеголял по-простому, чуть ли тоже не в джинсах.

Прием был довольно скромным, по-походному, на веранде коттеджа Писарева, только для нашей делегации. Министр выглядел хмурым, держался в стороне, но, как потом выяснилось, очень внимательно выслушал во все наши разговоры. После его назначения ходила шутка: «Тут не то что Писарев, тут Чернышевский ничего не поделает» — имелось в виду положение в кино. Но Писарев на некоторое время оживил болгарскую кинематографию, за что, разумеется, был вскорости снят. Я помню, как он встрепенулся, когда Мережко заговорил в виде тоста об уязвимости художника и о том, что к нему не надо относиться как к потенциальному вредителю...

Моя знакомая журналистка, которую звали Катя Васильева, но при этом она была болгарка, шепнула, кивнув на Виктора Ивановича:

— Как вы к нему относитесь?

— С большим уважением, — отвечал я.

— Мне он тоже нравится. Но почему он босой?

— Не в носках же ходить и не в модельных туфлях по песку.

— И его не стесняют условности? Просто молодец!

— Да, вот такой.

— В каком коттедже его поселили?

Приморско — спортивный городок, и нас, восьмерых мужчин, разместили в двухэтажном полубараке-полубунгало, без внутренних перегородок и без единой двери.

— Ни в каком. Он спит вместе с нами.

— Нет, правда? — У нее глаза полезли на лоб. — На том же положении, что и любой из вас?

— А что тут особенного? — Она подымала Мережко выше Сергея Соловьева, выше Родиона Нахапетова, известного на всех континентах. Я начинал глухо ревновать.

— Нет, — сказала она. — Болгарин этого никогда не поймет. Все-таки это другие традиции.

Теперь каждый вечер, когда мы встречались, она накидывалась на меня с расспросами про Мережко: что он делал, что он сказал, не купил ли сандалии? Виктор Иванович не только мастерски, по-актерски преподносил анекдоты, он еще умел пересказывать самые обычные житейские случаи с такими неожиданными, произвольными подробностями, что они звучали смешнее анекдота. Еще он гениально передавал акценты. Этого последнего умения мне не было дано, однако я, как мог, повторял его шутки и сказания...

— Удивительно! — говорила Катя Васильева. — Такой демократ... Нет, у нас это невозможно. Мы до этого не доживем.

Тут уж мне оставалось только пожать плечами.

Разгадка пришла в последний день, после общей итоговой дискуссии. Мережко сказал всего несколько слов, но сорвал бешеные аплодисменты.

— Какая голова! Какая ясность мысли! — восхищалась Катя. — Смешно: художники запутались, — а министр зовет их к задачам искусства.

Мы шли по аллее. Я остановился.

— Какой министр?

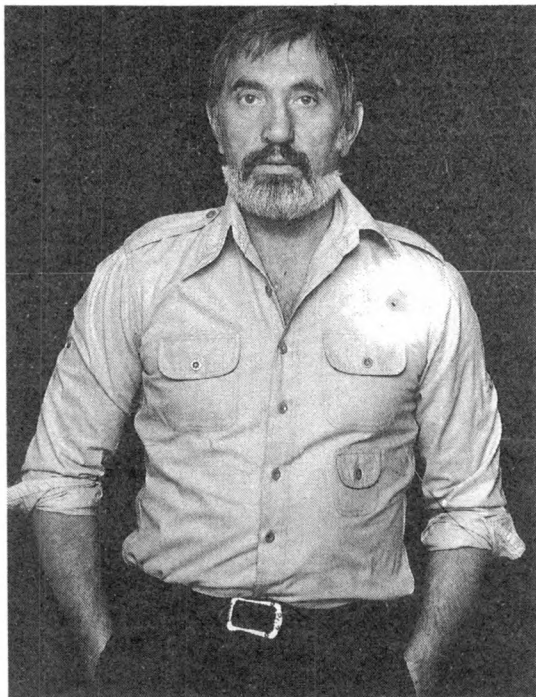
— Ваш министр — Ермашко.

— Ты хочешь сказать — Мережко?

— Ермашко, Мережко — какая разница? Ведь он министр?

Только тут, с большим опозданием, меня осенило. Она приняла Мережко

за нашего нового председателя Госкино. Она удивлялась тому, что министр разгуливает в тельняшке, босой, не в силах достать сандалии сорок пятого размера, что он ночует вместе с семьёю гавриками в общежитии и в каждом выступлении берет под защиту художников от бюрократов... Но больше всего, наверное, она удивлялась тому, что мы, советская делегация, не находим в этом ничего особенного.

Виктор Иванович «Ермашко»

В этот вечер, перед сном, у меня было чем ответить на мерещки нескончаемые истории. Мы — и я прежде всего — хохотали от всей души. Утром Виктор Иванович настиг меня у рукомойника.

— Да, история занятная,— сказал он.— И рассказываете вы интересно. Скажу откровенно: не ожидал. И все же поклянитесь, что никому больше не будете ее рассказывать. Иначе обязательно дойдет до... до Ермашко. А он — человек обидчивый. Зачем дразнить козлов?

Я пообещал и — молчал целых двадцать лет.

Даже военные секреты устаревают за это время.

РОЗОВАЯ ЧАЙКА

Э то было давно. Ко мне подошел оператор Антипенко и спросил:

— Скажите, вот вы — киновед, как в ваших кругах относятся к Марку Семёновичу Донскому?

— С большим почтением,— отвечал я.— Прижизненный классик.

— А скажите, верно, что он предтеча мирового неореализма?

Я объяснил, как на лекции, что неореализм возник в послевоенной Италии, сначала в кино, потом в литературе, отголоски этого направления давали себя

знать в искусстве Франции, Америки, даже Японии... Предтечей чего, какого именно явления, мог бы стать наш советский режиссер?

— Предтечей мирового неореализма. Марк Семенович повторяет это несколько раз на дню. Он говорит, что так его назвал Роберто Росселлини.

Марк Семенович Донской — Каздалевский

Тогда я понял, что имелось в виду.

Принято считать, что неореализм начался с картины Росселлини «Рим — открытый город». Но приметы нового взгляда на мир отыскивали и в более ранних работах, в документальных лентах военного времени. Кто-то вспомнил, каким шоком и откровением была в свое время картина Донского «Детство Горького» — ее показали на предвоенном Венецианском фестивале. Предельной своей натуральностью, интересом к нищенскому быту людей со дна жизни, без малейшего флера, без украшающих загогулин. Картина, что и говорить, достойная, по тем временам и вовсе неожиданная. Но — предтеча...

— Не слишком ли?

Еще Александр Антипенко спросил:

— А верно говорят, что он городской сумасшедший?

Я бросился на защиту классика. Я уверял, что Марк Семенович редкая

умница, с завидным культурным кругозором, богатым жизненным опытом. Он был боксером, играл в оркестре, работал в цирке акробатом, ходил по проволоке и жонглировал факелами. Он до сих пор очень сильный шахматист, с особой страстью играющий вслепую. А про «городского сумасшедшего» сказал Сергей Юткевич, но сказал в другой форме: «Марк так долго притворялся городским сумасшедшим, что в конце концов сам себе поверил».

Я не стал рассказывать Антипенко, как познакомился с Марком Семеновичем. Было это в Болшево, в Доме творчества кинематографистов, куда я, вчерашний студент, приехал в первый раз. Донской торжественно прогуливался по аллеям с высокой представительной женщиной, холодноватой и строгой на вид, а она чаще всего вела на поводке собаку, бело-черную, в крупных кудряшках. Собаки здесь не поощрялись, но супруга Донского спокойно вышагивала со своей прямо по газонам. И когда, на моих глазах, директор Дома творчества, сутулый, белобрысый и русопятый, сделал по этому поводу замечание, случилось следующее: строгая женщина даже бровью не повела, а Марк Семенович склонил голову на бочок и надрывно, с сердцем посочетовал:

— Если кому-то не нравятся наши порядки, он может спокойно убираться в Палестину.

Тогда избегали слова Израиль.

И они пошли своим путем, а директор с отвисшей челюстью стоял и глядел им вслед.

Было у меня еще одно приятное воспоминание, но тут я решил побереечь молодые уши. Шла какая-то пустая конференция по очередному важнейшему вопросу тех лет, кажется, о наставничестве и его отражении в искусстве. Я, разумеется, опоздал, и пока протискивался к свободному месту, мне шепнули:

— Здесь Шаура.

— Где она? — спросил я, плохо знающий вождей.

Оказалось, что это не она, а он, плотный, румяный мужчина в президиуме, между графином и Алексеем Баталовым, ведущим совещание.

Дали слово Марку Семеновичу. Еще не добежав до трибуны, он заорал на весь зал:

— И пусть они все убираются! Пусть! Все-все-все! Переживем! Даже будет чище!

И победно застыл, вскинув палец вверх.

Зал загудел в сладком предчувствии скандала.

— Поясните, Марк Семенович, кого вы имеете в виду, — попросил Баталов в микрофон.

— Все знают, кого я имею в виду! — выкрикнул Марк Семенович.

Всезнающий сосед шепнул мне, что Галич, соавтор Донского по сценарию «Шалапин и Горький», уехал за рубеж, в связи с чем тут же прикрыли постановку.

— Марк Семенович, — еще терпеливее начал Баталов, — мы сегодня говорим о наставничестве... Какое отношение?..

— Это ко всему имеет отношение! — истошным голосом завопил оратор. — Что они думают в глубинах своих мелких душ? Что нам без них не прожить? Я, например, чувствую себя человеком русской культуры. А ты, Сережа? Ты чувствуешь себя человеком русской культуры?

Это относилось к Сергею Юткевичу, тоже сидевшему в президиуме, в заморском галстуке, глубоко вальяжному, по-парижски.

Сергей Иосифович легко кивнул: он чувствует, чувствует себя человеком русской культуры, можете не беспокоиться на этот счет.

Мой сосед и тут имел, что сказать. Он завистливо шепнул, что по паспорту Сергей Иосифович литовец.

Дальше в президиуме сидел Райзман. Он не стал дожидаться вопроса:

— Чувствую, Маркуша, что я русской культуры. А то какой же? Только ты не волнуйся так, побереги себя.

— Есть вопросы, где быть спокойным подло. — И, отойдя от трибуны, вкрадчиво приблизился к Герасимову, уставя в его грудь пытливый перст. И мы, весь зал, увидели, как Герасимов мгновенно покраснел. То ли ему было стыдно за всю эту сцену, да еще на глазах сиятельного культурфюрера, то ли жаль

стараний по сокрытию какой-то шестидесят четвертой части непоощряемой крови... Не знаю, отчего он покраснел. Только, весь пунцовый, он буркнул:

— Ну, конечно, знаешь-ка? Кончай, Маркуша, весь этот балаган.

Но Марк Семенович, должно быть, рассчитывал лишний раз упрочить благонамеренность. Минут двадцать еще он куражился перед нами, браня каких-то «каздалевских», которые о себе думают бог знает что.

В этом я мог разобраться без помощи соседа.

Я уже знал, что «Каздалевский» в устах Донского был неким алгебраическим Иксом, которому придавалось то восторженное, то ненавистное, то уничижительное значение, в зависимости от ситуации и контекста. Так, «Каздалевским» мог оказаться автор критической статьи, в аранжировке гневной ярости, или — в знак поощрения — ребенок, мирно сидящий на горшке, «Каздалевским» был помреж, если он с сроку не выполнил задание, но и себе самому Марк Семенович говорил в минуту удачи: «А что? Молодец, Каздалевский! Вполне приличный эпизод!»

С чего это началось, решительно никто не знал.

Только драматург Иосиф Леонидович Прут, сам хохмач, каких поискать, клятвенно уверял меня, что все случилось на его собственных глазах. С открытием Дома кино, еще в прежнем здании, на Воровского, поначалу ввели жуткие строгости — у всех спрашивали членские билеты, решительно без различия степени известности. Кто-то из наивных контролеров осмелился придержать Донского, спросив нашего предтечу, кто он такой, где его документ с фамилией. «Моей фамилией? — изумился Марк Семенович. По словам Прута, его явно тянуло ответить матерно, и лишь в последний момент он нашел эвфемизм. — Каздалевский — вот моя фамилия!» На что, конечно, последовало: «Ну как же, как же, проходите, товарищ Каздалевский!»

Ничего этого я не стал рассказывать Антипенко. Как-никак он считал меня серьезным киноведом, а я вдруг вывалю на него какие-то слухи, домыслы, этакую малую кухонную историю кино...

— А вы знаете, — спросил он меня, — что Марк Семенович был в гостях у Ингмара Бергмана? И на гардине летал? И кричал: «Каздалевский!»

Я замер. Челюсть у меня отвисла.

За спиной у Александра Антипенко был триумф на все континенты — фильм «Мольба». И не впервые он приближался к личности, овеванной легендами. Проживая в Киеве, он много лет дружил с Сергеем Параджановым. Он слушал лекции Сергея Урусевского в институте. Чем же, спросим себя, его потряс «предтеча» и «предшественник»?

Все было странно с самого начала, с телеграммы такого содержания:

ПРИГЛАШАЕТЕСЬ ОПЕРАТОРОМ-ПОСТАНОВЩИКОМ ДВУХСЕРИЙНОГО ФИЛЬМА ШАЛЯПИН И ГОРЬКИЙ ТЧК ЖДЕМ ЗАВТРА КИНОСТУДИИ ИМЕНИ ГОРЬКОГО ДОНСКОЙ.

С работой тогда было очень трудно. И Параджанов, и его окружение были в суровом черном списке. Антипенко, с его десятком зарубежных призов и дипломов, чтобы не терять формы, ходил по утрам к Днепру, снимал чаек у воды, а по вечерам — в балетное училище, снимал, как танцуют самые юные.

Телеграмма пришла Божьим промыслом. Александр сложил в авоську свои четыре ролика про чаек и про балерин и помчался на вечерний московский поезд.

В Москве, на студии, ему сказали, что режиссера сегодня не будет, завтра суббота, а лучше всего приходите во вторник. Хорошо еще, заказали гостиницу.

Антипенко застенчиво уточнил:

— Марк Семенович пригласил меня в операторы-постановщики. А какие мои картины он смотрел?

— Никаких. Марку Семеновичу вас посоветовал кто-то из его друзей.

Потом Марк Семенович плохо себя чувствовал, отлеживался дома. Наконец они встретились.

— Здравствуйте, Марк Семенович. Я Антипенко, оператор, из Киева. Вы меня

пригласили.

— Проходи, оператор. Садись.

Антипенко потряс роликами в авоське.

— Тут у меня мои свежие съемки. Может быть, пойдем в зал, посмотрим?..

— Да что смотреть?.. Глаза вот у тебя, я вижу, чистые. Это самое главное. Дай-ка я тебя проверю на находчивость.— Он полистал сценарий.— Ну, скажем, это место. «Яркий солнечный день. Широко и бескрайне раскинулась река Волга. Горький умело гребет, Шалапин на корме, правит». Как будем снимать?

— А что тут особенного? — удивился Антипенко.— Это можно снять двадцатью разными способами. Можно — панорамой по берегу с переходом на лицо. Можно наехать на гребущего, а потом — трансфокатором — оглянуться на берег. Вот она и будет — широкой и бескрайней, наша Волга.

— Нет, не будет,— сказал режиссер.— Какой была, она уже никогда не будет. Погубили реку проклятые Каздалевские! А снимать мы будем так: подгоним лодку к правому берегу, снимем оттуда панораму на левый, потом перегоним ее на левый и снимем оттуда панораму на правый, будто бы плывем по середине реки. Тогда хоть немножко будет в кадре пахнуть полноводностью...— И подмигнул: — Улавливаешь?

Антипенко ничего не понимал.

— Я не думал, что вы о таких простых вещах спрашиваете.

— Лучшие решения в искусстве всегда просты. Так я считаю. За что меня назвали отцом мирового неореализма.

— Отцом?

— Отцом. А кто — предтечей. Антониони про меня высказывался. А ты даже и не слышал?.. Вот оно, вгиковское воспитание! Смотри сюда, тут случай труднее.

Это был самый конец первой серии: Шалапин и Горький перед расставанием. Они сидят всю ночь на обрывистом берегу у Нижнего, и Шалапин поет своему другу до утра... Восход. Над величавой Волгой летят белые чайки. Солнце красит их в розовый цвет...

— Как будем снимать?

— Режим.

— Не поможет! И чаек там давно уже нет, тем более — ослепительно белых...

— Комбинированный кадр?

— Ты еще скажи: мультипликация! Это мне-то, предтече — сам знаешь, чего. Придумай еще что-нибудь. Иссяк? Объясню. Опять — самое простое. У меня запланирована массовка — пятьсот человек. Покупаем пять тысяч белых чаек. Каждый массовщик красит по десять штук в розовый цвет. Хватит на пять дублей! А эффект, эффект! Розовые чайки над восходящим красным солнцем! Сам Каздалевский вздрогнет! Что, прохватило?

Антипенко, действительно, был ошеломлен.

— Ты, случайно, не пессимист? — обеспокоился Марк Семенович.— Не надо. Это последнее дело. Я у Бергмана спросил: почему вы пессимист? Ты знаешь, что я был в гостях у Бергмана? Лукавый человечек.

К Бергману Марк Семенович попал проездом. В Нью-Йорке устроили ретро-спективу его творчества. Она вызвала доброжелательный резонанс, особенно «Радуга». На обратном пути американский самолет довез Марка Семеновича до Стокгольма. Дальше — из экономии — надо было лететь «Аэрофлотом». Но ближайший рейс был через два дня.

Наш пресс-атташе встретил режиссера у трапа с букетом цветов. В машине он сказал:

— Что бы вы хотели увидеть в Стокгольме, Марк Семенович? Музеи? Исторические окрестности?

— Музеи — это хорошо. А вот устройте мне встречу с режиссером Бергманом. Я хочу его спросить, почему он пессимист?

Пресс-атташе замаялся. Дело в том, что одна из предыдущих многочисленных жен Бергмана была эстонкой, дочерью посла — еще довоенной, буржуазной Эстонии. Из солидарности с тестем Бергман отвергал любые контакты с Советским Союзом.

Донской не желал ничего слышать.

— Вы скажите ему, что его хочет видеть Марк Донской, предтеча мирового неореализма. Посмотрю я, как он откажется.

Пресс-атташе размечтался: было бы замечательно — поближе сойтись с Ингармом Бергманом и, кто знает, сделать его завсегдаем нашего посольства. Ведь Марк Семенович — известный человек, он слов на ветер бросать не будет.

Бергман сначала переспросил — кто-кто? Но услышав разъяснение про предтечу, стушевался, помедлил немного и буркнул:

— Хорошо. Завтра в десять у меня на вилле.

Взволнованный атташе, наверное, ночь не спал.

Назавтра они приехали минут на пять раньше. Их провели в вестибюль — огромные окна, высоченный потолок, полукруглая лестница на второй этаж. И лакей в перчатках везет тележку с напитками. Просит извинить хозяина — переодевается, сейчас будет.

Все это, по словам Донского, крайне ему не понравилось. Ну, погоди же, — решил он, — я тебя еще озадачу.

И озадачил.

Бергман, приготовив вежливую мину, спускается по ступенькам и с удивлением видит одного пресс-атташе. Как вдруг — с криком: «Каздалевский!» — наш герой вылетает с подоконника на плотной гардине, падает перед Бергманом на колени и разводит руками:

— Ву аля!

— Но ты знаешь, оператор, — рассказывал он Антипенко, — что значит — человек с выдержкой. Бровью не повел. «Здравствуйте, — говорит. — Прошу садиться. Вы хотели о чем-то спросить?» Я говорю: «Прежде чем перейти к серьезному разговору, скажите мне, какую кухню вы любите — европейскую, восточную? Чтобы я знал, как вас принимать, когда вы будете у нас в Союзе. Дело в том, что я прирожденный кулинар».

Бергман, я думаю, покосился на приоткрытую дверь и твердо ответил:

— К вам, в вашу страну, я не поеду до тех пор, пока вы не отпустите на свободу бедную маленькую Эстонию.

В те дни, когда шел этот разговор, сама мысль о подобном казалась дикостью. Она казалась опасной бредятиной еще и тогда, когда я слушал Антипенко. Однако время, как известно, бежит...

— Да нет, я не о том, — возразил Марк Семенович. — Скажем, нравятся ли вам кавказские блюда?

— И Литву! И Латвию! — продолжал гвоздить Бергман.

— Или, может быть, вам больше по душе сибирская кухня? Вы знаете, что есть такая?

Сизый от ужаса пресс-атташе переводил чисто машинально.

— А также земли вдоль вашей западной границы, — твердо заключил Бергман. Донской захлопнул свой блокнот.

— Я все понял, — сказал он. — Угощу вас по своему выбору. А теперь самый главный вопрос, с которым я ехал. Скажите, почему вы пессимист? Вы еще молодой человек. Вполне здоровый. И вы одаренный человек. Вас знают по всему миру. Женщины вас любят. Ведь правда, любят?

Бергман смущенно кивнул и снова оглянулся на щель в дверях.

— Так почему же вы пессимист?

Бергман подошел к книжным полкам, достал словарь и посмотрел, что там означает это слово.

— Да не может быть! — сказал я Антипенко. — Чтобы интеллигент, начитавшийся с юности Кьеркегора, не знал, что такое «пессимист»!

— Клянусь, не выдумал! Может быть, Бергман решил подурачиться. Короче, — возвращается он с книгой и говорит: нет, я совсем не пессимист. Но живешь-живешь, а умирать-то надо. И потом на земле столько боли, страданий, несправедливости... Как не огорчаться, что люди не ангелы, что они так досаждают друг другу...

— Как же вы говорите, что вы не пессимист? Пессимист, и самый настоящий! — обрадовался Донской. — Ну, например: что за фильм вы сейчас смотрите?

— И поверь, оператор, — пересказывал он Антипенко, — жуткую он понес ахиною. Есть, говорит, две женщины, одна из них больна, и вот они перекачиваются друг в друга, душа одной входит в другую душу...

Речь шла, должно быть, о замечательном фильме «Персона».

В свою очередь Бергман спросил:
— А могу я поинтересоваться, что сейчас ставит предтеча мирового неореализма?

— Тогда, оператор, я понял: уж теперь-то я точно его озадачу!

И в самом деле озадачил. Да как!

— Это фильм о матери,— сказал он кротко.

— О вашей матери?

— Нет. О вашей матери! — врезал Марк Семенович.

Бергман, разумеется, был ошарашен. Но, придя в себя, он бесстрастно, как говорят с сумасшедшими, спросил:

— Можно поинтересоваться, каким иконографическим материалом вы пользовались? Моя мама живет в шестидесяти километрах отсюда. Мы можем посетить ее. Но скажите, ради всего святого, почему она вас заинтересовала, как героиня фильма?

— Я смотрю на эти жалкие потуги,— рассказывал Донской,— и только головой качаю: ну зачем же так примитивно?

— Это фильм о вашей матери,— снисходительно объяснил он Бергману.— О моей матери. О его матери,— жест в сторону зеленого пресс-атташе.— Это фильм о матери Христа. Одним словом, это фильм о матери Ленина!

Тут Бергман вскочил и зашагал от стены к стене, чтобы успокоиться. Его протестантскую душу сопоставление Христа с Лениным невольно сокрушало.

— Расстались мы довольно тепло,— продолжал Марк Семенович.— Всю дорогу до Стокгольма пресс-атташе молчал, как в рот воды набрал. Я потом понял, что он опасался шофера — донесет. А в Стокгольме, только мы вышли, чтобы прогуляться по магазинам, как он у меня спрашивает:

— Марк Семенович, у вас нет чувства какой-то неловкости? Ведь что получилось — Бергман вам выдвигал политические претензии... Тут бы и сказать о свободном волеизъявлении народов в 1940 году. А вы все про блюда да про кухню...

Тогда предтеча мирового неореализма останавливается, хватается пресс-атташе за нос и с криком: «Каздалевский!» тащит его через центральную улицу Стокгольма, переполненную машинами, на противоположный тротуар...

— И ты знаешь, оператор, дальше — как в сказке! То говорили, что билетов нет,— тут же отправили, на шведском самолете. И посол лично пришел провожать и не ушел, пока самолет не взлетел. А перед трапом, пожимая руку на прощанье, осторожно спрашивает: «Марк Семенович, во время этой беседы с Бергманом вас ничто не покорило?» Я говорю: «Как же не покорило! Представьте себе, два художника говорят о своем, один — предтеча неореализма, другой — пессимист, но тоже очень талантливый, а этот ваш пресс-атташе все меня подначивает: врежь им про Эстонию, врежь про Латвию...» Посол говорит: «Ах та-ак! Будем делать выводы». И сделали. Очень скоро я этого пресс-атташе случайно встретил — он уже работал в Москве. Что ж, пусть знает, кто он, а кто...

— ...предтеча мирового неореализма! — воскликнули мы дуэтом.

На этом закончился рассказ Саши Антипенко. Вместе с ним умолкаю и я.

**НОМЕРА НАШЕГО ЖУРНАЛА ЗА ПРОШЛЫЕ И ЭТОТ ГОД ВЫ
МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В РЕДАКЦИИ.**

**НАШ АДРЕС: 103006, МОСКВА, ВОРОТНИКОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК,
ДОМ 12.**

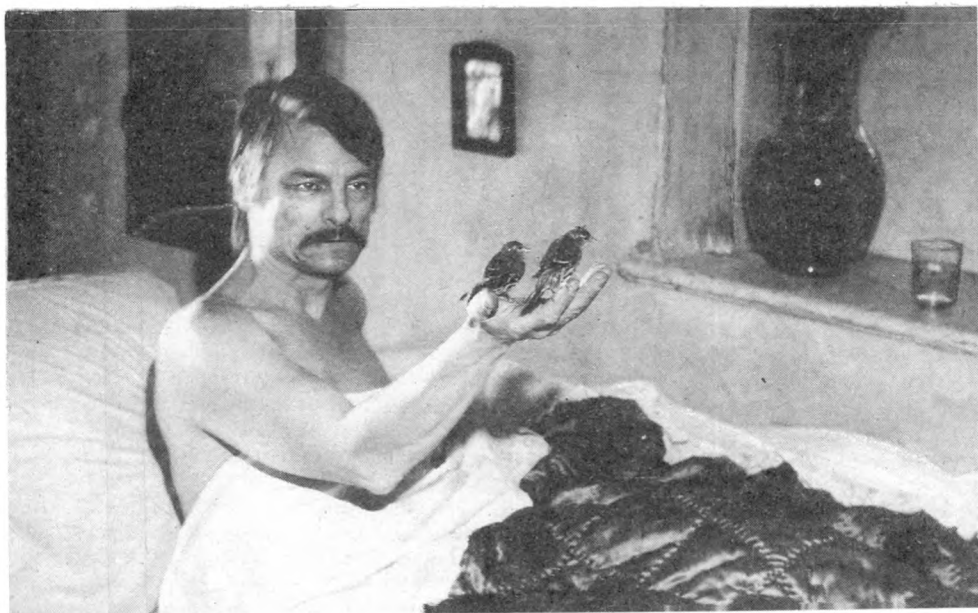
ТЕЛЕФОН: 299-11-78.

ПРОЕЗД ДО СТАНЦИИ МЕТРО «МАЯКОВСКАЯ».

«ДОЖДЬ — ЭТО ПРОСТО ДОЖДЬ»

Встреча с Андреем Тарковским

Мы публикуем запись беседы Андрея Тарковского со швейцарской журналисткой Ириной Геерк. Беседа состоялась в Лондоне в феврале 1986 года, когда «Ностальгия» была уже снята и решение не возвращаться было уже принято... 4 апреля Андрею Арсеньевичу Тарковскому исполнился бы всего 61 год...

Андрей Тарковский с воробьями на ладони. Кадр, не вошедший в фильм «Зеркало»

И. Г. Как чувствует себя в Советском Союзе известный художник и, следовательно, привилегированный человек?

— А. Т. В каком смысле привилегированный?

— Я хотела сказать: человек, который, может быть, ощущает свою известность как бремя...

— Если говорить о бремени привилегий, то ко мне это не относится. Привилегированный человек у нас Бондарчук, знаете такого? А что касается известности и как я к ней отношусь — да никак. Этот вопрос меня никогда не беспокоил. Конечно, для меня важно серьезное отношение к тому, чем я занимаюсь, важно быть уверенным,

что то, что ты делал, не было ошибкой... Публика в СССР и здесь, в Англии, а еще больше в Германии относится ко мне со вниманием — это дает право быть уверенным в своей правоте. Преимуществ это не дает.

— Но все-таки дает возможность лучше работать?

— В общем, да... Пожалуй, успокаивает. Хотя большого значения не имеет. Есть люди, которые умеют этим пользоваться, любят общаться с журналистами. Я не люблю. Меня еще ни разу не удовлетворило то, что появлялось в печати после разговора с журналистом. Не в том смысле, что мне не делали комплиментов... но, видите ли, это всегда было совсем не то, о чем мы го-

ворили.

— Я тоже журналист.

— Я не хотел вас обидеть. Мне только хотелось сказать, что мне всегда в тягость общение, основанное лишь на том, что мое имя известно. Меня всегда это немножко раздражает.

— Почему?

— Когда люди беседуют, у них должно быть что-то общее. А журналист задает вопрос не потому, что он его интересуется, а ради того, чтобы иметь записанный ответ. Разговор сам по себе для него несуществен. Короче говоря, это не очень естественное общение.

— Вас интересует естественное общение с людьми?

— По-моему, это более или менее важно для каждого. Я очень часто вижу огромную неестественность в публичных отношениях людей. Много суеты, и в общем-то бессмысленной. Разговор кончается тем, что появляется статья в газете, — а смысла в ней никакого. Не подумайте, что я кокетничаю. Я снимаю картины и стараюсь высказать в них то, что для меня важно, вот и все. Вы спросили, я ответил.

— Я вижу, вы в принципе отрицаете основу для нашего разговора.

— Нет, почему же? Может, что-нибудь и получится. Кажется, Гете сказал: хотите получить умный ответ, умно спрашивайте.

— Когда я смотрела ваши фильмы, у меня было чувство близости к вам. А когда я узнала, что вы в Лондоне, я подумала, нельзя ли использовать интервью как повод для знакомства... Мне хотелось задать вам вопрос.

— Пожалуйста.

— Я не зритель, а зрительница. И я заметила, что в ваших фильмах повторяется довольно традиционный образ женщины. Это женщина загадочная или женщина любящая, но она всегда — придаток, дополнение мужчины. Доминирует мужской мир. Что вы скажете об этом?

— Мне трудно представить себе внутренний мир женщины, я даже как-то об этом не думал. Но мне кажется, что он должен быть связан с миром мужчины. Одинокая женщина — это ненормально.

— А одинокий мужчина — нормально?

— Да. Это даже нормальной, чем когда мужчина не одинок. Наверное, поэтому в моих картинах или вовсе нет женщины, или она появляется, так сказать, по необходимости. Во всяком случае, там, где женщина присутствует, в «Зеркале» или в «Солярисе», она зависит от мужчины. Вам это не нравится?

— Я не вижу себя в этом мире. Это мужской мир.

— Вы считаете, что если вы живете общей жизнью с мужчиной, то скорее он должен зависеть от вашего внутреннего мира?

— Нет. У него свой мир, у меня свой.

— Но это невозможно. Если ваш собственный мир отделен от мира мужчины, это значит, что у вас с ним нет ничего общего. Если мир не становится общим, отношения безнадежны. Настоящие отношения меняют весь внутренний мир, а иначе вообще непонятно, для чего все это... Мне всегда была непонятна способность некоторых женщин... впрочем, лучше я вам расскажу. Я был нездоров и случайно видел по телевидению два любопытных интервью. Одно из них было с Брижит Бардо, поразительное тем, с какой яркостью в нем была продемонстрирована фантастическая глупость этой женщины, ее — как бы это выразиться — ненужность. И было совершенно очевидно, что она этого не понимает. Второе интервью было с Бэтт Дэвис. Вы знаете ее; по-моему, это лучшая американская актриса. Она-то как раз большая умница. Ей сейчас 75 лет. Знаете, что она сказала? «Я люблю быть замужем». Мне это показалось диким, вернее, непонятным, потому что это означает, что женщина живет сначала с одним человеком, потом отношения прекращаются, она становится женой другого и так далее, словно замужество — это болезнь, после которой выздоравливают, а потом заболевают снова. Может быть, это именно оттого и происходит, что она всегда старалась жить в своем собственном мире и боялась раствориться в чужом.

— Разве вам лично не приходилось встречать женщин, которые не хотят растворяться в мире мужчин?

— Я не мог бы общаться с такой женщиной.

— Почему бы вам самому не раствориться в ее мире?

— Я не растворим. И потом мне кажется, что смысл жизни для женщины, весь смысл женской любви заключается именно в способности к самопожертвованию. Я не знаю ни одного примера, когда бы женщина, которая старается сохранить в неприкосновенности свой внутренний мир, стала по-настоящему великой.

— Вы нас всех просто замуровываете в эту роль. А ведь эта роль настолько стара, что...

— Как можно говорить о любви как о старой роли? Послушайте. Это, конечно, дело сугубо личное. Но я уверен, что в любом случае внутренний мир женщины очень зависит от чувств, которые она испытывает по отношению к мужчине, потому что, как бы вам сказать... чувство женщины тотально. Она символ любви, а любовь, по-моему, во

всех смыслах самое высшее, что есть у человека на земле.

— Меня немножко удивляет ваше требование к женщине любить «тотально». Любите ее сами, а что она будет делать, это уж ее дело.

— Я никакого поведения женщинам не предписываю. Ну, хорошо. Живите в своем мире, а я буду жить в своем, и до свидания.

или не случается. И если не случается, то значит, чего-то самого важного в жизни не произошло. Хотя, может быть, так безопасней. Я бы сказал, такие отношения — когда люди остаются более свободными, более независимыми друг от друга, — такие отношения находятся на уровне нынешнего феминизма, смысл которого, по-моему, не столько в желании утвердить какие-то соци-

Семья Тарковского: жена — Лариса Павловна, падчерица — Ольга, сам Андрей, мать — Мария Ивановна, сын — Андрей, теща — Анна Семеновна (слева направо)

— Все-таки мне непонятно. Растворение — очень опасный путь. Потеряешься, и ничего не останется. Ведь путь через мужчину — это длилось веками, это вошло в наши гены... Не удивляйтесь тому, как я реагирую на ваши высказывания. Я, может быть, сама склонна к этому растворению.

— И слава Богу.

— По-вашему, этим можно гордиться?

— Конечно. Поймите меня правильно: я ничего не требую. В таких случаях требовать невозможно. Это просто случается

альные права, сколько в стремлении доказать свою похожесть на мужчину. Вот это меня как раз и удивляет. Женщины, с которыми мне приходилось говорить на эти темы, как будто совершенно не понимали своей уникальности, не понимали, что утратив ее, утратив внутренний мир, который не может быть таким, как мир мужчины, они перестанут быть естественными. Словом, я не понимаю, зачем женщине равенство. В конце концов мы же не требуем равных прав с марсианами. Свобода не в искусственном равенстве. Они как будто не догадываются,

что каждый из нас, будь то мужчина или женщина, свободен, если хочет быть свободным.

— Как вы считаете: женщина может стать крупным политиком?

— Вы имеете в виду госпожу Тэтчер?

— Допустим.

— Как политик она ведет себя, с моей точки зрения, совершенно правильно. Вам может нравиться или не нравиться, допустим, ее поведение во время событий на Фолклендах, но политик, который хочет нравиться всем, — плохой политик; политик — это тот, который чего-то добивается. Но если вернуться к нашей теме, то я должен признаться, что для меня нет ничего более неприятного, чем женщина с хорошей карьерой.

— Я хочу вернуться к началу нашего разговора. Моя претензия к вам заключается в том, что в ваших фильмах я не вижу женщину как самостоятельного человека. Она всегда — лишь элемент в мужском мире.

— Но в Москве женщины говорили мне, что мне удалось проникнуть в их мир. Им самим этот мир казался герметичным, и они были удивлены... Впрочем, вы, конечно, вправе смотреть на вещи по-своему. Могу только сказать, что, например, мать в «Зеркале» — не выдуманный образ. Это фильм о моей матери, и он основан на подлинных фактах. Там нет ни одного эпизода, сочиненного сценаристом.

— Согласитесь, однако, что героиня «Солариса» — это женщина, которая попросту не может существовать без... без этого человека.

— Вам это кажется неестественным?

— Этот вопрос я скорее хочу задать вам. Что побуждает: любовь или личность женщины?

— Не знаю. Могу только сказать: женщина никогда не победит мужчину. И еще: остаться мужчиной во многих смыслах так же трудно, как женщине остаться женщиной. Но беда в другом. Беда в том, что мы живем в таком обществе, в такую эпоху, когда духовность человека — я говорю о массовом человеке — крайне низка. Мы с вами сидим и спокойно рассуждаем — и не знаем, проснемся ли завтра живыми, потому что достаточно какому-нибудь сумасшедшему нажать кнопку, и с планетой будет покончено. Я думаю, что и взаимное непонимание мужчины и женщины объясняется прежде всего этой бездуховностью. Устранить социальное неравенство — это еще не все. Если человек не знает, зачем он появился на свет, для чего он живет, то это неизбежно приведет к тому, к чему мы, собственно, уже и пришли. К счастью, женщины

не так любознательны, как мужчины...

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что начиная с эпохи Возрождения человек занялся главным образом материальными проблемами, к которым относится и так называемая проблема познания, поглотившая мужчин.

— Мне хотелось бы еще немного поговорить о ваших фильмах. Как вам работается в чужой стране?

— Разница в условиях работы там и здесь, конечно, есть. Но не принципиальная. Здесь очень сильна коммерческая нагрузка, а я не умею снимать картины, которые зависят от чьей-то воли.

— Но здесь вы можете работать бескомпромиссно.

— Соглашаться на компромиссы я в своей работе так или иначе не в состоянии. Поэтому мне совершенно все равно, где работать. Я просто знаю, что вот это я не умею делать, а умею делать другое. О коммерческой же нагрузке я упомянул потому, что в Советском Союзе мне не приходилось думать о деньгах.

— Вас не смущает, что ваш отец — известный поэт? Поэзия — нечто вечное, а кино преходящее.

— Среди искусств нет ни важных, ни неважных; в этом смысле я не вижу разницы между кинематографией и поэзией. Есть стихи хорошие и плохие, и то же можно сказать о фильмах. Разумеется, кино моложе. Но есть фильмы, которые не стареют.

— Все считают, что ваши фильмы полны символов. Не могли бы вы об этом что-нибудь сказать?

— Вопрос сложный. Видите ли, я враг каких бы то ни было символов. Для меня символ слишком узкое понятие уже потому, что оно расшифровывается. А художественный образ не расшифровывается. Он просто — эквивалент мира, в котором мы живем. Когда мне говорят, что дождь в моих картинах — это символ, я с этим не согласен; это совсем не символ. Это просто дождь, который в какой-то момент становится очень важным для персонажа. Мне, например, кажется, что в последней моей картине все достаточно просто. Во всяком случае, нет таких сложностей, как в предыдущих фильмах. Но вам ведь все равно не угодить. Что бы ты ни делал, будет миллион вопросов... Но откровенно говоря, я мало думаю о зрителях. Откуда я знаю, как относится ко мне какой-нибудь Джон Смит в Лондоне или Вася Иванов в Москве? Претендовать на то, что я знаю его внутренний мир, я не могу. Единственное, что я могу делать, это говорить моим собственным языком... пытаться вести диалог со зрителем.

— Собираетесь ли вы снимать кино в Швейцарии?

— Да нет, как-то в голову не приходило.

— Можно спросить о ваших планах?

— Планы? Планы вот какие: хочу сделать «Гамлета». Для этого мне придется пробыть года три на Западе. Без «Гамлета» не хочу возвращаться. Но сначала надо найти деньги, написать сценарий. Сценарий у меня пока еще не готов. Снимать буду с английскими актерами.

— Почему именно «Гамлет»?

— Потому что вопрос о самоубийстве и смысле жизни, перед которым стоит Гамлет,— это вопрос, перед которым сейчас оказалось все человечество.

— Вы полагаете, что эта проблема поставлена у Шекспира в наиболее приемлемой для нас форме?

— Конечно, я постараюсь решать ее иначе. Не потому, что у Шекспира нет идеи, а потому что мне нужно найти эквивалент для него в совершенно другом жанре. Классическая драматургия не годится; нужна совершенно другая форма. Поживем — увидим.

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ АЛЕКСАНДР МИШАРИН

ЗЕРКАЛО

Фрагменты сценария

Мы идем по скользким и твердым тропинкам. Ноги мои в постоянных цыпках и невыносимо чешутся. Тропинки бегут рядом среди высокой крапивы, запутанной в паутину с прилипшими к ней листьями облетающей черемухи. По соседней тропке, сложив руки на животе и прижав локти, идет моя мать. Время от времени она беспокойно поглядывает в мою сторону. Над нами тучей носятся комары.

Мы выходим на вытопанный скотиной выгон. Сгорбленная старуха в намокшем ватнике ковыляет к деревне, погоняя взбрыкивающего телка.

Мать спрашивает у нее дорогу. Старуха суетливо проводит ладонью под платком и с интересом оглядывает нас с головы до ног. Ее маленькое лицо с живыми глазками забурело от солнца, и только глубокие морщины остались белыми.

— Или захворала? Сами-то откель?

— Да нет, мы знакомые просто, —правляя промокший воротник кофты, отвечает мать. — В гости. По делам, то есть... Она улыбается и, отвернувшись, смотрит в сторону деревни.

— Дык ведь и дошли уж, вон, под березами-то, пятистенка, крайняя, по-над берегом... Только поспешите, а то, я слышать, доктор — он вроде в город собрался.

— По-над берегом так и идти? — стараясь говорить по-деревенски, оживает мать.

— Во-во, так и дойдете, — теряя к нам интерес, бормочет старуха. — Какой щас город...

Мы направляемся в сторону рощи, маячащей впереди над поворотом реки.

— Ма, а что такое пятистенка? — спрашиваю я

— Просто большая изба с пятью стенами,— отвечает мать и, неожиданно поскользнувшись, оступается.

— Черт побери, — злится она.

— Как это с пятью? — спрашиваю я.

Мать поднимает с земли прут и чертит на тропинке прямоугольник.

— Что ты на меня смотришь? Смотри сюда. Здесь четыре стороны в этом прямоугольнике. Это обычная изба, а если посередине есть еще одна стена, то это уже пятистенка,— мать пересекает прямоугольник прутом.

Я ухмыляюсь.

— Чему ты радуешься? — говорит она и зябко запахивается кофтой. — Ох, Алек-

сей, Алексей...— вздыхает она.— Ну, теперь ты понял, что такое пятистенка?

— Угу,— отвечаю я,— я и сам знал, только забыл.

Мы долго стояли на мокром крыльце. На осторожный стук матери никто не отозвался.

— Может, их нет никого? — с надеждой пробормотал я.

Уже смеркалось, и все вокруг погружа-

шим рукавом курточки.

— Боже мой, перестань чесаться, я тебе тысячу раз говорила! — сказала мать.

— Давай лучше постучим погромче. Один раз стукнула еле-еле... Думаешь, они так сразу и прибегут,— ответил я, умоляюще глядя на мать.

— Тогда постой здесь, а я пойду с другой стороны.

И снова я испугался. Я представил себе, что когда мать скроется за углом, дверь отворят и я, не зная, что сказать, буду глядеть

Мать Тарковского, Мария Ивановна Вешнякова, и Маргарита Терехова, исполняющая в фильме роль матери в молодости

лось в холодный туман, сквозь который едва различалась широкая, мелкая в этом месте река и замершие в безветрии березы.

— Алексей, ну-ка сходи посмотри с другой стороны. Может быть, там кто-нибудь есть?

Мать озабоченно посмотрела на меня и поняла, что мне ужасно не хочется никуда идти и смотреть, потому что я очень боялся увидеть «кого-нибудь». Меня бросило в жар, и я потер и без того расчесанные ноги намок-

на появившегося на пороге доктора Соловьева.

Мать спустилась с крыльца и уже шла по блестящей в тумане тропинке, и когда неожиданно захрохотал железный засов, я бросился за ней, догнал ее и сказал задыхаясь:

— Ма, там открывают...

— Что с тобой? — стараясь быть спокойной, спросила она, возвращаясь к крыльцу...

Маргарита Терехова в роли матери Тарковского

В освещенном проеме двери стояла высокая белокурая женщина в голубом шелковом халате. Я взглянул на мать и проглотил слюну.

— Здравствуйте, — сказала мать и улыбнулась так, как будто нас ждали.

— Здравствуйте... — недоуменно ответила женщина в халате. — Вам кого, собственно?

— Вас, наверное, — игриво улыбаясь, ответила мать. — Вы Надежда Петровна?

— Да, а что? Я вас раньше...

— Видите ли, — перебила мать, — я падчерница Николая Матвеевича Петрова. Они, кажется, дружили с вашим мужем. А уж там не знаю... — смутилась она.

— Николай Матвеевич? Какой Николай

Матвеевич? — Женщина в халате насто-рожилась.

— Петров... Николай Матвеевич... Врач. Он раньше жил здесь, в Завражье, а потом переехал в Юрьевец. Там он стал судебно-медицинским экспертом, — навязчиво объясняла мать.

— А-а-а... А сами-то вы откуда? Из города?

— Мы, в общем-то, из Москвы. Но в Юрьевце у нас комната, — объяснила мать торопливо.

— Москвичи значит? — неодобрительно буркнула Надежда Петровна.

— Да. Мы эвакуировались прошлой осенью. Бомбежки в Москве начались. А у меня двое детей. А здесь все-таки у мамы старые связи. И потом, я ведь тоже в этих краях выросла.

— Дмитрия Ивановича сейчас дома нет... Он в городе... — вдруг разочарованно протянула Надежда Петровна и убрала руку с косяка. Я даже заулыбался от радости.

— Да мне, собственно, вы нужны. У меня к вам маленький дамский секрет, — как-то некстати вернула мать. В глазах Надежды Петровны мелькнуло не то недоверчивое любопытство, не то страх.

— Ну, проходите, что же здесь-то стоять... — вдруг позволила она.

Вслед за Надеждой Петровной мы вошли в дом. Вместо сеней я увидел нечто вроде прихожей с блестящими полами и зеркалом, висящим на стене в овальной раме. В углу стояли старинные сундуки, а над входом в кухню висела керосиновая лампа с красивым абажуром какого-то почти оранжевого цвета. Громоздкие поблескивающие шкафы с медными ручками и замками. Вешалка у дверей с непонятным кругом внизу. На одной из гладких стен висела картина в тяжелой раме.

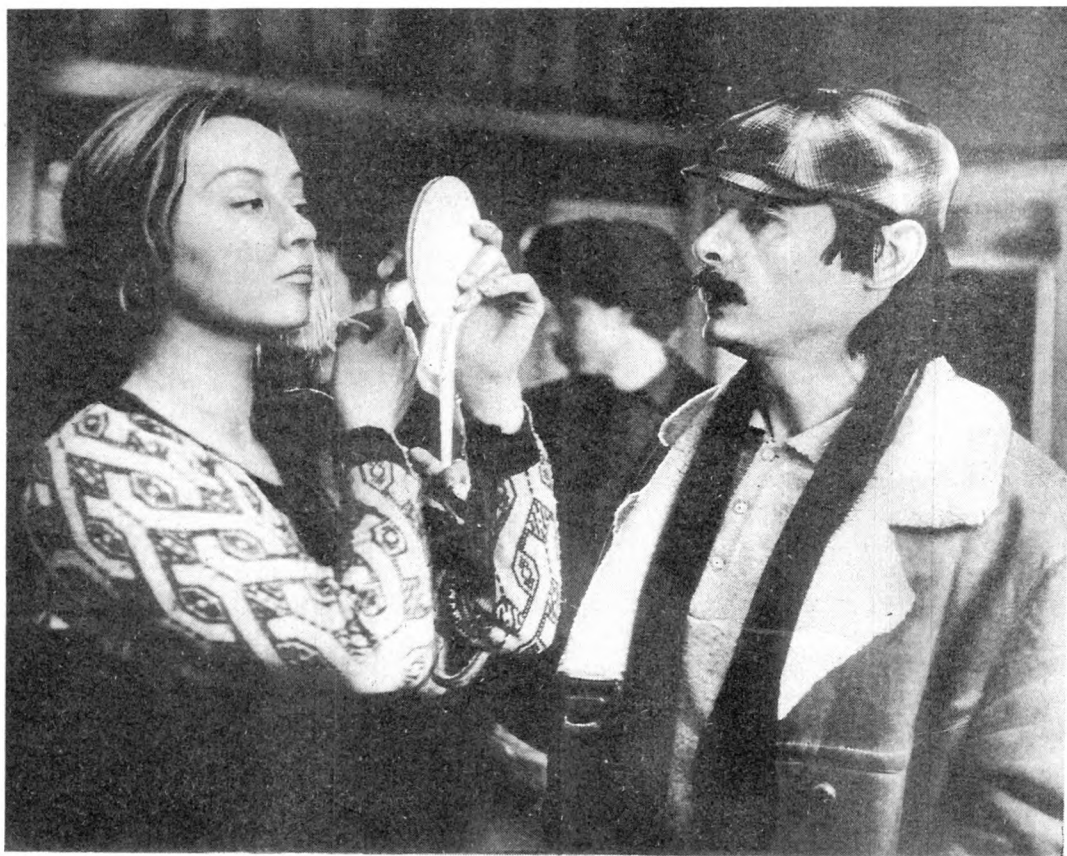
— Вытирайте ноги только, Маша мыла полы, — сказала Соловьева.

Мы аккуратно вытерли ноги. Мать, чтобы подбодрить меня, сделала это с нарочитой старательностью и, как ей, видно, казалось, не без веселой иронии. Больше всего я боялся, что хозяйка заметит, что мы босые.

Надежда Петровна открыла дверь на кухню и, зябко поеживаясь в своем халате, обернулась к нам.

— Алексей, ты посиди здесь пока, я сейчас вернусь. Мы недолго, — преувеличенно бодро сообщила мать Соловьевой.

Я остался один, сел на стул против зеркала и с удовольствием увидел в нем свое отражение. Наверное, я просто отвык от зеркал. Оно казалось мне предметом совершенно ненужным и поэтому драгоценным. Мое отражение не имело с ним ничего общего. Оно выглядело вопиюще оскорби-

Рабочий момент. Маргарита Терехова и Андрей Тарковский

тельным в резной черной раме. Я встал со стула и повернулся к зеркалу спиной.

До меня доносились неразборчивые голоса, звяканье дверок буфета, потом неожиданный смех Надежды Петровны. И мне почему-то стало хорошо.

Я подошел к кухонной двери и осторожно приоткрыл ее. У зеркала, кокетливо поглядывая на себя то с одной, то с другой стороны, стояла Надежда Петровна и примеряла сережки, весело поблескивающие золотом и чем-то голубым.

Я тихонько отошел к двери и сел на сундук.

— Бросили мы тебя тут, да? Тебя как зовут? — неожиданно появилась в дверях, спросила Надежда Петровна.

— Алексей, — ответил я.

— Вы знаете, — сказала она, обращаясь к матери, — а у меня тоже есть сын. Не такой большой, конечно. Ой, господи, трудно сейчас с детьми, война все-таки. А мне еще хочется, — засмеялась она, — дочку. Он сейчас в спальне. Спит. Хотите посмотреть?

— А мы его не разбудим? — испуга-

лась мать.

— Ничего, мы тихонько. Он у нас чудный! Он тут вдруг подошел к отцу и спросил — а почему пять копеек больше, а десять меньше. Дмитрий Иванович так и не ответил ничего. Не смог! Ему ведь поначалу дочку хотелось. Он даже имя ей придумал — Лора. А я приданое розовое приготовила: и конверт, и ленту. Пришлось все перешивать. Наделал нам хлопот, разбойник. Мы уж ведь уверились в дочке-то.

Она была весело возбуждена, и возбуждение это передалось моей матери...

Надежда Петровна осторожно открыла дверь в спальню.

Это была огромная и совершенно пустая комната. Было почти темно, синели только окна, и тихий свет ночника отражался в сияющем паркете. Прямо посреди, между окнами и дверью, откуда мы смотрели, стояла не то кровать, не то что-то из красного полированного дерева, с потолка падали каскады чего-то похожего на легкий голубой дым, а под шелковым, тоже голубым одеялом, весь в кружевах, спал ро-

зовый курчавый ребенок, положив на щеки длинные, вздрагивающие ресницы.

Вдруг малыш вздрогнул и открыл глаза.

— Разбудили мы тебя все-таки? Да? Вот у тебя мама-то болтает да болтает, — продолжала петь Надежда Петровна. — Кто к нам пришел-то? А? Незнакомые? Ну что же ты? Э-э? Не проснешься никак? Ну и ладно, ну и спи тогда. Усни, моя ягодка, спи.

Я смотрел на него, раскрыв рот и вытянув шею. В тишине раздался счастливый смех Надежды Петровны. Я обернулся и посмотрел на мать.

Глаза ее были полны такой боли и отчаяния, что я испугался. Она вдруг заторопилась, шепотом сказала что-то Соловьевой, и мы вышли обратно в прихожую.

— А они идут мне, правда? — спросила ее хозяйка, закрывая за собой дверь. — Только вот кольцо... Как вы думаете, оно не грубит меня, нет? Как вы думаете?

Мать молча бросилась в кухню. Надежда Петровна за ней.

Надежда Петровна. Что с вами?

Мать. Вы знаете, что-то нехорошо...

Надежда Петровна. Господи, вы, наверное, с дороги устали? Я сразу как-то не сообразила... Вот, выпейте пока... Согрейтесь. Заболталась я совсем. Ведь ужин готовить надо. Из дома-то, небось, когда вышли?

Мать. О, спасибо. Да вы не беспокойтесь, пожалуйста.

Надежда Петровна. Ну как же я вас так-то отпущу.

Мать. Да мы ведь поели перед уходом, недавно.

Из прихожей доносится кашель Алексея. Надежда Петровна. Ой, что-то у него кашель какой нехороший.

Мать. Да, бегают везде, дети, знаете...

Надежда Петровна. Нужно обязательно, чтобы его Дмитрий Иванович послушал. Кстати, он сейчас приедет.

Мать. Нет, спасибо. Мы не можем ждать. Нам ведь два с лишним часа идти.

Надежда Петровна. А как же сережки? Деньги-то у мужа. Смотрите, как мальчик-то устал. А мы сейчас петушка зарежем. Только у меня к вам просьба маленькая. Сама-то я на четвертом месяце. Тошнит меня все время. Даже когда корову дою, подступает прямо. А уж петуха сейчас... сами понимаете. А вы бы не смогли?

Мать. (в полной растерянности). Понимаете, я сама...

Надежда Петровна. Что, тоже?

Мать. Нет, не в этом смысле. Просто мне не приходилось никогда.

Надежда Петровна. А... Так это пара пустяков... В Москве-то небось убитых ели. А я вот все это делаю здесь, на бревнышке.

Вот топор. Дмитрий Иванович утром наточил.

Мать. Это что, прямо в комнате?

Надежда Петровна. А мы тазик подставим. А завтра утром я вам с собой курочку дам. Вы не думайте, это как презент.

Мать. Вы знаете, я не смогу.

Надежда Петровна. Вот что значит наши женские слабости-то. Может, тогда Алешу попросим? Мужчина все-таки.

Мать. Нет, ну зачем же Алешу...

Надежда Петровна (приносит петуха, кладет его на бревнышко). Тогда держите, держите. Крепче держите, а то вырвется, всю посуду перебьет. Ну-ка. Ой, что-то мне все-таки... Ну!

Петух забился под руками у матери...

Наш уход был словно побег. Мать отвечала невпопад, не соглашалась, говорила, что она передумала, что это слишком дешево, почти вырвалась, когда Соловьева, уговаривая, взяла ее за локоть...

...Когда мы возвращались, было совсем темно и шел дождь.

Я не разбирал дороги, то и дело попадал в крапиву, но молчал. Мать шла рядом, я слышал шлепанье ее ног по лужам и шорох кустов, которые она задевала в темноте.

Вдруг я услышал всхлипывания. Я замер, потом, стараясь ступать бесшумно, стал прислушиваться, вглядываться в темноту, но ничего не было слышно.

В то далекое довоенное утро я проснулся от счастья. В окна бил праздничный свет. Солнце, пронзительно вспыхнув, капризно преломлялось в граненом флаконе и радугой разбрасывалось по белизне фаянсового умывальника, стоявшего в углу. За открытой дверью никого не было. Я сел на кровать и свесил ноги. Прислушался.

Звонкий отзвук железной дужки о ведро, плеснувшаяся на закачавшуюся лавку вода, свежий глуховатый шум с улицы, доносящийся через открытое окно, сквозь кружевные занавеси и кусты с домашним жасмином на подоконнике. Я посмотрел сквозь раскрытую дверь в соседнюю комнату и на полу, около дивана, увидел туфли. Туфли с тонкими перемычками и белыми пуговками. Рядом стоял чемодан. Я мгновенно все понял, бросился к дверям и, обалдев от радости, остановился на пороге.

Около зеркала, освещенная белым солнцем, стояла моя мама.

Она, наверное, приехала ночью, а теперь стояла у зеркала и примеряла серьги, поблескивающие золотыми искрами и ма-

Кадр из фильма. Мать Тарковского Мария Ивановна Вешнякова с детьми, сыгравшими в фильме Андрея и его сестру

тово сияющей бирюзой.

Я видел все так отчетливо, стоя за кустом, шагах в десяти от них.

А они, мальчишка и девочка, бегали по нашей неглубокой, тихой Вороне, как когда-то бегали по ней мы с сестрой. И также брызгались и что-то кричали друг другу. И так же на мостках из двух ольшин полоскала белье мать и изредка, откинув упавшую на глаза прядь волос, смотрела на ребят, как когда-то смотрела на нас с сестрой.

Это была не та, не молодая мать, какой я помню ее в детстве. Да, это моя мать, но пожилая, какой я привык ее видеть теперь, когда, уже взрослый, изредка встречаюсь с ней.

Она стояла на мостках и лила воду из ведра в эмалированный таз. Потом она позвала мальчишку, а он не слушался, и мать не сердилась на него за это. Я старался уви-

деть ее глазами и, когда она повернулась, в ее взгляде, каким она смотрела на ребят, была такая неистребимая готовность защитить и спасти, что я невольно опустил голову. Я вспомнил этот взгляд. Мне захотелось выбежать из-за куста и сказать ей что-нибудь бессвязное и нежное, просить прощения, уткнуться лицом в ее мокрые руки, почувствовать себя снова ребенком, когда все еще впереди, когда еще все возможно...

...Мать вымыла мальчишке голову, наклонилась к нему и знакомым мне жестом слегка потрепала жесткие, еще мокрые волосы мальчишки. И в этот момент мне вдруг стало спокойно и я отчетливо понял, что МАТЬ — бессмертна.

Она скрылась за бугром, а я не спешил, чтобы не видеть, как они подойдут к тому пустому месту, где раньше, во времена моего детства стоял хутор, на котором мы жили...

1966-1972 гг.

Дженифер Джейсон Ли

СТЕФАН РЕБЕЛЛО

АКТРИСА С ДАРОМ БЫСТРОГО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Сыграв самые различные роли с таким даром перевоплощения, что ее с трудом можно было узнать, Дженифер Джейсон Ли наиболее ярко раскрыла свой талант в фильме «Единственная белая женщина».

До знакомства с Дженифер Джейсон Ли я встречал только одну женщину, которая одним своим появлением создавала такую атмосферу чувственности, что казалась невыразимо загадочной, поистине незабываемой и приводящей в священный трепет. Эта девушка с каштановыми волосами, неправильными чертами лица, не очень приметная внешне, не считала необходимым носить лиф в виде остро торчащей торпеды или свитер в обтяжку, никогда не делала искусственной завивки и не пользовалась косметикой для выделения глаз. Зато она с королевским достоинством оставляла далеко позади всех этих призерш, победительниц конкурсов на звание Мисс среди учениц младших классов и хороших куколок из средней школы, где я учился. Она прочитала, но никогда этим не хвасталась, и Миллера, и Фолкнера, и Набокова, в то время как остальные довольствовались Гарольдом Роббинсом. Она всегда находила хорошие слова для малышек из разных семей, но себя не приоткрывала никому. Ее чувственность, как я понял позднее, была той жизненной силой, которая могла вызвать приступ смеха, когда мы качивались спиртным из отличных запасов ее отца или срывали с себя одежду на чердаке, где стоял запах камфоры и орхидей. Никто ничего о ней по-настоящему не знал, так как она никогда не раскрывала себя. Как только вы полагали, что знаете, какая она, она уже была другой.

Я разговаривал с теми ребятами, у кого личность Дженифер Джейсон Ли вызывает те же ассоциации, что и у меня, безотноси-

тельно к ее мастерству актрисы. Вы действительно узнаете ее, если она поразила вас в роли старшеклассницы, мечтающей стать женщиной, в фильме «Бурные времена в средней школе Риджмонт»; или в образе девушки, похожей на Мэрилин Монро и ставшей жертвой банды негодяев-насильников, в фильме «Последний поворот на Бруклин»; или неприкаянной официантки, мечтающей открыть свой ресторан, в фильме «Майами Блюз»; или полицейского по борьбе с наркотиками, ставшей наркоманкой, в фильме «Поспешное бегство». Даже когда она играет непривлекательных персонажей — «Глаза незнакомца» (ее первый фильм), «Легкие деньги», «Мужской клуб», «Сердце полуночи или великолепный обзор США», — в этом что-то есть. Это «что-то» и в самом очертании рта, и в ее тесно расположенных, как у маленького ребенка, зубах, и в неровном изгибе губ, придающих лицу насмешливое выражение. Вызывает восторг не только ее умение перевоплощаться от фильма к фильму — и в походке, и в разговоре, и в ином внешнем проявлении, — но и накал внутренних страстей, как если бы она бросалась с головой в игру не с тем, чтобы найти себя в ней, а для того, чтобы разрядиться. Та непринужденность, махозистская безучастность, которой она предается в сцене голодания (в телевизионном фильме «Лучшая малышка в мире») или в сцене изнасилования подонком («Плоть + Кровь»), как бы говорит: Я никогда не наскучу вам. Таинственная замкнутость ее внутреннего мира усугубляется и тем, что она является дочерью актера Дика Морроу, погибшего во время работы над фильмом «Зона сумерек — кино», отразившим причудливые превращения жизни и тайны Голливуда.

И в этот мир она отдает все свои по-

рывы своеволия и страсти, что и делает ее актерскую карьеру, столь непохожую на другие, объектом пристального внимания. С самого начала Ли получала восторженные отзывы на свою работу, а два года назад общество кинокритиков Нью-Йорка присудило ей премию за участие в фильмах «Майами Блюз» и «Последний поворот на Бруклин». Но сделать ее по-настоящему популярной у публики, видимо, сможет фильм режиссера Барбета Шредера «Единственная белая женщина», невероятно сексуальный новый триллер, в котором она играет повивальную жизнь дна подружки Бриджет Фонды по комнате в общежитии. Этот фильм не только поднимет ее на ступеньку выше таких известных кинозвезд, как Джейми Ли Куртис, Мэри Стюарт

Мастерсон, но поставит вровень с актрисами типа Джоди Фостер.

Зная о том, что Ли относится к прессе с предубеждением, прямо пропорциональным количеству хвалебных рецензий, посвященных ей, я не совсем представлял, чего можно ожидать от нее при нашей первой встрече.

И вот она появляется в темной спортивной куртке поверх хлопчатобумажной блузки, и нельзя не ощутить острую чувственность ее полноватых губ и пытливую смывленность ума. Я решаюсь начать разговор без подготовки и вспоминаю сцену из фильма «Единственная белая женщина». В этой сцене Ли среди ночи надевает платье своей подружки и пробирается в темную комнату общежития, где будит ее приятеля (его играет Стивен Вебер) с предложением заняться любовью.

Поклонники Ли не удивятся ни тому, как хорошо она сыграла в этом фильме, ни какой невероятно опустошенной выходит она после сыгранных ею сексуальных сцен, — это разбитое дитя, так западающее вам в душу.

— Я только что увидела интервью, которое записала на видео для прессы, чтобы сделать рекламу фильму, и я отвечаю там на все вопросы. — Тут Ли прерывается, затем, встряхнув головой и как бы оживив воспоминания, продолжает:

— Видишь ли, мы только что закончили съемку, и я казалась еще такой нелепой... скажем, этот образ еще сидел внутри меня, подобно вирусу. Я никогда не думала, что во время съемок мне будет легко. Ведь процесс поглощает меня целиком. Но я никогда не думала раньше, как он может изменить меня в повседневной жизни.

Пока Ли ожидает от меня ответа — станет ли она всеми любимой звездой экрана, она не без любопытства слушает, как я зачитываю вслух то, что про нее пишут в разных изданиях: «Одна из наиболее проникновенных актрис поколения...», «круглолицая», «критика от нее в восторге, но поклонников среди публики не очень много...», «ее звезда восходит», «подобна хамелеону» и т. д.

Я спрашиваю Ли, а не «хамелеон» ли она в самом деле — в одном фильме она — снедаемая страстью блондинка, в другом — потасканная брюнетка, в следующем — рыжеволосая распутница, — что вполне объясняет, почему зрители никак не могут определить, какая же она, черт возьми, на самом деле.

— Прием «хамелеона» — это мое, — соглашается она. — Я не люблю быть актрисой одного амплуа (одного характера), люблю создавать у зрителя ощущение неопределенности относительно образов, которые я

буду играть от фильма к фильму, поскольку он наблюдает за характером, который я играю, а не за мной. Когда читаешь или слышишь людей, пишущих о тебе, испытываешь состояние отчужденности. Я не ищу внимания к своей персоне. Я не из тех, у кого масса поклонников или о ком говорят шепотом в ресторанах. Я не думаю, что я уже признана до такой степени. Возможно, некоторые и хотели бы видеть меня таковой. Идеальным вариантом для меня было бы сыграть все замечательные образы и исчезнуть из поля зрения в широком смысле. — После паузы она добавляет смеясь: — Могли бы и не называть меня «круголицей».

Подобно своим партнерам, таким актерам, как Эрик Стальц (с которым она снялась в фильмах «Бурные времена в школе Риджмонт» и «Сестра, сестра» и была серьезно им увлечена), Шан Пенн (еще один актер, сыгравший выпускника школы в фильме «Бурные времена в школе Р...»), Джейсон Патрик (ее партнер по фильму «Поспешное бегство»), Ли продумывает в мельчайших деталях любые роли, даже второстепенного плана. К примеру, она так описывает свою встречу с режиссером фильма «Последний поворот на Бруклин» Ули Эделем:

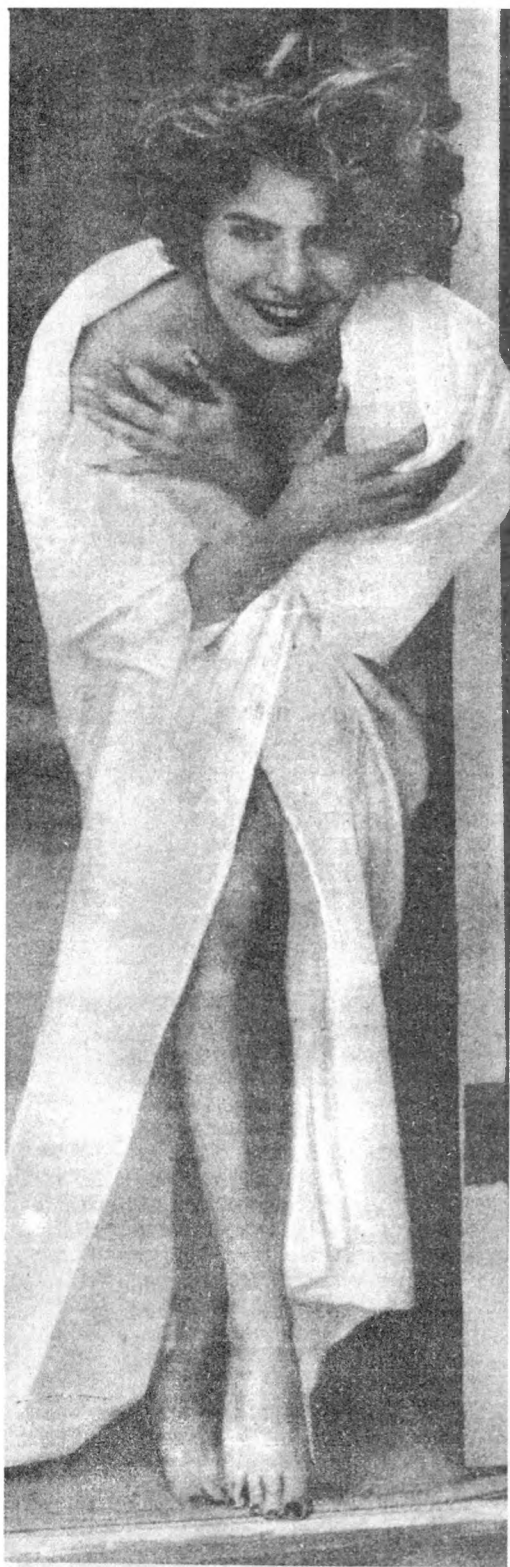
— Что уж мне не хотелось делать, так это притворяться, что у меня громадный бюст, как того требовал образ героини по книге. Тем не менее я пришла на встречу с режиссером в плотно обтягивающем платье, чтобы он мог увидеть мою фигуру; к тому же я курила по-страшному, стремясь проникнуться ощущениями своей героини. Режиссер постоянно давал мне немецкие сигареты без фильтра, и сердце мое отчаянно билось, и я думала, что мне пришел конец. Я была практически без грима. Да еще посадила себе несколько синяков. Пару раз ударилась о край двери, заработав синяки на руке, ноге и шее,— говорит она так спокойно, как будто это самое привычное дело. Затем смеясь добавляет: — Понял?! Нет, если пользоваться гримом, то сделать синяки — сущий пустяк».

Чтобы заполучить роли, Ли преодолевает такие трудности, которые ничто в сравнении с тем, что происходит после того, как она получает их. Она описывает до мельчайших деталей, как вырабатывала в себе ощущения человека, начисто утратившего аппетит. Чтобы сыграть роль девушки-подростка, страдающей этим недугом в фильме «Лучшая малышка в мире», она похудела до 86 фунтов (около 40 кг). Перед тем как сыграть роль в фильме «Бурные времена в школе Р...», она поработала в пиццерии

Шерман Оукс, чтобы понаблюдать за поведением учениц школы, постоянно заходивших туда. В течение пяти дней она пролежала на полу полураздетой при низкой температуре, чтобы подготовить себя к съемкам сцены изнасилования в фильме Пола Верховена «Плоть+Кровь». Она ведет подробные записи в дневнике по поводу каждого фильма от имени каждого из своих персонажей. И я думаю, если Мартин Скорсезе попросит Ли сыграть роль Святой Жанны, то ей не придется обращаться за советом к самому Иисусу.

Чтобы войти в образ единственной оставшейся в живых из сестер-близнецов в фильме «Единственная белая женщина», Ли в течение шести недель изучала медицинские карты психически неуравновешенных людей,

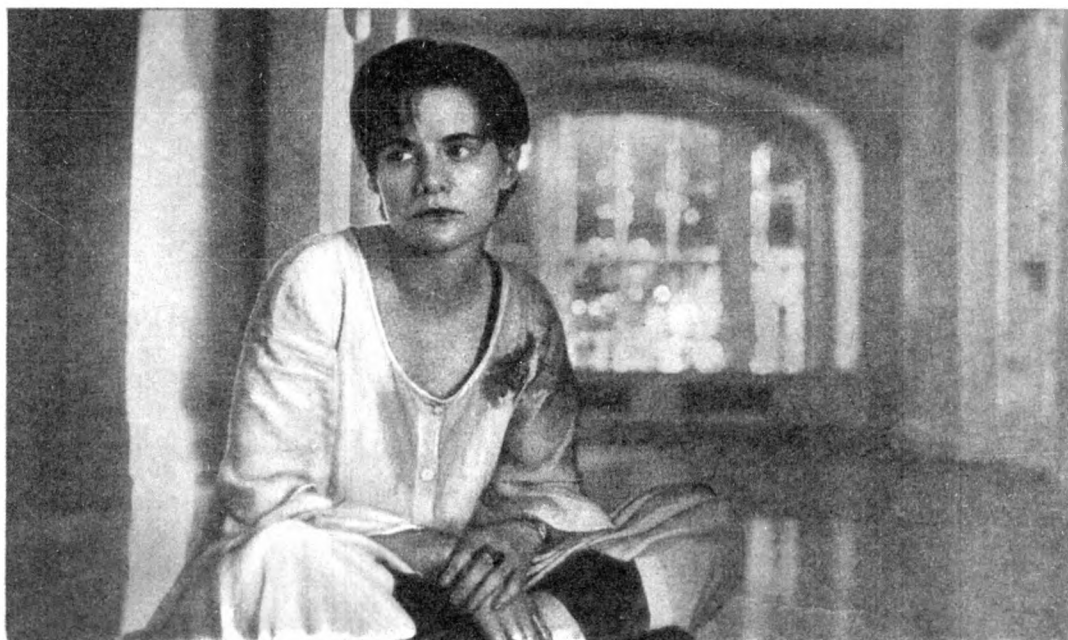

наблюдала по телевидению серию передач, где показывали жизнь близнецов, а также беседовала со многими близнецами и их психиатрами. Готовя себя к съемкам в фильме, она увешала стены своей артистической уборной фотографиями Фонда, объект особого внимания ее персонажа.

— Из всего того, что я изучила, можно понять, какие чувства испытывает моя героиня, которая, подобно сиаемскому близнецу, останется совсем одна, без возможности соединиться вновь со своей второй половиной. Как если бы все ее внутренности вывалились наружу. И вот, благодаря фотографиям, я проделала массу приемов по «разделению лица», то есть брала две фотографии и составляла из них одну — с моими глазами и ртом второго персонажа. Та предварительная подготовка, которую я делаю, предназначена только для меня. Это указывает мне истинный путь, по которому идти. Я часто открываю что-либо новое, что помогает мне в создании определенной сцены. Я наблюдала за игрой Оливии де Хэвилленд в фильме «Тусклое зеркало», где она изображает обеих сестер-близнецов, которые хранят во избежание путаницы на шею амулеты с выгравированными на них именами. И, конечно, видела документальную картину «Город близнецов», в котором повествуется о близнецах, собирающихся в одном месте со всех концов страны.

Я спрашиваю Ли о том, часто ли она звонит режиссерам, с которыми бы ей хотелось работать, предлагая себя на роли в их фильмах, как это, к примеру, делает Эллен Баркин. «Я знаю, что она это делает, — отвечает Ли, — но я робкий человек, мне это сделать действительно трудно. У меня другой, более мягкий подход. Я звоню своему агенту и говорю: «А чем сейчас занимаются братья Коэн? Есть ли у них что-либо интересное для меня?» И все же она преодолела свою робость, когда встречалась с Полем Верховеном по поводу участия в его фильме «Главный инстинкт». «Он посчитал, что я была слишком молода для роли в фильме, — замечает Ли. — И хотя Шарон Стоун не намного старше, она больше походит на взрослую женщину, чем я».

Позднее уже сама Ли отвергала многие из предложений, сделанных ей. Она отказалась даже ознакомиться со сценарием «Их собственная Лига», так как, по ее словам, не приемлет саму идею отбора актрис для участия в фильме на основе «состязательности, как при игре в мяч». С другой стороны, она, отказавшись от участия в фильме «Секс, обман и видеозапись» в пользу «Майами Блюз», пожалела, что не участвовала в нем. «Правда, я бы не смогла сыграть лучше, чем это сделала Лаура Сан Джако-

Кадр из фильма «Единственная белая женщина»

мо», — заметила Ли.

Роль в фильме «Последний поворот на Бруклин» вынудила Ли отказаться от участия в сценической постановке «Лулу», главная роль которой в кино сделала знаменитостью Луизу Брукс. Ли испытывала особые чувства к ней, как к чаровнице немого кино, что осталось у нее и до сих пор. Она призналась, что для роли в фильме «Большая картина» постриглась и выкрасила волосы, чтобы походить на нее; и зрители говорили: «О Боже, она так похожа на Луизу Брукс». Ли нравилась сама себе в этом виде. И в случае если кто-либо из режиссеров захотел бы попробовать ее на роль этой звезды, она бы сыграла «что-нибудь высокое и трагическое из ее жизни».

При упоминании роли неопрятной городской подруги сексуального парня Билли Болдуина из фильма «Вновь призванный» — Ли смотрит на руки и бормочет: «Это больно. Самое странное, что это даже не я, поэтому я и забываю, что участвую в этом». Нетрудно понять, почему у Ли остались лишь отрывочные воспоминания о фильме — в его сценах она выглядит какой-то отключенной. Ли объясняет: «Рон Говард был невероятно добр и терпелив в работе со мной. Он был настойчив в том, чтобы я сыграла эту роль. А я его подвела. Многие говорили мне, что я должна прекратить играть роли женщин с нелегкой судьбой; но эта роль тоже не для меня. Это научило меня тому, что я не должна

изображать характер, к которому у меня нет внутреннего влечения».

По-настоящему ее ролью оказалась роль полицейского-наркоманки в фильме «Поспешное бегство», который был менее кассовым, чем фильм «Вновь призванный». Этот фильм свидетельствовал о росте ее как актрисы. Ли говорит: «Когда оказалось, что моя первая большая картина «Бурные времена в школе Риджмонта» пользуется большим успехом, я была такой наивной, что подумала: все картины должны иметь успех. Но уже через два года поняла, что почти каждый фильм, в котором я снималась позднее, не был кассовым. Некоторые из них просто были не очень хорошими».

Ли сначала удивила, а затем развеселила моя просьба рассказать о самых приятных для нее партнерах в любовных сценах — ведь среди них были такие звезды экрана, как Эрик Стольц, Джейсон Патрик и братья Болдуин — Алек и Билли, с которыми она снялась по очереди в фильмах «Майами Блюз» и «Вновь призванный». Смеясь, Ли сказала:

— Среди них немало хороших «любвишников», я только боюсь, что после этого интервью они заявят — значит тебе нравится целоваться с тем-то и так-то? Отличными исполнителями таких ролей были братья Алек и Билли. Играя с Алеком, чувствуешь себя как при катании на американских горках. Он завораживает тебя, невероятно за-

бавен, полностью раскован, без всяких комплексов, ему можно довериться. Это — один из тех редких моментов, когда ты действительно веришь, что твой партнер именно тот, кого он играет. Мы, конечно, не занимались любовью на съемках, но наши любовные сцены выглядели как настоящие. Удовольствие играть в таких сценах доставлял и Фатгер Хауэр в фильме «Плоть + Кровь». Это были самые теплые, раскованные мгновения, когда я полностью могла довериться актерам, с которыми играла. Случалось и наоборот. В любовной сцене в «Бурных временах в школе Р...» актер Роберт Романус был очень суров. Он даже не смотрел на меня и во время поцелуев жевал жвачку. Если между эпизодами я дотрагивалась или гладила его, он вздрагивал, и я поняла, что он, как и я сама, был страшно напуган, хотя, на самом деле, любовные сцены не должны вызывать такое состояние.

Ли не баловала журналистов рассказами о своей личной жизни с тех пор, как выступила в прессе по поводу фильма «Лучшая малышка в мире», где Ли заменила бывшую выпускницу Йельского университета — Джоуди Фостер. Тогда ей было 19 лет, и ее сфотографировали для журнала «Пипл» в самой непринужденной позе с 35-летним актером Дэвидом Дьюком, которого она назвала «надежным, великолепным, бескорыстным».

— Прочитав статью в журнале, — вспоминает Ли, — я почувствовала, что меня тошнит. Тогда же я дала себе слово, что никогда не буду делиться ни с кем ни своей, ни чужой личной жизнью. Когда я иду на съемку, об этом вообще ничего не хочу знать, ибо это мешает. Когда я смотрела фильм «Филадельфийская история», была рада, что ничего не знала «о темных сторонах» жизни Гарри Гранта. Я чувствую себя неловко даже тогда, когда читаю статьи, где люди рассказывают о своих романтических приключениях.

Участвуя в фильме ужасов «Сестра, сестра», Ли была увлечена Эриком Стольцом, имя которого теперь упоминают в связи с партнершей Ли по фильму «Единственная белая женщина» Бриджет Фонда. Что она об этом думает?

— Я бы хотела, чтобы мое имя никогда не появлялось в светских колонках сплетен по поводу того, кто с кем спит, — говорит актриса.

Ли дает понять, что тяжелые воспоминания, которые остались у нее от разводов ее матери, сценаристки Барбары Тернер («Война между Тейтами»), сначала с ее отцом, покойным Диком Морроу, а затем с телевизионным режиссером, не лишили ее осмыслительности. По словам Ли, «развод — это ужасная, просто ужасная вещь, и ребенок

в такой семье с трудом верит в хорошую жизнь в замужестве. Я не думаю, что когда-либо выйду замуж по прихоти; я должна точно поверить в необходимость этого и сделать это на всю жизнь».

Я поинтересовался, была ли Ли и в детстве такой же независимой и замкнутой. Она выросла в элитарном консервативном районе Лос-Анджелеса, в Пасифик Палисейдс. После учебы в частной фешенебельной школе Оуквуд провела два года в школе-десятилетке Пали.

— Спросите любого, с кем я училась, — говорит Ли, — и они, возможно, и не вспомнят меня, ибо я изнывала в школе от тоски и пропускала дни учебы, когда у меня не было спектаклей. Я всегда ждала с нетерпением часы после занятий в школе, когда начнутся репетиции в актерском классе. Меня часто мучил желудочный грипп, так что мне приходилось оставаться дома, и тогда я смотрела старые фильмы типа «Мой мужчина Годфри» или «Милдред Пиерс» целый день.

Ли ушла из средней школы, чтобы посвятить себя полностью актерским занятиям, и провела целое лето, изучая актерское мастерство в Вильямстоуне, штат Массачусетс.

— Я помню, — говорит Ли, — как однажды, просидев на телефоне 45 минут, я опоздала на занятия, что было уже достаточным основанием для того, чтобы меня выгнали из школы. Тогда я сказала, что мои родители разводятся и у меня полная сумятица в голове. Мне дали два дня на поездку домой. Когда я приехала, то обнаружила, что мать и отчим действительно разводятся.

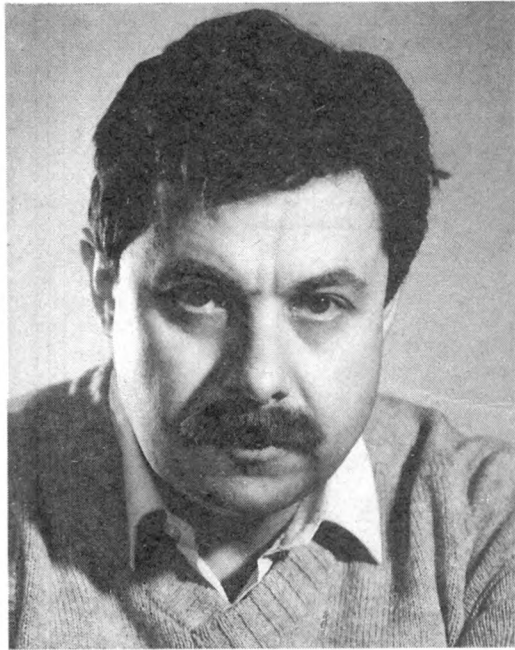
Ли вспоминает, как получала премию кинокритиков Нью-Йорка за участие в фильмах «Майамин Блюз» и «Последний поворот на Бруклин».

— Все, что от меня требовалось, так это подняться и принять награду, но я думала, что потеряю сознание. Искусство — моя жизнь, мой единственный способ общения с внешним миром. Я способна воплотить любой образ, если героиня чувствует себя свободной и раскованной, особенно в той ситуации, в которой я бы, по многим не зависящим от меня причинам, вестись себя подобным образом не смогла. А вот предстать перед людьми такой, какая я есть на самом деле, — это ужасно!

Я посоветовал ей как можно быстрее преодолеть это состояние робости, так как чувствую — рано или поздно ей придется выйти на сцену, чтобы получить премию «Оскар». Одно упоминание об этом заставляет ее еще глубже вжиматься в кресло.

Перевод М. Петрухиной

АЛЕКСАНДР ЧЕРВИНСКИЙ

КАК ХОРОШО ПРОДАТЬ ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ

3

ЗАМЫСЕЛ

Вы уже слышали о существовании в Голливуде литературных агентов, без которых ваш сценарий никуда не попадет. Так вот, к известному, а значит, хорошему, агенту сценарий тоже попадает не так просто. Сначала его читает получающий за это приличную зарплату специальный сотрудник агента, так и называющийся — «читатель». И первое, что этот «читатель» слышит, поступая на службу — это слова агента: «Девяносто девять из ста сценариев, попадающих сюда, ничего не стоят. Твоя зада-

ча — найти один из сотни, о котором можно хотя бы поговорить».

Будущий «читатель» думает, что его босс или шутит, или жутко циничен. Ему кажется, что, по крайней мере, половина авторов, взявших на себя труд написать сценарий, имеют предложить нечто заслуживающее внимания — талант по меньшей мере, даже если он не полностью реализовался в этом сценарии. Ну не половина, так хотя бы четверть...

Увы, «читатель» ошибается.

После прочтения первых сотен сценариев он понимает, что агент был слишком оптимистичен. Редко выпадает день, когда среди прочитанных сценариев попадается мало-мальски заслуживающий дальнейшего изучения.

И тут же становится ясно, что из 99 отвергнутых сценариев 90 попадают в это число по двум причинам:

Первая — неправильная запись. Автор не удосужился изучить несложные правила стандарта расположения текста сценария на бумаге (об этом подробно позже).

Вторая — очевиднейшая слабость самого замысла. Читая один за другим сценарии, «читатель» поражается сходству большинства лежащих в их основе «задумок» и самонению авторов, уверенных, что их замысел может кого-то заинтересовать, кроме их самих и их собственных любящих мам. Если замысел представляет хоть какой-то интерес с точки зрения его оригинальности, художественности или коммерческого потенциала, шансы автора подскакивают сразу процентов на 10.

В этой главе будет рассказано о качествах, которые должны быть присущи вашему замыслу, чтоб он попал в эти 10 процентов.

ПОИСК ОРИГИНАЛЬНОЙ ИДЕИ СЦЕНАРИЯ

Придумывание истории начинается с предположения: «А что, если...» Сценарист думает о характере, ситуации или событии и начинает размышлять: а что, если случится то-то и то-то?..

Что, если третьеразрядный боксер получит шанс на поединок с чемпионом мира в тяжелом весе? («Рокки»).

Что, если пришелец из космоса подружится с земным мальчишкой? («Инопланетянин»).

Что, если попытаются разгадать загадочные слова, произнесенные перед смертью газетным магнатом? («Гражданин Кейн»).

Даже в исторических сюжетах необходимо ставить такой же вопрос. Что, если никому не известный индийский пацифист выступит против всей мощи Британской империи? То, что такое событие имело место, дает автору заранее известный ответ, однако именно такая постановка вопроса создала сценарию «Ганди» его художественный и коммерческий потенциал.

Ваши размышления на тему «А что, если...» приведут вас к фабульной ситуации (пожар в небоскребе в «Аде в Поднебесье», город, терроризируемый акулой в «Челюстях»). Затем вы начнете искать характер, чтобы лучше рассказать вашу историю, или сюжет, чтобы лучше выразить качества вашего героя).

КАК ДОЛЖЕН ЗВУЧАТЬ ЗАМЫСЕЛ ИСТОРИИ

Замысел должен укладываться в одну фразу: Это история про _____, который _____.

Первый промежуток — это ваш герой или герои, второй промежуток — обозначение ДЕЙСТВИЯ. Например. Это история про романтически настроенную писательницу, которая хочет спасти свою сестру и влюбляется в искателя приключений («Роман с камнем»). Если вы не проспали уроки литературы в старших классах средней школы, наверное, вы узнаете здесь подлежащее и сказуемое. (А вы-то надеялись, что никогда больше не услышите этих слов, ай-яй-яй, стыдно!) Каждый фильм или телевизионная серия состоит из кого-то (персонаж), который делает что-то (действие). Когда вы соединяете два эти элемента, у вас возникает идея истории, которая может быть выражена в заветной фразе: «Это история про _____ (персонаж), который _____ (действие).

На самом деле фраза эта таит в себе большее: каждый персонаж или персонажи в каждом фильме или телевизионной серии хотят нечто зримое. Например. Это история про женщину, которая хочет выращивать кофе в Кении и влюбляется в знаменитого охотника («Из Африки»). Или это история богатого торговца вешалками для одежды из Беверли Хиллз, который хочет дружить с бомжем («Бродяга из Беверли Хиллз»).

Ясная мотивировка действия главного персонажа или персонажей является краеугольным камнем сценария.

Каждая грань вашего будущего сценария изначально определяется персонажем и мотивировкой. Идея истории, развитие характера, построение сюжета, всякая отдельная сцена имеют отношение к мотивировке действия главного действующего лица.

Трудно переоценить важность ясно выраженной идеи истории. Каждое слово сценария рождается из ясно выраженной мотивировки.

ОТКУДА БЕРУТСЯ ИДЕИ

Как вы сами понимаете, выразить в одной фразе замысел хорошего сценария не так просто. Очень даже не просто создать характер и выразить его действием. В редких и счастливых случаях муза шепнет вам на ухо, и идея истории придет к вам сама собой в едином озарении. Если это произойдет,

постарайтесь овладеть этой ситуацией и продлить ее как можно дольше, но не впадайте в уныние, когда это спонтанное озарение потухнет. Большой частью творческий импульс не так легко достижим и нуждается в постоянном и непрерывном подталкивании для извлечения жизнеспособных идей.

Все авторы учебников настоятельно рекомендуют завести тетрадь за 49 центов (вещь для нас труднодоступная, обойдемся нашей родной общей тетрадью). Они советуют не расставаться с нею ни при каких обстоятельствах. И тогда, где бы ни приходила вам в голову идея сюжета, черта характера или поворот ситуации — записывайте сразу. Чем скорее вы разовьете привычку записывать все, что когда-либо так или иначе сможет послужить материалом для сценария — тем легче вы научитесь вырабатывать жизнеспособные идеи.

Заметьте — здесь речь идет вовсе не о хорошей, а о любой идее. На стадии мозговой атаки вам важнее не качество, а количество. Позже мы обсудим, как из многих замыслов выбрать лучший, но на сей момент не тормозите процесса попытками судить о качестве идей. Просто научитесь замечать, обдумывать и записывать ВСЕ.

Естественно, просто записывать идеи, характеры и ситуации так, как они предстают перед вами — это еще не все. При этом вы должны активно искать и другие источники ваших будущих историй. Другими словами, когда у вас нет идеи истории, годной к разработке, обратитесь к следующим источникам стимулирования вашего воображения и обратите внимание, что у всякого источника есть свои достоинства и свои проблемы.

Продолжение следует

Ф. СП-1

Министерство связи РФ
ГПС «Моспочтамт»

АБОНЕМЕНТ на
 (индекс издания)

Киносценарии
(наименование издания) Количество комплектов:

на 1993 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
					X	X	X	X	X	X	X

Куда:
(почтовый индекс) (адрес)

Кому:
(фамилия, инициалы)

доставочная карточка

на
 (индекс издания)

Киносценарии
(наименование издания)

Стоимость	по каталогу	285 руб. 00 коп.	Кол. комп.
	доставку за	__ руб. __ коп.	

на 1993 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
					X	X	X	X	X	X	X

Куда:
(почтовый индекс) (адрес)

Кому:
(фамилия, инициалы)

СОДЕРЖАНИЕ

КИНОРОМАН

- 3 *Рустам Ибрагимбеков, Никита Михалков* «СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК»
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
- 19 *Эдуард Тополь* «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
ИЗ КЛАССИКИ СОВРЕМЕННОГО КИНО
- 53 *Любовь Алова, Ольга Быстрова* «НЕИСТОВЫЙ ПЬЕР ПАОЛО»
- 55 *Пьер Паоло Пазолини* «ПТИЦЫ БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ»
ПРОДАЕТСЯ СЦЕНАРИЙ
- 83 *Марина Мареева* «ПРИНЦЕССА НА БОБАХ»
ЗАЯВКИ-ПОБЕДИТЕЛИ
- 107 *Александр Миндадзе* «БОЛЬШАЯ ПОСТАНОВКА ЖИЗНИ»
- 111 *Ираклий Квирикадзе* «ОТТО»
- 113 *Валерий Залотуха* «ВЕЛИКИЙ ПОХОД ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ИНДИИ»
ИЗ ЖИЗНИ ЗВЕЗД
- 117 *София Лорен*. ИСТОРИЯ ЕЕ ЖИЗНИ
- 167 *Стефан Ребелло* «АКТРИСА С ДАРОМ БЫСТРОГО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ»
РАССКАЗЫ КИНОДРАМАТУРГОВ
- 139 *Валентин Черных* «ОЧЕНЬ СЛАБАЯ ЖЕНЩИНА»
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА
- 147 *Виктор Демин* «ВОЯЖ С ДЕМОКРАТОМ», «РОЗОВАЯ ЧАЙКА»
ИНТЕРВЬЮ
- 156 *Ирина Геерк* «ДОЖДЬ ЭТО ПРОСТО ДОЖДЬ» («Встреча с Андреем Тарковским»)
БИЗНЕС В КИНО
- 173 *Александр Червинский* «КАК ХОРОШО ПРОДАТЬ ХОРОШИЙ СЦЕНАРИЙ»

**Вы можете подписаться в редакции
и получать каждый номер за 65 руб.**

Гл. редактор Н. РЮРИКОВА

Редакционно-общественный совет: В. АЗЕРНИКОВ, Э. АКОПОВ, И. ВАСИЛЬЕВА, А. ГРЕБНЕВ, А. ИНИН, Е. КЛЕЙНЕР, А. КРИНИЦЫНА, А. МАМИЛОВ, А. МЕДВЕДЕВ, В. МЕРЕЖКО, Н. РЯЗАНЦЕВА, М. СЕРГИЕНКО (отв. секретарь), П. ФИНН, В. ФРИД, А. ЧЕРВИНСКИЙ, В. ЧЕРНЫХ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Сдано в набор 10.03.93. Подписано к печати 7.04.93. Формат 70×100¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,87. Усл. кр. отт. 128,7. Печать офсетная. Бумага типогр. «Сыктывкар». Гарн. «Таймс.» Заказ № 397

Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., 12
Телефон: 299-11-78

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

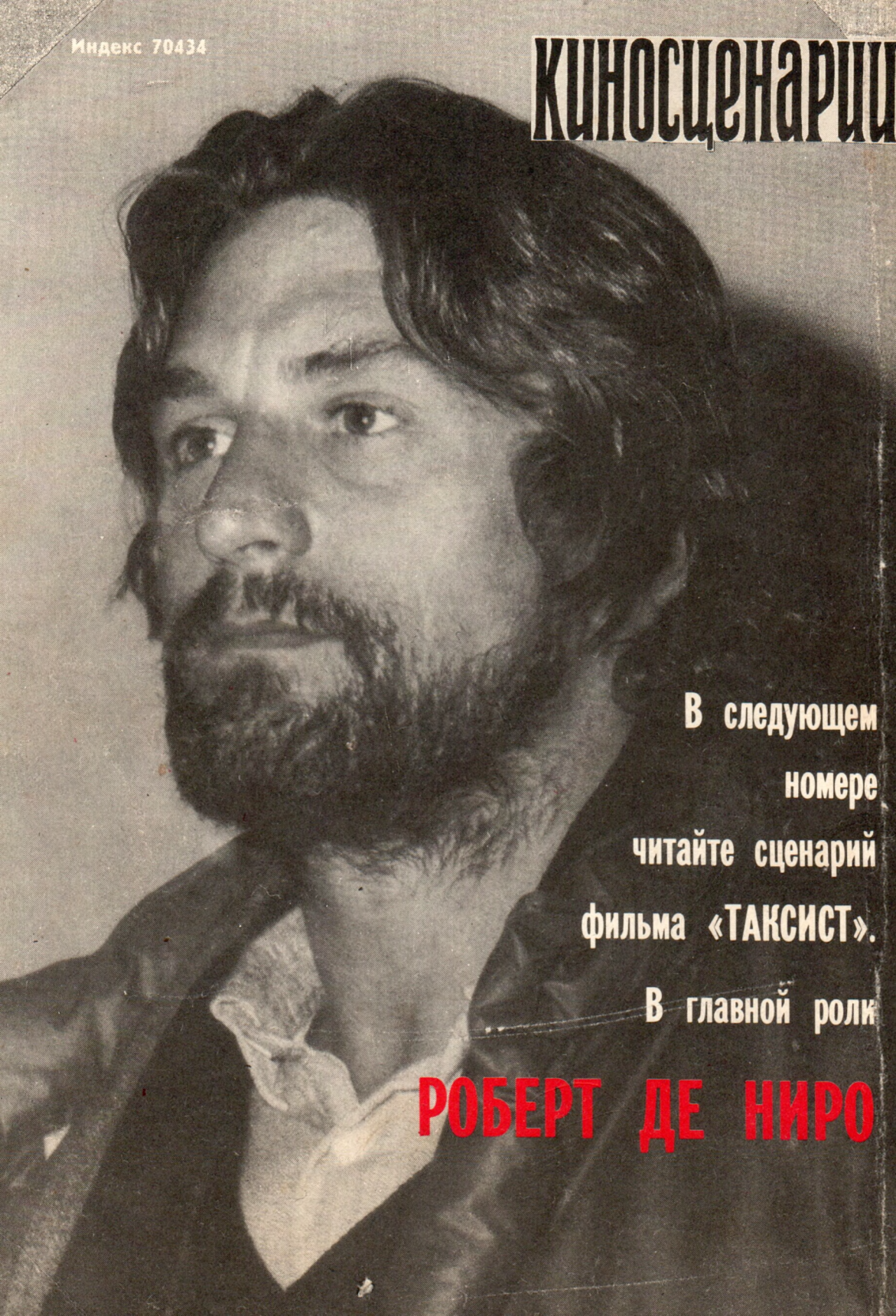
София Лорен. История ее жизни

София сама играет свою мать и самое себя — в юности, в первых киноопытах и уже в славе, в романе с Кэри Грантом и в браке с Карло Понти и, наконец, в испытаниях, через которые она решается пройти, чтобы родить ребенка...

Индекс 70434

КИНОСЦЕНАРИИ

В следующем
номере
читайте сценарий
фильма «ТАКСИСТ».

В главной роли

РОБЕРТ ДЕ НИРО